

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Фрэнк ХЕРБЕРТ

ПЕРВЫЕ ВОЙНЫ ПУСТЫНИ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

1*

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежная
остросюжетная
фантастика**

ФРЭНК ХЕРБЕРТ

ПЕРВЫЕ ВОЙНЫ ПУСТЫНИ

TALLINN "MELOR"

1994

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериалы «Звездные войны» и "Войны пустыни" являются интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняются Законом.

Перепечатка данных сериалов с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

ФРЭНК ХЕРБЕРТ.

"Первые войны пустыни". Перевод с англ. Составитель А.Саяпин. Таллинн: "Мелор". 1994, 416 стр. ил. / "Библиотека зарубежного криминального романа". Выпуск 1* /.

Таллинское издательство "Мелор" хорошо известно читателям по сериалу "Звездные войны" открывает новый подсериал под названием "Войны пустыни"...

На затерянную в глубинах космоса, изнывающую от зноя планету Арракис, решением Совета планет Империи в качестве ее повелителя направляется Герцог Лито. Планета представляет собой огромную безводную пустыню, поверхность которой населена гигантскими червями, являющимися смертельной опасностью для всего живого. Они выделяют меланж — сильнодействующее наркотическое вещество, представляющее собой огромную ценность для Империи.

Барон Харконнен, изгнанный с Арракиса за жестокость и злоупотребление властью, не может примириться с потерей колоссальных источников доходов. На похищенные у Империи деньги он нанимает отряд сардукаров — безжалостных убийц, равных которым не существует в Галактике. Десятки космических кораблей с сардуками на борту ждут сигнала к началу атаки на планету Арракис...

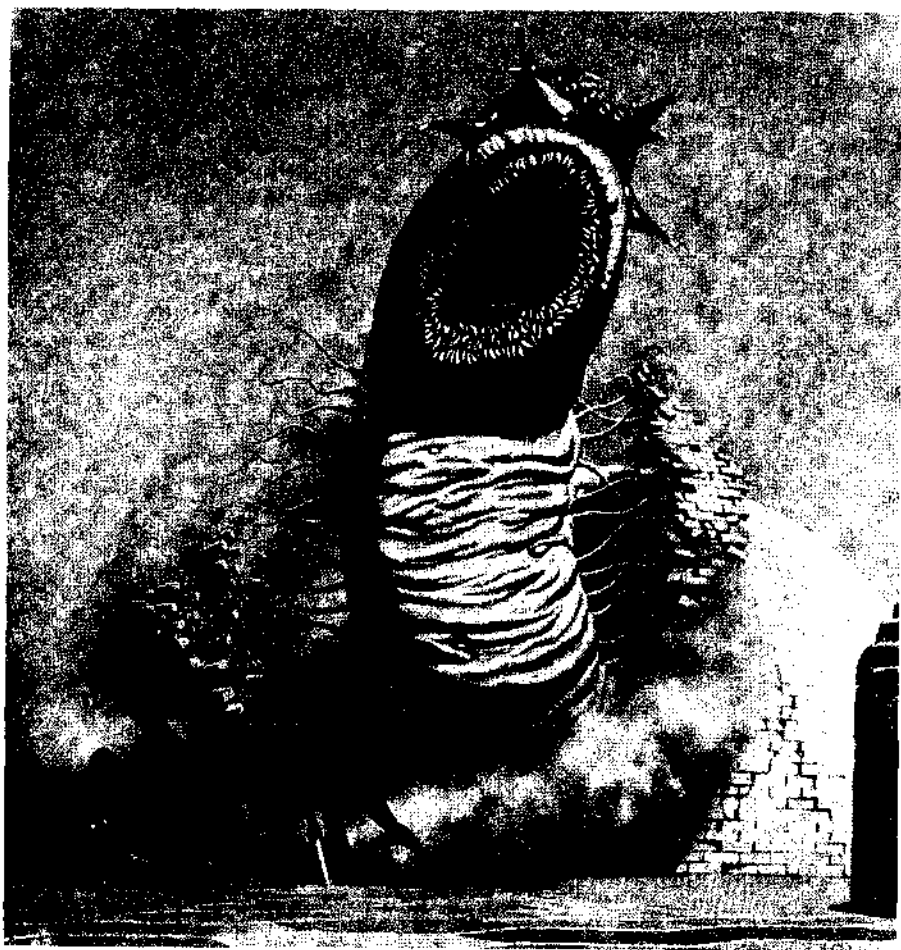
ИТАК, "ПЕРВЫЕ ВОЙНЫ ПУСТЫНИ"...

И 470310100-014
8У3/03/- 94

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-87005-014-6

© «МЕЛОР», 1994г.

ДЮНА

С самого начала надо позаботиться о своем месте в жизни, чтобы не уподобиться маятнику. Это знает каждая сестра Бене Гессери и Муад Диб Империи надишаха Шаддама IV. Особое внимание надо обратить на то, что он жил на планете Арраки. Пусть не введет вас в заблуждение, что он родился на Келадане, где и провел первые пятнадцать лет. Но настоящая его родина — Арраки, планета, более известная под названием «Дюна».

Все, что вы здесь прочтете, нам рассказала принцесса Ирулен.

ОТЪЕЗД

За неделю до отъезда на Арраки, когда предотъездная суэта достигла апогея, наставница пришла навестить мать Пола.

Ночь в замке Келадан была жаркой, но груда камней, служивших домом уже двадцати шести поколениям семьи Атридесов, дышала той же приятной прохладой, которая была им свойственна несмотря на жару снаружи.

Старуха открыла боковую дверь и прошла под сводом темного коридора к комнате Пола, заглянула в нее и стала рассматривать лежащего в постели ребенка.

При затемненном свете лампы, висящей у самого потолка, разбуженный шумом мальчик различил маячившую у двери на шаг впереди матери грузную женскую фигуру.

Старуха более всего походила на ведьму: волосы, как спутанная паутина, спускались на темное лицо, глаза сверкали, словно два драгоценных камня.

— Не мал ли он для своего возраста? — спросила старуха. Ее голос был хриплым и гнусавым.

— Всем известно, что в нашей семье взрослеют поздно, Ваше Преподобие, — ответила мать Пола своим мягким контральто.

— Слышала, слышала, — прохрипела старуха. — Но ему уже пятнадцать лет.

— Да, Ваше Преподобие.

— Он проснулся и слушает нас, — сказала старуха. — Вот маленький лукавец. — Она хихикнула. — Но хитрость и нужна нашему королевству. И если он действительно Квизац Хадерах, тогда...

В тени своей кровати Пол лежал затаившись. Два по-птичьих ярких овала — глаза старухи — казалось росли и увеличивались, проникая в его душу.

— Спи спокойно, — сказала старуха, — завтра тебе понадобятся все твои силы и способности для встречи с моим Гом Джаббером. — И она ушла, оттолкнув его мать, с треском захлопнув за собой дверь.

Разбуженный Пол лежал и думал о том, кто же это такой Гом Джаббер.

Из всего увиденного самым странным для него было поведение старухи — она обращалась с его матерью как со служанкой, а не с леди Бене Гессери — матерью наследника Герцога. Может, Гом Джаббер имеет какое-то отношение к Арраки? — размышлял он.

Завтра ему предстояло многое узнать.

АРРАКИ-ДЮНА — ПУСТЫННАЯ ПЛАНЕТА

Зуфир Хават, магистр убийств на службе у его отца, как-то объяснил ему: Харконнены с Арраки — их смертельные враги. Сама планета их — феодальное владение, служившее им для обогащения по контракту, заключенному с СНОАМ. Теперь Харконнены удалились, чтобы быть замененными домом Атридесов — явная победа Герцога Лето. Да, говорил Хават, этот человек — грозная опасность для всех, потому что он пользовался большим расположением в доме Ландсраат. Человек же, пользующийся таким расположением, имеет все больше и больше власти, говорил Хават.

Пол снова заснул. Ему снились арракинские пещеры, молчаливый народ, движущийся вокруг него в тусклом свете осветительных шаров. Там было утрюмо, похоже на церковь, и он слышал где-то вдалеке слабый шум воды. Даже во сне Пол понимал, что будет вспоминать этот шум и тогда, когда проснется. Почему-то сны его всегда исполнялись. Пол это хорошо знал.

И вот сон растаял. Пол проснулся и ощутил тепло своей постели, но тяжелые размышления не оставили его. Мир Кастля Келадана, без игр, без друзей, не принесет ему печали при расставании. Доктор, его учитель, намекал на то, что на Арраки ему будет свободнее. Люди, нашедшие приют в пустынном краю, жили свободно, без власти над ними Кейдосики-башаров. Люди песков называли себя Свободными, все они не были зарегистрированы в Империял Регенте.

Почувствовав, насколько все в нем напряжено, Пол решил воспользоваться одним из уроков, которым обучила его мать. При быстрых вдохах, сопровождающихся концентрацией воли, он впадает в состояние протрации... направленное сознание, сосредоточенное по желанию... кровь, обогащенная кислородом, устремляется в самые отдаленные области тела... безопасность не достигается одним лишь животным инстинктом... животное сознание не имеет власти ни над данным моментом, ни над мыслью, ни над телом, животные удовольствия не захватывают власть над сознанием... человек нуждается в изначальном устройстве, которое дает ему возможность увидеть самого себя... концентрирует сознание по своему выбору...

Когда заря желтым светом тронула окна комнаты, Пол ощутил луч света закрытыми веками. Он открыл глаза, и сразу же услышал звуки суматохи и беготни в замке.

Дверь, ведущая в холл, открылась и в нее бесшумно проскользнула

мать. Черная лента поддерживала на ее затылке волосы цвета бронзы, лицо было бесстрастным, глаза зеленого цвета — серьезные.

— Ты проснулся? — тихо спросила она. — Хорошо ли ты спал?

— Да.

Достав из шкафа полуформенную куртку, она повернулась к нему. Над нагрудным карманом куртки был вышит красный ястребинный клюв — герб Атридесов.

— Поторопись, — сказала она. — Преподобная Мать ждет тебя.

— Я как-то видел ее во сне. Кто она?

— Она была моей учительницей в школе Бене Гессери. Сейчас она Предсказательница Правды Императора. Ты... — заколебалась она, — ты должен рассказать ей о своих снах.

— Ладно. Это из-за нее мы едем в Арраку?

— Мы не получили еще Арраки. — Она встряхнула форменные брюки и повесила их рядом с курткой. — Поторопись, не заставляй Преподобную Мать ждать.

Пол сел, потирая колени.

— Кто такой Гом Джаббер?

И снова он уловил ее почти незаметное колебание, нервное напряжение, в котором он почувствовал ее страх.

Джессика подошла к окну, отдернула шторы и посмотрела в сад.

— Ты скоро о нем узнаешь.

Он уловил страх в ее голосе и удивился. Джессика, не оборачиваясь, проговорила:

— Преподобная Мать ждет.

* * *

Преподобная Мать, Гаиус Хэлен Моахим, сидела в кресле, наблюдая за тем, как к ней подходят мать с сыном. Окна по бокам кресла выходили на южный берег реки, на зеленые земли семьи Атридесов, но этот прекрасный ландшафт не радовал ее. Этим утром она чувствовала себя хуже, чем обычно. Вину за это она возлагала на космическое путешествие. Необходимо было выполнить поручение, требующее ее личного присутствия. Даже она не могла избежать личной ответственности, когда этого требовали обстоятельства.

«Во всем виновата эта Джессика, — думала Преподобная Мать. — Если бы она родила нам девочку, это было бы гораздо лучше».

Джессика остановилась в трех шагах от кресла и сделала реверанс. Пол отвесил короткий поклон. Нюанс приветствия Пола не ускользнул от внимания Преподобной. Она сказала:

— Он вежлив, Джессика.

Рука матери легла на плечо Пола и осталась там. Даже ее ладонь, как показалось Полу, излучала страх. Потом она сделала над собой усилие.

— Так его учили, Ваше Преподобие.

«Чего она боится?» — удивился Пол.

Старуха смотрела на Пола немигающим взглядом. Она заметила большое сходство ребенка с его родителями.

— Ну что ж, — сказала Преподобная Мать. — Посмотрим, чему его научили, — старческие глаза метнули жесткий взгляд на Джессика. — Оставь нас одних. Занимайся своими делами.

Джессика сняла руку с плеча Пола.

— Ваше Преподобие, я...

— Джессика, ты знаешь, что так должно быть.

Пол озадаченно посмотрел на мать.

Джессика выпрямилась.

— Да, конечно...

Пол перевел взгляд на Преподобную Мать. Страх, который испытывала его мать, заставил его задуматься.

— Пол...

Джессика глубоко вздохнула.

— Это испытание... оно важно для меня.

— Испытание?

— Помни, что ты сын Герцога.

Она повернулась и пошла к двери, сухо шелестя платьем. Дверь за ней плотно закрылась. Пол, сдерживая гнев, повернулся к старухе. Почему она обращается с леди Джессикой, как с простой служанкой?

В глазах морщинистого рта старухи мелькнула усмешка.

— Леди Джессика была моей служанкой в школе, мальчуган, была ею четырнадцать лет. — Она зевнула. — И была хорошей служанкой. А теперь иди сюда.

Эта команда словно хлестнула Пола. Он повиновался ей раньше, чем до него дошел ее смысл. Она использует внушение, подумал Пол. И, когда он подошел к креслу, Наставница жестом остановила его.

— Видишь это? — спросила она. Из складок своей зеленой юбки старуха достала железный кубик. Она повернула его, и Пол заметил, что одна сторона кубика была абсолютно черной. Ни один луч света не проникал, казалось, внутрь. — Вложи в него правую руку, — сказала старуха.

Страх шевельнулся в душе Пола. Он хотел отступить, но старуха сказала:

— Так вот как ты слушаешься мать?

Он посмотрел в ее по-птичьи лучистые глаза. Медленно, чувствуя себя принужденным и не имея сил противиться, Пол положил руку в кубик. Первым чувством было ощущение холода, когда чернота сомкнулась вокруг кисти. Потом его пальцы коснулись металла, и он ощутил в руке слабое покалывание, как будто она была слегка придавленной. Взгляд старухи сделался хищным. Она протянула к шее Пола руку. Он увидел в ней блеск металла и хотел отвернуть голову.

— Стой! — рявкнула старуха.

Пол не мигая смотрел на нее. Снова прозвучал голос:

— Я лежу у твоей шеи, Гом Джаббер. Это игла с каплей яда на конце. А-а-а! Не отворачивайся, или почувствуешь этот яд в своем теле.

Пол попытался сглотнуть, но сухость во рту помешала ему сделать это. Он не мог оторвать взгляда от морщинистого лица старухи, ее бледных десен над серебряными зубами, вспыхивающими, когда она говорила.

— Сын Герцога должен все знать о ядах. И в наше время этот способ применяют, чтобы отравить врага во время питья. Он называется «маски». «Аусмас» — чтобы отравить врага во время еды. Есть яды быстрые, есть яды медленные. А этот убивает только животных. Он для тебя нов.

Гордость заблестела в глазах Пола.

— Ты осмеливаешься предположить, что я животное? — надменно спросил он.

— Скажем так! Я предполагаю что ты человек. Держись твердо! Предупреждаю тебя: не дергайся. Я стара, но моя рука успеет воткнуть иглу тебе в шею, прежде чем ты убежишь.

— Кто вы? — прошептал Пол. — Каким образом вам удалось убедить мою мать оставить меня с вами один на один? Вы из Харконненов?

— Боже упаси, нет! А теперь молчи!

Сухой палец тронул его шею. И Пол подавил в себе желание вырваться и бежать.

— Хорошо, — сказала старуха, — первое испытание выдержано. Теперь осталось последнее: если не выдернешь руку — будешь жив, выдернешь — умрешь!

Пол глубоко вздохнул, унимая дрожь. Он сказал:

— Если я закричу, слуги будут здесь через секунду, и ты умрешь, старуха!

— Они не пройдут мимо твоей матери: она стоит на страже. Подумай! Твоя мать выдержала это испытание. Теперь твоя очередь. Будь тверд! Мы редко предлагаем это испытание мужчинам!

Любопытство превысило страх. Он почувствовал по голосу старухи, что она говорит правду. И он занялся самовнушением. Я не должен бояться. Страх угнетает ум. Страх — это смерть. Я буду смотреть ему в лицо. Я не позволю ему овладеть мною.

Он почувствовал, как спокойствие возвращается к нему, и сказал:

— Начинай, старуха!

— Старуха? — повторила она. — Ты смел, этого отрицать нельзя, мой милый. — Она наклонилась к нему поближе, понизив голос почти до шепота. — Ты чувствуешь боль в своей руке? Выдерни руку, и мой Гом Джаббер коснется тебя. Смерть будет легкой, как удар кнута. Понятно?

Пол почувствовал, как увеличивается покалывание в руке, и крепче сжал губы. Как такое может быть испытанием? Он был удивлен. Покалывание перешло в зуд. Старуха сказала:

— Ты слышал, как животные перегрызают себе лапы, чтобы освободиться от ловушки? Это поступок инстинкта. Человек же остается в ловушке, выдерживая боль, надеясь до конца, что он сумеет убить того, кто поймал его.

Зуд перешел в жжение.

— Почему вы это делаете? — спросил Пол.

— Чтобы убедиться, что ты человек. Молчи!

Пол сжал левую руку в кулак, потому что жжение перешло и в нее. Оно медленно росло: все жарче, жарче и жарче. Он чувствовал, как глубоко впились его ногти в ладонь. Он чувствовал, что хочет разжать кулак, но не смог шевельнуть пальцами.

— Горит! — прошептал он.

— Молчи!

Рука Пола задрожала, на лбу выступил пот. Казалось, каждая клеточка тела кричала: выдери руку... но... Гом Джаббер! Не поворачивая головы, Пол попытался, скосив глаза, посмотреть, в каком положении находится Гом Джаббер. Услышав свое шумное дыхание, попытался унять его, но не смог.

— Пол!

Весь мир для него сосредоточился только на ней, на старческом лице, неподвижно обращенном к нему.

— Жар! Жар!

Ему казалось, что он чувствует, как кожа сворачивается на его руке, как плоть расплывается и исчезает, и остаются одни кости. И вдруг боль утихла, словно ее выключили. Обильный пот выступил по всему телу Пола.

— Довольно! — пробормотала старуха. — Кул Вахад. Ни один еще ребенок, рожденный женщиной, не выдерживал такого. Я не должна была желать твоего поражения. — Она отодвинулась. — Молодой человек, можете посмотреть на свою руку.

Усмирив болезненную дрожь, Пол смотрел на лишенную света черноту. Каждое мгновение еще, казалось, было насыщено болью.

— Ну же! — крикнула она.

Пол рывком выдернул свою руку и с удивлением уставился на нее. Никаких следов ожогов на ней не было. Он поднял руку, повернул ее, пошевелил пальцами.

— Это только ощущение возбужденных нервов, — сказала старуха. — Зачем же калечить тех, кто может оказаться нам полезен? И все же, кое-кто отдал бы все за тайну этого кубика.

— Но боль...

— Боль? — повторила она. — Человек может подавить любые ощущения в своем теле.

С моей матерью вы проделывали нечто подобное?

— А ты когда-нибудь просеивал песок?

Пол кивнул головой.

— Мы, Гессеры, просеиваем людей, чтобы найти нужного нам человека.

Пол поднял руку, подавляя воспоминание о боли.

— И это все, что было нужно, — боль?

— Я наблюдала за тобой в этом испытании. Наблюдала за твоим поведением в критическом положении.

Пол услышал твердость в ее голосе и спросил:

— Это правда?

Старуха пристально посмотрела на него. Он уже чувствует не правду! Может ли он быть им? Она подавила волнение и напонила себе: «Надейся только на наблюдения».

— Ты знаешь, когда люди верят в то, о чем говорят?

— Знаю!

Голос Пола был тверд, и старуха уловила эту особенность.

— Возможно, ты — Квизац Хадерах. Присядь у моих ног, братец.

— Я предпочитаю стоять.

— Твоя мать сидела однажды у моих ног.

— Я не она.

— И все-таки ты ненавидишь меня, а? — посмотрев на дверь, старуха позвала: — Джессика!

Дверь мгновенно распахнулась, и вот мать уже стоит на пороге, пристально оглядывая комнату. Она увидела Пола — и тревога сошла с ее лица.

— Джессика, ты перестанешь когда-нибудь меня ненавидеть? — спросила старуха.

— Я и люблю и ненавижу вас одновременно. Моя ненависть — она от боли, которую я, должно быть, никогда не забуду. Моя любовь...

— Просто то, что есть, — закончила старуха, и голос ее был мягок. — Теперь ты можешь войти, но веди себя тихо.

Джессика вошла в комнату, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной.

«Мой сын жив, — думала она, — и он человек. Я всегда знала это... и он живет. Теперь и я могу жить дальше».

Пол смотрел на мать. Она говорила правду. Ему хотелось уйти и обдумать все, что с ним произошло, но он знал, что не сможет уйти, пока старуха ему это не разрешит. Она приобрела над ним власть. Они говорили правду. Его мать тоже прошла через это для какой-то таинственной цели, и эта цель, видимо, была ужасна. Он тоже был уже заражен этой целью, правда, не знал ее сущности.

— Однажды тебе тоже придется стоять у этой двери, и это будет высшая мера доверия, — сказала старуха.

Пол посмотрел на руку, чувствовавшую боль, перевел взгляд на Преподобную Мать. Голос ее стал непохож на все другие, слышанные им когда-либо. И он понял, что теперь он получит ответ на любой свой вопрос и что тот спокойный мир, в котором он жил, кончился.

— Для чего проводится это испытание на человека? — спросил он.

— Чтобы освободить его личности!

— Освободить?

— Когда-то человек надеялся только на машины, но это лишь позволило поработить его другими людьми, с более совершенными механизмами.

— «Да не сделаем машину подобием ума человеческого», — процитировал Пол.

— Из Бультер иан Джихади и Оранжевой Католической Библии, — сказала старуха. — Но вот, чего не следовало бы утверждать. —

«Так не заставь же машину быть подобием ума человеческого». — Ты изучал Ментат?

— Я начал изучать его с Зуфиром Хаватом.

— Великое восстание унесло все эти костыли, — сказала старуха. — Оно заставило человеческий ум развивать человеческие способности.

— Школа Бене Гессери?

Старуха кивнула.

— Древние школы дали нам двух последователей: Бене Гессери и Космический Союз. Он, как мы считаем, придает значение только математике. Бене Гессери не играет другую роль.

— Политика, — сказал Пол.

— Кул Вахад! — воскликнула старуха и сердито посмотрела на Джессика.

— Я ничего ему не рассказывала, — сказала она.

Преподобная Мать обратилась к Полу.

— Ты высказал замечательную догадку. Действительно, политика. Это то, в чем нуждается человеческий род, чтобы не порвалась его нить.

Надо понимать, что такое положение не может быть в отделении интересов человеческих от животных инстинктов — все во имя будущих поколений.

Слова старухи внезапно потеряли для Пола специфическую остроту. Он почувствовал наступление того, что его мать называла инстинктом правды. Не то, чтобы Преподобная Мать лгала, просто она сама верила в то, что говорила. Все это было связано с той же загадкой.

Пол сказал:

— Но моя мать говорила, что последователи школы Бене Гессери не знают своих родителей.

— Генетические линии всегда есть и в ваших записях, — сказала старуха.

— Тогда почему моя мать не знает их?

— Некоторым это удастся, но многим — нет. Мы оба могли, например, захотеть ее брака с близким родственником, чтобы усилить генетическое влияние на потомков. Ведь для этого может быть много причин.

И снова Пол почувствовал отклонение от правды. Он сказал:

— Вы много на себя берете!

Преподобная Мать смотрела на него и думала: «Действительно ли он так думает?»

— Мы несем на себе большую тяжесть! — сказала она.

— Вы сказали, что я могу стать... Квизац Хадерахом? Это нечто наподобие Гом Джаббера для человека?

— Пол, — сказала Джессика, — ты не должен говорить таким тоном с...

— Я сама, — сказала старуха. — А теперь вот что, мальчуган. Тебе известно о предсказательном веществе?

— Вы принимаете его, чтобы отличить ложь от правды, так говорила мне мать.

— Ты видел когда-нибудь транс правды?

— Нет.

— Это средство опасно, — сказала старуха. — Оно дает внутреннее видение. Оно усиливает твою память и память предков. Мы можем таким образом заглянуть в память предков и таким образом — в прошлое. Но это доступно только женщинам. — Голос старухи стал печальным. — Но и мы в этом ограничены. Правда, сказано, что однажды мужчины смогут увидеть и мужское прошлое.

— Ваш Квизац Хадерах?

— Да, многие испытывают на себе это средство, но никому еще не удавалось это.

— Они потерпели поражение?

— О нет, — она покачала головой. — Все они погибли.

ЗАГОВОР

Это был выпуклый шар — изображение Мира, — вращающийся от нетерпеливых толчков полной, блестящей от колец руки. Глобус был прикреплен к стержню, выходящему из одной из стен в комнате без окон. На полках остальных стен были разложены свитки, книги, магнитные записи и фильмы. Комната освещалась золочеными шарами ламп.

В центре комнаты стоял эллипсоидный стол желто-розового цвета. Его окружали кресла. В одном сидел темноволосый юнец лет шестнадцати, круглолицый с мрачным взглядом. В другом помещался стройный, небольшого роста мужчина с женскими чертами лица. И юнец, и мужчина смотрели на глобус и человека, вертевшего его.

Из-за глобуса послышалось хмыканье, затем басистый голос произнес:

— Вот она, Питер, величайшая ловушка в мире. И Герцог угодит в нее! Его величие не сравнится с моим, не так ли?

— Конечно, барон, — отозвался мужчина. У него оказался мягкий мелодичный тенор.

Полная рука отпустила глобус, и его вращение прекратилось. Теперь глаза всех находящихся в комнате могли созерцать неподвижную поверхность шара. Это был глобус, которые делают для богатых коллекционеров или для правителей планет Империи. Он нес в себе характерные черты мастерства ремесленников планеты.

Полная рука снова опустилась на глобус.

— Я пригласил вас сюда для того, чтобы вы, Питер, и вы, Фейд-Раус, посмотрели вот на эту широкую рябь между шестидесятью и семидесятью градусами. Не напоминает ли она вам о сладкой карамели? Здесь есть и моря, и озера, даже реки. Может ли кто ошибиться? Ведь это Арелла! Единственная и неповторимая! Превосходное место для единственной в своем роде победы!

Улыбка тронула губы Питера.

— И только подумать, Барон, падишах Империи верит в то, что отдаст Герцогу вашу часть планеты.

— Подобные слова не имеют смысла, — прогремел Барон. — Ты сказал это, чтобы смутить юного Фейда-Рауса. Но нет никакой необходимости его смущать, моего племянника.

Юнец с угрюмым видом завожился в своем кресле, разглядывая черное трико, в которое он был одет.

В дверь, что была за его спиной, постучали, и он резко выпрямился.

Питер поднялся, подошел к двери и открыл ее на столько, чтобы можно было принять записку, скатанную в трубочку. Закрыв дверь, он развернул ее. У него вырвался смехок.

— Ну? — повелительно спросил Барон.

— Дурак нам ответил, Барон.

— Разве Атридесы отказывались сделать когда-либо благородный жест. Что он там пишет?

— Он очень неучтив, Барон. Обращается к вам, как к Харконнену. Никаких титулов, ничего!

— Это хорошее имя, — проворчал Барон. Голос выдал его нетерпение. — Так что же пишет дорогой Лето?

— Он пишет: «Ваше предложение о встрече отклоняется. Я имел достаточно много случаев убедиться в вашем вероломстве (о нем известно всем) и поэтому уклоняюсь от встречи».

— И?

— «Жаль, что этому искусству все еще поклоняются в Империи». Он подписал так: «Граф Лето Арраки».

Питер рассмеялся.

— Граф Арраки! Господи! До чего же смешно!

— Замоли, Питер, — сказал Барон. И тот сразу замолк. — Вот как? Вендетта, а? И он использует это старое милое слово, такое богатое традициями с тем, чтобы быть уверенным, что я пойму намека?

— Вы сделали шаг к миру, — сказал Питер.

— Для Ментата ты слишком разговорчив, Питер, — сказал Барон, а про себя подумал: «Я вскоре должен от него избавиться. Больше в нем нет надобности».

Барон посмотрел на своего наемного убийцу и только сейчас заметил в нем то, что сразу замечали в нем посторонние: блеклые глаза безо всякого выражения.

Усмешка скользнула по лицу Питера.

— Но, Барон! Я никогда не видел более прекрасного мщения. Это самое утонченное издевательство: заставить Лето обменивать Келадан на Дюну и безо всяких условий, потому что так прикажет Император. До чего остроумно с вашей стороны!

Барон холодно сказал:

— У тебя несдержанные речи, Питер!

— О, я счастлив, мой Барон. Вы же... вас точет ревность.

— Питер!

— А-а-а, Барон! Разве не достойно сожаления то, что вы не можете сами привести в исполнение этот замечательный план?

— Однажды я задушу тебя, Питер!

— Ну, конечно, Барон! Наконец-то! Но с добрым поступком никогда не следует спешить, а?

— На что же ты надеешься, Питер?

— Мое бесстрашие удивляет Барона? — спросил Питер. Его лицо превратилось в хитрую маску. — Ага! Но как «браво» я знаю, когда ко мне подошлют палача. Вы будете сдерживаться столько времени, сколько я буду вам полезен. Иначе действовать будет расточительством: ведь я могу еще принести и пользу. Я знаю, что Дюна прекрасная планета. Верно, Барон?

Барон молча смотрел на него.

Фейд-Раус дернулся в своем кресле. «Два спорящих дурака, — думал он. — Мой дядя не может беседовать со своим ментатом без крика. Неужели они думают, что мне нечего делать больше, чем выслушивать их глупости».

— Фейд, — наконец сказал Барон, — я велел тебе слушать и учиться, когда разговаривают старшие.

— Да, дядя, — сказал он.

— Иногда Питер удивляет меня, — сказал Барон. — Я не считаю причинять боль необходимостью, но он... он находит в ней какое-то удовольствие. Что касается меня, то я чувствую жалость по отношению к бедному Герцогу. Доктор уже вскоре займется им, и это будет конец всех Атридесов. Но Лето, конечно, узнает, кто направлял руку уступчивого доктора... и кто знает — это будет, наверное, выглядеть ужасно.

— Тогда почему бы вам не приказать доктору просто воткнуть ему кинжал между ребер? — спросил Питер. — Вы говорите о жалости, но...

— Герцог должен узнать, что я стал его роком, — сказал Барон. — И другие тоже должны узнать об этом. Это приведет их в замешательство, и я выиграю время для своей дипломатии. Эта необходимость очевидна, я не могу воспользоваться.

— Возможность дипломатии... — сказал Питер. — Взгляд Императора и так прикован к Вам, Барон. Вы слишком смелы. В один прекрасный день Император пошлет легион другой сардукаров сюда, и это будет концом барона Владимира Харконнена.

— Ты бы с удовольствием посмотрел на это со стороны, да, Питер? — спросил Барон. — Ты бы с радостью наблюдал, как они разрушают мои города и этот замок. Да, ты был бы искренне рад. — Нужно ли мне спрашивать об этом? — Тебя слишком интересует кровь, — продолжал Барон. — Возможно, я слишком поспешил с распределением трофеев Арраки.

Питер сделал по комнате несколько удивительно мелких шагов и остановился за спиной Фейд-Рауса. Напряжение в комнате, казалось, сгустилось. Юнец обеспокоенно и хмуро посмотрел на Питера.

— Не играйте со мною, Барон,— сказал Питер.— Вы обещали мне леди Джессику!

— Зачем она тебе? — спросил Барон.

Питер молча смотрел на Барона. Фейд-Раус шевельнулся в своем кресле.

— Дядя, может я пойду?

— Мой милый, ты слишком нетерпелив.

— Как дела с маленьким Полом? — спросил Барон Питера.

— Ловушка принесет его к нам,— пробормотал Питер.

— Я не об этом,— сказал Барон.— Ты упоминал о том, что служанка Бене Гессери принесет Герцогу дочь. Ты ошибся, а, ментат?

— Я не часто ошибаюсь, Барон,— сказал Питер и впервые в его голосе послышался страх.— Поверьте мне, что служанки Бене рождают в основном дочерей.

— Дядя,— сказал Фейд-Раус,— вы сказали, что я здесь услышу нечто важное для меня...

— Не торопись,— Барон шевельнулся в кресле.— Что же, Фейд, я позвал тебя сюда затем, чтобы немного поучить тебя мудрости. Ты ведь наблюдал за нашим добрым ментатом. Тебе следовало у него кое-чему поучиться.

— Но, дядя...

— Он очень умен, не так ли, Фейд?

— Да, но...

— Вот-вот, но... Он требует слишком много внимания. Всмотрись в его глаза. Умен Питер, но все же слишком эмоционален к взрывам страсти, умен Питер, но все же может заблуждаться.

Питер сказал угрожающим тоном:

— Вы вызвали меня сюда, Барон, чтобы поиздеваться надо мной?

— Ты должен бы знать меня получше, Питер. Я просто хочу показать моему племяннику, что и ментат может быть ограничен в своих действиях.

— Вы уже нашли мне замену?

— Замену тебе? Что ты, Питер. Где бы это я мог найти замену твоей хитрости и уму?

— Там же, где вы нашли меня, Барон.

— Возможно, стоит попытаться,— задумчиво сказал Барон.— Последнее время ты действительно кажешься неуравновешенным. И еще эти снадобья.

— Мои развлечения разве слишком дороги?

— Дорогой мой Питер, твои развлечения это то, что ко мне тебя привязывает. Как я могу против них возражать? Я просто хочу, чтобы мой племянник все знал о тебе.

— Тогда он должен все знать. Мне танцевать?

— Очень хорошо,— сказал Барон,— но сейчас помолчи.— Он посмотрел на Фейда.— Это наш ментат, Фейд. Он был воспитан и обучен выполнять определенные задания. Тот факт, что он находится в человеческом теле, не должен тебя смущать. Правда, это

серьезное препятствие. Иногда я думаю, что древние с их мыслящими машинами были правы.

Губы племянника, генетический признак рода Херконненов, были несколько искривлены в изумлении.

— Это сравнение слишком уж нелепо, — сказал Питер. — Вы сами, Барон, могли бы создать нечто лучшее, чем те машины.

— Возможно, — сказал Барон. — Итак... — Он глубоко выдохнул воздух. — Итак, Питер, опиши моему племяннику основные черты нашей борьбы с домом Атридесов.

— Барон, я предупреждал вас, чтобы вы не доверяли тайны этой борьбы никому. Мои наблюдения над...

— Я сам буду решать это. Я дал тебе приказ, ментат. Предстань перед нами в одном из твоих многочисленных состояний.

— Пусть будет так, — сказал Питер. Он выпрямился и в нем появилось какое-то величие, как будто это была еще одна его маска, но на сей раз покрывающая его тело. — Через несколько дней весь клан Герцога Лето вступит на борт лайнера Космического Союза для следования на планету Арраки. Они прибудут скорее всего туда, чем в наш город Картаг, потому что ментат Герцога, Зуфир Хават, совершенно справедливо решит, что Арраки легче защитить, чем Картаг.

— Следи внимательно, Фейд, — сказал Барон, — наблюдай, как план врага становится твоим планом.

Фейд кивнул, думая: «Это уже лучше. Старое чудовище наконец-то допустило меня к своей тайне. Должно быть, он действительно хочет сделать меня своим наследником».

— Есть несколько вариантов, — продолжал Питер. — Я указал на более простой. Тем не менее, мы не должны забывать возможность, что Герцог заключил с «Союзом» контракт, чтобы тот перенес его в более безопасное место внутри системы. Другие на его месте при подобных обстоятельствах с помощью защитных экранов скрылись бы из пределов Империи.

— Герцог слишком горд для подобного поступка, — сказал Барон.

— Это просто его возможность, — сказал Питер. — Тем не менее, конечный результат был бы для нас тем же самым.

— Нет, не был бы, — проворчал Барон. — Я должен уничтожить его род.

— Это все правильно, — сказал Питер. — Некоторые приготовления указывают на то, что его клан собирается бежать, но сам Герцог не сделал ни одного шага в сторону отступления.

— Так, — вздохнул Барон, — продолжай, Питер.

— В Арраки Герцог с семьей займет дом графа и леди Фенринг.

— Посол и одновременно контрабандист, — хихикнул Барон.

— Чей посол? — спросил Фейд-Раус.

— Ваш дядя шутит, — сказал Питер. — Он называет его одновременно послом и контрабандистом, указывая на то, что интерес Империи и Арраки один. Это контрабанда.

— Почему? — Фейд повернул озабоченное лицо к дяде.

— Не будь таким тупым, Фейд,— рявкнул Барон.— Пока Союз остается вне контроля Империи, как может быть иначе? Как еще могли бы действовать его шпионы и убийцы? — Рот Фейда открылся в беззвучном «о-о».— Из этой резиденции мы подготавливаем и осуществляем нужные нам операции,— сказал Питер.— Так была задумана попытка покушения на жизнь наследника Атридесов, и она могла бы закончиться успехом, если бы...

— Питер,— прошипел Барон,— ты указывал...

— Я указывал на то, что мог произойти несчастный случай,— сказал Питер,— и что эта попытка могла оказаться пустой затеей.

— Он еще молод,— сказал Барон,— и, конечно, потенциально более опасен, чем его отец... с теми знаниями, которыми снабдила его мать... Проклятая женщина! Ладно, продолжай, Питер!

— Хават смог обнаружить, что мы подослали к нему агента,— продолжал Питер.— И подозрение его пало на доктора Уйе, что очень плохо для нас, так как он действительно наш агент. Но Хават, проведя расследование, обнаружил, что доктор выпускник школы Сак — а это является достаточным основанием для обеспечения безопасности любого человека, будь он даже слугой. Считается, что с выпускником школы ничего невозможно сделать, как с простым человеком.

Но тем не менее, и мы не раз убеждались в этом, что стоит лишь найти точки соприкосновения — и он окажется вашим послушным орудием.

— Как? — спросил Фейд. Он нашел эту тему чрезвычайно интересной.— Любому известно, что завербовать Имperiал-ответвление невозможно!

— Об этом в другой раз,— сказал Барон.— Продолжай, Питер!

— Руками Уйе,— продолжал Питер,— мы подбросили Хавату нужные для нас сведения. Самым смелым было то, что мы осмелились предложить ему заподозрить ее...

— Ее? — переспросил Фейд.

— Саму леди Джессику,— сказал Барон.

— Ну, не гениально ли? — спросил Питер и продолжал: — Хават ухватился за это подозрение, поскольку разоблачение могло сильно упрочить его положение ментата. Он мог бы даже попытаться устранил леди физически.

Питер нахмурился.

— Но я не думаю, что он смог бы завершить это дело до конца.

— Это ты бы не позволил? — ехидно спросил Барон.

— Не отвлекайте меня,— сказал Питер.— Пока Хават будет заниматься леди Джессикой, мы еще больше отвлечем его внимание восстанием нескольких гарнизонов в подчиненных городах. Они, конечно, будут подавлены, и Герцог должен будет поверить, что добился необходимой безопасности. Для себя и своих близких. И вот тут-то мы дадим сигнал доктору и выступим сами...

— Давай, Расскажи ему обо всем...— сказал Барон.

— Мы двинемся, подкрепленные силой еще двух ментатов Сардукаров, переодетых в нашу форму.

— Сардукаров! — выдохнул Фейд. Он слышал об этих ужасных имперских войсках — немилосердных убийцах.

— Видишь, как я тебе доверяю, Фейд, — сказал Барон. — Даже намек на это не должен достичь другого великого Дома, иначе Ландерсаады могут выступить, объединившись против Имперского Дома, и начнется великий хаос.

— Главное вот в чем, — сказал Питер. — Поскольку Дом Харконненов используется для того, чтобы выполнять черную работу для Империи, мы все же имеем преимущество, и, если умело использовать его, оно может принести нам огромное богатство и власть, которой никогда не будет ни у какого другого дома Империи.

— Ты, Фейд, понятия не имеешь, что нами поставлено на карту. У тебя не хватит воображения представить то, чего мы достигнем, начиная с того, что мы будем иметь постоянное представительство в компании СНОАМ.

Фейд кивнул.

Богатство — это, конечно, прекрасно, тем более, что пути к нему идут через эту компанию. Ведь каждый благородный Дом черпает деньги из ее казны, когда это возможно, — все здесь зависит от власти представителей правления директоров. А совет представляет собой образец политической власти в Империи, превосходящую власть, установленную официальным путем выборов Ландерсаада, который, в свою очередь, уравнивает влияние императора и тех, кто его поддерживает.

— Герцог Лето, — продолжал Питер, — может попытаться бежать к Свободным на краю пустыни. К ним же он может отослать свою семью. Но все пути блокированы агентами Его Величества. Один из них, Кайнз, может помнить его?

— Фейд его помнит, — сказал Барон. — Продолжай.

— Не слишком-то вы любезны, Барон.

— Продолжай! Я приказываю! — крикнул Барон.

Питер пожал плечами.

— Если дело пойдет так, как планируется, то Дом Харконненов будет иметь поместья на Арраки в течение стандартного года. Ваш дядя получит разрешения на эти поместья. Его личный агент будет управлять там всем.

— Больше доходов, — сказал Фейд.

— Конечно, — согласился Барон.

— И Великие Дома будут знать, что только Барон смог уничтожить Атридесов, — добавил Питер.

— Да, они будут это знать, — выдохнул Барон.

— Самое интересное, что все это знает и Герцог, — сказал Питер. — Он и сейчас чувствует расставленную ловушку.

— Это правда, — сказал Барон, и в его голосе послышались неожиданные нотки печали. И тем не менее он ничего не может поделать. Мне даже жалко его.

Барон встал и отошел от глобуса. И когда он вышел из тени, вся его фигура показалась присутствовавшим во всем своем великоле-

пии — огромная и чудовищно полная. И только ноги были слишком тонкими для такого тяжелого тела.

— Я голоден, — пробормотал Барон и, потирая огромные губы рукой, посмотрел на Фейда маленькими глазками с тяжелыми мешками под ними. — Пойдем поедем перед дорогой.

ПРОРОЧЕСТВО

— Ну, Джессика, что ты теперь скажешь? — спросила Преподобная Мать.

Это происходило в Кастель Келадане в день тяжелого испытания Пола. Обе женщины находились в комнате Джессики одни, а Пол был в соседней. Джессика стояла у окон, выходящих на юг, вглядываясь в путаницу красок заката над рекой. Она расслышала вопрос, но не могла решить, как ей на него ответить.

Она вспомнила про испытание и прошептала:

— Бедный Пол...

— Я задала тебе вопрос! — голос старухи был раздражен и настойчив.

— Что? О!.. — Джессика как будто очнулась и повернулась к старухе, сидящей у стены между двумя окнами, выходящими на восток. — Что же вы хотите, чтобы я сказала?

— Что я хочу? Я хочу, чтобы говорила ты, — и в голосе старухи зазвучала тяжелая издевка.

— Да, у меня сын, — вспыхнула Джессика, хотя и понимала, что ее намеренно вводят в состояние гнева.

— Тебе было велено рожать для Атридесов только дочерей!

— Это так много для него значило! — взмолилась Джессика.

— И ты со своей гордостью смогла произвести на свет Квизац Хадераха!

Джессика подняла голову.

— Я знала, что это необходимо.

— Ты думала только о том, что твой Герцог желает сына! — рявкнула старуха. — А желания Герцога нами не учитывались. Дочь могла бы стать невестой наследника Харконненов. Ты безнадежно усложнила дело. Теперь мы можем потерять весь наш род.

— И вы небезгрешны, — сказала Джессика.

Она храбро выдержала взгляд старухи. Та вдруг растерянно пробормотала.

— Что сделано, то сделано!

— Я поклялась никогда не менять своего решения, — подтвердила Джессика.

— Как благородно, — проскрипела старуха. — Не менять решения. — Посмотрю, какую ты будешь предлагать цену, когда рука каждого встречного человека будет подниматься, чтобы отнять у тебя и твоего сына жизнь, а ты вынуждена будешь молить о пощаде.

Джессика побледнела.

— И нет никакого выбора?

— Выбора? И это спрашивает ученица Бене Гессери?

— Я спрашиваю лишь о том, что видите в будущем вы, с вашими большими возможностями предвидения.

— Я вижу в будущем то, что видела и раньше. Ты хорошо знаешь состояние наших дел, Джессика. Империя, компания СНОАМ, все Великие Дома — все они лишь частицы, выброшенные на поверхность бурным потоком.

— СНОАМ, — прошептала Джессика. — Я думаю, что она уже решила, как поделить захваченное у Атридон.

— Что СНОАМ, когда даже погода в наше время похожа скорее на флюгер, — сказала старуха. — Император и его друзья требуют шестьдесят пять процентов от директорских прав компании. Конечно, и они почувствовали запах добычи. И чем она крупнее, тем больше вожделение. Это — составная часть истории, девочка.

— Это именно то, что мне сейчас нужно, — сказала Джессика. — Экскурс в историю.

— Не надо шутить! Ты не хуже меня знаешь, какие силы нас окружают.

Джессика с горечью проговорила:

— А мы как шепки в потоке!

— Ох! Замолчи, девочка! На эту дорогу ты вступила сама. И я знаю, что тебя ожидает.

— «Я — Бене Гессери. Я существую только для того, чтобы наблюдать», — процитировала Джессика.

— Правильно! — сказала старуха. — И все, на что мы теперь можем надеяться, — это спасти то, что можно, — основу для продолжения рода.

Джессика закрыла глаза, чувствуя, как слезы жгут ее веки. Наконец она сказала:

— Я заплачу за свои ошибки.

— А твой сын тоже будет платить за твои ошибки?

— Я постараюсь защитить его!

— Защитить! — фыркнула старуха. — Ты же хорошо знаешь, в чем гнездится слабость! Защищая его, ты лишишь его сил, чтобы выполнить его предназначение.

Джессика отвернулась и посмотрела в окно.

Старуха поднялась, поправив платье.

— Позови мальчика. Мне пора уходить. — Потом голос старухи смягчился: — Джессика, девочка, я бы хотела остаться и помочь вам, но каждый должен идти своим путем.

— Я знаю.

— Ты дорога мне, как любая из моих дочерей, но я не могу путать чувства с долгом.

— Я понимаю... необходимость.

— То, что ты сделала и почему ты это сделала, — мы знаем обе. Но моя доброта заставляет сказать тебе, что у вас только один шанс из

тысячи, что твой мальчуган будет Вершиной Бене-Гессери. Но не позволяй себе питать слишком сильную надежду на это.

Джессика смахнула слезы с уголков глаз. Жест был сердитый.

— Вы снова заставили меня считать себя маленькой девочкой, отвечающей первый урок. Люди не должны уподобляться животным. А я была так одинока.

— Это следовало бы сделать одним из испытаний, — сказала старуха. — Люди почти всегда одиноки. А теперь зови Пола, у него было время подумать. Я еще должна задать ему несколько вопросов.

Джессика кивнула и пошла к двери и отворила ее:

— Пол, войди к нам, пожалуйста.

Пол вошел с упрямой медлительностью. Он посмотрел на мать так, как будто она была ему чужой. Когда он посмотрел на Преподобную Мать, его глаза стали настороженными. И снова он приветствовал ее как равный равную.

— Молодой человек, — сказала старуха, — давайте вернемся к вопросу о мечтах.

— Что вы от меня хотите? Не все сны стоят того, чтобы о них помнить, правда, я могу вспомнить любой из них.

— И как ты их различаешь по степени важности.

— Просто чувствую это.

Старуха посмотрела на Джессику, потом опять на Пола.

— О чем ты грезил прошлой ночью? Достоин ли этот сон воспоминаний?

— Да.

Пол прикрыл глаза...

— Я грезил о пожаре... воде... и девунка... очень худенькая, с огромными глазами. Ее глаза были ярко-голубого цвета. Я разговаривал с нею и рассказал ей о вас.

Пол закрыл глаза.

— И то, что ты рассказал странной девушке, произошло сегодня?

Пол подумал и сказал:

— Да. Я рассказал ей о том, что пришли вы и поставили мне на руку клеймо странности.

— Клеймо странности, — выдохнула старуха и посмотрела на Джессику, привлекая ее внимание к Полу.

— Скажи мне правду, Пол, ты часто видишь во сне то, что затем происходит наяву?

— Да. Я часто видел эту девушку и раньше.

— Да? Ты ее узнаешь?

— Я ее узнаю.

— Расскажи мне о ней.

Пол снова закрыл глаза.

— Мы сидели в маленьком местечке среди скал, где можно укрыться от ветра. Было уже темно, но сквозь щели скал я мог видеть пустыню, которая расстилалась вокруг нас. Мы... кого-то ждем... я должен встретиться с какими-то людьми. И она боится, но пытается

скрыть это от меня. Я не волнуюсь. Она говорит: «Расскажи мне о воде твоего родного мира, Узул».

Пол открыл глаза.

— Ну, не странно ли? Мой родной мир Келадан. Я никогда не слышал о планете Узул.

— Было в этом сне еще что-нибудь? — спросила Джессика.

— Да. Но, может быть, она меня назвала этим именем, — сказал Пол. — Мне это только что пришло в голову. — Он снова закрыл глаза. — Она просила рассказать ей о воде. Я беру ее за руку и говорю, что прочту ей стихи. Я читаю ей стихи, но многие слова ей приходится объяснять.

Старуха посмотрела на Пола и сказала:

— Молодой человек, как Проктор Бене Гессери, я вижу перед собой Квизац Хадераха, мужчину, который станет одним из нас. Твоя мать тоже имела такую возможность, но она смотрела только глазами матери.

Старуха замолчала, и Пол заметил, что она хочет, чтобы он заговорил первым, но он стоял молча. Наконец она сказала:

— Кем ты станешь, покажет будущее. В тебе есть что-то особое, это я допускаю.

— Теперь мне можно уйти?

— Разве тебе не хочется узнать, что такое Квизац Хадерах? — спросила Джессика.

— Мне ведь сказали, что тот, кто пытался это узнать, умирал.

— Я могу тебе намекнуть, почему их попытки не удались, — сказала Преподобная Мать.

Она говорит о намеках, значит сама ничего не знает, — подумал Пол.

— Тогда объясните.

— Он что, командует мною? — старуха улыбнулась, и лицо ее еще больше покрылось морщинами. — Ну что ж, это хорошо.

Пол чувствовал удивление, ведь старуха говорила об элементарных вещах. Неужели она думает, что его мать вообще его ничему не научила?

— Это и есть намек?

— Мы здесь не для того, чтобы играть словами, — сказала старуха. — Ива сгибается под ветром и не разрастается, пока не станет стеной на его пути. В этом ее цель.

Пол пристально глядел на наставницу. Она сказала «цель», и он почувствовал, как это слово словно ударило по нему. Он ощутил вдруг приступ ужасной злобы: глупая старуха, набитая пошлостью.

— Вы думаете, что я смогу стать этим Квизац Хадерахом, — сказал он. — Вы сказали об этом, но не сказали ничего о том, как я могу помочь своему отцу. Я слышал весь ваш разговор с моей матерью. Вы говорили так, как будто мой отец уже мертв. Но это не так.

— Если бы мы могли что-либо сделать для твоего отца, то мы бы уже давно это сделали, — проворчала старуха. — Может, мы еще успеем спасти тебя, хотя это очень трудно, но тем не менее возможно.

Но для твоего отца мы уже не можем ничего сделать. Когда ты поймешь это и примешь за непреложную истину, ты усвоишь урок настоящего Бена Гессери.

Пол видел, как потрясли эти слова его мать. Он во все глаза смотрел на старуху. Как она могла сказать такое об его отце? Что заставляет ее так думать? В нем все кипело от негодования.

Преподающая Мать посмотрела на Джессику.

— Ты обучила его согласно Пути — я вижу все признаки этого. На твоём месте я сделала бы то же самое, хотя это будет и не по правилам. Джессика кивнула.

— Теперь я предупреждаю тебя, — сказала старуха, — пренебрегая обычными правилами обучения. Внутренний голос подскажет Полу свой путь к спасению. Сделано хорошее начало, но мы не знаем, сколько ему предстоит совершить... и что приведет его в отчаяние.

Старуха подошла вплотную к Полу и посмотрела на него сверху вниз.

— Прощай, молодой человек. Надеюсь тебе повезет. А если нет — что ж, мы еще можем добиться успеха и без твоей помощи.

Она снова посмотрела на Джессику. Между ними мелькнула искра понимания. Потом она, не оглядываясь, вышла из комнаты, шелестя юбкой. И комната, и все, кто в ней находился, уже улетучились из ее мыслей. Но Джессика успела заметить на ее морщинистых щеках слезы. Эти слезы высказали ей больше, чем любые слова и поступки в этот страшный для нее день.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Зуфир Хават проскользнул в классную Капель Келадана и молча запер за собой дверь. Он постоял несколько мгновений, чувствуя себя усталым и старым. Его нога ныла в том месте, где когда-то была рана, полученная на службе еще у старого Герцога.

«Уже третьему поколению служу», — подумал он.

Он оглядел комнату, залитую утренним светом, и заметил мальчика, сидевшего у двери над разложенными перед ним бумагами и картами. Сколько раз я должен говорить ему не сидеть спиной к двери. Хават прочистил горло.

Пол остался сидеть в прежней позе. Хават снова кашлянул. На луну набежало облако, и свет в комнате потускнел. Пол выпрямился и, не оглядываясь, сказал.

— Я знаю, я сижу спиной к двери.

Хават выдавил на лице улыбку и прошел через комнату. Пол поднял голову и посмотрел на старика, остановившегося около стола. Глаза Хавата были полны тревоги, они, казалось, так и излучали ее с темного, изрезанного морщинами лица.

— Я слышал, как вы шли по дому и как открыли дверь.

— Но ведь к вам может зайти любой?

— Я могу уже отличить вас от любого.

«Может быть, — подумал Хават. — Это его служанка-мать, конечно, многому его научила. Хотел бы я знать, что подумали бы об этом в ее драгоценной школе? Может быть, поэтому сюда и прислали старуху Проктора — наставить нашу дорогую леди Джессику на путь истинный».

Хават поставил стул напротив Пола и сел лицом к двери. Откинувшись на спинку, он изучал комнату. Внезапно она показалась ему незнакомой, видимо потому, что многие вещи были уже на Арраки, и здесь остались только стул и зеркало, возле которого висела вся изрезанная мишень, похожая на лицо старого солдата, побывавшего во многих сражениях. «И я, видимо, такой», — подумал Хават.

— Зуфир, о чем ты думаешь? — спросил Пол.

Хават посмотрел на мальчика.

— Это тебя печалит?

— Печалит? Чепуха! Печально расставаться с друзьями. — Он посмотрел на карты. — И Арраки всего лишь одна из планет. Мой отец послал тебя навестить меня?

Хават нахмурился: «Мальчик слишком хорошо меня понимает», — подумал он. Он кивнул головой.

— Ты думаешь, что было бы лучше, если бы он пришел сам? Но ты же знаешь, как он занят. Он придет попозже.

— Я изучал бури на Арраки.

— Бури? Понятно.

— Похоже на то, что они там страшные. Это слишком сильно сказано. Но эти бури распространяются на территорию в шесть-семь тысяч километров и разрушают все на своем пути. Скорость достигает семисот километров в час. Почему там не возьмут погоду под контроль?

— У Арраки свои проблемы, стоящие слишком дорого. А Союз требует слишком много за этот контроль. Дом твоего отца не слишком богат, и ты это знаешь.

— Ты когда-нибудь видел Свободного человека?

«Умен мальчишка», — подумал Хават.

— Видел и не видел, — сказал он. — Об этом народе много не скажешь. Они носят широкие накидки. И в любом закрытом месте можно почувствовать, как от них воняет.

Пол сглотнул, внезапно осознав важность этого сообщения. Костюмы специально предназначались, чтобы удерживать воду. Видимо, там приходилось перегонять собственные выделения, чтобы не мучиться от жажды.

— Вода там — драгоценность, — сказал он.

Хават кивнул, думая о том, что ехать на эту планету надо подготовившись.

После этого Пол подошел к окну, выглянул из него и увидел, что начинается дождь.

— Вода, — сказал он.

— Ты еще много узнаешь о ней, — сказал Хават. — Как сын Герцога ты не будешь испытывать в ней нужду, но вокруг...

Пол вспомнил слова Преподобной Матери: «Ты узнаешь о погребенных надеждах, о безумии пустыни. Тебе придется носить очки от солнца и не будет у тебя ничего для передвижения, кроме собственных ног. Живя на Арраки, луна станет твоим другом, а солнце врагом».

И только сейчас, здесь, неделю спустя после встречи с Преподобной Матерью, Пол почувствовал страх. Он посмотрел на озадаченное и хмурое лицо Хавата. Он спросил его:

— Ты встречался с Преподобной Матерью?

В глазах Хавата появился интерес.

— Да, я с ней встречался.

— Она... — Пол заколебался.

— Да? Что она?

— Она сказала одну вещь, — Пол закрыл глаза и начал говорить, невольно повторяя чужие интонации: — Ты, Пол Атридес, сын Герцога, должен знать твердо одно: это нечто — что знали твои предки. — Пол открыл глаза и сказал: — Эти слова так рассердили меня, что я сказал, что мой отец правит целой планетой. Но она возразила, сказав, что он ее теряет. А когда я сказал, что мой отец взамен получит еще более богатую планету, она сказала, что он и ее потеряет и что об этом знают все.

— Это верно, — пробормотал Хават.

— Тогда почему мы переселяемся?

— Потому, что это приказ Императора. Что еще изрекла эта кладезь мудрости? Эта шпионка.

Пол посмотрел на свою руку. «Она наложила на меня отпечаток власти», — подумал он.

— Она еще спросила, что значит понятие «править»? И я сказал, что это значит приказывать. Она на это сказала, что мне придется отказаться приказывать.

«Здесь она попала в точку», — подумал Хават и кивнул Полу, чтобы тот продолжал.

— Она сказала, что надо действовать только убеждением, а не приказом. Она сказала, что к себе надо привлекать лучших людей.

— Она тебе не говорила, как твой отец привлек к себе таких, как Дункан и Гурни?

Пол пожал плечами.

— Потом она сказала, что хороший правитель должен знать все языки своих подданных. Зуфир? — спросил Пол, — будет ли Арраки такой плохой, как она мне описала?

— Ничто не может быть слишком плохим. Возьми, например, этих изменников — Свободных. Могу только сказать тебе, что наши данные говорят, что их там немало, гораздо больше, чем считают. И они ненавидят Харконненов всем сердцем, не пропускай это мимо ушей, мой мальчик.

— Мой отец говорил мне о Салузе II, — сказал Пол. — Знаешь, Зуфир, это похоже на Арраку... возможно не так, но похоже.

— Мы о ней знаем мало, — сказал Хават.

— Свободные нам помогут?

— Возможно,— Хават встал.— Сегодня я улетаю на Арраку. А ты пока позаботься о себе сам, хотя бы ради меня, старика, который тебя так любит, ладно? И сиди только лицом к двери. Не то, чтобы я считаю, что в этом замке существует опасность для тебя, просто у тебя должна появиться такая привычка.

— Значит, ты сегодня улетаешь?

— Да, а ты последуешь за мной завтра. Следующая встреча на земле нового мира. Держись всегда начеку и ты полностью будешь в безопасности.— Он потрепал Пола по плечу и пошел к двери.

— Зуфир!

Хават оглянулся.

— Не сиди спиной к двери,— сказал Пол.

Усмешка скользнула по лицу старика.

Пол пересел на место Хавата.

Дверь напротив распахнулась и в нее вошел неуверенной походкой полный человек, вооруженный до зубов.

— Итак, Гурни Хэллек,— сказал Пол.— Теперь ты оружейный мастер?

Хэллек захлопнул дверь ногой.

— А ты предпочел бы, чтобы я еще играл с тобой?

Он оглядел комнату, подмечая, что люди Хавата поработали здесь. Пол наблюдал за ним. Круглый, как шар, человек суетливо устраивался на стуле. Хэллек положил на стол свое оружие. Тут была и его рапира, кинжал и защитные ленты.

— Так для меня нет даже «доброго утра»? — спросил он.— И какую колючку ты всадил в Хавата? Он промчался мимо меня, как будто спешил на похороны своего старого врага.

Пол улыбнулся. Он больше всего любил этого толстяка, проказливый характер которого и его юмор не раз вызывали у него усмешку. Хэллек снял с плеча музыкальный инструмент и принялся что-то наигрывать на нем.

— Если бы не нужно было поговорить...— пропел он.

Пол встал и прошелся по комнате.

— Ну, Гурни, ты что, пришел заниматься со мной музыкой? А ведь пришло время подраться.

— Нет, нашим приятным дням пришел конец,— сказал Хэллек.

— А где Дункан Айдахо? — спросил Пол.— Разве он не собирается обучать меня сегодня обращению с оружием?

— Дункан со вторым отрядом направляется на Арраку. Все что у тебя осталось, так это я.

— Может, ты тогда споешь мне балладу? Я хочу знать, как же надо это делать.

Гурни рассмеялся и начал петь.

— Неплохо для тебя.— сказал Пол.— Но если бы моя мать тебя слушала, она приказала бы прибить твои уши для украшения замка.

Гурни потрогал себя за уши.

— Неважное украшение.

Пол взял со стола защитный пояс и надел его.

— Защищайся!

Глаза Хэллека сделались круглыми от насмешливого удивления.

— Как? И твоя нечестивая рука поднялась на меня? Берегись, юный отрок.

Хэллек взял рапиру и взмахнул ею в воздухе.

— Я — дьявол, жаждущий крови!

Пол взял другую рапиру и встал в позицию, выставив ногу вперед.

— Ну и болвана же послал мне отец в учителя фехтования, — нараспев произнес Пол, нажимая кнопку защитного поля и чувствуя его действие.

Хэллек наблюдал за его действиями, и, когда тупое лезвие направилось к нему, он пропустил его мимо груди.

— Превосходно, — сказал он, — но ты раскрылся для скользящего удара из-под руки.

Опечаленный Пол отступил.

— Следовало бы проучить тебя за такую неосторожность.

Хэллек взял кинжал со стола.

— Вот с этой штуковиной не позволяй никому приближаться к тебе на расстояние вытянутой руки. Ты ведь обучен и способен драться, но даже в шутку не позволяй этого.

— Я сегодня не в настроении.

— Настроении? — голос Хэллека выдал его бешенство. — При чем тут настроение? Ведь ты будешь драться по необходимости и настроение здесь ни при чем. Настроение необходимо только для любви, для борьбы оно не годится.

— Извини, Гурни!

— Твоего извинения недостаточно.

Хэллек активизировал поле и повел стремительную атаку. Кинжал был угрожающе направлен вниз, рапира вверх. Прыжок в сторону, потом вперед не застал Пола врасплох, но, отражая атаку, Полу пришлось отступить. Он почувствовал, как затрещало его поле, когда соприкоснулись рапиры.

«Что это нашло на него? — подумал Пол. — Он ведь не притворяется». И Полу пришлось выхватить кинжал.

— Почувствовал в нем надобность? — усмехнулся Гурни.

«Предательство, — подумал Пол. — Но только не Гурни».

Они продолжали драться. Выпады и парирование, нападение и защита. Воздух в защитных полях становился все более спертым, с каждым контактом запах озона становился все более сильным. Пол, продолжая отступать, старался приблизиться к столу.

Пол отпарировал удар вниз, увидя рапиру Хэллека на краю стола. Отскочив в сторону, он выбросил вверх руку с рапирой, а кинжал послал к шее Хэллека, остановив лезвие в дюйме от яремной жилы.

— Ты этого хотел, Гурни?

— Посмотри вниз, мальчуган.

Пол заметил, что лезвие рапиры Хэллека находилось напротив его паха.

— Нам бы следовало продолжить, — сказал Хэллек. — Когда это

необходимо, ты можешь драться несмотря на плохое настроение. Гурни усмехнулся волчьей улыбкой, дрожь пробежала по его багровому шраму. — А как ты на меня накинулся, словно действительно хотел моей крови. — Хэллек отбросил кинжал. — Если бы ты дрался хуже своих возможностей, то мне пришлось бы оставить тебе метку в виде хорошенького шрама. Я не хочу, чтобы мой любимый ученик пал от первого же проклятого Харконнена.

Пол выключил поле и облокотился на угол стола, переводя дыхание.

— Я этого заслуживаю, Гурни. Но мой отец рассердился бы на тебя за это. А я не хочу, чтобы ты платил за мои ошибки.

— Наоборот, он наказал бы меня, если я не сделал бы из тебя первоклассного бойца.

Пол выпрямился и сунул кинжал в ножны.

— То, что мы здесь делали, — не совсем игра, — сказал Хэллек.

Пол кивнул. Его удивляла несвойственная Хэллеку серьезность и напряженность. Он посмотрел на извивающийся шрам под его подбородком, вспомнил историю о том, каким образом он был оставлен скотиной Рабаном, один из приближенных Харконнена. И Полу вдруг стало стыдно за то, что он мог хоть на мгновение усомниться в Хэллеке. Потом он подумал, что, получая этот шрам, Хэллек чувствовал боль — боль, возможно, не такую сильную, какая была внушена ему Преподобной Матерью. Но он отбросил эти мысли.

— Думаю, сегодня нам так и не удастся поиграть, — сказал Пол. — В последнее время все сделались чересчур серьезными.

Хэллек отвернулся, скрывая свои чувства. Что-то жгло ему глаза. Боль жила в нем от потерянного вчера, унесенного от него временем.

«Как быстро придется возмужать этому мальчику, — подумал Хэллек. — Как быстро придется ему научиться читать в своем сознании то, что являет собой жестокую необходимость».

Не оглядываясь, Хэллек проговорил:

— Я чувствовал, что тебе хочется поиграть, мальчуган, и мне ничего не оставалось, как пойти тебе навстречу. Но играм пришел конец. Завтра мы уезжаем на Арраку. Арраки — реальность. Харконнены — реальность.

Пол коснулся своего лба лезвием рапиры, которую он держал вертикально. Хэллек в это время повернулся, увидел салют, кивком дал знать, что понял жест. Он указал Полу на чучело.

— Давай теперь отработаем удары. Покажи-ка мне, как ты справляешься с этой штукой. Я буду наблюдать отсюда: так мне лучше видно. Я предупреждаю тебя, я испытаю на тебе еще один вид нападения. От врага ты подобного предупреждения не получил бы.

Пол встал на носки и потянулся, расслабляя мускулы. Мысль о том, что отныне его жизнь будет наполнена постоянными опасностями, нагнала на него тоску. Он подошел к чучелу, нажал на кнопку у него на груди и почувствовал, как защитное поле оттолкнуло его клинок.

— Внимание! — крикнул Хэллек, и чучело начало атаку.

Пол активизировал свое поле и принялся отражать удары и наносить ответные.

Хэллек наблюдал за его движениями. Его сознание, казалось, раздвоилось: одна его часть с неослабным вниманием следила за поединком, другая витала далеко отсюда.

«Я — хорошо тренированное плодовое дерево, — думал он. — Поле отточенных чувств и возможностей, и все они нестерпимо требуют отдачи».

Он почему-то ясно вспомнил юное лицо своей младшей сестры. Теперь ее не было в живых — она умерла в доме развлечений для отрядов Харконнена. Она любила цветы, но какие, он не помнил. Его беспокоило, что он не мог это вспомнить.

«Умный негодник, — подумал Хэллек, сосредоточившись теперь только на движениях руки Пола. — Он учится по своему собственному методу. Это не стиль Дункана и уж, конечно, не то, чему учил его. Эта мысль лишь verwiegла Хэллека в еще более глубокую печаль. Я поддался настроению», — подумал он. И он принялся размышлять о том, испытывает ли мальчик по ночам страх, навеянный ему его мыслями.

— Если бы желания были рыбами, мы все бы забрасывали свои сети в них, — пробормотал он. Это было выражение его матери, он всегда прибегал к нему, когда чувствовал, как сгущается над ним чернота завтрашнего дня. Потом он подумал о том, какой странный вид должен быть у планеты, никогда не знавшей ни морей, ни рыб.

ПРЕДАТЕЛЬ

Хотя он и услышал, как доктор Уйе вошел в учебную комнату, отметив нарочитую небрежность его шагов, Пол продолжал лежать на учебном столе в том положении, каком его оставила массажистка. Он с удовольствием отдыхал после работы, которую задал ему Гурни Хэллек.

— Как ты удобно устроился, — сказал ему Уйе своим спокойным, высоким голосом.

Пол поднял голову, увидел в нескольких шагах от себя высокую фигуру человека, отметил взглядом его черную в складках одежду, квадратной формы голову с пурпурными губами и отвислыми усами, с бриллиантовой татуировкой на лбу, длинными черными волосами, перехваченными над левым плечом серебряным кольцом Сак Скул.

— Ты будешь рад услышать, что сегодня у нас нет времени для обычного урока, — сказал Уйе. — Скоро придет твой отец.

Пол сел.

— Тем не менее, я устроил так, что на пути к Арраке ты сможешь просмотреть фильм-книгу и несколько уроков.

— О...

Пол принялся натягивать на себя одежду. Он был в восторге от предстоящего посещения отца. Они провели вместе не так много

времени с тех пор, как Император приказал принять им поместье на Арраки.

Уйе подошел к столу, думая: «Как развился мальчик за эти несколько месяцев. Какая потеря! О, какая печальная потеря!» И он напомнил себе: «Я не должен колебаться. Что сделано, то сделано. И все ради того, чтобы Ванна не подвергалась больше обидам со стороны Харконненов».

Пол подошел к нему, застегивая пуговицы своей куртки.

— Что я буду изучать в пути?

— А... Наземные формы жизни Арраки. Планета, кажется, открыла свои объятия лишь нескольким жизненным формам. Теперь это ясно. Я должен отыскать планетного эколога, когда мы прибудем, доктора Кайнза... и предложить ему свою помощь в ее изучении.

И Уйе подумал: «Что я говорю? Я лицемер даже перед собой!»

— А там будет что-нибудь о Свободных? — спросил Пол.

— О Свободных? — Уйе стиснул пальцами край стола и, увидев, что Пол заметил его нервный жест, отдернул руку.

— Может быть, у тебя есть что-нибудь обо всем населении Арраки, — сказал Пол.

— Конечно, Пол, — ответил Уйе. — Люди делятся на две основные группы: одна группа — Свободные, другая — грабены, синки и паны. Мне говорили, что они женятся и выходят замуж не только внутри одного племени. Женщины из деревень синков и панов предпочитают мужей из Свободных, их мужчины предпочитают жен из Свободных. У них есть поговорка: изысканность приходит из города, мудрость — из пустыни.

— У тебя есть их фотографии?

— Я посмотрю, что можно для тебя достать. Самой интересной чертой у них являются, конечно, глаза — совершенно синие, без белка.

— Мутация?

— Нет. Это связано с насыщением крови меланжем.

— Свободные должны быть очень храбрыми, если они живут на краю пустыни.

— По общим отзывам — да, — сказал Уйе. — Они слагают стихи о своих ножах. Женщины у них такие же свирепые, как и мужчины. Даже дети Свободных жестоки и опасны. Тебе, я думаю, не позволят с ними играть.

Пол посмотрел на Уйе. Его чрезвычайно заинтересовали замечания о силе Свободных. Вот люди, которые смогли бы побеждать!

— А черви? — спросил Пол.

— Что?

— Я бы хотел побольше узнать о песчаных червях.

— А... конечно. У меня есть фильмотека, правда, очень малого объема — только десять метров в длину и два метра в диаметре. Она была сделана на северной широте. Свидетели, на которых можно было положиться, сообщали о червях, имевших более четырех метров в длину, и есть причины полагать, что есть и еще более крупные особи.

Пол перевел взгляд вниз, на коническую проекционную карту северных арраконских широт, расположенную на столе.

— Пояс пустынь и района южного полюса отмечены как необитаемые. Это из-за червей?

— Из-за штормов.

— Но любое место можно сделать обитаемым.

— Если это экономически возможно, — сказал Уйе. — На Арраке много дорогого жемчуга. — Он погладил свои свисающие усы. — Скоро сюда придет твой отец. Прежде, чем я уйду, я хочу кое-что подарить тебе. Я наткнулся на этот предмет, занимаясь укладкой вещей. — Он выложил предмет на стол. Это был черный, продолговатый, не больше подушечки большого пальца ящичек.

Пол посмотрел на него. Уйе отметил, что мальчик не притронулся к нему, и подумал, что он очень осторожен.

— Это очень старая «Оранжевая металлическая библия», сделанная для космических путешествий. Она имеет свою собственную лупу и электростатическую вращающуюся схему. — Он взял ее в руки, демонстрируя. — Книга находится в закрытом состоянии под действием электрических зарядов, которые действуют на пружинный замок футляра. Ты нажимаешь на край — вот так — и страницы, которые ты выбрал, отталкиваются друг от друга и книга открывается.

— Она такая маленькая.

— Однако в ней восемьсот страниц. Ты нажимаешь на этот край... и заряды будут двигать страницы по мере того, как ты будешь их читать. Никогда не касайся страниц пальцами. Ткань, из которой они сделаны, слишком нежна. — Он закрыл книгу и протянул ее Полу. — Попробуй.

Уйе наблюдал за тем, как Пол трудился над приспособлением, от которого зависело движение страниц, и думал: «Я дал ему источник религии прежде, чем его предать. Это для того, чтобы я мог сказать себе, что он ушел туда, куда я уйти не смогу».

— Это должно быть сделано до того, как были созданы фильмоки, — сказал Пол.

— Она весьма старая. Пусть это будет нашей тайной, хорошо? Твои родители могут решить, что подобная вещь слишком ценна для такого мальчика. Уйе подумал: «Его мать, конечно, задумалась бы над тем, что мной движет, делая такой подарок».

— Хорошо... — Пол закрыл книгу, продолжая держать ее в руке. — Она такая ценная.

— Доставь удовольствие старику, — сказал Уйе, — она была подарена мне, когда я был совсем юным. — И он подумал: «Я должен, должен поймать его ум так же, как сейчас его алчность». — Открой на четыреста шестьдесят седьмой странице, где сказано: «Вся жизнь начинается с воды». На кромке есть маленькая зазубрина, с помощью которой можно отмечать нужные места.

Пол нащупал рамку и нашел две зазубрины: одна сидела несколько глубже, чем другая. Он нажал на последнюю, и книга открылась на его ладони, и ее увеличитель скользнул на место.

— Прочти его вслух,— сказал Уйе.

Пол облизал губы языком и прочел:

— Подумай о том, чего не может слышать глухой. Что же это за глухота, которой мы все не могли бы обладать? Каких чувств мы лишены, если не можем видеть и слышать окружающий нас другой мир? Что такое есть вокруг нас, если мы не можем...

— Хватит! — крикнул Уйе.

Уйе закрыл глаза, пытаясь вернуть себе самообладание. «Что же явилось причиной того, что книга открылась на любимом месте Ванны?» Он открыл глаза и увидел, что Пол продолжает пристально смотреть на него.

— Прости меня,— сказал Уйе.— Это было любимое место моей умершей жены. Я совсем не это собирался от тебя услышать. Оно оживило во мне воспоминания, которые... причиняют мне боль.

— Там две отметки,— сказал Пол.

«Конечно,— подумал Уйе,— Ванна сделала свою отметку. Его пальцы более чувствительны, чем мои, и они нашли ее отметку. Это был случай, не более».

— Ты можешь найти эту книгу интересной,— сказал Уйе.— В ней много правдивых историй, таких же хороших, как добрая этическая философия.

Пол посмотрел на крошечную книжечку на своей руке — такая малосенькая вещица. Да, она хранит в себе тайну... нечто случится, пока он будет ее читать. Он почувствовал, как в нем опять шевельнулось предчувствие его ужасной цели.

— Твой отец может быть здесь каждую минуту,— сказал Уйе.— Почитаешь ее на досуге.

Пол тронул край книги, как ему показал Уйе. Она сама закрылась. Он сунул ее в свою тунуку. Когда Уйе закричал на него, Пол на какое-то мгновение испугался, что тот заберет ее обратно.

— Благодарю тебя, доктор Уйе, за подарок,— сказал Пол, как того требовал этикет.— Это будет наша тайна. Если ты хочешь от меня какого-нибудь подарка, если я могу что-то для тебя сделать, говори без колебаний.

— Мне... ничего не нужно,— сказал Уйе.

И он подумал: «Зачем я стою здесь и мучаюсь? И мучаю этого бедного мальчика... хотя он этого и не знает. О, черт бы побрал этих зверей Харконненов! Почему они избрали для своей мерзкой цели именно меня?»

ГЕРЦОГ ЛЕТО

Пол наблюдал за тем, как его отец входит, заметил охрану, занявшую посты у двери.

Герцог был высоким, с оливковой кожей. На его тонком лице теплыми были только серые глаза. На нем была черная форма с красными геральдическими ястребиными клювами на груди. Его

тонкую талию опоясывал серебряный защитный пояс, почерневший от долгого пользования. Он спросил:

— Тяжело работать, сын?

Он подошел к столу, посмотрел на разложенные на нем бумаги, обвел взглядом комнату и снова посмотрел на Пола. Он чувствовал себя усталым и наполненным болью, но не показывал этого. «Я должен использовать любую возможность и отдохнуть во время перелета на Арраки», — подумал он. Там отдыха уже не будет.

— Не слишком тяжело, — ответил Пол. — Все так... — Он пожал плечами.

— Да. Итак, мы завтра улетаем. Я буду рад, когда мы устроимся в нашем новом доме и все неприятности останутся позади.

Пол кивнул, внезапно вспомнив слова Преподобной Матери: «Для твоего отца... ничего».

— Отец, — сказал Пол, — неужели Арраки так опасна, как о ней говорят?

Герцог вынудил себя к обычному жесту и, улыбаясь, присел на край стола. Целые фразы пронесли в его мыслях — те слова, которыми он мог бы рассеять хандру в своих людях накануне битвы. Но все эти фразы стерлись прежде, чем он смог их произнести, подавленные одной-единственной мыслью: «Это мой сын».

— Она будет опасна, — согласился он.

— Хават говорит, что у нас есть план насчет Свободных, — сказал Пол. И он удивился про себя: «Почему я не говорю ему о том, что сказала старуха? Как ей удалось заставить меня замолчать?»

Герцог увидел уныние своего сына и сказал:

— Хават, как всегда, видит главную возможность. Но есть и много других. Я вижу еще одну в СНОАМе. Отдавая мне Арраки, Его Величество вынужден отдать нам директорство в СНОАМе. Это трудное звено.

— СНОАМ контролирует пространство, — сказал Пол.

— И Арраки с его пространством — наша дорога в СНОАМ, — сказал Герцог.

— Преподобная Мать предупреждала тебя? — выпалил вдруг Пол. Он сжал пальцы в кулаки и почувствовал, как его ладони сделались влажными от пота. Чтобы задать этот вопрос, ему пришлось сделать огромное усилие.

— Хават сказал мне, что она напугала тебя своими предостережениями об Арраки, — сказал Герцог. — Не позволяй страхам воздействовать на свой ум. Ни одна женщина не захочет, чтобы ее любовь подвергалась опасности. За этими предупреждениями видна рука твоей матери. Прими это как знак ее любви к нам.

— Она же знает о Свободных?

— Да, и о многом другом.

— О чем?

Герцог подумал: «Правда может быть хуже собственных представлений, но даже опасные факты ценны, если ты, в силу своего обучения, умеешь с ними обращаться. Это как раз то, чему мой сын должен

научиться во что бы то ни стало — умению обращаться с опасными фактами. Он выучится, он ведь так юн».

— Кое-что избежало хватки СНОАМа, — сказал Герцог. — Лес, ослы, лошади, китовый ус — самое прозаическое и самое экзотическое. Даже наш бедный рис панди с Келадана. Все, что перенесет Союз, создает ловкость Иказа. Но все тускнеет перед меланжем. За пригоршню спайса можно купить дом на Тупиле. Он не может быть произведен где-то, он может быть добыт только на Арраки. Он — уникален и имеет истинные гериатрические свойства.

— И теперь он будет под нашим контролем?

— До определенного предела. Необходимо считаться со всеми Домами, которые зависят от прибылей СНОАМа. И подумай о том, насколько размеры этих прибылей зависят от спайса — простого продукта. Представь себе, что бы случилось, если бы нечто понизило его добычу.

— Тот, у кого оказались бы запасы меланжа, стал бы хозяином положения. Остальные остались бы в дураках.

Герцог позволил себе удовлетворенно усмехнуться, глядя на сына и думая о том, насколько проникающей и по-настоящему тонкой является наблюдательность, которой тот обладал. Он кивнул.

— Харконнены были владельцами запасов в течение более двадцати лет.

— Они хотят, чтобы производство спайса сократилось, и ты был посрамлен.

— Они надеются на то, что имя Атридесов станет непопулярным, — сказал Герцог. — Подумай о Домах Ландсраада, которые смотрят на меня в некоторой степени, как на их неофициального представителя. Подумай, какова была бы их реакция, если бы я стал виновником серьезного понижения их доходов. В конце концов, прежде всего — собственная выгода. К черту Великую Конвенцию! Нельзя позволять, чтобы кто-то доводил тебя до нищеты! — Жесткая усмешка тронула губы Герцога. — Они будут заниматься извлечением своей выгоды в любом случае, что бы со мной ни случилось.

— Даже если бы мы подверглись нападению противника с атомным оружием?

— Ничего нельзя исключать. Открытого неповиновения конгрессу не будет. Но всего остального надо ожидать... возможно даже распыления или отравления почвы.

— Тогда зачем же мы все это делаем?

— Пою! — Герцог, нахмурившись, посмотрел на сына. — Знать, где находится ловушка, — первый шаг к ее избежанию. Это похоже на обычную битву, сын, только на более высоком уровне — маневр внутри маневра... и так, по-видимому, без конца. Задача в том, чтобы распутать этот клубок. Зная, что у Харконненов имеется запас меланжа, мы задаем другой вопрос: у кого еще есть такой запас? Это и будет списком наших врагов.

— У кого же он еще есть?

— У некоторых Домов, которые мы считаем недружественными,

и у некоторых, которые считаем дружественными. В настоящий момент следует рассматривать их как нечто важное, потому что еще есть одно лицо, куда более важное — наш возлюбленный падишах-император.

Пол попытался увлажнить слюной внезапно пересохшее горло.

— Разве мы не можем созвать Ландсраад и раскрыть...

— И дать нашим врагам знать, что нам известно, кто наши враги? Да, Пол, теперь мы видим нож. Кто знает, куда будет направлен их следующий шаг? Если мы начнем раньше Ландсраада, это лишь создаст огромные беспорядки. Император будет все отрицать. Кто может ему противоречить? Все, что мы можем выиграть, — это немного времени, пока будут продолжаться эти беспорядки. Но откуда нам ждать следующий удар?

— Все Дома могли бы начать собирать спайс.

— У наших врагов слишком длинные руки, чтобы можно было их победить.

— Император, — сказал Пол, — это значит сардукары.

— Без сомнения переодетые в форму Харконниенов, — сказал Герцог.

— Нам могут помочь Свободные против сардукаров?

— Хватит говорить о Салузе II.

— Тюремной планете Императора?

— А что если планет-тюрем будет больше, чем одна? Вот вопрос о сардукарах, Пол. Откуда они берутся?

— Из планеты-тюрьмы?

— Они откуда-то появляются.

— Но наборы рекрутов, которые Император требует от...

— Это как раз то, во что мы должны верить: они всего лишь великолепно обученные молодые рекруты. Ты слишком много слушаешь болтовню об императорских учебных кадрах, но баланс нашей цивилизации остается тем же: военные силы Великого Дома Ландсраада, с одной стороны, и сардукары с поддерживающими их рекрутами — с другой. Сардукары остаются сардукарами.

— Но любое сообщение о Салузе II утверждает, что там ад?

— Несомненно. Но если ты хочешь вырасти жестоким, сильным мужчиной, то условия подходят для этого.

— Как же можно добиться лояльности подобных людей?

— Есть проверенные пути: на определенном знании их превосходства, мистических тайн завета, мыслей о их разделенном страдании. Это можно сделать. Это делалось много раз и во многих мирах.

Пол кивнул, не отводя взгляда от отцовского лица. Он чувствовал близость откровения.

— Подумай об Арраки, — сказал Герцог. — Внешние города и гарнизонные деревни такие же ужасные места, как и Салуза II.

Глаза Пола широко раскрылись.

— Свободные!

— В принципе мы имеем там такие же сильные и свирепые отряды, как сардукары. Конечно, понадобится терпение на их тща-

тельное обучение и деньги на их экипировку. Но Свободные там... и сокровища спайса тоже там. Теперь ты понимаешь, почему мы летим на Арраки, зная о ловушке?

— Разве Харконнены не знают о Свободных?

— Харконнены презирают Свободных, охотясь на них ради развлечения, никогда не пытались их посчитать. Нам известно обращение Харконненов с планетным населением, надежд на его поддержку очень мало. — Металлическая нить из ястребиного клюва на груди отца сверкнула, когда Герцог переменял положение. — Тебе понятно?

— Нам надо немедленно начать переговоры со Свободными, — сказал Пол.

— Я послал делегацию, возглавляемую Дунканом Айдахо, — сказал отец. — Дункан человек грубый и беспощадный, но обожающий правду. Я думаю, что Свободные его полюбят. Если нам повезет, они начнут судить о нас по нему.

— Да, Дункан — честь, — сказал Пол. — А Гурни — доблесть.

— Ты хорошо их назвал, — сказал Герцог.

А Пол подумал: «Гурни один из тех, кого Преподобная Мать назвала так...»

— Гурни сказал мне, что ты хорошо сегодня дрался, — сказал Герцог.

— Но это не то же самое, что он сказал мне.

Герцог громко рассмеялся.

— А я уже решил, что Гурни разбрасывается комплиментами. Он сказал, что ты обладаешь приличными навыками. Это его собственные слова — о разнице между острием клинка и его лезвием.

— Гурни сказал, что в убийстве острием нет жестокости и что не нужно убивать лезвием.

— Гурни — романтик, — проворчал Герцог. Этот разговор об убийстве, затеянный его сыном, внезапно встревожил его. — Я бы предпочел, чтобы тебе никогда не пришлось убивать. Но если в этом возникнет необходимость, ты это сделаешь так, как сможешь: острием или лезвием. — Он посмотрел на небо, с которого накрапывал дождь.

Поймав взгляд отца, Пол подумал, что люди на Арраки никогда не видели дождя. Эти мысли обратили его ум на другое.

— Корабли Союза действительно велики? — спросил он.

— Да, велики. Мы полетим на хайлайнере, потому что это долгий перелет. Все наши агрегаты и транспорт поместятся в утробе его трюма — они будут лишь малой частью судовой декларации грузов.

— А мы не можем оставить фрегаты?

— Это часть суммы, которую ты платишь за свою безопасность и безопасность Союза. Корабли Харконненов могут появиться совсем рядом и нам нечем будет от них отбиться.

— Я буду наблюдать за всеми и попытаюсь увидеть человека Союза.

— Тебе это не удастся. Даже их агентам не удастся увидеть человека Союза. Союз очень ревностно относится к поддержанию

тайны, как к своей монополии. Не делай ничего такого, что может подвергнуть опасности наши торговые привилегии, Пол.

— Ты думаешь, что они скрываются потому, что изменились... и не выглядят больше людьми?

— Кто знает? — Герцог пожал плечами. — Это тайна, которую мы вряд ли разгадаем. У нас есть более насущные проблемы, и среди них — ты.

— Я?

— Твоя мать хочет, чтобы именно я сказал об этом тебе, сын. Видишь ли, в тебе могут скрываться способности Ментата.

Несколько мгновений Пол пристально смотрел на отца, incapable вымолвить ни слова, потом произнес:

— Ментата! Я? Но я...

— Хават согласен, сын. Это правда.

— Но я думал, что обучение Ментата должно начинаться с младенческих лет, и об этом нельзя говорить, потому что может произойти ранее... — Он оборвал себя.

— Понимаю, — сказал Пол.

— Приходит день, — сказал Герцог, — когда потенциальный Ментат должен узнать об этом. Он не должен больше оставаться пассивным. Ментат должен сделать вывод: продолжать ему обучение или прекратить его. Некоторые могут продолжать, некоторые к этому неспособны. Только потенциальный Ментат может решить это для себя.

Пол вытер вспотевший подбородок. Все специальные виды обучения, полученные им от Хавата и матери: контроль и острота чувств, изучение языков и нюансов голосов — это все стало восприниматься им по-новому.

— Со временем ты станешь Герцогом, сын, — сказал ему отец. — Герцог Ментат — это было бы великолепно. Ты можешь решить это сейчас или тебе понадобится время?

В ответе не было колебаний.

— Я буду продолжать обучение.

— Поистине великолепно, — пробормотал Герцог, и Пол увидел гордую улыбку на губах отца. Эта улыбка поразила Пола: она придавала тонким чертам лица Герцога злобещий вид, сделав его лицо похожим на череп.

Полузакрыв глаза, Пол чувствовал в себе пробуждение ужасной силы. Возможно, быть Ментатом и есть ужасная сила, подумал он. Но, когда он сфокусировался на этой мысли, его внутренние чувства сказали — нет.

ТАЙНА КРИСНОЖА

Все вокруг леди Джессики — большой арраканский холл и часть открытого пространства — было завалено их багажом: ящиками, коробками, сундуками, чемоданами, некоторые из которых были

распакованы. Она слышала, как рабочие Союза переносили другую часть груза. Джессика стояла в центре холла. Она медленно повернулась, оглядывая затейливую резьбу. Этот немислимый анахронизм комнаты напомнил ей холл ее школы Бене Гессери. Но там он создавал ощущение теплоты, здесь же все было холодным камнем.

«Какой-то архитектор глубоко изучил историю, прежде чем создать эти стены на опорах и темные драпировки», — думала она. Сводчатый потолок высился над ней двумя ярусами, его огромная крестовина стоила должно быть очень дорого и была доставлена на Арраки с соседних Галактик. Ни на одной планете этой системы не росли деревья, из которых можно было бы сделать подобные балки, если они только не были имитацией дерева.

«Нет, — подумала она, — это должно быть был правительственный дом времен старой Империи, ведь стоимость в те времена не имела значения. Лето поступил мудро, выбрав для резиденции это место. Оно уважается арраканцами, чтящими традиции. И этот город был меньше, его легче было держать в порядке и оборонять».

Снова раздался грохот вдвигаемых в дверь ящиков. Джессика вздохнула.

Прислоненный к коробке, справа от нее, стоял портрет Герцога. Перевязочная бечевка свисала с него, как потрепанная декорация. Кусочек бечевки все еще был зажат в руке Джессики. Возле портрета лежала черная бычья голова, насаженная на полированную доску. Блестящая голова смотрела в потолок, как будто животное было готово зареветь в этой наполненной эхом комнате.

Джессика сама удивилась, какое чувство заставило ее первыми распаковать эти вещи: голову и портрет. Она знала, что в этом поступке было нечто символичное. Ни разу с того дня, как посланцы Герцога забрали ее из школы, она не чувствовала себя такой испуганной и неуверенной в себе.

Голова и портрет. Они усиливали ее чувство замешательства. Она пожала плечами и посмотрела на щель окна высоко над ее головой. Там все еще был ранний день, но небо в этих широтах было холоднее и темнее, чем тепло-голубое небо ее родной планеты. Тоска по дому сжала ей грудь. Как он далеко, Келадан.

— Ну, вот мы и на месте.

Это был голос Герцога Лето.

Она круто повернулась и увидела, как он выходит из-под арки, ведущей в столовую. Его черная рабочая одежда с красными ястребиными клювами на груди была пыльной и мятой.

— Ты, наверное, совсем потерялась в этом уродливом месте, — сказал он.

— Какой холодный дом, — сказала она.

Она посмотрела на его высокую темнокожую фигуру. Глаза его напоминали цвет древесного дыма, но само лицо было лицом хищника: тонким с резко очерченными скулами. Внезапный страх перед ним стиснул ей грудь. Он стал таким далеким и чужим с тех пор, как подчинился приказу Императора.

— Холодно во всем городе, — сказала она.

— Это грязный, пыльный, гарнизонный городишко, — согласился он. — Но мы его изменим. — Он оглядел холл. — Это зал для встреч. Я приглядел спальни в южном крыле. Там гораздо уютнее.

Он подошел к ней и коснулся ее руки, любуясь ее величавостью.

И снова он подумал, откуда же она родом? Из ветви королевских изгнанников? Она казалась более царственной, чем все члены правящей императорской семьи.

Под его упорным взглядом она полуотвернулась, показывая ему свой профиль. И он подумал, что в ее красоте нет ничего такого, чтобы выбилось бы из гармонии. Лицо правильной овальной формы под облаком волос цвета отполированной бронзы. Широко расставленные глаза свежие, как утреннее небо Келадана — зеленые и ясные. Ее нос был маленьким, рот же большим и ярко-красным, фигура у нее была хорошей, формы стройные: она была высока и худощава.

Он вспомнил, что сестры в школе звали ее костлявой, как сказали ему покупатели, посланные им. Но подобное сравнение было слишком грубым. Она внесла в род Атридесов царственную красоту. Он был рад, что Пол был похож на нее.

— Где Пол? — спросил Лето.

— Где-то в доме, берет уроки у Уйе.

— Возможно, в южном крыле, — сказал он. — Мне кажется, я там слышал голос Уйе, но у меня не было времени посмотреть. — Лето посмотрел на нее и заколебался. — Я пришел сюда, чтобы повесить ключи от келаданского замка.

Она задержала дыхание, подавляя импульс броситься к нему. Повесить ключи здесь была завершающая определенность. Но время и место были неподходящими для изъяснения чувств.

— Я видела наше знамя над домом, когда мы въезжали, — сказала она.

Он также посмотрел на портрет.

— Где ты собираешься его повесить?

— Где-нибудь здесь.

— Нет. — Слово было сказано жестко и решительно. Оно дало понять ей, что она может добиться своего только хитростью, но открытый спор бесполезен. И все же она решила попробовать, хотя жест его головы говорил о том, что ей сейчас не удастся его перехитрить.

— Господин мой, — сказала она, — если ты только...

— Ответ остается «нет». Я спокойно уступлю тебе во всем, но в этом — нет. Я только что был в столовой, где имеется...

— Нет, Господин! Пожалуйста.

— Выбор следует сделать между твоим пищеварением и моей родовой гордостью, дорогая. Он будет висеть в столовой.

— Да, мой Господин.

— Ты можешь и впредь следовать своей привычке обедать в своей комнате, когда это возможно. Я буду требовать, чтобы ты была на своем месте в столовой в торжественных случаях.

— Благодарю тебя, мой Господин.

— И не будь со мной такой холодной и сдержанной! Скажи спасибо, моя дорогая, что я не женился на тебе! Тогда бы твое присутствие за столом во время каждой трапезы было бы твоим долгом.

Она кивнула, не меняя выражения лица.

— Хават уже устроил для нас места в столовой,— сказал он.— И в твоей комнате тоже есть маленький стол.

— Тебе это не нравится... ты недоволен.

— Дорогая моя, я долго думал о твоём комфорте. Я нанял новых слуг. Они местные, но Хават проверил их. Все они Свободные. Они заменили наших людей и те освободились от дополнительных обязанностей.

— Может ли кто-то из местных быть по-настоящему безопасен!

— Любой, кто ненавидит Харконненов. Ты можешь даже держать домоправительницу Шадоут Мапес.

— Шадоут,— сказала Джессика.— Это титул Свободных.

— Мне сказали, что это означает «хорошо погруженная». Может быть, она не покажется тебе типичной служанкой, хотя Хават отзывался о ней хорошо на основании рапорта Дункана. Они убеждены, что она хочет служить, вернее, что она хочет служить тебе.

— Мне?

— Свободные узнали, что ты Бене Гессери,— сказал он.— Здесь ходят легенды о Бене Гессери.

«Миссионерия Протектива»,— подумала Джессика.— Ни одно место ее не избежало,— это означает, что Дункан действовал успешно? — спросила она.— Свободные могут быть нашими союзниками?

— Ничего определенного нет,— сказал он.— Они, как думает Дункан, хотят понаблюдать за нами некоторое время. Тем не менее, они обещали прекратить набеги на наши пограничные деревни в период перемирия. Это гораздо важнее, чем может показаться вначале. Хават рассказал, что они нанесли Харконненам такой ущерб, что данные о нем заботливо скрываются. Но Император все равно узнал о малой эффективности власти Харконненов.

— Домоправительница из Свободных...— задумчиво протянула Джессика, возвращаясь к прерванному разговору.— У нее будут чисто-голубые глаза.

— Не позволяй внешности этих людей обманывать тебя,— сказал он.— В них есть глубокая сила и завидная жизнеспособность. Я думаю, в них есть все, в чем мы нуждаемся.

— Это опасная игра,— сказала она.

— Давай не будем начинать все сначала.

Она заставила себя улыбнуться.

— Мы уже начали, в этом нет сомнения,— она быстро проделала обряд приобретения духовного равновесия; два глубоких вдоха, ритуальные мысли, потом сказала: — Могу ли я быть тебе полезной после того, как закончу с комнатами?

— Ты должна когда-нибудь объяснить мне, как ты это делаешь,—

сказал он.— Как ты отбрасываешь от себя все беспокойное и полностью переходишь к практической стороне дела. Это, должно быть, умение Бене Гессери.

— Это женское умение,— поправила она.

Он улыбнулся.

— Что ж, занимайся комнатами. Проверь, чтобы рядом с моей спальней было помещение для большого кабинета. Здесь будет больше работы с бумагами, чем на Келадане. И, конечно, комната для охраны. Она должна примыкать к кабинету. О безопасности внутри дома не беспокойся. Люди Хавата основательно его перетрясли.

— Конечно, я не сомневаюсь.

Он посмотрел на часы.

— И ты должна проследить, чтобы все наши часы были переведены на арраканское время. Я назначил для этого специального человека. Он должен сейчас подойти.— Он откинул со лба прядь волос.— Теперь я должен вернуться на посадочную площадку. В любую минуту может прибыть второй корабль с вещами.

— Разве Хават не может их встретить, мой господин? У тебя такой усталый вид.

— Зуфир занят даже более, чем я. Ты же знаешь, что вся эта планета пронизана интригами Харконненов. Кроме того, я должен попытаться отговорить от отъезда нескольких опытных охотников за спайсом. Они, как ты это знаешь, имеют полное право на это при смене правителя, а этого планетолога, поставленного в качестве судьи изменения императором и Ландсраадом, невозможно подкупить. Он позволяет отъезд. Добыча спайса может потерять около восьмисот умелых рук, а грузовой корабль Союза уже стоит наготове.

— Мой Господин...— она замолчала, не смея говорить дальше.

— Да?

«Его невозможно будет отговорить от попытки сделать эту планету безопасной для нас,— думала она.— И я не смогу использовать для этого свое умение воздействия на человека».

— В какое время ты собираешься обедать?

«Она не это хотела сказать»,— подумал Лето.

— Я поем в офицерской столовой в порту,— ответил он.— Вернусь очень поздно, ты меня не жди. И... э, я пришлю охранника за Полом. Я хочу, чтобы он также присутствовал на нашем стратегическом совещании.

Он прочистил горло, как если бы собирался еще что-то сказать, потом, без предупреждения, повернулся и вышел, направляясь к выходу, откуда слышался стук опускаемых ящиков. Его голос, уверенный и презрительный, как всегда при разговоре со слугами, еще раз достиг ее слуха:

— Леди Джессика в большом холле. Немедленно идите к ней.

Входная дверь хлопнула.

Джессика повернулась и еще раз посмотрела на портрет отца Лето. Он был выполнен известным художником Альбом в зрелые годы старого Герцога, где он был изображен в костюме матадора: красная

накидка была переброшена через левую руку. Лицо его казалось молодым, едва ли старше лица Герцога Лето, и имело такие же ястребиные черты, тот же взгляд серых глаз. Она сжала пальцы в кулак, прижала к бокам и напряженно глядела на портрет. Черт бы тебя побрал! Черт бы тебя побрал! Черт бы тебя побрал!

— Что прикажете, ваше высокородие?

Джессика резко повернулась и посмотрела на приземистую седовласую женщину в бесформенном платье коричневого цвета. Женщина была такой же морщинистой и бесцветной, как и те, что приветствовали их в порту. Все виденные леди Джессикой туземцы на этой планете были черны и изнурены. И все же Лето сказал, что они сильны и полны жизненной силы. И конечно их глаза — полные глубокой темной голубизны, без белка — скрытые, таинственные. Джессика силой заставила себя отвести от них взгляд.

Женщина поклонилась, не сгибая шеи, и сказала:

— Меня зовут Шадоут Мапес, ваше высокородие. Что прикажете?

— Вы можете обращаться ко мне «моя госпожа», — сказала Джессика. — Я не высокородная. Я — наложница Герцога Лето.

— Значит, есть еще жена? — спросила женщина, снова странно поклонившись.

— Нет, ее нет. Я единственная... спутница Герцога, мать его наследника.

Даже произнося эту фразу, Джессика внутренне смеялась над гордостью своих слов.

Странный крик послышался с проходящей возле дома дороги. Он повторился: Соо-ooo-соок! Соо-ooo-соок! — Потом: — Икхут-ай! Икхут-ай! — И снова: — Соо-ooo-соок!

— Что это? — спросила Джессика. — Когда мы проезжали по улице, я этот крик несколько раз слышала.

— Это всего лишь продавец воды, моя госпожа. Но вам не стоит интересоваться такими, как он. Цистерна этого дома вмещает пятьдесят тысяч литров воды, и она всегда полна. — Женщина посмотрела на свое платье. — А вы знаете, моя госпожа, я даже не надела здесь свой защитный костюм! — Она хихикнула. — И даже не мертва...

Джессика заколебалась, желая расспросить женщину и не решаясь, поскольку самым важным сейчас было наведение порядка в замке. И все же она осознала, что мысль о том, что вода здесь является главной причиной благополучия, расстроила ее.

— Мой муж сказал мне о твоём титуле, Шадоут, — сказала Джессика. — Я узнала это слово. Оно очень старое.

— Так вы знаете древний язык? — спросила Мапес и в странной напряженности стала ждать ответа.

— Языки — это то, чему учат в Бене Гессери прежде всего, — сказала Джессика. — Я знаю Ботани Джиб и Чакобау, все охотничьи языки.

Мапес кивнула:

— Как раз так говорит легенда.

«Зачем я играю в этот обман?» — удивилась Джессика. Она читала по лицу Мапес, замечая мельчайшие детали изменения в нем.

— Я знаю темные вещи и пути Великой Матери, — сказала Джессика. — «Мизекс прея», — сказала она на языке Чакобау.

Мапес попятилась назад и, казалось, страшно испугалась.

— Я много знаю о вас, — продолжала Джессика. — Я знаю, что ты родила двоих детей, что ты потеряла одного из них, что ты жила в страхе, что совершила жестокий поступок и совершишь его еще. Я знаю многое.

Мапес сказала тихо:

— Я не хотела вас обидеть, моя госпожа.

— Ты говорила о легенде и ждала от меня ответа, — сказала Джессика. — Остерегайся ответа, который ты можешь услышать. Я знаю, что ты пришла совершить убийство и за корсажем у тебя оружие.

— Моя госпожа, я...

— Есть слабая надежда выполнить то, что ты задумала, — сказала Джессика. — Но сделав это, ты бы принесла больше беды, чем даже может вообразить твой дикий страх. Есть вещи худшие, чем смерть, даже для целого народа.

— Моя госпожа! — взмолилась Мапес. Она, казалось, была готова упасть на колени. — Оружие было послано тебе как подарок, чтобы ты могла доказать, что можешь быть здесь первой.

— А должна ли я доказывать тебе значение моей смерти? — сказала Джессика. Она ждала ответа и казалась заряженной тем спокойствием, какое делало Бене Гессери такой непобедимой в борьбе.

«Теперь посмотрим, в какую сторону склонится чаша весов ее решения», — думала она.

Мапес медленно сунула руку за ворот и извлекла темный футляр, из которого торчала черная серебряная рукоятка. Она взялась одной рукой за футляр, другой за рукоятку, выдернула из футляра молочно-белый клинок и держала его на весу. Клинок казался сияющим и горящим своим собственным светом. Он был как бы с двумя остриями и имел в длину сантиметров двадцать.

— Вам это знакомо, моя леди? — спросила Мапес.

Извлеченный предмет мог означать только одно. Джессика была уверена, что это легендарный криснож Арраки, нож, который никогда не вывозился с планеты и о котором было известно только по неподтвержденным слухам.

— Это криснож, — сказала она.

— Вы так легко об этом говорите... — сказала Шадоут. — Вам известно его назначение?

И Джессика подумала: все предыдущее велось к этому вопросу. Вот причина, по которой эта Свободная пошла ко мне в услужение — задать этот вопрос. Мой ответ может ускорить развязку или...? Она хочет получить от меня ответ о назначении ножа. На языке Чакобау она зовется Шадоут. Нож на этом языке называется «создатель

смерти». Она начинает беспокоиться. Я должна ответить немедленно, — промедление опасней неверного ответа.

— Это «создатель»...

— Эй-е-е-е! — завывла Мапес.

Это был крик смерти и радости одновременно. Она так дрожала, что дрожащее вместе с ней лезвие ножа отбрасывало блики света по всей комнате.

Джессика ждала. Она намеревалась сказать, что нож — «создатель смерти», и потом добавить древнее слово, но сейчас все чувства воспротивились этому, каждая клеточка ее тела, благодаря длительной тренировке, чувствовала опасность. Ключевым словом было: создатель, создатель, создатель... И все же Мапес держала нож так, как будто хотела пустить его в ход.

Джессика сказала:

— Неужели ты думала, что я, зная о тайнах Великой Матери, не знаю создателя?

Мапес опустила нож.

— Моя госпожа, когда так долго живешь пророчествами, минута облегчения наступает как удар.

Джессика подумала о пророчестве. Да, цель была достигнута: защитная легенда, внушенная этим людям, однажды, понадобилась Бене Гессери. Да, этот день пришел.

Шадоут вложила нож в ножны и сказала:

— Это необычный нож, леди. Держите его всегда при себе. Если он пробудет неделю вдали от плоти, то начнет распадаться. Он ваш, пока вы живы.

Джессика протянула правую руку, продолжая рискованную игру.

— Мапес, и ты вложила клинок в ножны неокровавленным?

Вскрикнув, она уронила ножны в руку Джессики, и, рванув на груди платье, крикнула:

— Возьми воду из моей жизни!

Джессика выдернула нож из ножен, направила лезвие на нее и увидела страх в глазах женщины.

«Яд на нем? — подумала Джессика. Она протянула руку с ножом и сделала царапину над левой грудью Мапес. Появилась кровь и тотчас же пропала. — Ультразвуковая коагуляция, — подумала Джессика. Влагозадерживающая мутация!»

Она убрала кинжал в ножны и сказала:

— Застегни платье, Шадоут.

Та, дрожа, повиновалась. Глаза без белков пристально смотрели на Джессику.

— Ты наша, — пробормотала она. — Вы — она.

От двери снова донесся шум разгрузки. Мапес быстро схватила нож и сунула его Джессике за корсаж.

— Тот, кто видел криснож, должен быть очищен или заклемен! — прошептала она. — Вы знаете это, моя госпожа.

«Теперь я знаю это», — подумала Джессика.

Шадоут привела себя в порядок и сказала:

— Неочищенные, видевшие криснож, не могут покинуть Арраки живыми. Никогда не забывайте об этом, госпожа. Вы были проверены крисножом. Теперь все должно идти своим порядком. Спешить нельзя. — Она посмотрела на груды ящиков. — А пока для нас здесь много работы.

Джессика колебалась. «Все должно идти своим порядком» — это было специфическое выражение из набора магических формул «Миссионерия Протектива»: «Приход Преподобной Матери освободит тебя». Но я же не Преподобная Мать, думала Джессика. И потом Великая Мать! Эту они вырастили здесь! Какое это должно быть уродливое место!

Деловым тоном Шадоут сказала:

— С чего мне начать, моя госпожа?

Джессика инстинктивно почувствовала, что нужно взять обычный тон. Она сказала:

— Этот портрет старого Герцога следует повесить на одной из стен в столовой. Напротив него должна висеть голова быка.

Шадоут подошла к голове быка.

— Какое это должно быть огромное животное, если у него была такая голова, — сказала она. — Вначале ее нужно почистить, моя госпожа?

— Нет.

— Но к ее рогам пристала грязь.

— Это не грязь, — это кровь старого Герцога. Эти рога были покрыты прозрачным фиксатором через час после того, как это животное убило его.

Шадоут выпрямилась.

— Вот как, — произнесла она.

— Это всего лишь кровь, — сказала Джессика. — Это старая кровь. А теперь помоги это повесить. Такие вещи очень тяжелы.

— Неужели вы думаете, что вид крови может меня встревожить? — спросила Шадоут. — Я из пустыни и достаточно видела крови.

— Я... знаю, — сказала Джессика.

— И часть ее была моей собственной, — сказала Шадоут. — Больше, чем вы сделали этой маленькой царapiиной.

— Ты бы хотела, чтобы я разрежала глубже?

— О нет! Тогда бы вода стала испаряться в воздух через порез. Вы все сделали верно.

А Джессика, замечая изменение голоса, почувствовала, какой серьезной она стала при словах «вода тела». И снова чувство тоски охватило ее при мысли, насколько сильна вода на Арраки.

— На какую сторону мне стоит повесить каждую из этих игрушек? «А она практична, эта Шадоут», — подумала Джессика. Она сказала:

— Решай сама, Шадоут. Это неважно.

— Как скажете, моя госпожа. — Она наклонилась и стала освобождать голову от упаковки. — Так это ты убила старого Герцога? — пропела она.

— Помочь тебе? — спросила Джессика.

— Я справлюсь, моя госпожа.

«Да, она справится, — подумала Джессика. — Вот что свойственно всем Свободным: справляться во что бы то ни стало».

Джессика почувствовала ножны под корсажем и подумала о долгой цепи делений той Бене Гессери, что оставила здесь одно из своих звеньев. Благодаря ее деятельности она пережила сегодня смертельную опасность. «Спешить нельзя», — сказала Шадоут. И все же в этом месте чувствовалась какая-то торопливость, наполнившая Джессику дурным предчувствием. И на это чувство не могли повлиять ни все приготовления «Миссионерия Протектива», ни тщательная проверка Хавата.

— Когда все повесишь, начни распаковывать эти ящики, — сказала Джессика. — У одного из грузчиков, работающих у входа, есть все ключи, и он знает, как раскладывать вещи. Возьми у него ключи и список. Если у тебя появятся вопросы, я буду в южном крыле.

— Как прикажете, моя госпожа, — ответила Шадоут.

Джессика повернулась и пошла, думая: «Может быть, Хават и считает эту резиденцию безопасной, но здесь что-то не так. Я это чувствую».

Ее охватило непреодолимое желание видеть сына. Она пошла к сводчатому проходу, ведущему к обеденному залу и семейному крылу. Она шла все быстрее и быстрее, пока не побежала.

После ее ухода Шадоут прекратила разворачивать бычью голову и, глядя Джессике вслед, прошептала:

— Она действительно одна из них. Бедняжка.

ЛЕДИ ДЖЕССИКА

Дверь была открыта. Джессика вошла и оказалась в комнате с темными стенами. Слева от нее стояла низкая тахта с верхом из кожи и два пустых книжных шкафа, висела бутыл с водой, запыленная на выпуклых сторонах. Справа от нее, закрывая другую дверь, стояло еще несколько пустых шкафов, письменный стол с Келадана и три стула. У окна, как раз напротив нее, стоял спиной к ней доктор Уйе и внимательно смотрел на разворачивающуюся перед ним картину.

Джессика сделала вперед еще один неслышный шаг. Она увидела, что одежда Уйе помята, а с правого бока испачкана белым. Со стороны он казался бесплотным и серым в своих широких одеяниях, марионеткой, застывшей в ожидании того момента, когда хозяин дернет его за веревочку. Лишь квадрат головы с черными длинными волосами, прихваченный серебряным кольцом Сак Скула, казался живым.

Она еще раз оглядела комнату и не увидела в ней никаких следов сына, но дверь справа от нее, как она знала, вела в маленькую спальню, занять которую Пол выразил самое горячее желание.

— Добрый день, доктор Уйе,— сказала она.— Где Пол?

Он кивнул как бы кому-то за окном, и, не оглядываясь, сказал:

— Ваш сын ушел. Я отослал его немного отдохнуть.— Он резко оборвал себя и схватился за ус под пурпурными губами.— И — простите, моя госпожа, мои мысли были слишком далеко... Я не собирался быть фамильярным.

Она улыбнулась и протянула ему правую руку. На какое-то мгновение она испугалась, что он упадет на колени.

— Веллингтон, пожалуйста.

— Так вас называть... я...

— Мы знаем друг друга шесть лет,— сказала она.— Формальности между нами давно бы могли уже исчезнуть в частных беседах.

Уйе вымученно улыбнулся, подумав: «Кажется, сработало. Теперь она будет объяснять все странности в моем поведении моим замешательством. Она не станет доискиваться более глубоких причин, когда ответ ей уже известен».

— Боюсь, что я был вульгарен,— сказал он.— Когда я чувствую к вам особую жалость, я боюсь, думаю о вас, как о... Джессике.

— Чувствуете жалость? Почему?

Уйе пожал плечами. Уже давно он понял, что Джессика не наделена таким даром различать правду, как его Ванна. И все же он всегда, когда это было возможно, был правдив в разговоре с Джессикой. Так было безопаснее.

— Вы видели это место, моя... Джессика.— Споткнувшись на ее имени, он продолжал: — Такая бесплодная планета, после Келадана. А люди! Эти городские женщины, мимо которых мы проезжали, прячутся под своими покрывалами. А как они на нас смотрели!

Она сложила руки на груди и почувствовала присутствие там крисножа с лезвием, выточенным из зуба песчаного червя, если верить слухам.

— Именно поэтому мы и чужды им — разные люди, разные обычаи. Они знали только Харконнегов.

Она посмотрела мимо него в окно.

— На что вы так пристально смотрели?

Он отвернулся.

— На людей.

Джессика подошла к нему и посмотрела на участок перед домом, к которому было приковано его внимание. Там, выстроившись в ряд, росли двадцать пальм и земля вокруг них была ровной и бесплодной. Живая изгородь отделяла их от дороги, по которой шли люди в балахонах. Джессика почувствовала слабую вибрацию между ней и людьми — домашнее защитное поле — и продолжала следить за дорогой, удивляясь, почему доктор нашел их такими интересными.

Появились прохожие, и она приложила ладони к щекам. Как проходящие смотрели на пальмовые деревья! Она увидела зависть, даже ненависть... и в то же время выражение надежды. Каждый проходящий надолго приковывался взглядом к пальмам.

— Вы знаете, о чем они думают? — спросил Уйе.

— Ваша специальность — чтение мыслей, — сказала она.

— Их мыслей, — ответил он. — Они смотрят на эти деревья и думают: «Это сто нас». Вот что они думают.

Она удивленно посмотрела на него и нахмурилась:

— Почему?

— Таков рацион пальм, — сказал он. — Одна пальма требует сорок литров воды в день. Человеку нужно только восемь. Значит, одна пальма равняется пяти людям. Так двадцать пальм — сто человек.

— Но некоторые из этих людей смотрят на нас с надеждой.

— Они надеются на то, что некоторые из них погибнут.

— Вы смотрите на все это чересчур критическим взглядом, — сказала она. — В нем есть и надежда и отчаяние. Спайс мог бы дать нам богатства, а обладая богатством, мы могли бы превратить эту пустыню в цветущий сад.

И она рассмеялась про себя: «Кто я такая, чтобы убеждать?» Но ее веселость была хрупкой и быстро исчезла.

— Лишать людей надежды нельзя, — сказала она.

У нее отвернулось, пряча от нее лицо. Если бы только можно было ненавидеть этих людей, а не любить их! Своими манерами и многим другим Джессика напоминала ему Ванну. И в то же время это ожесточало его, укрепляло его решимость. Пути жестокости Харконненов были непредсказуемы. Ванна не должна была умереть. Он должен был быть в том уверен.

— Не беспокойся за нас, Веллингтон. Это наши трудности, а не твои.

Она думает, что я беспокоюсь о ней. Он мигнул, пряча слезы. И это так, конечно. Но я должен держаться, пока этот черный Барон не воплотит в жизнь свои черные замыслы, и воспользоваться моим единственным шансом — поразить его там, где кроется его единственная слабость — в момент его тайного злодейства!

Он вздохнул.

— Я не побеспокою Пола, если взгляну на него? — спросила она.

— Нет, нет...

— Он хорошо переносит тяготы переселения?

— Если не считать излишней усталости. Он взволнован, но какой пятнадцатилетний мальчик не был бы взволнован при подобных обстоятельствах? — Он подошел к двери и открыл ее. — Он здесь.

Джессика, следуя за ним, вошла в затемненную комнату. Пол лежал на узкой кровати, вытянув одну руку вдоль легкого одеяла, а другую подложив под щеку. Из-за опущенных на окна штор лицо мальчика находилось в тени.

Джессика смотрела на своего сына и его лицо овальной формы казалось ей собственным. Но волосы у него были как у Герцога — угольно-черные и взъерошенные. Глаза прятались за длинными ресницами. Джессика нахмурилась, чувствуя, как возвращаются ее страхи. Ее вдруг поразила мысль о генетических следах в чертах ее сына — ее следах в глазах и очертаниях лица, но и следах отца в резких чертах скул, как вестниках зрелости, проглядывающих из-под

облика детства. Она думала о чертах мальчика как о конечном отборе собранных наугад частиц — результате нескончаемой генетической работы.

Ей хотелось встать на колени возле кровати и взять сына за руку, но ей было неудобно это делать в присутствии Уйе. Она вышла и мягко закрыла дверь за собой.

Уйе отвернулся к окну, неспособный вынести вид того, как Джессика смотрела на своего сына. Почему Ванна так и не подарила мне ребенка? — спросил он себя. Как доктор я знаю, что физических причин к этому не было. Были ли причины, связанные с Бене Гессери? Может быть, она не могла служить различным целям? Что же это было? Она, конечно, любила меня. Впервые ему пришла мысль о том, что он мог стать частью процесса более сложного и запутанного, чем он может себе вообразить.

Джессика встала рядом с ним и сказала:

— Какая восхитительная непринужденность есть в детском сне.

Он механически ответил:

— Если бы взрослые могли так расслабляться.

— Да.

— Тогда мы это теряем! — прошептал он.

Она посмотрела на него, задетая его странным тоном, но мысли ее все еще были заняты Полом, новыми трудностями с его учебой здесь, изменениями в его жизни, которая должна стать непохожей на ту жизнь, которой он жил раньше.

— Мы действительно кое-что теряем, — сказала она.

Она посмотрела вправо на холм, покрытый побитой ветром тусклой зеленью кустов: пыльные листья и сухие колючие ветки. Зловещее темное небо нависало над кустами и молочный свет арракинского солнца заливал эту сцену каким-то серебристым светом, похожим на тот, которым отливал криснож, спрятанный у нее на груди.

— Это небо такое темное... — сказала она.

— Частично это происходит из-за отсутствия влаги, — сказал он. Она вздохнула. — Вода! О чем бы здесь ни заговорили, все упирается в недостаток воды!

— Это древняя тайна Арраки, — сказал он.

— Почему ее здесь так мало? Здесь есть вулканические скалы, есть дюжины источников энергии, которые я могу назвать. Есть полярные льды. Говорят, что в пустыне бурить нельзя — штормы и песчаные бури разрушат оборудование быстрее, чем оно будет установлено, если вы до этого не станете добычей червей. Во всяком случае, воды здесь никогда не находили. Но тайна, истинная тайна, Веллингтон, заключается в родниках, которые пробиваются здесь наверх, образуя водоемы. Вы читали об этом?

— Вначале струя, потом ничего, — сказал он.

— Но в этом же есть тайна, Веллингтон. Вода здесь была. Она исчезла и больше никогда ее не было. И все же скважина дает воду, пусть слабую струйку, которая быстро иссякает. Неужели это никого не заинтересовало?

— Это любопытно,— сказал он.— Вы подозреваете какое-то влияние? А что показал анализ глубинных образцов?

— Что он может показать? Остатки вымерших растений... животных. Кто может это объяснить? — Она повернулась спиной к склону.— Вода останавливается, что-то ее задерживает. Таково мое подозрение.

— Возможно, причина, известна,— сказал он.— Харконнены скрывают много источников информации об Арраки. Возможно, для этого у них есть причины.

— Какие причины? — спросила она.— И потом еще есть влага атмосферы. Ее, конечно, немного, но все же она есть. Это главный источник воды, и она задерживается различными приспособлениями. Откуда она берется?

— С полюсов.

— Холодный воздух приносит мало влаги, Веллингтон. За завесой Харконненов скрывается много фактов, требующих тщательного рассматривания, и не все они прямым образом связаны со спайсом.

— Мы действительно находимся по ту сторону завесы Харконненов,— сказал он.— Возможно, мы... — Он прервал себя, заметив, как она напряженно смотрит на него.— Что-то не так?

— То, как вы произнесли это слово «Харконнен»,— сказала она.— Даже голос моего Герцога не таит в себе столько злобы, когда он произносит это ненавистное имя. Я не знала, что у вас есть причины ненавидеть их, Веллингтон.

«Великая Мать! — подумала она.— Я возбудил в ней подозрения. Теперь мне придется пустить в ход один из тех трюков, которым меня научила моя Ванна. Есть лишь одно решение: рассказать правду настолько, насколько это возможно». Он сказал:

— Вы же знали, что моя жена, моя Ванна... — он пожал плечами. Ком, возникший в его голосе, мешал ему говорить. Он попытался опять: — Они... — Слова не шли. В панике он закрыл глаза и стоял до тех пор, пока женская рука мягко не дотронулась до его ладони.

— Простите меня,— сказала Джессика.— Я не хотела бередить старую рану.

И она подумала: «Эти животные! Его жена была Бене Гессери — все знаки этого налицо. И Харконнены явно убили ее. Еще одна бедная жертва, занесенная на Арраки ветром мщения».

— Простите меня,— сказал он,— я не могу об этом говорить. — Он открыл глаза, стараясь придать своему лицу оскорбленное выражение.— Это, по крайней мере, была правда.

Джессика изучала его. Она видела щеки с высокими скулами, темный блеск миндалевидных глаз, усы, свисающие по бокам пурпурного рта, квадратный подбородок, морщины на лбу и щеках, она это видела — были следы не возраста, а скорби. Ее охватила глубокая жалость к нему.

— Веллингтон, мне очень жаль, что мы привезли вас в это опасное место,— сказала она.

— Я приехал сюда по своей воле, — сказала он, и это тоже было правдой.

— Но вся эта планета — ловушка Харконненов. Вы должны это знать.

— Чтобы поймать Герцога Лето, нужно нечто большее, нежели ловушка, — сказал он, и это тоже было правдой.

«Возможно, мне следовало бы быть более откровенной с ним, — подумала она. — Он блестящий тактик».

— Мы с корнем вырваны из своей почвы, — сказал он. — Вот почему нам нелегко.

— И как легко вырвать и убить вырванное с корнем растение, — сказала она, — особенно, когда оно пересажено на враждебную почву.

— Вы уверены, что почва враждебная?

— Когда станет известно, какое количество людей привез с собой Герцог Лето, будет восстание из-за воды, — сказала она. — Оно прекратится только тогда, когда люди узнают о том, что мы установили новые водяные установки, стараясь снять это бремя с их плеч.

— Здесь есть только столько воды, сколько нужно для поддержания человеческой жизни, — сказал он. — Люди знают, что если будет распределяться это ограниченное количество воды между увеличивающимся населением, то цены на нее поднимутся и самые бедные умрут. Но Герцог разрешит эту проблему.

— И охрана, — сказала она. — Везде охрана и защитные поля. На Келадане мы так не жили.

— Дайте шанс этой планете, — сказал он.

Но взгляд Джессики оставался по-прежнему пристальным и твердым.

— Я чувствую здесь запах смерти, — сказала она. — Хават послал сюда вперед целый батальон агентов. Такое швыряние на ветер крупных сумм трудно объяснить. А взятки в высоких кругах? — Она покачала головой. — Где появляется Зуфир Хават, туда следуют за ним смерть и обман.

— Вы злословите.

— Злословлю? Я его хвалю. Смерть и обман — единственная его опора здесь. Я не обманываю себя насчет методов Зуфира.

— Вам следует... чем-нибудь заняться, — сказал он. — Не давайте себе времени для подобных страхов.

— Заняться! Вы знаете, в чем состоит мое основное занятие, Веллингтон! Я секретарша Герцога, и я так занята, что каждый день узнаю новые факты, заставляющие меня бояться... факты, о которых он даже не подозревает. — Она сжала губы и тихо проговорила: — Иногда я думаю, как повлияло на его выбор то, что я — Бене Гессери.

— Что вы имеете в виду? — Он поймал себя на том, что его взволновал этот циничный тон, эта горечь, которую он никогда не замечал в себе раньше.

— Не думаете ли вы, Веллингтон, что любая другая секретарша куда более безопасна?

— Это не слишком честная мысль, Джессика.

Упрек прозвучал очень естественно. Относительно чувств, испытываемых Герцогом к своей наложнице, не было никаких сомнений. Стоило лишь проследить за тем, как он провожает ее взглядом.

Она вздохнула.

— Вы правы. Она не слишком честная.

И снова она обхватила себя руками, чувствуя прикосновение к коже крисножа, и подумала о неоконченном деле, связанном с ним.

— Скоро снова будет кровопролитие, — сказала она. — Харконнены не успокоятся до тех пор, пока не умрут или сам Герцог или Барон. Барон не сможет забыть, что в жилах Лето течет королевская кровь. Степень родства ему не важна. Но сильнее всего его сознание отвращает то, что Атридесы изгнали Харконненов за трусость после Корринской битвы.

— Старая кровная вражда... — пробормотал Уйе и на мгновение он почувствовал ледяной укол ненависти. Старая кровная вражда загнала его в ловушку, убила его Ванну или, что еще хуже, обрекла ее на мучения у Харконненов. Старая вражда поймала его в ловушку, и эти люди явились частью этой ловушки. И по иронии судьбы, весь этот ужас должен был достичь своего апогея здесь, на Арраки, единственном источнике меланита во Вселенной, являющемся продолжателем жизни.

— О чем вы думаете? — спросила она.

— Я думаю о том, что сейчас на открытом рынке декаграм спайса приносит шестьсот двадцать тысяч соляриев. Это богатство, на которое можно купить многое.

— Жадность проснулась в вас, Веллингтон?

— Это не жадность.

— Тогда что же?

Он пожал плечами.

— Бесполезность, — он посмотрел на нее. — Вы можете вспомнить первое ощущение от вкуса спайса?

— У него вкус корицы.

— Но он никогда не повторяется дважды. Это как жизнь, каждый раз, когда ее пробуешь, она предстает в другом качестве. Некоторые придерживаются того мнения, что спайс дает реакцию на знакомый вкус.

— Я думаю, что для нас более ценным было бы бежать отсюда, скрыться за пределы Империи, вне ее досягаемости, — сказала она.

Он поймал себя на том, что не слушает ее, но сосредоточился на ее словах, удивляясь про себя: «Действительно, почему она не заставила его это сделать? Она могла бы заставить его сделать решительно все».

Быстро, поскольку он менял темп разговора и говорил правду, он сказал:

— Не подумайте, что это дерзость с моей стороны, Джессика, но не могу ли я задать вам один вопрос?

Она, как будто почувствовав внезапно тревогу, прижалась к краю окна.

— Конечно, можете. Вы... мой друг.

— Почему вы не заставили Герцога жениться на вас?

Она круто повернулась и пристально посмотрела на него.

— Заставить Герцога жениться на мне? Но...

— Мне не следовало спрашивать?

— Почему же. — Она пожала плечами. — Для этого есть политическая причина: пока мой Герцог не женат, некоторые из Великих Домов все еще сохраняют надежду на брак. И... — она вздохнула, — ... влияние на людей, принуждение их к тому, чего ты хочешь — подобные действия несут в себе цинизм и противны человечеству. Они заставляют деградировать все, чего касаются. Если бы я заставила сделать его это... то это был бы не его поступок.

— Так могла бы сказать моя Ванна, — пробормотал он, и это тоже было правдой. Он приложил руку ко лбу и судорожно глотнул. Он никогда не был так близок к тому, чтобы выдать свою тайну.

Джессика заговорила, чтобы облегчить ему трудную минуту:

— Кроме того, Веллингтон, в Герцоге уживаются два человека. Одного из них я очень люблю. Он очарователен, он живой, общительный, нежный, в нем есть все, что может желать женщина. Но есть и другой. Он... холодный, черствый, подавляющий, эгоистичный, такой же суровый и жестокий, как зимний ветер. Человек, являющий собой подобие отца. — Его лицо исказилось. — Если бы только этот старик умер, когда мой Герцог появился на свет!

Между ними установилось молчание. Было слышно, как ветер теребит занавески. Потом глубоко вздохнув, она сказала:

— Лето прав, эти комнаты лучше, чем те, которые находятся в другом крыле. — Она окинула комнату взглядом. — Извините меня, Веллингтон, мне лучше еще раз осмотреть это крыло, прежде чем окончательно все разместить.

Он кивнул, подумав: «Если бы только можно было не делать того, что я должен сделать».

Джессика пошла через холл, постояла в нерешительности, потом вышла.

«Все время, пока мы говорили, он что-то скрывал», — подумала она.

Она снова заколебалась и едва не вернулась назад, чтобы заставить Уйе рассказать то, что он так тщательно скрывал.

«Нет, ему только станет стыдно; он испугается, когда узнает, что его мысли можно так легко прочесть по лицу, и ничего не расскажет», — решила она.

ПЕРВЫЙ УДАР

Пол лежал в кровати, притворяясь спящим. Ведь было простым делом взять снотворную таблетку у доктора Уйе и сделать вид, что он ее проглотил. Пол едва сдерживал смех. Даже его мать поверила в то, что он спит. Ему хотелось вскочить и попросить у нее разрешение на осмотр дома, но он понимал, что такое его поведение не будет

одобрено. «Нет, надо лежать, так будет лучше. Если я ускользну без спроса, я нарушу данное мной слово».

Он слышал, как его мать и Уйе разговаривали в соседней комнате. Различить слова было трудно — что-то о спайсе... о Харконненах. Разговор сделался громче и снова затих.

Пол сосредоточил внимание на резной передней спинке кровати — фальшивой спинке, соединенной со стеной и скрывающей контрольные приборы, следящие за тем, что делается в его комнате. Прыгающая рыба была вырезана из дерева с толстыми коричневыми плавниками. Он знал, что стоит нажать на один из глаз рыбы, как включатся суспензерные лампы комнаты. Одна лампа контролировала вентиляцию, другое измерение касалось температуры.

Пол осторожно сел. Слева от него у стены стоял высокий книжный шкаф. Его можно было отодвинуть и за ним скрывалась потайная ниша.

Все было сделано так, как будто комната хотела его заманить в ловушку.

Планета и эта комната...

Он подумал о фильмокниге, которую ему дал Уйе. Это была старая книга, сделанная еще до открытия спайса. Названия вспыхивали в мозгу и каждое сопровождалось картиной. Названия и изображения из прошлого человека — многих теперь нет нигде во Вселенной, только лишь на Арраки.

Нужно учить так много нового: о спайсе, о песчаных червях...

Пол услышал, как мать вышла из соседней комнаты. Он знал, что доктор Уйе возьмет сейчас книгу и погрузится в чтение...

Наступил подходящий момент для обследования. Пол выскользнул из постели и направился к книжному шкафу. Вдруг он услышал за своей спиной странный звук и обернулся. Резная спинка кровати внезапно упала на то место, где он только что лежал. Пол замер, и эта неподвижность спасла ему жизнь.

Из-за спинки кровати выскочил крошечный самонаводящийся снаряд, не более пяти сантиметров в длину. Пол сразу же узнал обычное орудие убийства, которое каждый ребенок королевской крови изучал в раннем детстве. Это была черная металлическая лента, направляемая чьей-то находящейся поблизости рукой и глазом. Она могла впиться в движущуюся плоть и подняться по ее кровеносным каналам до ближайшего жизненно важного органа.

Снаряд поднялся вверх, скользнул через комнату и повернул назад.

В сознании Пола вспыхнуло положение инструкции об ограниченности действий самонаводящегося снаряда. Его сжатое суспензерное поле искажает угол зрения посылающего его человека. Располагая для наведения снаряда на цель тусклым светом комнаты, оператор вынужден был делать значительные ошибки в наведении.

Защитный пояс Пола остался лежать на кровати. Ласган уничтожил бы такой снаряд, но ласганы были дороги и известны своей капризностью. К тому же существовала опасность взрыва в случае,

когда луч лазера пересечется с защитным полем. Атридесы полагались только на защитные поля и на свой разум.

Пол сохранял почти катоническую неподвижность, зная, что лишь его разум противостоит угрозе... Снаряд поднялся вверх еще на полметра.

«Я могу попытаться схватить его рукой,— подумал он.— Суспензерное поле делает его скользким у основания. Я должен сразу крепко его сжать».

Снаряд опустился, сместился влево, делая круг около кровати. Пол слышал издаваемое им слабое жужжание.

«Кто им управляет? — подумал Пол.— Это должен быть некто, находящийся близко. Я мог бы позвать на помощь Уйе, но снаряд попадет в него, как только он откроет дверь».

Дверь в холле за его спиной скрипнула. Снаряд развернулся над головой мальчика и направился в сторону двери. Правая рука Пола взметнулась вверх, затем опустилась вниз, но уже со смертоносной лентой. Снаряд жужжал в его руке и извивался, но Пол держал его так крепко, как только позволяли мускулы. Резко повернувшись и метнувшись вперед, он с силой расплющил нос ленты о металлическую дощечку на двери. Он услышал хруст разбившегося глаза, находящегося на носу снаряда, и неподвижная смерть поникла в его руке. Он все еще не выпускал ее из рук, будто боялся, что она оживет снова. Но вот он поднял голову и встретился взглядом с чисто-голубыми глазами Шадоут Мапес.

— Ваш отец послал за вами,— сказала она.— В холле человек, который будет сопровождать вас к нему.

Пол кивнул, старательно изучая стоящую рядом с ним пожилую женщину. Она же теперь смотрела на то, что он держал в руке.

— Я о таком слышала,— сказала она.— Он бы меня убил, не так ли?

Полу пришлось сглотнуть, прежде чем он смог заговорить.

— Я... я был его мишенью.

— Но он двигался ко мне?

— Потому что и вы двигались к нему.— А сам подумал: «Кто она такая?»

— Тогда вы спасли мне жизнь,— сказала женщина.

— Я спас жизнь нам обоим.

— Похоже, что вы не захотели, чтобы он попал в вас и тем самым спасли меня.

— Кто вы? — спросил Пол.

— Шадоут Мапес — домоправительница.

— Как вы узнали, где меня найти?

— Мне сказала ваша мать... Я встретила ее в холле, у лестницы в судную комнату. Она указала, где вас найти. Человек вашего отца ждет вас.

«Это должно быть человек Хавата,— подумал он.— Мы должны с ним найти того, кто управлял этой штукой».

— Иди к человеку моего отца,— сказал он.— Скажи ему, что

я поймал в доме снаряд-охотник и что нужно найти того, кто им управлял. Скажи ему пусть немедленно обыщут дом и его окрестности. В этом доме прячется человек, способный совершить убийство.

А сам подумал: «А не может ли быть этим человеком она?». Однако он знал, что это невозможно. Снаряд уже управлялся, когда она вошла...

— Прежде чем я отправлюсь выполнять ваше приказание, я должна все вам рассказать.

Нам, Свободным, известно, что среди вас есть предатель. Кто он, мы сказать не можем, но мы уверены, что он существует, возможно, он и управлял этим пожирателем плоти.

Пол молча стоял, всецело захваченный этим словом «предатель». Прежде чем он смог заговорить, старая женщина круто развернулась и направилась к двери. Он хотел позвать ее, но в ней было что-то такое, что сказало ему, что этого делать нельзя. Она все рассказала ему и теперь отправилась выполнять его приказание. Через минуту дом должен был наполниться людьми Хавата.

Он вернулся мыслями к другому моменту их разговора: судная комната... Все еще держа снаряд в руке, он вернулся в свою спальню, взяв защитный пояс, затянул его вокруг талии, на бегу защелкнул пряжку и свернул из холла налево.

Шадоут Мапес сказала, что его мать у лестницы в судную комнату...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В конце южного крыла Джессика увидела металлическую лестницу, спиралью поднимающуюся вверх к овальной двери. Она посмотрела на холл внизу, потом снова на дверь.

«Овальная? — удивилась она. — Какая странная форма для двери в доме».

Через окно под спиральной лестницей она могла видеть огромное белое солнце Арраки, клонившееся к закату. В холле пролегли длинные тени. Она снова переключила внимание на лестницу. Лучи, падающие сбоку на нее, освещали куски засохшей земли, приставшие к металлическим ступеням.

Джессика положила руку на перила и начала подниматься. Перила отдавали холодом под ее ладонь. Она остановилась у двери, увидя, что у нее нет ручки; но в том месте, где ей следовало быть, имелось небольшое углубление.

Джессика обернулась, убедилась, что за ней не наблюдают, приложила ладонь к углублению. Снова обернулась и увидела Шадоут, подходящую к подножию лестницы.

— Люди в большом холле сказали, что они посланы Герцогом за юным мистером Полом, — сказала Шадоут. — У них печать Герцога, и стража их опознала. — Она посмотрела на дверь, потом на Джессику.

«Осторожна эта Шадоут,— подумала Джессика.— Это добрый знак!»

— Он в пятой от холла комнате, в маленькой спальне,— сказала Джессика.— Если вам будет трудно его разбудить, позовите доктора Уйе из соседней комнаты. Полу, может быть, понадобится порция возбуждительного.

Шадоут снова бросила пристальный взгляд на овальную дверь, и Джессике показалось, что ее взгляд излучает ненависть. Прежде чем Джессика спросила ее о назначении двери и что скрывается за ней, Шадоут круто повернулась и поспешила прочь.

«Хават проверил это место,— подумала она.— Ничего опасного здесь быть не может».

Она толкнула дверь, та открылась в маленькую комнату с другой овальной дверью в противоположной стене. На этой двери имелась круглая ручка.

«Воздушный замок! — подумала Джессика. Она посмотрела вниз и увидела табличку от двери на полу. На ней стояла личная отметка Хавата.— Дверь была оставлена открытой,— подумала она.— Кто-то сшиб табличку, не поняв того, что дверь должна быть закрыта на замок».

Она шагнула через порог и оказалась в маленькой комнате. «Зачем в доме воздушный замок?» — спросила она себя. И внезапно она подумала об экзотических существах, герметически изолирующихся в особом климате.

Особый климат!

Это имело смысл на Арраки, где самые засушливые из растений следовало орошать искусственно.

Дверь за ней начала сама закрываться. Она поймала ее за ручку и тщательно подперла палкой, оставленной Хаватом. Она опять сосредоточила свое внимание на внутренней двери и на этот раз заметила затейливую вязь надписи над ручкой. Узнав в ней галахский язык, она прочла: «О человек! Здесь заключена часть чудесного творения божьего, встань перед ним и выучись любить совершенство твоего господина».

Джессика налегла на круглую ручку всей тяжестью своего тела. Та повернулась влево и внутренняя дверь открылась. Воздушная струя коснулась ее щек, взъерошила ее волосы. Она почувствовала изменения в воздухе, его богатый запах. Она заглянула за дверь и увидела массу зелени, пронизанную желтым солнечным светом.

«Желтое солнце!» — сказала она себе. И тут же подумала: захлопнулась.

«Планетное хранилище влаги...» — прошептала она.

Растения в горшках и низко подрезанные деревья стояли повсюду. Были даже розы.

Она наклонилась, вдыхая аромат гигантских розовых цветков, потом выпрямилась и оглядела комнату.

Ритмичный звук привлек к себе ее внимание. Она раздвинула джунгли гигантских разросшихся листьев и посмотрела в центр комнаты. Там находился низкий фонтан. Ритмичный шум производила вода, струей бьющая кверху и падающая вниз, в металлическую чашу.

Джессика заставила себя вернуться к четкому и логическому мышлению и начала методически рассчитывать параметры комнаты. Было похоже, что она занимает примерно десять квадратных метров. Но по ее расположению над холлом и по разнице в конструкции она заключила, что комната была построена значительно позднее, чем весь дом. Она остановилась в южном конце комнаты перед широким оконным проемом со светофильтром. Что-то зашелестело среди листвы. Она вся напряглась, но тут в поле ее зрения попал поливочный механизм с руками-шлангами.

Вода в этой комнате была повсюду — повсюду на планете, где вода была самой жизнью. Вода расточалась здесь с такой небрежностью, что это поразило ее до самой глубины существа. Она посмотрела на желтое солнце. Оно висело низко над зубчатым горизонтом, над выступами, образующими часть огромной скалы, известной под названием Защитная скала.

«Фильтрующее стекло, — подумала она, — превращает белое солнце в нечто более мне знакомое. Кто мог такое создать? Лето? Желание поразить меня таким подарком — это на него похоже. Но у него не было времени и он был занят более серьезными вещами».

Она вспомнила, что многие дома на планете были герметически закрыты с помощью воздушных замков для того, чтобы удержать влагу внутри дома. Лето сказал, что для того, чтобы демонстрировать власть и богатство этого дома, подобной мерой пренебрегали, а окна и двери закрывались только от пыли.

Эта же комната запиралась так тщательно не только для того, чтобы удерживать влагу. Она подсчитала, что этой воды хватило бы тысяче жителей планеты, а может и больше.

Джессика пошла вдоль окна, продолжая осмотр комнаты. В поле ее зрения попала металлическая поверхность стола, стоявшего около фонтана, и она заметила на нем белый листок из блокнота, частично скрытый огромным листом. Она подошла к столу и увидела на нем знак Хавата. Она прочла написанное:

«Леди Джессика!

Может быть, эта комната доставит вам столько удовольствия, сколько доставила его мне. Пожалуйста, позвольте этой комнате проиллюстрировать урок, который известен нам от одних и тех же учителей. Близость же любимого расслабляет нас, а это в нашем положении опасно...

*С наилучшими пожеланиями
Марго леди Фенринг»*

Джессика кивнула, вспомнив, что Лето говорил, что заместником Императора здесь был граф Фенринг. Однако скрытый смысл записки требовал к себе немедленного внимания, поскольку она была написана так, чтобы дать ей понять: писавшая была Бене Гессери. На мгновение Джессика почувствовала горечь, граф женился на своей леди.

Но хотя эта мысль ее неприятно поразила, она наклонилась к столу, ища вторую тайную записку. Она должна была быть здесь. Та записка,

которая лежала на столе, содержала лишь голую истину, которую каждая Бене Гессери, не связанная школьным предписанием, должна была сообщить другой, когда этого требовали обстоятельства. «На этом пути лежит опасность...»

Джессика перевернула записку, лежащую на столе, и провела по ней пальцами, ища кодовые точки. Ее чувствительные пальцы пробежали по краю бумаги. Ничего! Встревоженная, она положила записку на место. Но Хават, обыскивая комнату, несомненно передвигал ее. Она посмотрела на лежащий перед ней лист бумаги. Лист! Она ощупала его, проведя пальцами. Здесь! Ее пальцы различили впадины кодовых точек, слагая их в слова.

«Атридесы, вашему сыну и Герцогу угрожает опасность. Спальня вашего сына оборудована таким образом, чтобы поймать его в ловушку. Х. оснастил ее таким оружием, которое трудно обнаружить».

Джессика хотела бежать к Полу, но нужно было прочитать всю записку до конца. Ее пальцы вновь забегали по точкам: «Точная природа опасности мне неизвестна, но это что-то, связанное с кроватью. Угроза вашему Герцогу связана с предательством доверенного лица или лейтенанта. Х. собирается захватить вас как наложницу. Насколько мне известно, эта оранжерея безопасна. Прости, что не могу сказать большего. Мой источник информации невелик, поскольку мой граф не входит в число наемников Х. Торопитесь. М. Ф.»

Джессика отложила лист и повернулась, чтобы бежать к Полу, но в этот момент дверь распахнулась и в комнату вошел он сам, что-то держа в правой руке. Он сразу захлопнул за собой дверь и, увидев мать, пробрался к ней сквозь листву, посмотрел на фонтан, разжал руку, и то, что в ней было, упало прямо в воду.

— Пол! — Она схватила его за плечи, глядя на его руку. — Что это?

Он спокойно заговорил, но за спокойствием она отгадала скрываемое напряжение.

— Это снаряд-охотник. Я поймал его в моей комнате и расквасил ему нос, но я хочу быть уверенным в его смерти, поэтому я и бросил его в воду.

— Убери руку. Оставь его в воде.

Он вытащил руку, обтер ее и посмотрел на блестящий металл, лежащий в фонтане. Джессика сорвала черенок с листа и пошевелила им ленту, лежащую неподвижно. Та оставалась неподвижной. Она бросила черенок в воду и посмотрела на Пола.

Тот внимательно изучал комнату с напряженностью и цепкостью во взгляде, которые она сразу узнала.

— Здесь можно спрятать все, что угодно, — сказал Пол.

— У меня есть причина предполагать, что комната безопасна, — сказала она.

— Моя комната тоже казалась безопасной, — возразил он. — Хават сказал...

— Это был снаряд-охотник, — напомнила она ему. — А это значит,

что кто-то, находящийся в доме, управлял им. Сфера действий контрольных лучей ограничена, снаряд мог быть принесен сюда только после проверки Хавата.

Но она вспомнила о словах, запечатленных на листке: «...с предательством его доверенного лица или лейтенанта». Конечно же, не Хават. Нет, нет, только не он.

— Сейчас люди Хавата обыскивают дом,— сказал Пол.— Снаряд едва не попал в старую женщину, которая пришла за мной.

— Мапес Шадоут,— сказала Джессика.

— Почему ты думаешь, что эта комната безопасна? — снова спросил Пол.

Она показала ему записку и объяснила ее смысл.

Пол успокоился, но Джессика была внутренне напряжена. «Снаряд-охотник! Милосердная Мать!» — подумала она. Ей с трудом удалось унять дрожь.

Пол сразу же перешел к делу:

— Это, конечно, Харконнены. Нам придется их уничтожить.

В дверь постучали. Это был условный стук людей Хавата.

— Войдите! — крикнул Пол.

Дверь отворилась, и высокий человек в форме Атридесов и со знаком Хавата на фуражке шагнул в комнату.

— Вы здесь, сэр. Домоправительница сказала, что вы должны быть здесь.— Он оглядел комнату.— Мы нашли на чердаке грудку камней и прятавшегося в ней человека. Он управлял снарядом.

— Я хочу принять участие в допросе,— сказала Джессика.

— Я очень сожалею, леди, но мы убили его при поимке.

— И при нем нет ничего такого, что дало бы возможность его опознать?

— Пока мы ничего не нашли, леди.

— Он был арраканец? — спросил Пол.

— По виду — да,— сказал человек.— Судя по нему, он был посажен туда месяц назад и ждал там нашего прибытия. Камень и раствор в том месте, где он должен был выйти, были нетронуты вчера, когда мы исследовали чердак. Я готов в этом присягнуть.

— В вашей честности никто не сомневается,— сказала Джессика.

— Я в ней сомневаюсь. Мы не взяли там зональных проб.

— Полагаю, именно сейчас вы это делаете,— сказал Пол.

— Да, сэр.

— Передайте отцу, что мы задержимся.

— Немедленно, сэр.— Он посмотрел на Джессику.— Хават приказал, что при подобных обстоятельствах юный господин должен быть препровожден в более безопасное место.— Он еще раз внимательно осмотрел комнату.— Как насчет этой комнаты?

— У меня есть основания предполагать, что эта комната безопасна,— ответила она.

— И Хават, и я обследовали ее. Тогда я поставлю возле нее стражу, пока мы не обыщем весь дом.— Он поклонился, козырнул Полу и закрыл за собой дверь.

После его ухода восстановилась глубокая тишина. Пол нарушил ее, сказав:

— Не лучше ли нам осмотреть дом самим? Ты могла бы увидеть то, что не удалось другим.

— Это крыло было единственным местом, которое я еще не обследовала,— ответила она.— Я оставила его напоследок, потому что...

— Потому, что Хават почтил его личным вниманием,— закончил он.

Она метнула на него быстрый вопросительный взгляд.

— Ты не доверяешь Хавату? — спросила она.

— Нет, но он стареет... он слишком много работал.

— Это лишь заставило бы его испытать стыд и ухудшило бы состояние дел,— сказала она.— После того, как он узнает о случившемся, он не позволит проникнуть в это крыло даже насекомому. Ему будет стыдно...

— Мы должны принять собственные меры,— сказал Пол.

— Хават с честью охранял три поколения Атридесов,— возразила она.— Он заслуживает максимума уважения и доверия, каким мы можем ему платить...

Пол сказал:

— Когда моего отца беспокоят твои рассуждения, он произносит «Бене Гессери» как ругательство.

— Что же такое беспокоит твоего отца?

— Твои с ним споры.

— Ты не такой как твой отец...

Пол подумал: «Это огорчит ее, но я должен рассказать ей, что эта Шадоут сказала о предателе среди нас».

— Ты что-то скрываешь? — спросила Джессика.— Это не похоже на тебя, Пол.

Он пожал плечами и подробно рассказал ей о своем разговоре с Шадоут.

А Джессика подумала о записке на листе. Придя к выводу, что это необходимо, она рассказала Полу о ее содержании.

— Мой отец должен немедленно узнать об этом,— сказал Пол.— Я закодирую сообщение и передам ему.

— Нет,— возразила она.— Ты подождешь до тех пор, пока не увидишь его лично. Об этом должно знать как можно меньше людей.

— Ты хочешь сказать, что мы никому не можем доверять?

— Нет,— сказала Джессика.— Люди, которые передали его нам, могли верить в его правдивость, но может быть и так, что их ввели в заблуждение.

Лицо Пола по-прежнему сохраняло мрачное выражение.

— Чем больше недоверия мы будем высказывать к своим соратникам, тем слабее станут наши ряды.

— Ты должен поговорить с отцом наедине и предостеречь его.

— Я понимаю.

Она повернулась к высокому окну и посмотрела на юго-запад, туда, где опускалось солнце Арраки,— желтый шар над скалами.

— Я тоже не думаю, что это Хават,— сказал Пол.— Возможно, что это Уйе.

— Но он не лейтенант и не доверенное лицо,— сказала она.— И уверяю тебя, он ненавидит Харконненов так же страстно, как и мы.

Пол посмотрел на скалы, думая: «И не Гурни... или Дункан. Может быть, один из младших лейтенантов? Невозможно. Все они происходят из семей, которые поколениями служили нам».

Джессика потерла лоб рукой, почувствовав, как она устала. Сколько здесь таится опасностей? Она посмотрела на окрашенный в желтый цвет ландшафт, изучая его. За герцогскими землями располагалось хранилище, обнесенное высокими заборами. Ряды спайсовых силосных ям с похожими на пауков сторожевыми башнями на многочисленных ногах. Она могла разглядеть, по крайней мере, двадцать дворов-хранилищ спайса, тянувшихся до скал Защитной Стены.

Солнце медленно исчезало за горизонтом. Показались звезды. Одна яркая звезда так низко повисла над горизонтом, что ее яркий свет создавал ритмичную вибрацию.

Рядом с ней в полутьме комнаты шевельнулся Пол. Но Джессика так была поглощена звездой, что не обратила на него внимание. Пульсирующая яркая звезда находилась на уровне Защитной Стены, а не над ней...

— Кто-то сигналил!

Она попыталась прочесть сообщение, но оно передавалось неизвестным ей кодом. На равелине возникли другие огни: маленькие жесткие точки на фоне черноты. И один из них, самый левый, замигал в ответ на сигнал, что был в скалах, очень быстро. И исчез. Фальшивая звезда на скале немедленно замигала в ответ.

Сигналы... они вызвали в ней дурные предчувствия. Почему они воспользовались световыми сигналами? — спрашивала она себя.— Почему не прибегли к помощи передатчика?

Ответ был очевиден, эфир наверняка прослушивался агентами Герцога Лето.

Эти световые сигналы могли означать только то, что они передаются врагами — агентами Харконнена.

В дверь постучали, и голос человека Хавата произнес:

— Все в порядке, сэр... леди. Мистеру пора пройти к отцу.

ГУРНИ

Герцог Лето Атридес прислонился к парапету посадочной контрольной башни на Арраке. Ранняя ночная луна сплюснулась как серебряная монета и повисла над горизонтом. Под ней зубчатые скалы Защитной Стены сияли, как опаленные иглы сквозь пыльную дымку. Слева от него сияли огни Арраки.

Он думал о приказах, только что разосланных за его подписью по всем населенным планетам. «Наш великий падишах-Император приказал мне принять на себя управление этой планетой и покончить со всей враждой на планете».

Неприятная ритуальность приказов задевала его, наполняя одиночеством. Кого может обмануть эта бессмысленная фразеология? Конечно же, не Свободных. И не Малый Дом, члены которого были сторонниками Харконненов почти до последнего человека.

Они пытались отнять жизнь у моего сына! Волна гнева стеснила его дыхание.

Он увидел огни машины, движущиеся от его замка Арракис в направлении посадочного поля. Он надеялся, что это охрана, везущая к нему Пола. Промедление раздражало его, хотя он и знал, что это часть предосторожностей, предпринятых лейтенантом Хаватом.

«Они пытались отнять жизнь у моего сына!» Он тряхнул головой, отгоняя гневные мысли, и посмотрел на взлетное поле, по краям которого стояли пять его кораблей. Лучше осторожность, чем... На лейтенанта можно положиться, — напомнил он себе. Хорошо служил раньше, полностью, надежен сейчас.

В этот момент Герцог почувствовал, что его собственной сокровенной мечтой было покончить со всеми классовыми различиями и никогда больше не думать о беспомощных приказах. Он посмотрел на небо и подумал, что вокруг одного из этих светил вращается Келадан... но я больше никогда не увижу своего дома. Тоска по Келадану сжала его грудь внезапной болью.

«Я должен скрывать свои чувства, — подумал он. — Ради мальчика. Если ему суждено когда-нибудь иметь свой дом, то он будет здесь. Я могу думать об Арраки как об аде, доставшемся мне в удел еще при жизни, но он должен найти здесь нечто, что вдохновит его. Должно же здесь быть что-то такое...»

Его захлестнула волна жалости к себе, но он немедленно подавил ее, вспомнив при этом почему-то две строки стихов Гурни Хэллека:

«Легкие мои вдыхают ветер Времени,
Дующий над мертвыми песками...»

«Что ж, Гурни найдет здесь достаточно мертвого песка», — подумал Герцог. Но здесь находятся и Свободные. Если есть нечто, что может дать будущее Атридесу, то это связано только со Свободными. Даже Харконненам не удалось уничтожить их своими подлыми планами. «Они пытались отнять жизнь у моего сына!»

Звук приземляющегося корабля сотряс башню, и перила под его руками завибрировали. «Груз прибыл, — подумал он. — Пора спускаться и браться за работу!»

Он повернулся к лестнице и начал спускаться в большую комнату, пытаясь успокоиться.

«Они пытались отнять жизнь у моего сына!»

Когда он достиг слабо освещенной желтым светом комнаты, люди

уже выходили из корабля. За плечами у них были баллоны, они смеялись и перекрикивались, как приехавшие на каникулы студенты.

— Эй! Чувствуешь, что под тобой? Тяготение, парень!

— Интересно, сколь здесь «G»? Как-то тяжело.

— Девятнадцать по справочнику.

Большая комната звенела от гула голосов.

— Ты разглядел эту дыру, когда мы приземлились? Где добыча, которая должна быть здесь?

— Ее забрали с собой Харконнены.

— Для меня только душ и мягкая постелька.

— Ты, что, дурак, не слышал? Никаких душев здесь нет. Будешь отскребывать себя песочком!

— Эй, смотрите, Герцог!

Герцог сошел с лестницы во внезапно погрузившуюся в тишину комнату.

Из толпы вышел Гурни Хэллек с мешком за плечами, сжимая в руке гриф своего девятиструнного бализета.

Герцог наблюдал за ним, восхищаясь им. Он повиновался ему во всем. Как назвал его Пол? «Доблестный Гурни».

Сквозь белокурые волосы Хэллека просвечивала кое-где кожа. Его большой рот был искривлен в дружественной усмешке, а багровый шрам под подбородком жил, казалось, своей собственной жизнью. У него был обычный энергичный вид. Он подошел к Герцогу и отвесил поклон...

— Гурни... — сказал Лето.

— Господин мой, — он указал бализетом на людей в комнате. — Вот остатки. Я предпочел бы прибыть с первым отрядом, но...

— Для вас еще осталось довольно Харконненов, — сказал Герцог. — Давай отойдем в сторону, Гурни. Нам надо поговорить.

— Только прикажите, мой господин.

Они отошли под свод. Хэллек бросил свой мешок в сторону, продолжая держать в своей руке бализет.

— Сколько людей ты можешь передать Хавату?

— Зуфир в беде, сэр?

— Он потерял только двух своих агентов, но здесь осталось много Харконненов. Если мы быстро возьмемся за дело, то сможем успеть принять необходимые меры предосторожности и получить необходимую передышку. Ему нужно столько людей, сколько ты сможешь дать, людей, которые не станут уклоняться от того, чтобы поработать ножом.

— Я могу предложить ему три сотни моих лучших людей, — сказал Хэллек. — Куда их послать?

— К главному входу. Агент Хавата ждет там, готовый их принять.

— Я должен заняться этим сразу, сэр?

— Немедленно, у нас есть еще проблемы. Комендант взлетного поля задержит местный корабль столько, сколько это возможно под любым предлогом. Хайлайнер «Союз», доставивший нас сюда, собирается заняться своими последующими делами, и местный

корабль, вероятно, попытается установить контакт с грузовым судном, взявшим груз спайса...

— Нашего спайса, сэр?

— Нашего. Но этот корабль повезет с собой некоторых сборщиков спайса, работавших при старом правительстве. Они решили уехать. Это хорошие работники, Гурни, и их около восьмисот. Прежде чем корабль уйдет, ты должен убедить некоторых остаться с нами.

— Насколько сильным должно быть убеждение, сэр?

— Мне нужно их добровольное согласие, Гурни. Эти люди обладают необходимым для нас опытом и мастерством. Сознание того, что они являются частью Харконненов, велит им уехать. Хават предполагает, что в этой группе есть несколько дурных людей, но ему чудится убийца даже в собственной тени.

— В свое время Зуфир нашел несколько весьма материальных теней, мой господин.

— Но есть и такие, которых он еще не обнаружил.

— Где находятся эти люди Харконненов?

— На нижнем этаже в комнате ожидания. Я предлагаю тебе спуститься вниз и сыграть им что-нибудь, чтобы смягчить их сердца, а потом перейти к более действенным мерам. Тем, кто обладает достаточной квалификацией, можешь предложить ответственные посты. Предлагай жалование на двадцать процентов выше, чем они получали у Харконненов.

— А если больше, сэр? Для некоторых это не покажется достаточным аргументом, чтобы остаться.

Лето нетерпеливо перебил.

— Тогда используй всю свою сообразительность. Только помни, что богатство небесспредельно. Там, где возможно, придерживайся двадцати процентов. Особенно нам нужны перевозчики спайса, специалисты по погоде, люди, работающие в дюнах,— все, кто имеет опыт работы в песках.

— Понимаю, сэр. «В них вся сила, они быстры, как восточный ветер, они возьмут пески в плен».

— Очень подходящая к случаю цитата,— сказал Герцог.— Передай командование лейтенанту. Пусть он сделает краткое сообщение о состоянии с водой, а потом устроит людей на ночь в бараках, примыкающих к полю. Там им все покажут. И не забудь о людях для Хавата.

— Три сотни лучших, сэр.— Он взялся за свой мешок.— Где мне найти вас, когда я все сделаю?

— Наверху, я буду в комнате для совещаний. Там у нас будет штаб. Я хочу установить новый порядок на планете. И начать хочу с создания вооруженных отрядов.

Хэллек, уже собравшийся уходить, замер и посмотрел на Герцога.

— Вы ожидаете нападения, сэр? Я думал, что судейство по изменениям находится здесь.

— Необходимо сочетать открытую войну и войну тайную,— сказал Герцог.— Прежде чем мы победим, прольется много крови.

— «И вода, выплеснувшаяся из берегов, делается кровью и оросит сухую землю», — процитировал Гурни.

Герцог вздохнул.

— Поторопись, Гурни.

— Хорошо, мой господин. — Шрам на лице дрогнул от его усмешки. — «Созерцающий, как дикий осел в пустыне, иду я вперед, к моей работе».

Он повернулся и пошел к центру комнаты, отдавая на ходу распоряжения, затем направился к выходу. Возвращаясь назад, Лето покачал головой. Хэллек всегда был забавен, полон песен, цитат и цветистых фраз... убийцы, когда дело касалось Харконненов.

Лето направился к лифту кружным путем, отвечая на приветствия жестом руки. Он узнал служащего из отдела пропаганды и остановился, чтобы передать ему сообщение, которое должно было быть передано срочно по всем каналам. Те, кто привез с собой жен, захотят узнать, что их жены находятся в безопасности, а также о том, где они смогут их найти. Остальным же интересно будет узнать, что в состав местного населения входит больше женщин, чем мужчин. Он похлопал служащего по руке, давая этим понять, что сообщение нужно передать первым. Он кивал встречавшимся людям, улыбался и говорил им любезности. Люди должны видеть, что ничего не случилось. Он облегченно вздохнул, когда вошел в лифт.

«Они хотели отнять жизнь у моего сына!»...

ПЛАНЫ БОРЬБЫ

— Вся история ведения войн влечет за собой огромный риск, — сказал Герцог, — но когда дело доходит до риска собственными семьями, элементы расчета тонут... в эмоциях.

Лето понимал, что не сдерживает свой гнев настолько, насколько ему бы это следовало делать. Он развернулся и зашагал по комнате.

Герцог и Пол были одни. Это была пустая, гулкая комната, обстановку которой составлял длинный стол, старомодные стулья вокруг него, карта на конце стола. Пол сел за стол возле карты. Он рассказал отцу о происшествии со снарядам-охотником и существующей угрозе со стороны предателя.

Герцог остановился напротив Пола и ударил кулаком по столу.

— Хават сказал мне, что дом в безопасности!

Пол в нерешительности проговорил:

— Я тоже рассердился вначале и обвинил Хавата. Но угроза была вне дома. Она была с одной стороны проста, а с другой коварна. И она оказалась бы не просто угрозой, если бы не навыки, данные мне тобой и многими другими, включая Хавата.

— Ты его защищаешь? — спросил Герцог.

— Да.

— Он старик. В этом все дело. Ему бы следовало...

— Он умудрен огромным опытом, — сказал Пол. — Сколько ты можешь вспомнить ошибок Хавата?

— Мне бы следовало его защищать, а не тебе.

Пол улыбнулся.

Лето присел на угол стола и положил руку на руку сына.

— Ты... повзрослел, сын.— Он убрал руку.— Это меня радует.— Он посмотрел на Пола.— Хават сам себя накажет. Он выльет на себя такой поток ругани, на который бы нас не хватило обоих вместе.

Пол посмотрел на темные окна, на черноту за ними. Огни комнаты отражались от балконной ограды. Он уловил движение и разглядел силуэты в форме аттридесов. Пол оглянулся назад, на белую стену за спиной отца, потом на блестящую поверхность стола и увидел свои сжатые в кулаки руки.

Дверь напротив Герцога распахнулась, и Зуфир Хават вступил в комнату. Он выглядел более чем обычно, старым и измученным. Пройдя вдоль стола, он остановился прямо напротив Герцога.

— Господин мой,— проговорил он, обращаясь к точке над головой Герцога,— я только что узнал, что подвел вас. Мне необходимо подать в...

— О, садись и перестань глупить,— сказал Герцог. Он указал на стул напротив Пола.— Коли ты и сделал ошибку, то только потому, что слишком высоко оценил Харконненов. Их тупые умы способны лишь на простые штучки. Мой сын с огромным жаром сообщил мне о том, что он с честью вышел из этого испытания лишь благодаря твоим урокам. В этом ты не подвел! — он постучал по спинке стула.— Садись, я говорю!

Хават сел.

— Но...

— Не хочу больше об этом слушать,— сказал Герцог.— У нас есть более неотложные дела. Где остальные?

— Я попросил их подождать за дверью, пока я...

— Позови их.

Хават посмотрел Герцогу в глаза.

— Сэр, я...

— Я знаю, кто мои настоящие друзья,— сказал Герцог.— Зови людей.

Хават оглянулся.

— Сию минуту, сэр.— Он повернулся на стуле и сказал в открытую дверь: — Гурни, веди их.

Хэллек ввел в помещение группу людей — офицеров с очень серьезными лицами в сопровождении адъютантов и специалистов.

Когда все вошедшие стали занимать места, по комнате прокатился шум.

— Для желающих есть кофе,— сказал Герцог.

Он оглядел людей. Потом подождал, пока из соседней комнаты принесут кофе. Он отметил усталость на некоторых лицах. Придав своему лицу выражение спокойной деловитости, он призвал к вниманию, постучав костяшками пальцев по столу.

— Итак, джентльмены, похоже на то, что наша цивилизация настолько глубоко увязла в своих предрассудках, что мы не можем

просто повиноваться приказу Империи, не обнаружив, что старые привычки опять дали богатые всходы.

За столом слышались сухие смешки, и Пол понял, что отец выбрал верный тон и сказал нечто необходимое для того, чтобы поднять настроение. Намек на усталость был верно истолкован.

— Думаю, прежде всего нам нужно узнать, имеет ли что добавить Зуфир к своему отчету о Свободных, — сказал Герцог. — Зуфир?

Хават поднял на него взгляд.

— После моего главного отчета у меня возникло несколько экономических вопросов. Но сейчас я могу сказать, что Свободные мне кажутся все больше подходящими для нас. Сейчас они выжидают, желая узнать, могут ли они доверять нам. Они привыкли действовать в открытую. Они послали нам подарок — костюмы собственного изготовления, карты некоторых пустынных мест, окруженных укрепленными точками Харконненов. — Он оглядел собравшихся. — Их данные кажутся полностью надежными, и они значительно помогли нам в делах с судейством изменения. Они также прислали нам драгоценности для леди Джессики, спайс, ликер и лекарства. Мои люди как раз сейчас занимаются их обработкой. Похоже на то, что никаких фокусов нет.

— Вам нравятся эти люди, Зуфир? — спросил один из сидевших.

Хават повернулся к нему лицом.

— Дункан Айдахо говорит, что ими можно восхищаться.

Пол посмотрел на отца, потом на Хавата и спросил:

— У вас есть новая информация о том, как много Свободных?

Хават посмотрел на Пола.

— По количеству еды и прочим фактам Айдахо установил, что общее количество людей на стоянках, которые он посетил, примерно девять тысяч человек. Их предводитель говорил, что управляет сетчем из двух тысяч человек. У нас есть основания полагать, что подобных сетчев очень много. Все они, похоже, преданы одному человеку по имени Льет.

— Это что-то новое, — сказал Герцог.

— Здесь может быть и ошибка, сэр. Судя по некоторым данным, можно предположить также, что Льет — это местный парламент.

Другой человек за столом прочистил горло и спросил:

— Это правда, что они имеют дело с контрабандистами?

— Когда Айдахо был там, караван контрабандистов покидал сетч, увозя с собой большой груз спайса. Они использовали при этом вьючных животных и говорили, что им предстоит восемнадцатидневное путешествие.

— Это означает, что контрабандисты удвоили свою оперативность за этот период смут, — сказал Герцог. — Это заслуживает тщательного обдумывания. Нам не следовало бы проявлять слишком большое беспокойство по поводу кораблей, покидающих эту планету без лицензии, — это делается всегда. Но полностью выпускать их из поля нашего зрения неразумно.

— У вас есть план, сэр? — спросил Хават.

Герцог посмотрел на Хэллека.

— Гурни, я хочу, чтобы вы возглавили делегацию или посольство, если вам это больше нравится, чтобы наладить контакт с этими бизнесменами-романтиками. Скажете, что мне нет дела до них до тех пор, пока они признают за мной титул Герцога. Хават только что установил, что взятки и плата людям, которые помогают им в операциях, отнимают у них в четыре раза больше, чем полагается по расчетам.

— А что если слухи об этом дойдут до Императора? — спросил Хэллек. — Он очень ревностен к своей выгоде, мой господин.

Лето улыбнулся.

— Мы будем открыто класть в банк на имя Императора десятую часть и законно вычитать из этой суммы налоги. Пусть с этим борются Харконнены. И мы немного потрясем кошельки тех местных, кто разбогател при Харконненах. Больше никаких взяток!

Усмешка искривила губы Хэллека.

— Мой господин, прекрасный и юридически законный удар. Хотел бы я видеть лицо Барона, когда он узнает об этом.

Герцог повернулся к Хавату.

— Зуфир, ты достал те конторские книги, о которых говорил?

— Да, мой господин. Сейчас их можно исследовать в деталях.

— Я просмотрел их и могу сообщить некоторые цифры.

— Тогда начинай.

— Харконнены получали отсюда десять биллионов соляриев триста тридцать стандартных дней — период. И так до сих пор.

У всех сидящих за столом вырвался единодушный вздох. Даже молодые адъютанты, чей вид выдавал скуку, выпрямились и обменялись взглядами.

Хэллек пробормотал:

— Так просто они от такого богатства не откажутся.

— Итак, джентльмены, — сказал Лето, — не наивно ли после этого полагать, что Харконнены могут спокойно уехать только потому, что им так приказал Император?

Все согласно кивнули головами.

— Нам нужно постоянно об этом помнить, — сказал Лето. Он повернулся к Хавату. — Теперь об оборудовании. Что они нам оставили?

— Полный набор, как говорится в инженерной описи, проверенной государством, мой господин, — сказал Хават. Он протянул руку к адъютанту, и тот передал ему папку, которую Зуфир раскрыл и положил перед собой на стол. — Только там не сказано, что лишь меньшая половина может быть сейчас использована. Нам повезет, если даже ее можно будет использовать в течение шести месяцев.

— Да, этого нужно было ожидать, — сказал Лето. — Каковы твердые поставки по основному оборудованию?

Хават заглянул в свою папку.

Около девятисот тридцати факториев — харвестеров могут быть

присланы через несколько дней. Около 6260 орнитонгеров, скаутингов, погодонаблюдателей... кариолов немного меньше тысячи.

Хэллек сказал:

— Не было бы дешевле снова открыть торговлю с Союзом и разрешать им выводить корабли на орбиту, как спутники для определения погоды?

Герцог посмотрел на Хавата.

— Ничего нового в этом смысле, Зуфир?

— Мы должны заняться другим, — сказал Хават. — Агент Союза, собственно, не вел с нами торговлю. Он лишь дал понять, что цена для нас недостижима и останется такой вне зависимости от того, каким будет наше развитие. И наша задача узнать, почему это так, прежде чем мы снова с ним свяжемся.

Один из адъютантов Хэллека повернулся на своем стуле и крикнул:

— Это несправедливо!

— Справедливость? — Герцог посмотрел на него. — Кто говорит о справедливости? Мы установим свою справедливость. Это будет здесь, на Арраки. Жизнь или смерть. Вы сожалеете о том, что связали с нами свою судьбу?

Тот посмотрел на Герцога и ответил:

— Нет, сэр. Вы не можете отказаться от самой богатой планеты во вселенной... и мне ничего не остается делать, как следовать за вами. Простите мне мою вспышку, но... — Он пожал плечами. — Каждый ощущает горечь со временем.

— Горечь — это я понимаю, — сказал Герцог. — Но давайте не будем говорить о справедливости, пока у нас есть руки и свобода ими пользоваться. Чувствует ли горечь кто-нибудь из остальных? Если так, оставьте ее. Это совещание — дружеская встреча, каждый может высказать все, что у него на уме.

Хэллек вздохнул и сказал:

— Я думаю о том, сэр, что у нас нет добровольцев из других Домов, и о том, как это плохо. Они обращаются к вам лишь тогда, когда им плохо. Они обращаются к вам и обещают вечную дружбу, но лишь тогда, когда им это ничего не стоит.

— Они еще не знают, кому предстоит выиграть это сражение, — сказал Герцог. — Большая часть Домов разбогатела за счет рискованных предприятий. Вряд ли можно винить их за это. — Он посмотрел на Хавата. — Мы говорили об оборудовании. Ты не сможешь привести несколько примеров, чтобы лучше познакомить людей с машинами?

Хават кивнул, а затем указал адъютанту на прибор. Крупный проектор был поставлен на стол, недалеко от того места, где сидел Герцог. Некоторые из сидящих привстали, чтобы лучше видеть. Пол, подавшись вперед, смотрел на машину на экране. Она была примерно сто двадцать метров в длину и сорок в ширину. Ее жукообразное тело свободно двигалось на широких гусеницах.

— Это харвест-фактори, — сказал Хават. — Мы выбрали для показа наиболее хорошо отремонтированный экземпляр. Это драг-

лайн с оборудованием, прибывшим с первой бригадой императорского эколога. Он все еще работает, хотя я не знаю, как и почему.

— Если это тот, кого называют «старая мумия», то его нужно было отправить в музей, — сказал адъютант.

За столом послышались смешки. Пол не смеялся, он серьезно смотрел на агрегат и в его уме зрел вопрос. Указав на изображение, он спросил:

— Зуфир, есть ли настолько большие песчаные черви, что они смогут проглотить эту штуку?

За столом установилась тишина. Герцог тихо выругался, потом подумал: «Нет, здесь они должны знать правду».

— В центре пустыни есть такие черви, которые способны убрать ее одним плотком, — сказал Хават. — Ближе, за Защитной Стеной, где работает основная часть сборщиков спайса, достаточно червей, которые могут покалечить ее и сожрать на досуге.

— Почему мы не отделимся от них защитным полем? — спросил Пол.

— Согласно отчетам Айдахо, — сказал Хават, — защитные поля в пустыне опасны. Поле размером в человеческое тело привлечет любого червя за сотни метров от него. Похоже на то, что оно вызывает у них жажду убийства. Это слова Свободных, в них нет нужды сомневаться. В сетче Айдахо не встретил никаких следов защитного оборудования.

— Совсем ничего? — спросил Пол.

— Было бы весьма трудно скрывать подобного рода вещь среди нескольких тысяч людей, — сказал Хават. — Айдахо мог побывать в любом месте сетча, и он не видел никаких полей и никаких намеков на их использование.

— Это озадачивает, — сказал Герцог.

— Харконнены использовали здесь, вне всякого сомнения, большое количество полей, — сказал Хават. — У них были ремонтные мастерские в каждой гарнизонной деревне, и их отчеты указывают на большое количество ремонта полей.

— Могут ли Свободные владеть родом нуль-полей? — спросил Пол.

— Такое кажется маловероятным, — ответил Хават. — Теоретически это возможно, конечно.

— Мы бы услышали об этом раньше, — сказал Хэллек. — Контрабандисты имели тесные контакты со Свободными, и они не оставили бы без внимания подобного рода изобретение, имея оно место. И они не стали бы препятствовать распространению его за пределы планеты.

— Я не люблю оставлять такие важные вопросы невыясненными, — сказал Лето. — Зуфир, я хочу, чтобы ты полностью все узнал и доложил нам.

— Мы уже работаем над этим, мой господин. Айдахо наверняка сказал одно: невозможно ошибиться в отношении Свободных к полям. Он сказал, что поля повергли их в изумление.

Герцог нахмурился, потом проговорил:

— Сейчас мы обсуждаем спайсовое оборудование.

Хават указал адъютанту на проектор. На экране появилось изображение крылатой машины, окруженной человеческими фигурами.

— Это каррион, — сказал Хават, — летающая машина, единственной функцией которой являются наполнение богатой спайсом фактории песком и спасение фактории в случае появления песчаного червя. Они появляются всегда. Сбор спайса — процесс, который требует более интенсивного впуска и выбрасывания.

— Великолепно подходит к морали Харконненов, — сказал Герцог.

Смех был резким и чересчур громким. Потом появилось другое изображение.

— Эти машины общеприняты, — сказал Хават. — Путем изменения их можно приспособить к различным целям. Необходимы меры для предохранения некоторых мест от песка и пыли. Лишь одно место прикрыто защитным полем из тридцати, возможно из-за того, что мощности генератора недостаточно для создания большого защитного поля.

— Мне не нравится эта подчеркнутая боязнь полей, — сказал Герцог. А сам подумал: «Не секрет ли это Харконненов? Означает ли это, что мы даже не сможем уклониться от их кораблей, если они двинутся на нас?» Он резко мотнул головой, отгоняя подобные мысли, и сказал: — Давайте согласуем наши действия. Какова наша прибыль в этом деле?

Хават перевернул несколько страничек в своей папке:

— После определения суммы на ремонт оборудования мы приблизительно установим сумму, которая может быть получена в ходе операции. Согласно данным Харконненов, жалование и эксплуатация оборудования составляли четырнадцать процентов. Мы должны увеличить их до тридцати процентов до тех пор, пока не удастся заменить изношенное оборудование. Потом там, где это возможно, мы сократим расходы до двенадцати — пятнадцати процентов. — Он прикрыл глаза. — Если только мой господин не будет пользоваться методами Харконненов.

— Мы работаем на солидной и постоянной основе, — сказал Герцог. — Нам следует отдавать больший процент людям планеты, чтобы сделать их счастливыми — особенно Свободных.

— Главным образом, Свободных, — согласился Хават.

— Наше процветание на Келадане зависело от моря и воздушных ресурсов, — сказал Герцог. — Здесь мы должны развивать то, что я назвал бы ресурсами пустыни. Сюда могут входить и воздушные ресурсы. — Он покачал головой. — Харконнены опираются при назначении на ключевые должности на специалистов с других планет. Для нас это не подходит: каждая новая группа людей — это дополнительная возможность для провокации.

— Тогда нам придется довольствоваться гораздо меньшей прибылью и понижением добычи спейсд, — сказал Хават. — Наша про-

дукция за два сезона должна сократиться на треть по сравнению со средней добычей Харконненов.

— Совершенно верно, — сказал Герцог. — Этого нужно ожидать. Нам придется быстрее найти контакт со Свободными. До первой проверки СНОАма мне бы хотелось иметь пять батальонов, набранных из Свободных.

— Это очень малый срок, сэр, — сказал Хават.

— У нас вообще немного времени, как вам известно. При первой возможности здесь появятся сардукары, переодетые в форму Харконненов. Зуфир, как ты думаешь, сколько их может перебросить один корабль?

— Четыре-пять батальонов, сэр.

— Значит, иметь с ними дело придется пяти батальонам Свободных и нашим собственным силам. Если бы нам удалось захватить в плен несколько сардукаров и представить их перед советом Ландсраада, дела бы сразу изменились.

— Мы сделаем все, на что способны, сэр.

Пол посмотрел на отца, потом на Хавата и осознал вдруг, как уже велик возраст ментата, старого человека, служившего трем поколениям Атридесов. Старость. Ее выдавали ревматические жилки темных глаз, впалость щек, обветренных экзотическими ветрами, тонкость губ с пятнами сока на них. «А ведь так много зависит от этого старого человека», — подумал Пол.

— Мы вступили в полосу войн и борьбы, — сказал Герцог. — Однако мы еще не очистились внутри себя. Зуфир, каково сейчас положение Харконненов?

— Мы выявили двести пятьдесят девять их людей, мой господин. Осталось не больше трех ячеек Харконненов — человек сто.

— Эти люди владельцы собственности? — спросил Герцог.

— Большинство были хорошо устроены, мой господин.

— Я хочу, чтобы ты получил с них подписки о лояльности, — сказал Герцог. — Представь копии судье по изменениям. Мы будем действовать так, будто они жили с фальшивыми документами. Конфискуй их собственность, возьми все, оберни их семьи. Убедись в том, что государство получило свои десять процентов. Все должно быть совершенно законно.

Зуфир улыбнулся.

— Извините, мой господин, это мне не пришло в голову.

Хэллек нахмурился, удивленный выражением лица Пола. Остальные улыбались и кивали.

«Это неверный шаг, — думал Пол. — Такая мера только ожесточит противника. Этим ничего не добьешься».

— «Я был чужим в чужих краях», — процитировал Хэллек.

Пол пристально посмотрел на него, узнав строку из библии. Неужели и Гурни жаждет покончить с этими людьми таким путем?

Герцог посмотрел в темноту за окном, потом повернулся к Хэллеку.

— Гурни, сколько из этих пескокопателей тебе удалось убедить остаться с нами?

— Всего двести восемьдесят шесть человек, сэр. Я думаю, что нам следует брать их и считать, что нам крупно повезло. Каждый из них будет очень полезен.

— И все? — Герцог поджал губы, потом добавил: — Что ж, передай им, что...

Его прервал шум у двери. Мимо охраны торопливо прошел Дункан Айдахо, склонился к столу и что-то зашептал на ухо Герцогу.

Лето не стал его слушать, а сказал:

— Брось, Дункан, говори смело. Здесь военный совет.

Пол смотрел на Айдахо, отмечая его кошачьи мягкие движения и быстроту реакции, что делало его таким серьезным противником в учебных поединках.

Темное круглое лицо повернулось к Полу, и, хотя взгляд его глубоко сидящих глаз оставался непроницаемым, Пол угадал волнение, спрятанное за маской спокойствия.

Оглядев собравшихся, Айдахо сказал:

— На нас напали всадники Харконненов, переодетые Свободными. Сами Свободные послали нам гонца, чтобы предупредить о банде. Но во время атаки мы обнаружили, что Харконнены подстерегли гонца Свободных и тяжело его ранили. Мы доставили его сюда, к нашим докторам, но он умер. Мне следовало сообразить, что мы его не довезем, и не мучить его такой поездкой. — Айдахо бросил взгляд на Герцога. — У него особый нож, мой господин. Мне никогда не приходилось такой видеть.

— Криснож? — спросил кто-то.

— Вне всяких сомнений, — сказал Айдахо. — Молочно-белый, светящийся собственным светом. — Он сунул руку в разрез туники и вытащил ножны с торчавшей в них черной рукояткой.

— Оставьте лезвие в ножнах!

Голос, донесшийся из открытых дверей комнаты, был дрожащим и глубоко трогаящим. Все, как по команде, посмотрели в ту сторону. В дверях сдерживаемая скрещенными клинками стояла высокая фигура, закутанная в балахон. Он полностью скрывал очертания тела человека, лишь в прорезях опущенного капюшона виднелись глаза — совершенно голубые без белка.

— Пусть он войдет, — прошептал Айдахо.

— Пропустите, — приказал Герцог.

Поколебавшись, охранники опустили клинки. Человек скользнул в комнату и остановился перед Герцогом.

— Это Стилгар, начальник сетча, где я побывал, начальник тех, кто предупредил о банде, — сказал Айдахо.

— Добро пожаловать, — сказал Лето. — Но почему нельзя вытаскивать это лезвие?

Стилгар посмотрел на Айдахо и сказал:

— Ты был у нас, наблюдал за обычаями чистоты и чести. Я бы позволил тебе увидеть клинок. — Он обвел остальных присутствующих

взглядом.— Но остальных я не знаю. Они могут осквернить благородное оружие?

— Я Герцог Лето,— сказал Атридес.— Вы позволите мне посмотреть клинок?

— Я позволю вам заработать право на то, чтобы вытащить клинок из ножен,— сказал Стилгар и, поскольку послышался ропот возмущения, поднял тонкую руку.— Напоминаю, что этот кинжал принадлежал тому, кто был вам другом.

В молчаливом ожидании Пол изучал человека. Он был предводителем — предводителем Свободных. Человек, сидевший напротив Пола, прошептал:

— Кто он такой, чтобы диктовать нам свои Законы на Арраки?

— Говорят, что Герцог Лето Атридес правит с согласия Империи,— сказал Свободный.— Я должен объяснить вам наши Законы: на тех, кто видел криснож, падает определенная ответственность.— Взгляд его темных глаз уперся в Айдахо.— Без нашего согласия они никогда не смогут покинуть Арраки.

Хэллек и еще несколько человек начали подниматься с враждебными выражениями на лицах. Хэллек сказал:

— Герцог Лето решает, что...

— Одну минутку,— сказал Лето и всех поразило холодность его лица. «Нельзя выпускать инициативу из рук»,— подумал он. Затем он обратился к Свободному: — Я ценю и уважаю достоинство любого человека, который уважает мое достоинство. Я в большом долгу перед вами и смогу оплатить свои долги. Если по вашим обычаям кинжал должен оставаться в ножнах, то таков будет и мой приказ. А есть ли способ, чтобы воздать должное умершему, если есть — назовите его.

Свободный внимательно посмотрел на Герцога, потом медленно убрал капюшон, открыв тонкий нос и рот с полными губами над блестящей бородой. Он непринужденно склонился над столом и плюнул на его блестящую поверхность. Сидящие вокруг стола начали подниматься со своих мест, но Айдахо сказал:

— Спокойно! — Во внезапно возникшей тишине он продолжал: — Мы благодарим вас, Стилгар, за то, что вы принесли нам в дар влагу вашего тела и платим тем же.— И Айдахо также плюнул на стол перед Герцогом. Подойдя ближе к Герцогу, он сказал: — Вспомните, как ценна здесь влага, сэр. Это знак глубокого уважения.

Лето поежился в своем кресле. Он поймал взгляд Пола, увидел грустную усмешку на его лице и почувствовал, как напряженность медленно покидает собравшихся за столом по мере того, как до них начинает доходить смысл происходящего.

Посмотрев на Айдахо, Свободный сказал:

— Ты оставил много влаги в нашем сетче, Дункан Айдахо. Ты делал это из преданности своему Герцогу?

— Он просит меня присоединиться к ним, сэр,— сказал Айдахо.

— Он согласен на взаимную дружбу? — спросил Лето.

— Вы хотите, чтобы я с ним пошел, сэр?

— Я хочу, чтобы ты сам это решил, — сказал Лето. Он не мог скрыть своей тревоги.

Айдахо изучал Свободного.

— Ты возьмешь меня на таких условиях Стилгар? Наступит время, когда я должен буду вернуться к Герцогу.

— Ты хорошо дрался и сделал для нашего друга все, что мог, — сказал Стилгар. Он посмотрел на Лето. — Пусть будет так: человек по имени Айдахо оставляет криснож себе в знак дружбы. Его, конечно, нужно будет чистить, а за обрядом следует наблюдать, но этому мы его научим. Он будет и Свободным, и солдатом Атридесов одновременно.

— Дункан, — сказал Герцог.

— Я все понимаю, сэр, — ответил Айдахо.

— Тогда решено, — сказал Лето.

— Твоя вода — наша вода, Дункан Айдахо, — сказал Стилгар. — Тело нашего друга останется у Герцога. Его вода — вода Атридесов. Это связь между нами.

Лето вздохнул и оглянулся на Хавата, ловя его взгляд. Хават кивнул с довольным выражением лица.

— Я подожду внизу, — сказал Стилгар, — пока Айдахо попрощается с друзьями. Нашего покойного друга звали Турок. Вспомните его, когда для его духа настанет время освободиться. Вы — его друзья.

Стилгар повернулся к двери.

— Вы задержитесь ненадолго? — спросил Герцог.

Свободный обернулся к нему, легким жестом возвращая на место капюшон и что-то прилаживая на груди. Пол успел поймать взглядом что-то вроде маленькой трубочки прежде, чем капюшон скрыл ее из виду.

— Есть причина, по которой мне нужно остаться? — спросил Свободный.

— Мы бы хотели воздать вам почести, — сказал Герцог.

— Моя работа требует присутствия меня в другом месте, — ответил Свободный. Он посмотрел на Айдахо, повернулся и скользнул мимо охраны в дверь.

— Если все остальные Свободные ему под стать, то мы хорошо послужим друг другу.

Айдахо сухо проговорил:

— Он прекрасный человек.

— Ты понимаешь, что нужно сделать, Дункан?

— Я ваш посол у Свободных, сэр.

— От тебя, Дункан, зависит очень много. Прежде, чем на нас нападут сардукары, нам нужно иметь, по крайней мере, пять батальонов из этих людей.

— Это займет некоторое время, сэр. Свободные очень независимы. — Немного поколебавшись, Айдахо продолжил. — И, сэр, есть еще одно обстоятельство. Один из наемников, которого мы взяли, пытался украсть кинжал у нашего мертвого друга. Наемник говорит, что

Харконнены назначили премию в миллион соляриев тому, кто доставит их криснож.

Лето вскинул голову, явно изумленный.

— Зачем он им так нужен?

— Нож выточен из зуба песчаного червя, на нем клеймо Свободных. С ним человек с синими глазами может проникнуть в любой сетч на земле. Им бы следовало перекрасить меня, пока они меня не узнали. Я не похож на Свободного, но...

— Питер де Гриз,— сказал Герцог.

— Человек дьявольской хитрости, мой господин,— сказал Хават.

Айдахо спрятал нож под тунику.

— Береги этот нож,— сказал Герцог.

— Я понимаю, мой господин,— он похлопал по вделанному в пряжку ремня передатчику.— Передам сообщение, как только смогу. Зуфир знает мои позывные.— Отсалютовав, он поспешил за Свободным.

Звук его шагов постепенно затих вдали. Лето и Хават обменялись понимающими взглядами и улыбнулись.

— Нам надо многое сделать, сэр,— сказал Хэллек.

— И я желаю тебе как следует заниматься твоим делом,— сказал Хават.— У меня еще есть сообщение о военных базах, сэр.— Мне его сделать сейчас или в другой раз?

— Оно займет много времени?

— В двух словах всего не скажешь. Среди Свободных ходит много слухов о том, что в период «Пустынной ботанической испытательной станции» на Арраки было построено две сотни таких баз. Предполагается, что все они заброшены, но есть сведения, что перед тем, как их покинуть, их законсервировали.

— Оборудование на них есть? — спросил Герцог.

— Согласно данным Дункана — да.

— Где они сосредоточены? — спросил Хэллек.

— Ответ на этот вопрос знает только Льет,— сказал Хават.

— Бог знает,— прошептал Лето.

— Сэр,— сказал Хават,— вы слышали, как произнес это имя Стилгар? Может быть, он имел в виду реальное лицо?

— Он служит двум хозяевам? — спросил Хэллек.

— А тебе бы следовало это знать,— сказал Герцог.

Хэллек улыбнулся.

— Судья по изменениям, имперский эколог Кайнз,— сказал Лето,— разве не должен он знать, где расположены эти базы?

— Сэр,— осторожно сказал Хават,— этот Кайнз — имперский служащий.

— И находится очень далеко от Императора,— сказал Лето.— Мне нужны эти базы. На них имеется оборудование, которое мы могли бы забрать и использовать для своих рабочих машин.

— Сэр! — сказал Хават.— По закону эти базы все еще являются владениями Его Величества.

— Ветры здесь такие, что могут разрушить все, что угодно,—

сказал Герцог. — Мы всегда можем свалить вину на пустыню. Возьмите этого Кайнза и узнайте, по крайней мере, где расположены базы.

— Это опасный путь, — сказал Хават. — Дункан хорошо осветил одно обстоятельство: эти базы или сведения о них имеют большое значение для Свободных. Мы можем отпугнуть их от себя, если займемся базами.

Пол оглядел всех присутствующих и заметил, как напряженно они слушают каждое слово говорившего. Казалось, затея его отца глубоко их тревожила.

— Послушай его, отец, — сказал Пол. — Он говорит правду.

— Сэр, — сказал Хават, — эти базы могли бы дать нам материал для ремонта всего оставленного нам оборудования и все же, по стратегическим соображениям, их нельзя трогать. Было бы опрометчиво действовать, не имея глубоких знаний. Этот Кайнз — влиятельный арбитр из Империи. Мы не должны этого забывать. И Свободные сильно от него зависят.

— Тогда проделайте все незаметно, — сказал Лето. — Я хочу только знать, существуют ли эти базы.

— Как пожелаете, сэр, — Хават сел, опустив глаза.

— Что ж, хорошо, — сказал Герцог. — Мы знаем, что нас ждет впереди. Работа. Мы к этому готовились и у нас есть уже некоторый опыт. Мы знаем, какова будет награда, и альтернатива достаточно ясна. Каждый из нас выполняет свою задачу. — Он посмотрел на Хэллека. — Гурни, прежде всего займись контрабандистами.

— «Я пойду к повстанцам, обитающим на сухих землях», — пропел Хэллек.

— Однажды мне удастся поставить этого человека в такое положение, что он не сможет подобрать необходимой цитаты и сразу будет выглядеть, как голый на ярмарке.

Послышались смешки, но Пол уловил в них некоторую натянутость.

Герцог повернулся к Хавату.

— Проверь на этом этаже службы и коммуникации, Зуфир. Когда сделаешь это, я тебя..?

«Хават встал и оглядел присутствующих. Потом он пошел к выходу. Остальные поспешно стали подниматься, гремя стульями и стараясь скрыть свое смущение за этой торопливостью.

«Все закончилось не очень удачно, — подумал Пол, следя за тем, как выходит последний человек. — Раньше заседания штаба заканчивались не так».

Впервые Пол позволил себе задуматься над реальной возможностью поражения, — подумал не от страха или предупреждения Преподобной Матери, но лишь ради объективной оценки реальности.

«Мой отец в отчаянном положении, — думал он. — Дела складываются для нас не очень блестяще. И Хават, — Пол вспомнил, как старый ментат вел себя на совещании, — не уверен, колеблется, выказывает признаки тревоги. Хават был чем-то глубоко взволнован».

— Тебе лучше провести остаток ночи здесь, сын, — сказал

Герцог.— Скоро уже рассвет. Я сообщу об этом твоей матери... Медленно и устало он поднялся на ноги.— Почему бы тебе не отдохнуть?

— Я не слишком устал, сэр.

— Как хочешь.

Герцог сложил руки за спиной и начал медленно прохаживаться вдоль стола.

«Он как лев в клетке»,— подумал Пол.

— Ты собираешься обсудить с Хаватом возможность предательства? — спросил Пол.

Герцог остановился перед сыном и проговорил, глядя в окно:

— Мы обсуждали эту возможность много раз.

— Похоже, что старик верит в то, что говорит,— сказал Пол.— И записка, полученная матерью...

— Предосторожности приняты,— сказал Герцог.

Он оглядел комнату, и Пол увидел охотничий огонек, зажегшийся в его глазах.

— Оставайся здесь. Я должен еще обсудить с Зуфиром вопросы размещения людей.

Он повернулся и вышел из комнаты, коротко кивнув охране у дверей.

Пол смотрел на то место, где стоял его отец, и вдруг вспомнил предупреждение старой женщины:

«... для твоего отца — ничего...»

ЯД ПОДОЗРЕНИЯ

Герцог нашел Хавата одного в помещении, указанном Герцогу охраной. В соседней комнате, где люди расставляли оборудование, было шумно, но здесь была тишина. Пока Хават поднимался из-за заваленного бумагами стола, Герцог огляделся. Это была комната с зелеными стенами. Кроме стола, в ней находилось три кресла. Поспешно стертая с них буква «Х» оставила красный след.

— Кресла очищены и вполне безопасны,— сказал Хават.— А где Пол, сэр?

— Я оставил его в конференц-зале. Надеюсь теперь, когда я его не смущаю, он сможет немного отдохнуть.

Хават кивнул, подошел к двери и плотно прикрыл ее.

— Зуфир,— сказал Лето,— мое внимание привлекли склады с запасами спайса Империи и Харконненов.

— Что именно, мой господин?

Герцог поджал губы.

— Склады весьма непрочны,— Хават начал было говорить, но Герцог поднял руку.— Оставим в покое запасы Императора. Он был бы в тайне рад, если бы Харконнены лишились своих запасов. А может ли Барон воспротивиться, если уничтожить нечто такое, что он не может признавать своим открыто?

Хават покачал головой.

— У нас нет лишних людей, сэр.

— Возьми немного у Айдахо. А может быть, кому-нибудь из Свободных доставит удовольствие такая прогулка по планете.

— Как скажете, мой господин,— Хават отвернулся. Видя, что старик нервничает, Герцог подумал: «Возможно, он подозревает, что я ему не доверяю. Он должен знать, что я имею информацию о предателе. Сейчас лучше всего немного успокоить старика».

— Зуфир,— сказал он,— поскольку ты один из немногих, кому я могу доверять полностью, мы должны немедленно обсудить еще один вопрос. Мы оба знаем, какими бдительными нам нужно быть, чтобы воспрепятствовать предателям проникнуть в наши ряды... но у меня есть два новых известия.

Хават обернулся и посмотрел на него. Лето повторил рассказанное Полом. Вместо того, чтобы свергнуть ментата в состояние сосредоточенности, услышанное им лишь усилило его волнение.

Понаблюдав за стариком, Лето сказал:

— Ты что-то скрываешь, старина. Мне следовало понять это тогда, когда ты так нервничал на совещании штаба. Что же ты знаешь такое важное, чего нельзя было сообщить всем присутствующим?

Красные губы Хавата вытянулись в тонкую ниточку. На них сильнее обозначились черточки морщин. Они стали еще глубже, когда он заговорил:

— Мой господин, я не знаю, как об этом сказать.

— Мы причиняем друг другу лишнюю боль. Ты знаешь, что со мной можно говорить обо всем, Зуфир.

Хават продолжал смотреть на него, думая: «Вот таким я люблю его больше всего. Он человек чести и заслуживает того, чтобы до конца рассчитывать на мою преданность и любовь. Почему я должен причинять ему лишние страдания?»

— Итак? — спросил Лето.

Хават пожал плечами.

— Все дело в клочке записки. Мы отобрали ее у курьера Харконненов. Она была предназначена для агента по имени Парди. У нас были веские причины считать, что Парди — глава здешней сети агентов Харконненов. Она может иметь и большое значение и абсолютно никакого. Все зависит оттого, как ее воспринимать.

— Каково же содержание этой записки?

— Ключка записки, мой господин. Она была сделана на пленке и к ней, как обычно, была привязана капсула со взрывчатым веществом. Мы смогли получить лишь клочок от записки. Тем не менее, этот клочок имеет чрезмерную важность.

— Ну?

Хават облизнул губы.

— В ней говорится: «...его никогда не станут подозревать, и когда на него обрушится удар, одного этого будет достаточно, чтобы его уничтожить». На записке была собственная подпись Барона, я ее узнал.

— Твои подозрения реальны, — сказал Герцог с внезапным холодом в голосе.

— Я бы скорее позволил отрезать свои руки, чем ввести Вас в заблуждение, — сказал Хават. — Господин, если...

— Леди Джессика... — сказал Лето, чувствуя, как его охватывает волна гнева. — Неужели ты не мог выудить правду у этого Парди?

— К несчастью, Парди уже не было в живых, когда мы перехватили курьера. Курьер же, я в этом уверен, не знал, что нес.

— Понимаю.

Лето покачал головой, думая: «Как все это отвратительно. Ничего подобного быть не может. Я прекрасно знаю леди Джессику».

— Мой господин, если...

— Нет! — рявкнул Герцог. — Это ошибка.

— Мы не можем оставить этот факт без внимания, мой господин...

— Она со мной шестнадцать лет! У нее было бесчисленное число возможностей для того, чтобы... Ты сам изучал школу и женщину!

Хават горько проговорил:

— Уже известно, что я могу ошибаться.

— Говорю тебе, что это невозможно. Харконнены хотят уничтожить род Атридесов, включая и Пола. Они уже однажды пытались это сделать. Может ли мать замысливать что-то против собственного сына?

— Возможно, против собственного сына она не действует. А вчерашняя записка могла быть хитрым трюком.

Она же сама указала нам на опасность.

— Сэр, она предупредила нас о предателе, но нельзя забывать, что она сирота и сиротой ее сделали Атридесы.

— Она могла бы начать действовать давным-давно. Подсыпать яд в еду..., вонзить ночью в грудь стилет. У кого была для этого лучшая возможность?

— Харконнены хотят уничтожить нас, мой господин. В их намерение входит не только убийство. Вендетта должна быть настоящим искусством.

Плечи Герцога поникли. Он закрыл глаза и показался старым и усталым. «Этого не может быть. Джессика открыла мне свое сердце».

— Можно ли придумать лучший способ сломить меня, чем посеять во мне подозрения о женщине, которую я люблю?

— Я обдумал это, — сказал Хават, — все же...

Герцог открыл глаза и посмотрел на Хавата, думая: «Пусть он подозревает. Подозрения — это по его части. Может быть, если я притворюсь, что поверил в это, тот, другой, станет менее осторожным».

— Что ты предлагаешь? — прошептал Герцог.

— Постоянное наблюдение с этой минуты, мой господин. Она должна быть под надзором в любое время суток. Я прослежу за тем, чтобы это было так. Айдахо был бы идеальным человеком для подобной работы. Может быть, через неделю нам удастся заполучить его обратно. В его отряде есть один молодой человек, обученный нами

настолько хорошо, что он мог бы служить идеальной заменой Айдахо у Свободных. Он искушен в делах дипломатии.

— Не рискуй такими вещами со Свободными.

— Конечно, нет, сэр.

— А что насчет Пола?

— Возможно, мы могли бы побеспокоить доктора Уйе.

Лето снова повернулся к Хавату.

— Оставляю это на ваше усмотрение.

— Я буду благодарен, мой господин.

«Ну что же, по крайней мере, я могу рассчитывать на это, — подумал Герцог», — потом он сказал:

— Я немного пройду. Если понадобится, я буду где-нибудь поблизости. Охранник может...

— Мой господин, прежде чем мы уйдем, я хотел бы, чтобы вы прочли фильмокнигу. Это приблизительный анализ религии Свободных. Вы, я помню, просили меня сделать об этом сообщение.

Герцог помедлил, потом, не оглядываясь, сказал:

— С этим нельзя подождать?

— Конечно, мой господин. Но вы спрашивали, что они кричали. Это было «Муад». Они обращались к молодому мистеру. Когда они...

— К Полу?

— Да, мой господин. У них есть легенда о том, что к ним явится вождь, ребенок Бене Гессери, и поведет их к истинной свободе.

— И они думают, что Пол этот... этот...

— Они только надеются, мой господин.

Хават протянул капсулу с книгой. Герцог взял ее и опустид в карман.

— Я посмотрю попозже.

— Конечно, мой господин.

— Сейчас мне нужно время подумать.

— Да, мой господин.

Герцог глубоко вздохнул и вышел. Очутившись в коридоре, он повернул налево и пошел, заложив руки за спину и почти не обращая внимания на то, куда он идет. Мелькали лестницы коридоров, балконы, холлы, люди, приветствующие его и уступающие ему дорогу.

Вернувшись в конференц-зал, он нашел его погруженным в темноту, а Пола — спящим на стуле, укрытым робой охранника, с грязным тюком под головой. Герцог тихо прошел по комнате, вышел на балкон и оглядел посадочное поле. Охранник, стоявший в углу балкона, при слабом свете узнал его и встрепенулся в ожидании приказа.

— Вольно, — сказал Герцог и прислонился к холодному металлу балконной решетки. Пустыня была окутана предрассветной тишиной. Неподвижные звезды над его головой казались блесками на темно-голубом небе. Низко над южным горизонтом сквозь тонкую дымку проглядывала полная луна. Свет ее казался откровенным и циничным.

Пока Герцог стоял так, наблюдая, луна скользнула за пики Защитной Стены, заливая их холодным светом, и, оказавшись во внезапно сгустившейся темноте, он ощутил озноб и вздрогнул.

Злоба кольнула его острой иглой.

«Харконнены мешают мне, травят меня, охотятся на меня, не переставая, — подумал он. — Назойливые дряни с полицейскими манерами, но я твердо стою на своих ногах!» Руки его бессознательно потянулись к эмблеме на тунике.

На востоке возникли светящиеся полосы, потом образовались просветы, заставившие померкнуть звезды. Началось торжественное шествие зари сквозь далекий горизонт. Это было так красиво, что Герцог забыл обо всем. «Есть вещи, не поддающиеся описанию», — подумал он.

Он никогда не думал, что здесь можно увидеть нечто подобное этой красоте.

— Прекрасное утро, сэр, — сказал за спиной охранник.

— Да, прекрасное.

Герцог кивнул, думая: «Возможно эта планета способна давать жизнь. Возможно, она будет домом для моего сына».

Потом он увидел человеческие фигуры, движущиеся по цветочному полю. Это были собиратели росы. Вода здесь так ценна, что собирать нужно даже росу.

«Но планета может оказаться и камерой для него», — подумал Герцог.

ДЕЛИКАТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

— Пол, то, что я задумал, ужасно, но я должен это сделать.

Лето стоял возле портативного адоскупера, принесенного в конференц-зал к их завтраку. Чувствительная рука прибора мягко повисла над столом, напоминая Полу некое таинственное, ныне вымершее животное.

Внимание Герцога было направлено на окна, выходившие на посадочное поле и клубы пыли за ними на фоне утреннего неба. Перед Полом стоял аппарат с фильмом о религиозных обрядах Свободных. Он был составлен одним из экспертов Хавата, и Пол обнаружил, что воспоминание о фильме волнует его воображение! Лизан ал-Гаиб!

Он мог закрыть глаза и вспомнить крики толпы. «Так вот, на что они надеются», — подумал он. И он вспомнил, что сказала старая Преподобная Мать: «Квизац Хадерах». Воспоминания прервались, и он снова вернулся в этот страшный мир, наполненный непонятной ему враждебностью.

— Отвратительно, — сказал Герцог.

— О чем вы говорите, сэр?

Лето повернулся к своему сыну и посмотрел на него.

— О том, что Харконнены думают, будто смогут обмануть меня, посеять недоверие к твоей матери. Они не знают, что скорее я не буду доверять себе.

— Я не понимаю, сэр...

Лето опять повернулся к окну. Белое солнце находилось на том самом месте, где ему было положено находиться по утрам.

Медленно, говоря тихо, чтобы не выдать свой гнев, Герцог рассказал Полу о таинственной записке.

— Вы бы могли и меня ввести в заблуждение,— сказал Пол.

— Они должны считать, что им это удалось,— сказал Герцог.— Они должны думать, что я настолько глуп. Все должно быть естественным. Даже твоя мать не должна знать правды.

— Но, сэр, почему?

— Ответом твоей матери не должно быть обратное действие. О, она способна на высший акт, но на карту поставлено слишком многое. Я надеюсь выкурить предателя из его норы. Пусть они считают, что им удалось обмануть меня.

— Почему вы говорите мне об этом? Может быть, я выдам случайно все это матери.

— Ты не сделаешь этого,— сказал Герцог.— Ты будешь хранить секрет. Ты должен.— Он подошел к окну и проговорил, не оглядываясь: — Но если со мной что-то случится, ты можешь рассказать ей правду — что я никогда в ней не сомневался. Я хочу, чтобы она это знала.

Пол, поняв, что отец говорит о смерти, быстро проговорил:

— С вами ничего не должно случиться, сэр. Это...

— Помолчи, сын.

Пол смотрел на отца и видел усталость в повороте его шеи, в сутулости плеч, замедленности движений.

— Вы просто устали, отец.

— Да, я устал,— согласился Герцог.— Я морально устал. Меланхолический процесс упадка Великих Домов захватил, наконец, и меня. А когда-то мы были очень сильны.

Пол сердито возразил:

— Упадок не коснулся нашего Дома!

— Разве?

Герцог повернулся, посмотрел на лицо сына, и тот увидел темные круги под глазами отца и циничную усмешку, искривившую его губы.

— Мне следовало бы обвиняться с твоей матерью, сделать ее Герцогиней. Но... мое холостяцкое положение оставляло надежду некоторым Домам, что через их дочерей возможен союз с нами.— Он пожал плечами.— Так что я...

— Мать объясняла мне это.

— Ничто не приносит предводителю большего авторитета, чем бравада,— сказал Герцог,— и я вынужден был напускать на себя этот вид.

— Ты хорошо правишь,— запротестовал Пол.— Ты хороший правитель. Люди охотно следуют за тобой и любят тебя.

— Мои отряды пропаганды — одни из лучших,— сказал Герцог. Он опять отвернулся к окну.— Здесь, на Арраки, у нас есть большие возможности, чем может предполагать Империя. Но я все же иногда думаю, что для нас было бы лучше, если бы мы ушли отсюда, отступили. Иногда я желаю, чтобы мы безвестно растворились среди этих людей, могли стать менее выставленными напоказ.

— Отец!

— Да, я устал, — сказал Герцог. — Тебе известно, что мы используем запасы спайса в качестве сырья и имеем уже собственную фабрику по производству пленки?

— Что, сэр?

— Мы не можем оставаться без пленки, — сказал Герцог. — Кроме этого, как мы бы смогли снабдить информацией периферию? Люди должны знать, как я хорошо ими правлю. Как они об этом узнают, если мы сами об этом им не скажем?

— Вам нужно отдохнуть, — сказал Пол.

И снова Герцог посмотрел в лицо своему сыну.

— У Арраки есть еще одно преимущество, о котором я почти забыл упомянуть. Спайс здесь везде. Им дышишь, его ешь, он почти во всем. И я нахожу, что это создает некоторый иммунитет против самых распространенных ядов. А необходимость следить за каждой каплей воды ставит все производство под строжайший контроль. Мы не можем уничтожить большую часть населения, и мы также не можем допустить нападение на них извне. Арраки делает нас безупречными в моральном и этическом отношении.

Пол начал было говорить, но Герцог прервал его, сказав:

— Мне необходим был кто-то, кому я мог бы все высказать, сын. — Он вздохнул, снова посмотрел на сухой ландшафт, с которого теперь исчезли даже цветы, затоптанные сборщиками росы и увянувшие под ранним солнцем.

— На Келадане мы правили, опираясь на мощь моря и воздуха, — сказал Герцог. — Здесь мы должны использовать мощь пустыни. Это-то случится со мной? Твой Дом не будет больше в упадке, он станет бегущим и преследуемым.

Пол глотнул, подбирая слова, и не мог найти ни одного подходящего. Он никогда не видел своего отца настолько упавшим духом.

— При попытке удержать Арраки, — сказал Герцог, — неизбежно встает вопрос, решением которого является самоуважение. — Он указал в окно на знамена Атридесов, безжизненно свисающие с флагштоков, установленных по краям посадочного поля. — Эти честные знамена могут означать многое...

Пол плотнул пересохшим горлом. За словами отца пряталась безысходность, какое-то чувство фатализма, от которых в груди мальчика возникла пустота.

Герцог достал из кармана стимулирующую таблетку, проглотил ее, не запивая.

— Власть и страх, — сказал он, — вот инструменты управления государством. Я должен приказать, чтобы тебя усиленно обучали искусству ведения партизанской войны. Этот фильм, в случае крайней необходимости, мог бы помочь тебе.

Пол, не отрываясь, смотрел на отца, видя как по мере действия таблетки расправляются его плечи, но помня при этом его слова, полные страха и сомнения.

— Что-то задерживает эколога, — пробормотал Герцог. — Я велел Зуфиру привести его как можно скорее.

ЧЕРВЬ

Первая встреча с людьми, которых он приказал предать, потрясла доктора Кайнза. Он гордился тем, что был ученым, для которого легенды были лишь любопытными сказками, путями к познанию сущности культур. Но мальчик так хорошо подходил к древней легенде. У него были вопрошающие глаза и вид человека, не знающего лжи.

Легенда, конечно, была весьма правдива, когда матери-богине следует привести с собой мессию или предоставить ему свободное поле деятельности. И все же между предсказаниями и людьми существовала странная взаимосвязь.

Они встретились в разгар утра за административным зданием посадочного поля. Стоявший неподалеку ориентатор без опознавательных знаков тихонько гудел, как дремлющее насекомое. Возле него с обнаженным клинком, огражденным защитным полем, стоял охранник Атридесов.

С усмешкой посмотрев на защитное поле, Кайнз подумал: «Арраки готовит для них сюрприз».

Планетолог поднял руку, давая знать своим охранникам — Свободным, что им следует остаться. Сам он прошел вперед ко входу в здание. Его внимание привлекло движение по ту сторону двери. Он остановился, чтобы поправить свою форму и складку стилсьюта на левом плече.

Входная дверь распахнулась. Из нее легко выскользнули охранники Атридесов, вооруженные до зубов пистолетами, ножами и защитными полями. За ними шел высокий человек с ястребиным лицом, темнокожий, с темными волосами. На нем был плащ с эмблемой Атридеса на груди, и то, как он носил его, выдавало плохое знакомство с этим видом одежды. С одной стороны плащ пристал к закрытой стилсьютом ноге, и это лишало фигуру свободного покачивания, нарушало ритм шагов.

Рядом с мужчиной шел юноша с такими же темными волосами. Юноша казался слишком маленьким для своих пятнадцати лет. Кайнзу был известен его точный возраст. Но юное тело, казалось, излучало властность, уверенность в себе, как будто он знал нечто, неведомое всем остальным. И на нем был такой же плащ, как и на его отце, но носил он его со спокойной непринужденностью, как будто подобная одежда была ему давно знакома.

Кайнз покачал головой, думая про себя: «Они всего лишь люди».

Вместе с ними вышел еще один человек, которого Кайнз сразу узнал — Гурни Хэллек. Кайнз глубоко вобрал в себя воздух, усмиряя поднявшееся в нем негодование — этот человек поучал его, как вести себя с Герцогом и его наследником. Кайнз думал, следя за приближа-

ющейся группой: «Очень скоро они все узнают, кто истинный хозяин на Арраки». Они хотели узнать все, что касается спайса, а также о базах. И очевидно, что о базах они узнали от Айдахо. «Я заставлю Стилгара прислать голову Айдахо этому Герцогу», — думал Кайнз. Свита Герцога была теперь в нескольких шагах. Песок хрустел под ногами подходящих.

Кайнз поклонился.

Подходя к одинокой фигуре, Лето изучал ее: высокий, худой человек, одетый для пустыни в свободную робу, стилсьют и низкие башмаки. Капюшон человека был отброшен назад, сетка висела сбоку, оставляя открытыми длинные рыжеватые волосы и редкую бородку. Глаза были бездонно голубые под густыми бровями.

— Вы эколог? — сказал Герцог.

— Мы здесь предпочитаем старые титулы, — сказал Кайнз. — Планетолог.

— Как вам угодно, — сказал Герцог и посмотрел на Пола. — Сын, это судья по изменениям, арбитр споров, человек, который поставлен здесь следить, подчиняются ли местные властям. — Он посмотрел на Кайнза. — А это мой сын.

— Вы Свободный? — спросил Пол.

Кайнз улыбнулся.

— Меня принимают и в сетке, и в деревне, молодой мистер. Но я — имперский планетолог, находящийся на службе у Его Величества.

Пол кивнул. Уверенный вид человека произвел на него впечатление. Перед этим Хэллек показывал Полу Кайнза из окна административного здания. Пол изучал Кайнза в бинокль, отметив его чопорность. Хэллек сказал Полу на ухо:

— Странный парень. Очень четкая манера говорить — краткая, никаких неточностей. Как бритвой режет.

И Герцог сказал за их спиной:

— Тип ученого.

Теперь, находясь лишь в нескольких шагах от человека, Пол почувствовал, что сила Кайнза заключается в его достоинстве, как будто в жилах того текла королевская кровь, и он был рожден повелевать.

— Насколько я понимаю, вам пришлось подумать о наших стилсьютах и этих плащах, — сказал Герцог.

— Надеюсь, они хорошо подошли к вам, мой господин, — сказал Кайнз. — Они были изготовлены Свободными и так скоро, как приказал ваш человек — Хэллек.

— Я узнал о том, что вы сказали, что не сможете взять нас в пустыню до тех пор, пока не наденем эти доспехи, — сказал Герцог.

— Мы не можем нести в пустыню достаточное количество воды. Мы не пробудем там долго и будем прикрыты сверху. Эскорт вы можете видеть. Маловероятно, что мы подвергнемся нападению червей.

Кайнз пристально посмотрел на Герцога, видя в нем плоть, пропитанную водой. Он холодно продолжал:

— На Арраки никогда не следует говорить о неприятностях. Здесь говорят о возможности неприятностей.

Хэллек окаменел.

— К Герцогу нужно обращаться: «мой господин» или «сэр».

Герцог остановил его движением руки и сказал:

— Наши дороги новы и мы должны делать на них уступки.

— Как вам угодно, сэр.

— Мы в долгу перед вами, доктор Кайнз. Эти костюмы и затраты на организацию не будут забыты.

Слова отчетливо прозвучали в сухом воздухе. Повинуясь внезапному импульсу, Пол вызвал в памяти цитату за Библии и сказал:

— «Подарок — благоденствие для того, кто дарит».

Свободные, эскортирующие доктора Кайнза, резко выпрямились. Один из них крикнул:

— Лизан ал-Гаиб!

Кайнз повернулся и коротким резким жестом заставил охрану вернуться на свое место. Они отошли, переговариваясь между собой, и снова заняли прежние позиции.

— Очень интересно, — проговорил Лето.

Бросив жесткий взгляд на Герцога и Пола, Кайнз сказал:

— Большинство здешнего населения пустынь очень суеверно. Не обращайтесь на них внимания, они не имеют в виду ничего плохого. — Но про себя он повторял слова легенды: «Они будут приветствовать тебя священными словами, а твои подарки станут для тебя благоденствием».

Оценка Герцогом Кайнза, основанная частично на кратком отчете Хавата — сдержанном и полном подозрений, внезапно стала ясна. Этот человек был Свободным. Кайнз явился с эскортом из Свободных, что могло означать, что Свободные решили освоить свою новую привилегию занимать городские должности, но эскорт казался надежным. Манеры Кайнза отличали в нем свободного и гордого человека, привыкшего к свободе. И в речи своей, и в языке он руководствовался только собственным убеждением.

— Не следует ли нам отправиться, сэр? — спросил Хэллек.

Герцог кивнул.

— Я полечу в моем собственном топтере, Кайнз может сесть передо мной, чтобы указывать дорогу, ты и Пол займете задние сиденья.

— Одну минуту, пожалуйста, — сказал Кайнз. — С вашего разрешения я должен проверить безопасность ваших костюмов.

Герцог начал было возражать, но Кайнз продолжал настаивать:

— Я забочусь о вас так же, как и о себе... мой господин. Мне хорошо известно о тех угрозах, которых следует избегать, пока вы находитесь на моем попечении.

Герцог нахмурился, думая: «До чего же мучительный момент! Если я откажусь, то могу его обидеть. А он может оказаться таким

человеком, который нам нужен. Но... пропустить его внутрь моего защитного поля, разрешить касаться меня, когда я так мало его знаю?» Все эти мысли промелькнули в его голове, а вслед за ними пришло решение:

— Мы к вашим услугам,— сказал Герцог. Он шагнул вперед, распахнул свою робу и увидел, как Хэллек рванулся было вперед, настороженный и встревоженный.— И если вы так добры,— добавил Герцог,— я хотел бы получить объяснение об устройстве этого костюма от того, кто его хорошо знает.

— Конечно,— сказал Кайнз. Он нащупал застежку на плече Герцога, говоря: — В основе его лежит микрослойный фильтр высокого качества и теплообменная система.— Он снял застежку с плеча.— Слой контакта с кожей пористый. Испарения проходят через него, охлаждая тело... почти нормальный процесс испарения. Два следующих слоя...— Кайнз поправил костюм на груди Герцога,— ...включают в себя волокна теплообмена и охлаждения солей. Соль регенерируется.

Поднимая руку, Герцог сказал:

— Очень интересно.

— Дышите глубже,— сказал Кайнз.

Герцог повиновался.

Кайнз изучал расположение застежек под мышками и исправил положение одной.

— Отработанные продукты дыхания,— сказал он,— и некоторые астматические действия обеспечиваются работой насоса,— он немного освободил грудь.— Регенерированная вода проходит через тормозное устройство, откуда вы ее получаете по трубке, подведенной к зажиму у вашей шеи.

Герцог повернул подбородок и посмотрел на конец трубки.

— Достаточно и убедительно,— сказал Герцог.— Хорошее устройство.

Кайнз встал на колени, осматривая зажимы на ногах.

— Моча и кал подвергаются процессу переработки в бедренных корзинах,— сказал он, вставая и еще раз осматривая шею, подняв там секционный клапан.— На открытом пространстве этот фильтр находится у вашего лица, эта трубка в ноздрях, а эти предохранители защищают лицо от горячего воздуха. Дыхание осуществляется через фильтр у рта, выходит же воздух через трубку носа. Когда костюм действует хорошо, за день теряется не больше глоточка влаги, даже если попадешь в Великий Эрг.

— Глоточек в день...— сказал Герцог.

Нажав пальцами на лобную подушечку костюма, Кайнз сказал:

— Она может немного тереть. Если это будет вас раздражать, скажите, пожалуйста, мне. Я могу сделать ее немного плотнее.

— Примите мою благодарность,— сказал Герцог. Он пошевелил плечами под костюмом и обнаружил, что он теперь сидит лучше и плотнее и не так раздражает его.

— А теперь давай займемся тобой, мальчик.

«Хороший человек, но ему следовало бы знать, как с нами обращаться», — подумал Герцог.

Пока Кайнз осматривал костюм, Пол стоял пассивно. Надевая костюм, он испытывал странное чувство. Его сознание говорило ему, что ему раньше никогда не приходилось его носить. И все же каждая застежка была ему знакома.

Кайнз выпрямился и отступил с озадаченным выражением лица.

— Вы раньше носили стилсьют? — спросил он.

— Нет, в первый раз.

— Значит, кто-нибудь подогнал его на вас?

— Нет.

— Вы хорошо все сделали. Кто вас научил этому?

— Это... казалось само собой разумеющимся.

И Кайнз потер щеку, вспоминая слова легенды: «Он будет знать ваши пути, как будто был рожден для них».

— Мы теряем время, — сказал Герцог. Он махнул рукой в сторону корабля и направился к нему, кивком головы ответив на приветствие охраны. Поднявшись в него, он пристегнул ремни, проверил управление и приборы. Судно заскрипело, когда в него стали забираться остальные.

Кайнз пристегнул ремни и сосредоточил внимание на внутренней отделке судна — роскошная мягкая серо-зеленая обивка, сверкающие приборы, ощущение чистого и профильтрованного воздуха, когда двери захлопнулись и заработала вентиляция. «Как здесь хорошо», — подумал он.

— Все в полном порядке, сэр, — сказал Хэллек.

Лето включил мотор и почувствовал, как дрогнули и зарылись в воздух крылья. Корабль поднялся на десять метров.

— К юго-востоку над Защитной Стеной, — сказал Кайнз. — Там я велел специалисту подготовить свое оборудование.

— Хорошо.

Герцог развернул корабль, а все остальные суда заняли охранную позицию.

Герцог сказал:

— Эти костюмы прекрасно подходят к здешним условиям.

— Как-нибудь я покажу вам сетч-фабрику, — сказал Кайнз.

— Это было бы очень интересно, — сказал Герцог. — Я заметил, что подобные костюмы производятся также в некоторых гарнизонных городах.

— Местные костюмы, — сказал Кайнз. — На Дюне любой человек, дорожащий своей шкурой, носит костюм Свободных.

— И он так сохраняет влагу, что теряет лишь глоток в день?

— Когда костюм надет верно, то влага в основном теряется через ладони, — сказал Кайнз. — Если руки не нужны для неотложной работы, то можно носить перчатки, но большая часть Свободных в пустыне протирает руки соком листьев креозотового куста. Это тоже препятствует испарению.

Герцог посмотрел налево, на неровный ландшафт Защитной Стены.

Кайнз сидел, откинувшись на спинку сиденья, и думал о плоти, полной воды, которую он ощущал под костюмами соседей. Поверх роб они носили защитные пояса, на груди — пулевое оружие. И у Герцога, и у его сына на запястьях висели ножны с ножами, причем ножны имели довольно потертый вид. Эти люди поразили Кайнза странным сочетанием мягкости и чрезвычайной настороженности. Это делало их полной противоположностью Харконненов.

— Когда вы будете сообщать Императору об изменении здесь правительства, дадите ли вы ему знать, что мы изучаем законы? — спросил Лето.

Он посмотрел на Кайнза и снова перенес свое внимание на роботы.

— Харконнены пришли, вы ушли, то есть наоборот.

— И все-таки, как должно быть? — спросил Герцог.

На какое-то мгновение скулы Кайнза напряглись.

— Как политолог и судья по изменениям, я непосредственный подданный империи...

Герцог мрачно улыбнулся.

— Но истинное положение вещей известно нам обоим.

— Напоминаю вам, что Его Величество поддерживает мою работу.

— Вот как? И в чем же заключается ваша работа?

В наступившем кратком молчании Пол подумал: «Он слишком прижал этого Кайнза». Он посмотрел на Хэллека, но тот пристально разглядывал внизу ландшафт.

Кайнз жестко проговорил:

— Вы, конечно, говорите о моей обязанности планетолога?

— Конечно.

— Она состоит, главным образом, из ботанических и биологических работ, частично из геологических — бурение и пробы. Никогда нельзя полностью изучить возможности планеты.

— Вы изучаете также и спайс?

Кайнз обернулся, и Пол заметил жесткую складку на его щеке.

— Любопытный вопрос, мой господин.

— Не забывайте, Кайнз, о том, что теперь это мое владение. Мои методы отличаются от методов Харконненов. Я не возражаю против изучения спайса, только чтобы мне было известно о том, что и вы узнали. — Он посмотрел на планетолога. — Харконнены одобряли изучение спайса, не правда ли?

Кайнз откинулся на спинку кресла, не отвечая.

— Вы можете говорить прямо, не боясь за свою жизнь, — сказал Герцог.

— Во всяком случае, Имперский суд находится достаточно далеко, — пробормотал он и подумал: «Чего ожидает этот добытчик воды? Неужели он считает, что мы такие дураки, что захотим заручиться его поддержкой?»

Герцог кашлянул, привлекая внимание Кайнза.

— Я заметил недовольную ноту в вашем голосе. Мы хотим, чтобы вы немедленно признали наше отличие от Харконненов.

— Я читал пропаганду, которой вы наводнили сетчи и деревни, — сказал Кайнз. — «Любите вашего Герцога! Ваши тела...»

— А ну, довольно! — рявкнул Хэллек.

Оторвавшись от окна, он подался вперед. Пол положил руку на его плечо.

— Гурни! — сказал Герцог и оглянулся. — Этот человек долго находился под властью Харконненов.

Хэллек принял прежнее положение.

— Хорошо.

— Ваш человек Хават хитер, но предмет его внимания достаточно скучен, — сказал Кайнз.

— Так вы покажете нам эти базы?

Кайнз коротко ответил:

— Они собственность Императора.

— Они не использовались?

— Они могли бы использоваться.

— Император тоже так считает?

Кайнз бросил на Герцога жесткий взгляд.

— Арраки могла бы стать Эдемом, если бы ее правители интересовались чем-то другим, кроме спайса.

«Он не ответил на мой вопрос», — подумал Герцог. Вслух он сказал:

— Как может планета стать Эдемом без денег?

— Что толку в деньгах, если на них нельзя купить услуги, в которых вы нуждаетесь? — возразил Кайнз.

«А, вот оно что?», — подумал Герцог. Он сказал:

— Мы обсудим этот вопрос попозже. А теперь, как мне кажется, мы приближаемся к краю Защитной Стены. Мне нужно держаться того же курса?

— Да, — пробормотал Кайнз.

Пол посмотрел вниз. Разбитая земля уступила место бесплодной каменистой пустыне и скальным выступам пород. За выступами уходили к горизонту дюны, а вдали виднелись темные пятна, говорившие о чем угодно, только не о песках. Возможно, это были крупные выступы пород. Пол не мог разглядеть этого в жарком воздухе.

— А там есть какая-нибудь растительность? — спросил Пол.

— Кое-какая, — ответил Кайнз. — Эта зона большая часть территории, где живут те, кого мы называем «мелкими водными посетителями». Они приспособились совершать друг на друга набеги с целью отнять драгоценную воду и моментально заматают за собой следы. Некоторые части пустыни полны жизни. Но все живое знает, что делать, чтобы выжить в этих местах. Окажись там вы, вам бы пришлось приспособиться или погибнуть.

— Вы хотите сказать — красть воду друг у друга? — спросил Пол. Эта мысль казалась ему чудовищной, и голос выдал его волнение.

— И это тоже, — сказал Кайнз. — Но я имел в виду другое. Видите ли, этот климат требует другого отношения к воде. Нужно знать о воде все. Нельзя терять ничего, содержащего влагу.

«Этот климат», — подумал Герцог.

— Поверните на два градуса южнее, мой господин, — сказал Кайнз. — С запада поднимается ветер.

Герцог кивнул. Он увидел в этот момент вдалеке клубы коричневой пыли. Он развернулся, и эскорт тоже развернулся вслед за ним.

— Похоже на то, что это край бури, — сказал Кайнз.

— Песок должен быть опасен, если попасть в его власть, — сказал Пол. — Он действительно может разрезать самый крепкий металл?

— На такой широте это не песок, а пыль. Опасность — это когда нет видимости, когда все скрыто пылью.

— Мы увидим сегодня настоящую разработку спайса? — спросил Пол.

— Весьма вероятно, — ответил Кайнз.

Пол выпрямился. Он задавал вопросы и проявлял любознательность для того, чтобы провести, как называла это его мать, отметку личности. Сейчас он занимался Кайнзом — звучанием его голоса, каждой деталью его лица и жестов. Неестественная складка на левом рукаве его робы говорила о ноже. На его талии были странные вздутия. Это говорило о том, что люди пустыни носят на поясе кушаки для различных мелких предметов.

Хэллек протянул руку и достал из заднего отделения бализет. Когда он начал настраивать свой инструмент, Кайнз обернулся, потом снова перенес свое внимание на курс впереди них.

— Что бы вы хотели услышать? — спросил Хэллек.

— Выбирай сам, Гурни, — ответил Пол.

Хэллек склонился над струнами, взял аккорд и мягко запел:

«Ваши отцы ели манку в пустыне,
В знойных краях, откуда приходят вихри.
Боже, спаси нас от ужасной земли!
Спаси нас, а-а-а, спаси нас
От сухой, полной жажды земли!»

Кайнз посмотрел на Герцога и сказал:

— Вы путешествуете с небольшой охраной, мой господин. Все ли они наделены такими талантами?

— Как Гурни? — Герцог усмехнулся. — Гурни единственный в своем роде. Я люблю, когда он со мной, из-за его глаз. Его глаза редко что упускают из вида.

Планетолог нахмурился. Не изменяя мелодии, Хэллек спел:

«Ибо я подобен сове пустыни,
Подобен сове пустыни-и-и!»

Герцог повернулся к приборному щитку, взял микрофон, включил его и сказал:

— Начальник эскорта Гамма. Летящий предмет, сектор В. Вы его отметили?

— Это всего лишь птица, — сказал Кайнз и добавил: — У вас острые глаза.

В панельном громкоговорителе щелкнуло, потом голос сказал:

— Говорит Гамма. Предмет изучали под полным увеличением. Это большая птица.

Пол посмотрел в указанном направлении и увидел маленькую черную точку, которая то и дело пропадала, и подумал о том, каким решительным мог быть его отец. Все его чувства были обострены до предела.

— Я не думал, что так далеко в пустыне могут водиться такие большие птицы,— сказал Герцог.

— Это нечто вроде орла,— ответил Кайнз.— Многие живые существа приспособились к этому месту.

Корабль пронесся над голой каменистой равниной. Посмотрев вниз с высоты две тысячи метров, на которой они находились, Пол увидел сморщенную тень их судна. Земля внизу казалась плоской, но неровность теней говорила о другом.

— Удавалось ли кому-нибудь когда-либо выходить из пустыни? — спросил Герцог.

Хэллек прекратил игру. Он подался вперед, ловя ответ.

— Не из глубокой пустыни,— ответил Кайнз.— Из второй зоны несколько раз люди выходили. Они выживали благодаря тому, что проходили по скалистым территориям, где черви редки.

Интонация голоса Кайнза привлекла внимание Пола. Он ощутил, как все его чувства напряглись.

— А-а, черви,— сказал Герцог.— Я должен как-нибудь увидеть одного.

— Может быть, вы его увидите сегодня,— сказал Кайнз.— Где есть спайс, там есть черви.

— Всегда? — спросил Хэллек.

— Всегда.

— Есть ли связь между спайсом и червями? — спросил Герцог.

Кайнз обернулся, и Пол увидел, что его губы поджаты. Он заговорил:

— Они защищают спайсовые пески. Что касается спайса... кто знает? Экземпляры червей, которых мы изучали, заставили нас подозревать о том, что внутри них происходит сложный химический обмен. Мы нашли в их желудках следы синильной кислоты, а в других местах — более сложные формы кислот. Я дам вам мою монограмму по этому вопросу.

— И поля защищают? — спросил Герцог.

— Поля! — фыркнул Кайнз.— Активизируйте поле внутри зоны нахождения червей, и ваша участь решена. Игнорируя территориальные границы, черви соберутся отовсюду, чтобы напасть на поле. Ни одному человеку, окруженному полем, никогда не удавалось пережить такую атаку.

— Как же тогда справиться с червями?

— Электрический разряд высокого напряжения, направленный на каждый сегмент по отдельности,— единственный известный путь убийства и предохранения от червей. Взрывы могут оглушать и разрывать их, но каждый сегмент живет собственной жизнью. За

исключением атомного, мне неизвестно оружие, взрывчатой силы которого было бы достаточно для уничтожения червя целиком.

— Почему не было сделано усилий по их уничтожению? — спросил Пол.

— Слишком дорого, — ответил Кайнз. — Слишком велика территория, нуждающаяся в контроле.

Пол откинулся на спинку кресла. Его умение разбираться в оттенках голосов говорило ему, что Кайнз лжет и говорит полуправду. И он подумал: «Если между спайсом и червями есть связь, то убийство червя может привести к уничтожению спайса».

— Скоро никому не придется пешком выбираться из пустыни, — сказал Герцог. — Включается маленький передатчик у вас на груди и к вам спешит помощь. Скоро они будут у всех наших рабочих. Мы устроили специальную службу помощи.

— Весьма похвально, — сказал Кайнз.

— По вашему тону я чувствую, что вы не согласны, — сказал Герцог.

— Не согласен? Конечно же, я согласен, только это принесет мало пользы. Атмосферные помехи, создаваемые червями, скрывают много сигналов. Это здесь до вас уже пытались сделать. Арраки богата оборудованием. И потом, если червь охотится на тебя, то времени остается мало. Чаще всего есть только пятнадцать — двадцать минут.

— Что бы вы посоветовали? — спросил Герцог.

— Вы спрашиваете моего совета?

— Да. Как планетолога.

— И вы бы последовали моему совету?

— Если бы нашел его разумным.

— Очень хорошо, мой господин. Никогда не путешествуйте один.

Герцог оторвался от контрольного пульта.

— Это все?

— Все. Никогда не путешествуйте один.

— А что бы вы сделали сами? — спросил Хэллек. — Неужели ничего нельзя сделать?

Пол пристально посмотрел на Кайнза. Тот бросил на мальчика острый взгляд и посмотрел на Хэллека.

— Я бы смог проверить защитные свойства своего костюма. Если бы я очутился в зоне действия червей в открытых песках, я бы не остался на корабле, я бы побегал от корабля так быстро, как только мог. Километра приблизительно было бы достаточно. Червь обязательно найдет корабль, но меня может не заметить.

— А что потом? — спросил Хэллек.

Кайнз пожал плечами.

— Ждать, пока червь уйдет.

— И это все?

— Когда червь уйдет, можно попытаться уйти подальше, — сказал Кайнз. — Идти нужно осторожно, избегая песков, а также русел пыльных рек. Нужно стремиться к ближайшей скалистой зоне. Таких зон много и это можно сделать.

— Барабанные пески? — спросил Хэллек.

— Особые песчаные уплотнения, — ответил Кайнз. — Мельчайшие шаги вызывают их звучание. Черви всегда появляются на этот звук.

— А русла пыльных рек? — спросил Герцог.

— Некоторые впадины в пустыне столетиями наполнялись пылью. Некоторые настолько велики, что у них есть приливы и отливы. И они поглотят всякого, кто на них наступит.

Хэллек устроился поудобнее и ударил по струнам бализета. Потом он запел:

«Дикие твари пустыни охотятся
Здесь в ожидании невинных.
Пусть звучит одинокая эпитафия.
Опасность...»

Он замолчал, нахмурившись.

— Впереди облако пыли, сэр.

— Я вижу, Гурни.

— Это то, что мы ждем, — сказал Кайнз.

Пол вытянулся на своем сиденьи, заглядывая вперед, и увидел низко над поверхностью горизонта катящееся темное облако.

— Одна из наших фабрик, — сказал Кайнз, — на поверхности, а это означает, что она стоит на спайсе. Облако — это песок, выброшенный после того, как спайс прошел обработку на центрифуге. Это облако не спутаешь ни с каким другим.

— Над ним аэрокraft, — сказал Герцог.

— Я вижу три... даже четыре, — сказал Кайнз. — Они ожидают знака червей.

— Знака червей? — спросил Герцог.

— Песчаной волны, движущейся к траулеру. Кроме того, у них сейсмические приборы. Иногда черви путешествуют слишком глубоко для того, чтобы могла образоваться песчаная волна. — Кайнз оглядел небо. — Поблизости должен быть карриол, но я его не вижу.

— Червь приходит всегда? — спросил Хэллек.

— Всегда.

подаваясь вперед, Пол тронул Кайнза за плечо.

— Какой величины территорию должен контролировать каждый червь?

Кайнз нахмурился. Ребенок продолжал задавать взрослые вопросы.

— Это зависит от размеров червя.

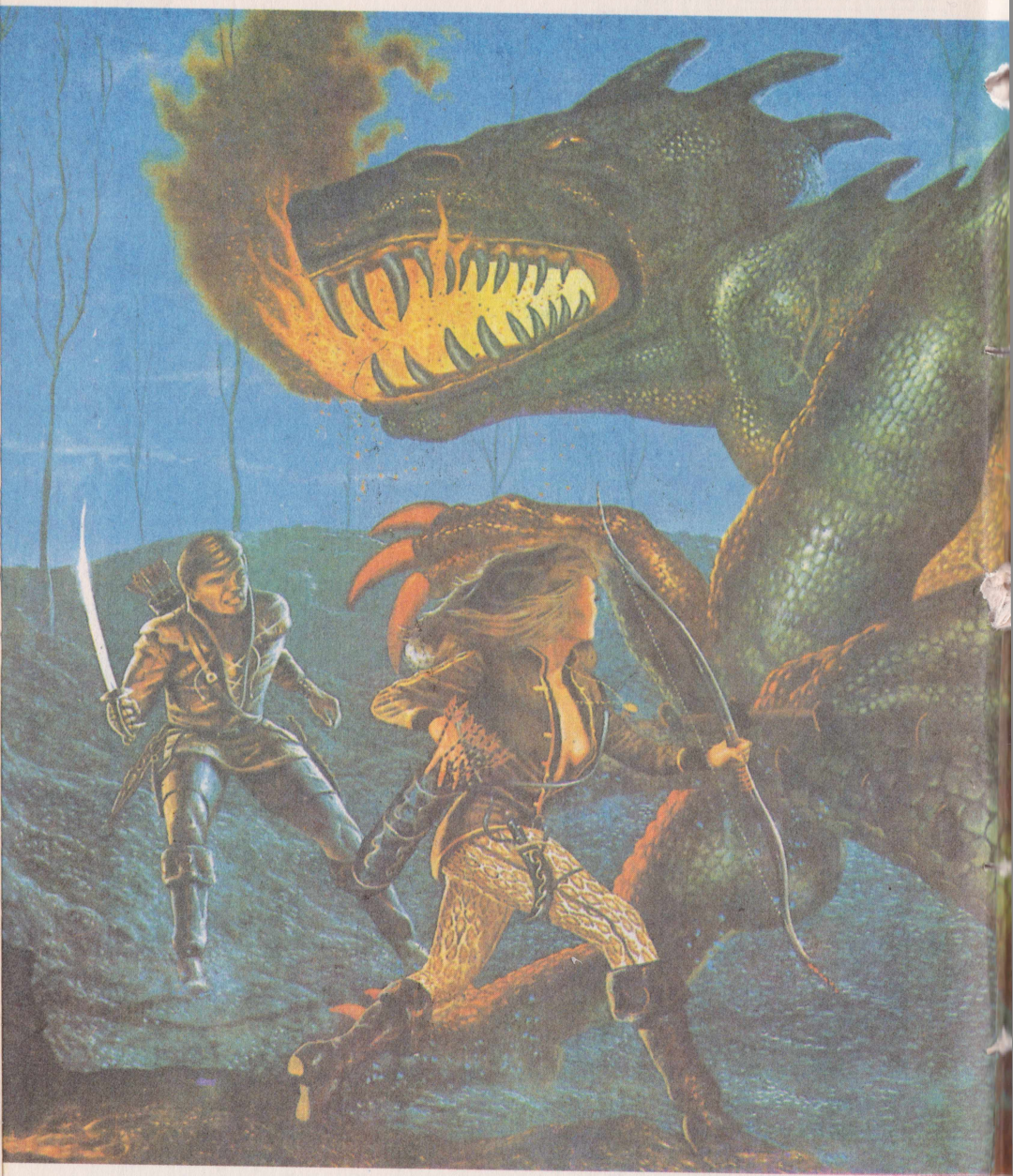
— Какие могут быть вариации? — спросил Герцог.

— Большие могут контролировать триста-четырееста квадратных километров. Маленькие... — Он умолк, так как Герцог нажал на тормозное устройство. Корабль встал на дыбы. Потом он снова пустил корабль в свободный полет. Лево́й рукой Герцог указывал на фабрику.

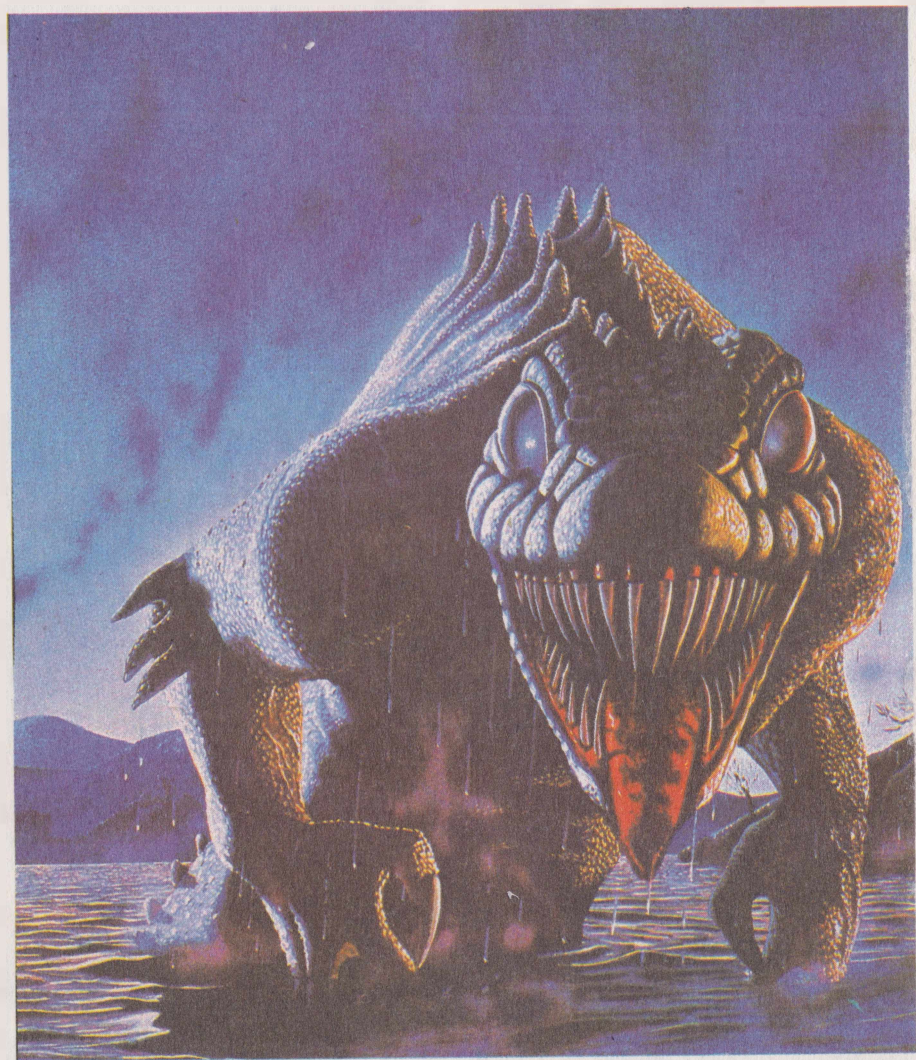
— Это знак червей?

Кайнз смотрел в ту же сторону, что и Герцог. Пол и Хэллек, сидя плечом к плечу, смотрели туда же, причем Пол отметил, что их эс-корт, захваченный врасплох внезапным маневром Герцога, проскочил

вперед и теперь совсем развалился. Фабрика находилась перед ними на расстоянии трех километров. В том месте, куда указывал Герцог, изогнутой цепью тянулась гряда продолговатых дюн.

— Это Червь, — сказал Кайнз. — И большой.

Он схватил микрофон и, глядя на расчерченную карту, проговорил:

— Вызывается краулер на Дельте-Айекс-9. Знак червя. Краулер на Дельте-Айекс-9, знак червя. Жду ответа. — Он замолчал.

В приемнике послышался треск разрядов, потом голос:

— Кто вызывает Дельту-Айекс-9? Прием.

— Они, кажется, ничего не подозревают, — сказал Хэллек.

Кайнз проговорил в микрофон:

— Воздушное судно, находящееся примерно в трех километрах от вас к северо-востоку. Знак червя пересекает наш курс и ему нужно приблизительно двадцать пять минут, чтобы достичь вас.

Из громкоговорителя послышался другой голос:

— Говорит контрольно-наблюдательный пункт. Сообщение подтверждается. Держите со мной связь. — После паузы: — Время до контакта — двадцать шесть минут. Определение было весьма точным. Кто на судне? Прием.

Хэллек резко подвинулся вперед и очутился в непосредственной близости от Кайнза и Герцога.

— Это обычная для рабочих передатчиков частота, Кайнз?

— Да. А что?

— Кто должен ее слушать?

— Рабочий отряд этой территории. Не мешайте.

В приемнике снова треснуло, потом раздался голос:

— Говорит Дельта-Айекс-9. Кому мы обязаны за информацию? Прием.

Герцог посмотрел на Кайнза.

Тот сказал:

— Тому, кто первый даст сообщение о знаке червя, полагается премия из партии добытого спайса. Они хотят знать...

— Сказать им, кто первый увидел знак червя? — спросил Хэллек.

Герцог кивнул.

Кайнз поколебался, потом сказал в микрофон:

— Первенство сообщения принадлежит Герцогу Лето Атридесу. Герцогу Лето Атридесу. Прием.

Голос в приемнике был маловыразительным и плохо различимым из-за большого количества атмосферных помех.

— Поняли и благодарим.

— А теперь прикажите им, чтобы они разделили премию между членами своей команды. Вы поняли? Прием.

— Поняли и благодарим, — прозвучало в приемнике.

Герцог сказал:

— Я забыл упомянуть о том, что Гурни очень талантлив в изучении человеческих отношений.

Кайнз, удивленно нахмурившись, посмотрел на Хэллека.

— Такая забота дает понять людям, что Герцог беспокоится об их

безопасности,— сказал Хэллек.— Подобное известие распространяется чрезвычайно быстро. Оно было на рабочей частоте. Вряд ли его слышали агенты Харконненов.

Герцог направил корабль к облаку пыли, клубившемуся над местом работы фабрики.

— Что же теперь?

— Где-то поблизости должен находиться карриол,— сказал Кайнз.— Он прилетит и поднимет краулер.

— А что если карриол сломается? — спросил Хэллек.

— Будет потеряна часть оборудования,— ответил Кайнз.— Держитесь ближе к краулеру, мой господин. Увидите кое-что интересное.

Герцог, нахмурившись, склонился над приборами управления, поскольку они вступили в полосу клубящихся воздушных вихрей.

Пол посмотрел вниз, увидел все еще изрыгаемые металлом струи песка, а под ними — пластиковое чудовище. Оно походило на огромного коричневого с черным жука. Во все стороны от него тянулись, словно щупальцы, огромные пустые колени. Он увидел огромную черную воронку перед краулером.

— Судя по цвету,— очень богатые залежи спайса,— сказал Кайнз.— Они будут продолжать работы до последней минуты.

Герцог перевел крылья топтера на большую мощность, заставив их выгнуться для крутого спуска, и резко направил судно вниз. Эскорт остался на прежней высоте.

Пол внимательно смотрел на облачко пыли, вьющееся над вентиляционными трубами краулера, потом посмотрел вдаль на приближающийся знак червя.

— Разве бы мы не услышали вызов карриола? — спросил Хэллек.

— Его обычно передают на другой частоте,— ответил Кайнз.

— Разве не по два краулера закрепляются к каждой карриоле? — спросил Герцог.— На такой машине должно быть двадцать шесть человек, не считая оборудования.

Кайнз сказал:

— У нас недостаточно обо...

Он резко оборвал себя, поскольку из приемника послышался сердитый голос:

— Видит ли кто-нибудь из вас эту проклятую штуку? Она не отвечает.

Из динамика раздались звуки сильных разрядов, потом все стихло и первый голос сказал:

— Немедленно сообщите! Прием.

— Говорит контрольно-наблюдательный пункт. В последний раз, когда я его видел, карриол был на большой высоте и направлялся к северо-востоку. Сейчас я его не вижу. Прием.

— Споттер один: отрицательный. Прием. Споттер два: отрицательный. Прием. Споттер три: отрицательный. Прием.

Герцог посмотрел вниз. Тень его судна почти падала на краулер.

— Только четыре споттера. Так и должно быть?

— Да,— ответил Кайнз.

— В нашей части — пять, — сказал Герцог. — Наши корабли больше. Почему каждому краулеру не придано по два карриола?

— У нас очень мало оборудования, — сказал Кайнз.

— Но ведь самым разумным при этом защищать то, что имеешь.

— Куда делся этот карриол? — спросил Хэллек.

— Может быть, ему почему-то пришлось приземлиться и из-за этого его потеряли из виду, — сказал Кайнз.

Герцог взял микрофон, опустил палец на кнопку выключателя, но, медля с вызовом, спросил:

— Как они могли потерять карриол из виду?

— Все их внимание было приковано вниз на знак червя.

Герцог нажал на кнопку и проговорил в микрофон:

— Это ваш Герцог. Мы снижаемся, чтобы взять на борт корабля команду Дельта-Айекс-9. Всем споттерам приказываю делать то же самое. Споттеры приземляются на восточной стороне, мы на западной. Все. — Он переключил передатчик на свою волну и передал своему конвою приказ опускаться, потом протянул микрофон Кайнзу.

Кайнз вернул ручку настройки на прежнюю частоту, и голос в приемнике закричал:

— Почти полный груз спайса! У нас почти полный груз спайса! Мы не можем бросить его из-за распроклятого червя!

— К черту спайс! — рявкнул Герцог. Он схватил микрофон и сказал: — Спайс от нас никуда не уйдет. На наших кораблях есть места для всех вас, кроме троих человек. Решайте любым способом, кому уходить. Но уходить нужно. Это приказ. — Он резко сунул микрофон в руки Кайнзу и, видя, что тот потирает ушибленный палец, пробормотал: — Извините.

— Сколько у нас времени? — спросил Пол.

— Девять минут.

Герцог проговорил:

— Этот корабль более мощный, чем все остальные. Если мы взлетим на всей мощности реактивного двигателя с наполовину убранными крыльями, то сможем взять еще одного человека.

— Песок мягкий... — сказал Кайнз.

— С четырьмя лишними людьми на борту и при работе двигателя на полную мощность мы можем сломать крылья, сэр, — сказал Хэллек.

— Только не у этого корабля, — возразил Герцог. Он снова склонился над приборами и повел корабль на посадку. Он сел примерно в двадцати метрах от краулера.

Теперь краулер был неподвижен и струи песка не вырывались из его труб. О том, что он еще работает, говорил лишь слабый механический звук, который стал еще слышнее, когда Герцог открыл дверцу.

В нос немедленно ударил запах корицы. По другую сторону краулера с шумом приземлился споттер. Эскорт Герцога опустился рядом с его судном.

Пол отметил, какими маленькими они кажутся рядом с краулером — муравьи рядом с жуком.

— Гурни, вы с Полом втискивайтесь на заднее сиденье, — сказал.

Герцог. Он убрал часть длины крыльев, настроил их в нужное положение и проверил двигатель.— Почему, черт возьми, они не выбираются?

— Они все еще надеются на помощь карриола,— сказал Кайнз.— У них есть несколько минут.— Он посмотрел на восток.

Все посмотрели в том же направлении. Знака червя не было видно, но в воздухе стояла какая-то гнетущая тишина.

Герцог схватил микрофон и, переключив прибор на частоту своего отряда, сказал:

— Приказываю двоим выбросить генераторы поля. Тогда сможете взять на одного человека больше. Мы не оставим этому чудовищу ни одного человека.— Снова настроившись на частоту краулера, он закричал — Эй вы, там, на Дельте-Айекс-9! Вон! Немедленно! Это приказ вашего Герцога! Моментально, иначе я разрушу ваш краулер.

В передней и задней частях краулера открылись лючки. Люди вылезали из них, соскальзывали вниз и прыгали на песок. Высокий человек в пятнистом комбинезоне выбрался последним. Он упал на колено, потом быстро вскочил на ноги.

Герцог положил микрофон, и, нагнувшись над открытой дверью, закричал:

— По двое в каждый из споттеров.

Человек в пятнистом комбинезоне быстро подтолкнул шестерых к споттерам.

— Четверо сюда! — закричал Герцог.— Четверо туда! — он указал пальцем на тот споттер из эскорта, который стоял к ним ближе всех. Охранник как раз вытаскивал из него генератор.— Четверо вон в тот корабль! — Он указал на другой споттер, откуда генератор был уже выброшен.— Во все остальные — по трое! Быстрее!

Высокий человек кончил расчет членов своей команды и, сопровождаемый тремя из них, бросился к кораблю Герцога.

— Я слышу червя, но не вижу его,— сказал Кайнз.

Теперь его слышали и остальные — злобный шипящий звук, отдаленный, но делающийся все громче и громче.

— Пора взлетать, черт возьми,— сказал Герцог.

Аэрокraftы вокруг них начали подъем. Это напомнило Герцогу то, как испуганно взмывали вверх птицы в джунглях его родной планеты, испуганные приближением дикого быка.

Сборщики спайса добежали до корабля и принялись в него карабкаться. Хэллек помогал им.

— Быстрее, ребята,— кричал он.

Пол, зажатый разгоряченными телами в самый угол, ощущал запах их пота и увидел, что у двоих из них плохо закреплены шейные приспособления стилсьюта. Он отметил этот факт, чтобы в дальнейшем остановиться на нем. Его отцу нужно будет отдать приказ о более аккуратном использовании костюмов. Если как следует не следить за ними, люди становятся неряшливыми в обращении со своей экипировкой.

Последний человек, тяжело дыша, забрался в корабль и проговорил:

— Червы! Он почти рядом! Взлетайте!

Герцог сел на место пилота и, нахмурившись, сказал:

— Судя по расчетам, у нас должно быть еще три минуты. Это верно, Кайнз?

— Почти верно, мой господин, — ответил Кайнз и подумал: «А он хладнокровный, этот Герцог».

— Все в порядке, сэр, — сказал Хэллек.

Герцог кивнул, наблюдая за тем, как взмыл последний споттер из их эскорта. Он включил зажигание, бросив взгляд на крылья и приборы и запустил реактивный двигатель.

В момент взлета Герцога и Кайнза вжало глубоко в кресла, а людей, сидящих сзади, прижало друг к другу. Кайнз наблюдал за тем, как Герцог управляется с топтоером — уверенно и спокойно. Теперь машина уже полностью оторвалась от земли, и Герцог внимательно следил за показаниями приборов.

— Машина очень перегружена, сэр, — сказал Хэллек.

— Это в пределах допустимого, — ответил Герцог. — Ты не верил, что я рискну, Гурни?

— Если только самую малость, сэр.

Герцог пустил корабль в легкое парение над краулером. Пол, вжавшись в угол у окна, не отрываясь, смотрел вниз, на неподвижную машину, на песок. Знак червя исчез в четырехстах метрах от краулера и теперь песок вдруг начал шевелиться у самой фабрики.

— Червь сейчас находится над краулером, — сказал Кайнз. — Скоро вы станете свидетелями того, что редко кому пришлось видеть.

Теперь над песком вокруг краулера заматались фонтаны пыли. Огромная машина начала заваливаться на бок. Справа от нее образовался гигантский вихрь и закрутился все быстрее и быстрее. Воздух стал мутным от песка и пыли.

И потом они это увидели!

В песке возник огромный темный провал. Солнечные лучи играли на блестящих белых остриях, торчащих из него. Диаметр этого провала превышал длину краулера, по крайней мере, в два раза, как прикинул Пол.

Пол проследил за тем, как машина соскользнула в этот провал, окутанная клубами пыли, и все исчезло.

— Боже, что за чудовище! — пробормотал человек возле Пола.

— Сожрало весь заготовленный спайс, — проворчал другой.

— Кому-то придется за это заплатить, — сказал Герцог. — Я вам это обещаю.

Голос прозвучал невыразительно, почти безжизненно, и это дало Полу понять, что его отец был в глубоком гневе. Подобная потеря была преступлением!

— Благословен будь Создатель и Его вода, — бормотал Кайнз. — Благословен будь приходящий и уходящий от Него. Пусть путь Его очистит весь мир. Пусть Он поддерживает мир Его народа.

— Что вы там говорите? — спросил Герцог.

Но Кайнз ничего не ответил. Пол посмотрел на сидящих вокруг

него людей. Полными страха глазами они смотрели в затылок Кайнза. Один из них прошептал:

— Льет!

Кайнз повернулся, показав нахмуренное лицо. Говоривший смущенно замолчал, стараясь сделаться как можно незаметнее на своем месте. Другой из спасенных закашлял. Кашель был сухой, раздражающий грудь. Человек с трудом выдохнул.

— Черт бы побрал эту проклятую дыру!

Тот высокий, что последним вышел из краулера, сказал:

— Утихомирься, Кос. Ты сам виноват, что твой кашель стал хуже.— Он повернулся, чтобы видеть Герцога.— Ручаюсь, что вы Герцог Лето,— сказал он.— Мы должны высказать вам свою благодарность. Если бы не вы, мы бы все остались там.

— Спокойно, парень, не мешай Герцогу вести машину,— пробормотал Хэллек.

Пол посмотрел на Хэллека. Тот, подобно Полу, тоже заметил, в каком напряженном состоянии находится Герцог. В уголках его рта собрались морщины, а это было тогда, когда на Герцога напал дикий гнев.

Лето начал было выводить корабль из виража, когда его внимание привлекло какое-то движение внизу. Червь уже исчез в глубинах пустыни и теперь неподалеку от того места, где стоял краулер, виднелись две маленькие фигурки,двигающиеся по песку.

— Кто это там? — крикнул Герцог.

— Двое людей, которые пошли пешком, сэр,— ответил высокий.

— Почему о них ничего не сообщили?

— Они не захотели этого, сэр.

— Мой господин,— сказал Кайнз,— эти люди знают о том, что мало чем можно помочь людям, находящимся в пустыне в краю червей.

— Мы пошлем за ними корабль с базы,— сказал Герцог.

— Как пожелаете, мой господин,— сказал Кайнз,— но вполне вероятно, что, когда корабль прибудет сюда, рисковать будет уже не из-за кого.

— Все равно пришлем корабль,— сказал Герцог.

— Они были как раз в том месте, откуда поднялся червь,— сказал Пол.— Как им удалось спастись?

— Стены или осели, или стали обманчивыми расстояния,— ответил Кайнз.

— Вы зря теряете горючее, сэр,— напомнил Хэллек.

— Молчи, Гурни.

Герцог повел корабль к Защитной Стене. Его эскорт занял свое место по бокам. Пол думал о том, что сказал человек с Дюны и Кайнз. Он чувствовал в их словах полуправду, полуприкрытую ложь. Люди шли по поверхности песка так уверенно, что было ясно: они твердо знают свой путь и рассчитывают на то, что червь не явится к ним из своих глубин.

«Свободные! — подумал Пол.— Кто еще может чувствовать себя

так уверенно в этих песках? Они знают, как перехитрить червя».

— Что эти Свободные делали на краулере? — спросил Пол.

Кайнз резко обернулся. Высокий человек смотрел на Пола, широко раскрыв глаза — голубые без белка.

— Кто этот паренек? — спросил он.

Хэллек наклонился к нему.

— Это Пол Атридес, наследник Герцога.

— Почему он говорит, что на нашей фабрике были Свободные?

— Они очень похожи на Свободных, — ответил Пол.

Кайнз фыркнул.

— Нельзя отличить Свободных с одного взгляда! — Он посмотрел на человека с Дюны. — Кто это был?

— Друзья одного из моих людей, — сказал высокий. — Всего лишь друзья из деревни, которые захотели посмотреть на спайсовые пески.

Кайнз отвернулся. Но он вспомнил слова из легенды: «Лизан ал-Гаиб увидит все, несмотря на вашу хитрость».

— Вполне вероятно, что им скоро придется умереть. Не следует говорить о них плохо, — сказал человек с Дюны.

Но Пол услышал в их голосах фальшь и почувствовал угрозу, заставившую и Хэллека насторожиться. Пол сухо проговорил:

— Смерть придет к ним в ужасном месте.

Не оборачиваясь, Кайнз сказал:

— Когда Бог выбирает, кому в каком месте умереть, он хочет, чтобы желания этого человека указали ему то место.

Герцог бросил на Кайнза жесткий взгляд. И Кайнз, тоже посмотрев на него, понял, что его тронуло то, свидетелем чего он стал: «Этот Герцог беспокоится о людях больше, чем о спайсе. Он рисковал своей жизнью и жизнью своего сына. Он пошел на потерю краулера. Угроза, которой подвергались люди внизу, заставила его сделать это. Такому вождю служат с фанатической преданностью. Его трудно победить». И, вопреки желанию, подчеркивая все прежнее, Кайнз вынужден был признать, что ему нравится этот Герцог.

ЗВАННЫЙ ОБЕД

В обеденном зале большого арракинского дворца свет суспензерных ламп рассеивал полумрак ранних сумерек. Их лучи были направлены вверх, на мудрую бычью голову и темный портрет старого Герцога, висящий напротив нее.

Под этими талисманами отливало белым светом серебро посуды Атридесов, расставленное в строго определенном порядке. Классический подсвечник в центре стола оставался незажженным.

Остановившись в дверях, чтобы оглядеть приготовления, Герцог покачал головой. Возле каждой тарелки на длинном столе стоял сосуд с водой. «Воды на этом столе достаточно, — подумал Герцог, — чтобы поить бедную семью с Арраки в течение года».

Сбоку от дверей находились большие раковины для умывания, отделанные желтым кафелем. Возле каждой раковины висели полотенца. Существовал обычай, объяснила ему домоправительница, согласно которому гости при входе должны погружать руки в раковину, стряхивая несколько капель воды на пол, затем осушать руки полотенцем, повешенным у раковины. После обеда у входа собирались нищие и им выжимали капли влаги из мокрых полотенец.

«Как это характерно для династии Харконненов, — подумал Герцог. — Все оттенки деградации, которые можно себе представить. — Он глубоко вздохнул, чувствуя, как напрягаются мышцы лица от охватившего его гнева.

— Сегодня этот обычай прекратится, — прошептал он.

Он увидел, что женщина-прислужница, одна из тех старых нескладных женщин, которых рекомендовала домоправительница, нерешительно топчется у дверей на кухню. Наконец она решилась обратиться к нему.

— Что желаете, мой господин? — Она не поднимала головы, глаза ее были полуприкрыты.

Он знаком велел убрать раковины.

— Но... Высокородный... — Она подняла голову, ее рот приоткрылся.

— Я знаю обычай! — крикнул он. — Убери эти раковины. Пока мы едим и до тех пор, пока не кончим, каждый подошедший нищий может получить здесь глоток воды. Понятно?

Ее морщинистое лицо выразило гамму разнообразных чувств: ужаса, растерянности, затем злобы.

Внезапное озарение подсказало Герцогу, что она рассчитывала на продажу воды, капающей с полотенец, чтобы заработать себе немного денег. Возможно, это тоже было обычаем.

Его лицо потемнело, и он проворчал:

— Я поставлю часового, чтобы он проследил за этим.

Он круто развернулся и пошел по проходу в большой холл. Воспоминания произвольно нахлынули на него. Он вспоминал волны травы, воду вместо песка, теплые летние дни, что пронеслись мимо него, как листья, опавшие с деревьев. «Все ушло, я старею», — подумал он. Непроизвольно ощутив холод своей смерти, Герцог поежился. А всему виной эта старая женщина, захотевшая заработать деньги на продаже нескольких капель воды...

В большом холле леди Джессика была центром стоящей группы людей. В камине потрескивал огонь, бросая яркие блики оранжевого света на драгоценности и кружева дорогих нарядов. Он узнал в толпе мануфактурщика с Картага, экспортера электронного оборудования, грузоотправителя воды, чей особняк был вблизи его фабрики, представителя банка Союза, торговца шахтным оборудованием для спайса, худую с твердым лицом женщину, чья служба по охране внепланетных поселений служила прикрытием для всевозможных контрабандных операций.

Большая часть женщин принадлежала к особому типу — живо-

писные, причудливо наряженные, они странно сочетали в себе высокомерие и чувственность.

«Даже если бы не положение хозяйки, Джессика все равно выгодно бы отличалась от остальных», — подумал он. Она не надела драгоценностей. Ее длинное платье было того же цвета, что и охватывающая ее бронзовые волосы лента ярко-коричневого цвета.

Он почувствовал, что это был тонкий вызов ему с ее стороны, упрек за ту порцию холодности, которую она сегодня от него получила. Ей было хорошо известно о том, что она больше всего нравилась ему, одетая в эти цвета.

Неподалеку стоял Дункан Айдахо в блестящей форме. На его плоском лице застыла скука, черные выющиеся волосы были аккуратно причесаны. Он был отозван от Свободных и получил твердый приказ от Хавата — под предлогом охраны держать леди Джессику под постоянным наблюдением.

Герцог еще раз оглядел комнату.

В углу ее стоял Пол, окруженный группой юных местных богачей, а поодаль от них расположились три офицера из домашней охраны. Герцог с особым вниманием оглядел молодых женщин среди них. Это могло быть ловушкой для его наследника. Но Пол общался со всеми одинаково, с видом сдержанного благородства. «Он будет с честью носить свой титул», — подумал Герцог и внезапно с внутренней дрожью осознал то, что это еще одна мысль о смерти.

Пол увидел в дверях отца и его изучающий взгляд. Он также внимательно осмотрел группы людей, их руки в драгоценностях, сжимающие бокалы с напитками. И внезапно вид этих людей наполил Пола горечью. Это были дешевые маски, за которыми прятались завистливые мысли, а жужжание их голосов скрывало черные замыслы, таящие в каждой груди. «Я в дурном настроении, — подумал он. — Интересно, что бы сказал на это Гурни?»

Ему был известен источник его плохого настроения. Он не хотел выполнять ту обязанность, которую возложил на него отец... Но Герцог был тверд. «У тебя есть определенное положение, которое ты занимаешь. Ты достаточно для этого взрослый, ты почти мужчина».

Пол увидел, как его отец направился к группе людей, окружавших леди Джессику. Когда Лето подходил к ней, грузоотправитель воды не замечая его говорил:

— Это правда, что Герцог возьмет контроль за погодой на планете на себя?

Герцог ответил:

— Так далеко в наших планах мы не заходили, сэр.

Человек резко обернулся, показав мягкое, круглое, темное до черноты лицо.

— А, Герцог, — сказал он. — Мы вас не заметили.

Лето посмотрел на Джессику.

— Дело требует дела, — сказал он.

Он объяснил присутствующим свое решение относительно раковин, добавив при этом, что со старым обычаем покончено навсегда.

— Это приказ, мой господин? — спросил грузоотправитель.

— Оставляю это на вашу... э... совесть, — сказал Герцог. Он оглянулся и заметил Кайнза, подходящего к ним.

Одна из женщин сказала:

— Я думаю, что это очень благородный жест — давать воду нищим.

Кто-то остановил ее. Герцог посмотрел на Кайнза и отметил, что на нем надета старомодная темно-коричневая форма с эполетами имперского сержанта и крошечной золотой капелькой на воротнике.

Грузоотправитель воды сердито спросил:

— Герцог намерен отменить все наши обычаи?

— Этот плохой обычай должен быть отменен, — ответил Лето. Он кивнул Кайнзу и, отметив хмурость на лице Джессики, подумал: «Хмурость ей не к лицу, но я подтверждаю слухи о наших с ней разногласиях».

— С разрешения Герцога, — сказал грузоотправитель воды, — я бы хотел продолжить разговор об обычаях...

Герцог отметил маслянистость голоса говорившего, воцарившее молчание и то, что головы стоявших в комнате начали поворачиваться в их сторону.

— Разве не наступило время обеда? — спросил Джессика.

— Но у наших гостей еще есть вопросы, — сказал Герцог. Он повернулся к грузоотправителю воды и, глядя на его круглое лицо с большими глазами и толстыми губами, вспомнил меморандум Хавата: «Запомните его имя: Лингар Вьют. Харконненны пользовались им, но никогда полностью не доверяли.»

— Обычаи, связанные с водой, так интересны, — сказал Вьют и на его лице появилась улыбка. — Я хотел бы знать, что вы намерены сделать с находящейся в этом доме оранжереей. Вы намерены продолжать... хвастаться ею... мой господин?

С трудом сдерживая гнев, Герцог смотрел на этого человека. Мысли вихрем проносились в его голове. Было храбрым поступком бросить ему вызов в его собственном замке. Особенно теперь, когда у них имелись все подписи на контракте о верности. Этот поступок, кроме того, требовал ощущения собственной силы. Вода действительно была здесь силой. Если, к примеру, средства подачи воды были заминированы, чтобы быть уничтоженными... Этот человек был способен на подобный поступок. Уменьшение эффективности приспособлений для добычи воды вполне может вызвать гибель Арраки. Это могло быть тем козырем, который этот Вьют использовал против Харконненов.

Сэр, у нас с Герцогом другие планы в отношении этой оранжереи, — сказала Джессика. Она улыбнулась Лето. — Мы намерены оставить ее, конечно, но лишь для того, чтобы сохранить ее для людей Арраки. Мы мечтаем о том, чтобы климат планеты был бы изменен так, чтобы подобная оранжерея могла существовать на открытом месте.

«Благослови ее, Боже! — подумал Лето. — Пусть грузоотправитель это проглотит».

— Ваш интерес к воде и контролю над погодой очевиден, — сказал Герцог. — Я бы посоветовал вам не вкладывать в них все свои средства. Однажды вода перестанет быть ценностью на Арраки.

А сам подумал: «Хават должен удвоить свои усилия по выявлению организации этого Вьюта. И мы должны немедленно начать работы по сооружению запасных приспособлений для подачи воды. Ни один человек не должен пытаться диктовать мне.»

Вьют кивнул, по-прежнему улыбаясь.

— Похвальная мечта, мой господин, — сказал он и отошел в сторону.

Внимание Лето привлекло выражение лица Кайнза. Он пристально смотрел на Джессику. Казалось, он ничего вокруг не видел и не слышал, как влюбленный... или человек, погруженный в религиозный транс. Кайнз же был ошеломлен всплывшей в его памяти фразой: «...и они разделят ваши самые сокровенные мечты». Он проговорил, обращаясь к Джессике:

— Вы знаете кратчайший путь?

Но Джессика не успела ответить. Ее перебил Вьют.

— А, доктор Кайнз, — сказал он. — Вы вернулись из поездки со своей бандой Свободных? Как это мило с вашей стороны.

Едва скользнув по нему взглядом, Кайнз проговорил:

— В пустыне говорят, что владение большим количеством воды может сделать человека наглым.

— У тех, кто живет в пустыне, много странных поговорок, — сказал Вьют, но голос выдал его тревогу.

Джессика подошла к Лето и взяла его под локоть, выжидая того момента, когда к ней вернется спокойствие. Кайнз сказал: «Кратчайший путь». На старом языке эта фраза означала «Квизац Хадерах». Станный вопрос планетолога, казалось, остался не замеченным другими. Сейчас Кайнз стоял, склонившись к одной из женщин, и слушал ее тихий кокетливый голос.

«Квизац Хадерах», — подумала Джессика. Она обратилась мыслями к своей тайной надежде в отношении Пола. Он мог бы быть «Квизац Хадерахом». Он мог бы.

Представитель банка Союза вступил в разговор с грузоотправителем воды, и голос Вьюта зарокотал, заглушая все голоса.

— Многие пытались изменить Арраки.

Герцог увидел, как эти слова как будто пронзили Кайнза, заставив его выпрямиться и отвернуться от женщины. В наступившем молчании раздался голос охранника:

— Обед подан, мой господин.

Герцог вопросительно посмотрел на Джессику.

— Согласно существующему здесь обычаю, хозяин и хозяйка должны вести своих гостей к столу, — сказала она. — Мы изменим и этот обычай, мой господин?

Он холодно проговорил:

— Обычай кажется весьма нужным. Воспользуемся им прямо сейчас.

«Иллюзия того, что я подозреваю ее в предательстве, должна все возрастать,— подумал он. Он посмотрел на своих гостей.— Кто из вас верит в эту ложь?»

Джессика, чувствуя, как он снова отдалился от нее, задумалась над тем, как часто это происходит с ним за последнюю неделю.— Он действует как человек, борющийся сам с собой,— подумала она.— Может это все из-за того, что я устроила этот обед? Но он же знает, как важно сейчас знакомить новых офицеров с людьми, занимающими здесь важное положение в обществе. И ничто не принесет в этом большей пользы, чем подобная встреча».

Лето, наблюдая за проходящими гостями, вспомнил, что сказал об обеде Зуфир Хават:

— Сэр! Я не хочу, чтобы вы устраивали этот обед. Это опасно.

Губы Герцога дрогнули в угрюмой усмешке. Что это была за сцена! И когда Герцог остался непреклонным в отношении обеда, Хават покачал головой.

— У меня плохие предчувствия,— сказал он.— События на Арраки развиваются слишком быстро. Это не похоже на Харконненов. Совсем на них не похоже.

Пол прошел мимо отца, ведя молодую девушку, которая была выше его на полголовы. Он бросил на Герцога обиженный взгляд.

— Ее отец производил стилсьюты,— сказала Джессика.— Мне сказали, что только дурак может отправиться в пустыню в одном из костюмов ее отца.

— Кто этот человек с лицом в шрамах, идущий впереди Пола? — спросил Герцог.— Я его не припомню.

— Позднее добавление к списку,— прошептала она.— Гурни устроил ему приглашение. Это контрабандист.

— Гурни?

— По моей просьбе. Она была согласована с Хаватом, хотя он был в этом чересчур неуступчив. Контрабандиста зовут Туек Эсмар Туек. Он авторитет среди людей подобного рода. Его здесь все знают. Он обедает во многих домах.

— Почему он здесь?

— Любой задаст себе этот вопрос,— сказала она.— Одним своим присутствием Туек сеет сомнения и подозрения. Он также формально извещен о том, что ты готовишься настоять на своем приказе, направленном против взяточничества, против насильных поборов среди контрабандистов. Эта затея кажется очень понравилась Хавату.

— Я не уверен, что мне это нравится.— Он кивнул прошедшей мимо паре и отметил, что лишь нескольким гостям осталось пройти мимо них.— Почему ты не пригласила кого-нибудь из Свободных?

— Здесь Кайнз,— сказала она.

— Да, здесь Кайнз,— повторил он.— У тебя есть еще сюрпризы для меня? — Он повел ее вслед за гостями.

— Все остальное — главным образом условности,— сказала она, а про себя подумала: «Дорогой мой, неужели ты не понимаешь, что этот контрабандист располагает быстрыми кораблями и его можно

подкупить! Мы должны иметь запасной выход, путь к побегу с Арраки, если здесь станет невозможно находиться!»

Когда они подошли к столу, она высвободила свою руку, позволяя усадить себя. Герцог занял свое место. Слуга предложил ему стул, но он не сел. Остальные разместились, шелестя одеждой и скрипя стульями, но Герцог остался стоять. Он сделал знак — и все посмотрели на него.

В комнате повисло тревожное молчание.

Джессика, посмотрев на Лето, увидела слабое дрожание в уголках его рта и румянец, заливший его щеки. «Что его рассердило?— Спросила она себя.— Конечно же, не мое приглашение контрабандиста».

— Некоторые из вас осуждают меня в связи с отменой обычая с раковинами,— сказал Лето.— Но это лишний раз подтверждает вам, что измениться здесь должно многое.

Молчание, нависшее над столом, сделалось смущенным. «Они думают, что Герцог пьян»,— подумала Джессика.

Лето поднял свой бокал.

— Сейчас, как кавалер Империи, я хочу предложить вам тост,— сказал он.

Все подняли свои бокалы и посмотрели на Герцога.

— Я здесь, и я здесь останусь! — крикнул он. Многие уже почти приложили бокалы к своим губам, но им пришлось их снова опустить, так как Герцог предупреждающе поднял руку.— Мой тост: дело двигает прогресс. Счастья можно добиться своим трудом.

Он сделал глоток. Остальные последовали его примеру, поглядывая друг на друга.

— Гурни! — позвал Герцог.

Из алькова, находящегося в другом конце комнаты, что был ближе к Герцогу, раздался голос Хэллека:

— Я здесь, мой господин.

— Поиграй нам, Гурни.

Из алькова раздался звук бализета. Повинуясь знаку Герцога, слуги начали разносить блюда с едой и расставлять их на столе. Герцог все еще продолжал стоять. Потом он сказал:

— В старые времена в обязанности хозяина входило развлекать гостей, используя свои таланты.— Костяшки его пальцев побелели, так крепко он сжал бокал.— Я не умею петь, но я скажу вам слова песни Гурни. Считайте их следующим тостом — тостом в память тех, кто умер, создавая для нас эту станцию.

Сидящие за столом обменялись тревожным шепотом. Джессика оглядела сидящих гостей. Герцог нараспев заговорил:

Смотрите все —
Проходят тени древних войск,
Презревших боль и денег звон
Идут полки.
И серебром, как и на наших формах,
Сверкают тускло их воротники.
Смотрите все —

Проходят тени древних войск,
Не знавших подлости, измен
Полки идут.
И пронеся его через столетия,
Соблазн удач они с собой несут.
Смотрите все —
Проходят тени древних войск,
Солдаты-призраки идут своим путем.
Друзья! Когда для нас придет черед,
Соблазн удач в дорогу мы возьмем!

Герцог возвысил голос на последних словах, сделал большой флоток из бокала и с силой поставил его. Содержимое бокала пролилось на стол.

Остальные выпили в смущенном молчании. И снова Герцог поднял свой бокал и на этот раз вылил его содержимое на пол, зная, что остальные должны последовать его примеру.

Первой это сделала Джессика. После минутного молчания остальные тоже последовали ее примеру. Джессика видела, что Пол, сидящий рядом с отцом, изучает реакцию окружающих его людей. Она тоже не могла заставить себя не делать этого и наблюдала, особенно за женщинами.

С наибольшим интересом она наблюдала за Кайнзом. Планетолог заколебался, потом вылил содержимое бокала в сосуд у себя под пиджаком. Заметив, что Джессика смотрит на него, он улыбнулся и поднял пустой бокал в молчаливом тосте. Казалось, все эти действия нимало его не смутили.

Музыка Хэллека все еще доносилась из алькова, но она перешла на мажорный лад и была теперь веселой и живой, как будто он пытался поднять настроение тех, кто его слушал.

— Давайте приступим к обеду, — сказал Герцог и сел.

«Он сердит и неуверен в себе, — подумала Джессика. — Потеря этой фабрики-краулера задела его гораздо глубже, чем я думала вначале. Должно быть, это гораздо большая потеря. Он ведет себя как человек, находящийся в отчаянии. — Она взяла вилку, надеясь, что этим скроет собственное чувство горечи, внезапно нахлынувшее на нее. — Он действительно в отчаянном положении».

Вначале медленно, потом все более оживляясь, обед шел своим чередом. Изготовитель стилсьютов сделал Джессике комплимент по поводу качества пищи.

— Это мы все привезли с Келадана, — ответила Джессика.

— Великолепно! — проговорил он, пробуя еду. — Просто великолепно! И никакого намека на меланж. Так устаешь от того, что во всем чувствуешь привкус спайс.

Представитель банка Союза посмотрел на Кайнза.

— Насколько я знаю, доктор Кайнз, червь сожрал еще одну фабрику?

— Новости разносятся быстро, — сказал Герцог.

— Так это правда? — спросил банкир, обращаясь к Лето.

— Конечно, правда! — рявкнул Лето. — Проклятая машина исчез-

ла. Кажется невозможным, что такая громадина может быть проглоченной червем.

— Когда появился червь, ничто уже не могло спасти краулер,— сказал Кайнз.

— Ничто не могло спасти,— повторил Герцог.

— И никто не заметил исчезновения пугающего карриола?— спросил банкир.

— Наблюдатели обычно следят за песком,— сказал Кайнз.— Их в первую очередь интересует появления червя. Штат карриола обычно состоит из четырех человек: двух водителей и двух помощников. Если одни или даже двое были в числе тех, кому платят враги Герцога...

— А-а-а, понятно,— протянул банкир.— И вы, судя по всему, не сомневаетесь в этом?

— Я буду вынужден тщательно обдумать все произошедшее,— ответил Кайнз.— И уж, конечно, не буду обсуждать этот вопрос за столом.— А сам подумал: «Скелет обглоданный! Ему известно, что я получил инструкцию не обращать внимания на подобного рода провокации.»

Банкир улыбнулся и вернулся к еде.

Джессика сидела, вспоминая один урок в школе. Темой урока был шпионаж и контршпионаж. Учительницей была пухлая с довольным лицом Преподобная Мать, и ее жизнерадостный голос удивительным образом противоречил теме урока.

«Главное, что следует запомнить относительно школы шпионажа и контршпионажа,— это особенности реакции всех ее окончивших. Любая завершенная дисциплина имеет свои штампы, свои модели. Данная модель легко поддается анализу и прогнозу. Итак, основные типы среди всех шпионов-агентов должны иметь одинаковые простые реакции. Они имеют определенные мотивы, которые просты, несмотря на разницу школ или противоположность целей. Вначале вы думаете, как выделить этот тип для вашего анализа, затем следует более близкое изучение мысленной ориентации тех, кто находится под наблюдением. Вы обнаружите, что определить шпиона по манере языка ваших подозреваемых — дело весьма несложное, если, конечно, опираться при этом как на его интонации, так и на манеру речи».

Теперь, сидя рядом со своим сыном, Герцогом и гостями и слушая представителя банка Союза, Джессика почувствовала, как ее кольнула игла истины — этот человек был агентом Харконненов. Она читала его мысли так свободно, что будто он объяснял их вслух.

«Означает ли это, что сам Союз выступает против Дома Атридесов?» — спросила она себя. Эта мысль потрясла ее, но она скрыла свое чувство, попросив новое блюдо и продолжая слушать человека, выдающего свои мысли. — Теперь он переведет разговор на что-нибудь невинное, окрасив его зловещими обертонами. Это его модель.»

Банкир отпил вина, улыбнулся сидевшей рядом женщине, потом, казалось, прислушался к тому, как один из сидевших за столом объяснял Герцогу, что растения на Арраки не имеют шипов.

— Мне доставляет огромное удовольствие наблюдать здесь за

полетами птиц, — сказал банкир, обращаясь к Джессике. — Конечно, все наши птицы питаются падалью, а многие, существуя без воды, становятся кровопийцами.

Дочь фабриканта стилсьютов, сидящая на другом конце стола, между Полом и его отцом, нахмурила свои хорошенькие брови и сказала:

— О Су-Су, ты всегда говоришь такие противные вещи.

Банкир улыбнулся.

— Меня называют Су-Су, потому что я являюсь финансовым советником «Союза разносчиков воды». — И поскольку Джессика продолжала смотреть на него, он добавил: — Из-за того, что разносчики кричат Су-Су! — Он так умело воспроизвел этот звук, что все рассмеялись.

Джессика слушала его хвастливый голос, но отметила только реплику молодой женщины. Она предоставила банкиру возможность сказать то, что он сказал. Джессика взглянула на Лингара Вьюта. Водный магнат хмурился. Все его внимание было сосредоточено на еде.

Сказанное банкиром для Джессики прозвучало следующим образом: «Я тоже контролирую этот важнейший для Арраки фактор — воду!»

Пол заметил фальшь в голосах за столом, увидел, что его мать следит за разговором с напряженностью Бене Гессери. Повинуясь инстинкту, он решил подыграть, создать фон, и обратился к банкиру:

— Вы хотите сказать, что эти птицы канибалы?

— Станный вопрос, молодой мистер, — ответил банкир. — Я просто сказал, что птицы пьют кровь. Она ведь не должна быть кровью их сородичей, не так ли?

— Вопрос вовсе не был странным, — возразил Пол, и Джессика отметила в его голосе то умение замаскировать выпад, которое он получил благодаря ее обучению. Пол намеренно подчеркнул взял вилкой кусок еды с тарелки своего соседа и съел его. Он сказал: — Они едят из одного котла, у них одни и те же потребности.

Банкир окаменел, сердито глядя на Герцога.

— Не делайте ошибки, считая моего сына ребенком, — сказал он и улыбнулся.

Джессика оглядела сидящих за столом и увидела, что Вьют сияет, а Кайнз и контрабандист улыбаются.

— Молодой мистер, кажется, весьма хорошо понимает правила экологии, — сказал Кайнз. — Борьба между жизненными элементами — это борьба за свободную энергию системы. Кровь — достаточный источник энергии.

Банкир отложил вилку и сердито проговорил:

— Говорят, что у Свободных некоторые подонки пьют кровь своих умерших людей.

Кайнз покачал головой и проговорил:

— Не кровь, сэр. Но вся, до последней капли, кровь человека принадлежит его народу, его племени. Когда живешь в великой

пустыне — такое необходимо. Вода там ценна, а человеческое тело на семьдесят процентов состоит из воды. И мертвому человеку, конечно же, не нужна вода.

Банкир уперся обеими руками в стол.

Джессике показалось, что он в гневе собирается встать и уйти.

Кайнз поднял взгляд на Джессику.

— Простите меня, моя леди, что я заговорил за столом о таком отвратительном деле, но вам сказали заведомую ложь и нужно было все прояснить.

— Вы так долго со своими Господами сотрудничали со Свободными, что у вас все чувства притупились,— выдохнул банкир.

Кайнз спокойно посмотрел на него, изучая его бледное и дрожащее лицо.

— Вы бросаете мне вызов, сэр?

Банкир окаменел. Глотнув, он с тревогой сказал:

— Конечно же нет... Я бы не стал так оскорблять вас и ваших господ...

Джессика услышала страх в его голосе, увидела этот страх на его лице, в его дыхании, в биении жилки на виске. Человек был в ужасе от слов Кайнза.

— А мои господа вполне способны сами решить, что их оскорбляет, а что нет,— сказал Кайнз.— Они храбрые люди, знающие, что такое защита чести. Об их храбрости можно судить хотя бы по тому факту, что они здесь... сейчас... на Арраки...

Джессика видела, что Герцогу понравились эти слова. Большинству же других — нет. Люди сидели в напряженных позах, держа руки под столом. Двумя заметными исключениями были Вьют, который открыто улыбался замешательству банкира, и контрабандист, который, казалось, ждал знака от Кайнза. Джессика заметила, что Пол смотрит на Кайнза с восхищением.

— Итак? — сказал Кайнз.

— Я не собирался никого оскорблять,— пробормотал Банкир.— Если оскорбления были нанесены, прошу принять мои извинения.

— Хорошо, принимается,— сказал Кайнз. Он улыбнулся Джессике, снова принимаясь за еду, как будто ничего не случилось.

Джессика видела, что контрабандист тоже вздохнул свободнее. Она отметила, что этот человек был готов по первому зову прийти на помощь Кайнзу. Между ними существовало какое-то соглашение.

Лето играл вилкой, внимательно глядя на Кайнза. Поведение эколога показывало изменение его отношения к Атридесам. Во время их полета над пустыней Кайнз держался гораздо холоднее.

Джессика знаком велела внести новую еду. Постепенно разговор опять оживился, но Джессика различала в нем взволнованность, непрочность, видела, что банкир ест в мрачном молчании. «Кайнз бы без колебаний убил его»,— подумала она. Она видела в Кайнзе способность к намеренному убийству, и это, как она догадалась, было качеством Свободных.

Джессика повернулась к фабриканту стилсьютов и сказала:

— Вы знаете, я постоянно думаю о том, как важна вода на Арраки.

— Очень важна,— согласился тот.— Что это за блюдо? Оно восхитительно.

— Языки дикого кролика под особым соусом,— сказала Джессика.

— Очень старый рецепт.

— Я должен иметь этот рецепт.

Она кивнула.

— Я прослежу за тем, чтобы он у вас был.

Кайнз посмотрел на Джессику и сказал:

— Вновьприбывшие на Арраки часто недопонимают важности воды здесь. Понимаете, ведь вы имеете дело с законом о выживании.

Услышав испытывающие интонации в его голосе, она сказала:

— Развитие ограничено той необходимостью, которая присутствует в самом малом его количестве. И, естественно, мельчайшее благоприятное условие увеличивает скорость развития процесса.

— Очень редко встречаешь членов Великого Дома, разбирающихся в планетологических проблемах,— сказал Кайнз.— Вода — наивысшее благоприятное условие для жизни на Арраки. И помните, что само развитие может принять неблагоприятные формы, если только не обращаться с ним с чрезвычайной осторожностью.

Джессика уловила скрытый смысл в словах Кайнза.

— Развитие...— сказала она.— Вы имеете в виду, что Арраки может иметь упорядоченный водный баланс для поддержки жизни на планете при более благоприятных условиях?

— Это невозможно! — рявкнул водный магнат.

Джессика посмотрела на Вьюта.

— Невозможно?

— Невозможно на Арраки,— сказал он.— Не слушайте этого мечтателя. Против этого результаты лабораторных исследований.

Кайнз посмотрел на Вьюта, и Джессика заметила, что взоры всех присутствующих тоже обратились к нему.

— Результаты лабораторных исследований тяготеют к тому, чтобы ослепить всех простым фактом,— сказал Кайнз.— Этот факт состоит в следующем: мы здесь имеем дело с веществами, которые берут начало и существуют вне нашего мира, где растения и животные ведут нормальное существование.

— Нормальное! — фыркнул Вьют.— На Арраки нет ничего нормального.

— Совсем напротив,— ответил Кайнз.— Некоторая гармония может установиться и здесь при использовании саморегулирующихся систем, нужно лишь понять, в чем заключается саморегуляция планеты, и повлиять на нее.

— Это никогда не получится,— сказал Вьют.

Герцога внезапно озарило — он вспомнил, когда Кайнз изменил свое отношение к ним. Это случилось, когда Джессика сказала о том, что хочет сохранить оранжерею для передачи ее людям Арраки.

— Что нужно сделать, чтобы оживить саморегулирующуюся систему, доктор Кайнз? — спросил Лето.

— Если мы сможем получить три процента зеленого растительного элемента на Арраки, который идет сейчас только на формирование залежей спайса, мы запустим циклическую систему, — сказал Кайнз.

— Вода, — единственная проблема? — спросил Герцог. Он чувствовал волнение Кайнза, чувствовал и себя захваченным им.

— Вода затмевает все другие проблемы, — сказал Кайнз. — Эта планета располагает большим количеством кислорода без того, что ему обычно сопутствует — разнообразной растительной жизнью и двуокисью углерода из таких источников, как действующие вулканы. Здесь, над поверхностью больших территорий, происходят необычные химические изменения.

— Вы располагаете определенным проектом для работ? — спросил Герцог.

— У нас было много времени для исследований. Это мало связанные между собой эксперименты на любительской основе, из которых теперь наука может извлечь нужные ей факты, — сказал Кайнз.

— Воды недостаточно, — сказал Вьют.

— Мистер Вьют — эксперт по воде, — сказал Кайнз. Он улыбнулся и приступил к еде.

Герцог, резко хлопнув рукой по столу, сказал:

— Нет! Я жду ответа! Здесь достаточно воды, доктор Кайнз?

Кайнз не отрывал взгляда от своей тарелки. Джессика наблюдала смену эмоций на его лице. «Он хорошо умеет маскировать свои мысли, — думала она, — но несмотря на это я чувствую, что он глубоко сожалеет о сказанном.»

— Здесь достаточно воды? — настаивал Герцог.

— Может быть... — ответил Кайнз.

«Он хитрит, — подумала Джессика. Пользуясь своим удивительным чутьем, она понимала, что Кайнз не хочет говорить правду и ему понадобилось все его умение, чтобы скрыть волнение. — Воды достаточно! Но Кайнз не хочет, чтобы об этом было известно».

— У нашего планетолога много разных фантазий, — сказал Вьют. — Вместе со Свободными он фантазирует о мессиях и пророках.

Кое-где за столом послышались смешки. Джессика заметила, кто смеялся: контрабандист, дочь фабриканта стилсьютов, Дункан Айдахо, женщина, связанная с таинственной службой безопасности. «Сегодня вечером присутствующие распределялись странным образом, — думала Джессика. — Происходит слишком много непонятного мне. Я должна открыть новые источники информации».

Герцог перевел взгляд на Джессику. Он чувствовал странное опустошение, как будто что-то важное прошло мимо него:

— Может быть... — прошептал он.

Кайнз быстро проговорил:

— Возможно, нам придется обсудить это в другой раз, мой господин. Здесь так много...

Планетолог замолчал, так как охранник в форме Атридесов торопливо прошел через служебную дверь мимо охраны и заспешил к Герцогу. Он наклонился и что-то прошептал Лето.

Узнав знаки различия отряда Хавата, Джессика почувствовала тревогу. Она обратилась к спутнице фабриканта стилсыотов: крошечной темноволосой женщине с кукольным лицом.

— Вы едва дотронулись до обеда, моя дорогая, — сказала Джессика. — Могу я еще что-нибудь вам предложить?

Прежде чем ответить, женщина посмотрела на фабриканта, затем сказала:

— Я не голодна.

Герцог быстро поднялся, встал рядом с охранником и резко бросил:

— Господа, извините, но я должен покинуть вас. Вам придется простить меня, но ситуация требует моего немедленного ухода. — Он шагнул в сторону. — Пол, займи мое место, прошу тебя.

Пол встал, желая спросить отца, почему тот должен уйти. Он знал, что должен это проделать с соблюдением соответствующих мер осторожности. Подойдя к стулу отца, он сел.

Герцог обернулся к алькову, в котором сидел Хэллек и сказал:

— Гурни, займи, пожалуйста, место Пола за столом. Там не должно быть нечетного количества людей. Когда обед будет закончен, я хочу, чтобы ты привез Пола на поле «G. P». Жди моего вызова.

Хэллек вышел из алькова. На нем была одета парадная форма, что еще больше подчеркивало его уродство. Он прислонил свой бализет к стене, подошел к стулу, который оставил Пол, и сел.

— Для тревоги нет оснований, — сказал Герцог, — но я должен просить вас не покидать своих мест, пока охрана не сообщит, что путь свободен. Пока вы находитесь здесь, вы можете чувствовать себя в полной безопасности, а это небольшое недоразумение скоро уладится.

Пол уловил из речи отца кодовые слова: «охрана — в безопасности — безопасность — скоро». Речь шла о безопасности, а не о нападении. Он видел, что его мать тоже поняла сообщение. Оба с облегчением вздохнули.

Герцог коротко кивнул, повернулся на каблуках и направился к служебной двери за идущим впереди него охранником.

Пол сказал:

— Продолжайте, пожалуйста, обедать. Мне помнится, доктор Кайнз что-то говорил о воде?

— Может быть, мы обсудим это в другой раз? — спросил Кайнз.

— Вне всяких сомнений, — ответил Пол.

Джессика с гордостью заметила, с каким достоинством держится ее сын.

Банкир поднял свой бокал и посмотрел на Вьюта.

— Никто из нас, здесь сидящих, не сможет соперничать в цветистости фраз с Лингаром Вьютом. Можно быть уверенными

в том, что он стремится к статусу Великих Домов. Давайте, мистер Вьют, провозгласите тост.

«Возможно, у нас найдутся мудрые слова для мальчика, с которым нужно обращаться как с мужчиной.»

Под столом Джессика сжала в кулак правую руку. Она видела сигнал, переданный Хэллеком Айдахо, видела, как люди из охраны приняли положение максимальной готовности к бою.

Вьют бросил на банкира злобный взгляд.

Пол также смотрел на банкира до тех пор, пока тот не опустил бокал. Тогда Пол сказал:

— Однажды на Келадане я видел, как откачивали утонувшего рыбака. Он...

— Утонувшего? — это сказала дочь фабриканта стилсьютов.

— Да, это пребывание в воде до тех пор, пока человек не умрет. Утопление, — поколебавшись, сказал Пол.

— Какой интересный способ смерти, — прошептала она.

Улыбка Пола была почти незаметной. Он опять обратился к банкиру.

— Интересно, что у этого человека были раны на плечах от башмаков другого рыбака. Этот рыбак был одним из нескольких в лодке (лодка — это судно для путешествия по воде), что была найдена потом... затопленная водой.

Пол продолжал:

— Это означает, что другой тонущий рыбак пытался встать на плечи своего бедного товарища, стараясь достать до поверхности воды.

— Почему это интересно? — спросил банкир.

— Из-за тех выводов, которые сделал мой отец. Он сказал, что тонущего человека можно понять, за исключением тех случаев, когда он карабкается на твои плечи. — Пол помолчал достаточно долго для того, чтобы банкир мог понять, к чему он клонит, а потом закончил: — И следует добавить... когда это происходит за обеденным столом...

В комнате мгновенно воцарилась тишина.

«Как неосторожно, — подумала Джессика. — Банкиру нужно было быть циничным до крайности, чтобы вызвать моего сына на такое». Она видела, как напрягся Айдахо, готовый к немедленному действию. Гурни Хэллек не выпускал из вида людей, сидящих напротив.

— Ха-ха-ха! — Это был контрабандист Туек. Откинувшись на спинку стула, он разразился раскатами смеха, не обращая внимания ни на кого вокруг.

На лицах сидящих за столом появились первые улыбки. Вьют усмехнулся. Банкир, отодвинувшись от стола, смотрел на Пола.

Кайнз сказал:

— Насмехаться над Атридесами — значит ставить себя в смешное положение.

— Разве у Атридесов есть привычка оскорблять своих гостей? — спросил банкир.

Прежде чем Пол успел ответить, Джессика, подавшись вперед, бросила:

— Сэр! — А сама подумала: «Мы должны знать, чего ожидать от этого харконненского отродья. Не для того ли он здесь, чтобы мучить Пола? Есть ли у него помощники?» — Мой сын показывает вам свою лучшую одежду, а вы заявляете, что она прекрасно будет сидеть на вас», — сказала Джессика. — Как можно говорить такое?

Ее рука скользнула к тому месту на ноге, куда она прикрепила криснож. Банкир перевел взгляд на Джессику. Он оставил в покое Пола, и она видела, что тот сел свободнее, готовый к немедленному отпору. Он сконцентрировался на кодовом слове «одежда».

Кайнз сделал знак контрабандисту. Тот вскочил на ноги, поднял свой бокал.

— Я скажу тост, — сказал он. — За юного Пола Атридеса, все еще мальчика по своему возрасту, но мужчину по поступкам.

«Почему они так боятся Кайнза?» — спросила себя Джессика.

Теперь банкир смотрел на Кайнза, и она видела, что ужас вновь вернулся на лицо агента. Сидящие за столом начали реагировать на тост. «Куда бы Кайнз не шел, люди следуют за ним, — думала Джессика. — Он дал понять, что находится на стороне Пола. В чем секрет его власти? Конечно не в том, что он судья по изменениям. Это явление временное. И уж конечно не потому, что он имперский служащий». Она сняла руку с рукоятки крисножа и, глядя на Кайнза, подняла свой бокал.

«Только Пол и банкир «Су-Су» (до чего же идиотская кличка), — подумала Джессика, — остались неподвижными. Внимание банкира по-прежнему было приковано к Кайнзу, а Пол смотрел в свою тарелку.

«Я верно поступил, — думал Пол. — Почему они вмешиваются во все?» Он искоса посмотрел на сидящих напротив него гостей.

— В наше трудное время не следует быть таким обидчивым. Часто это равносильно самоубийству. — Он посмотрел на дочь фабриканта стилсьютов. — Разве вы не думаете так, мисс?

— О да, да. Конечно, да, — ответила она. — Слишком много насилия. Я просто болею от этого. Часто при этом никого не думают обижать, но люди умирают повсюду... В этом нет ничего хорошего.

— Конечно, нет, — сказал Хэллек.

Джессика, наблюдая за действиями девушки, думала: «Это вовсе не маленькая пустоголовая особа. Она различила смысл угрозы и поняла, что Хэллек тоже уловил его. «Они намереваются запугать Пола», — с облегчением заключила Джессика. Возможно, ее сын также это понял.

Кайнз сказал банкиру:

— Разве не требуется еще одно извинение?

Банкир с кривой усмешкой повернулся к Джессике и сказал:

— Моя госпожа, боюсь, что я злоупотребил вашими винами. Вы подали крепкие напитки, а я к ним не привык.

Джессика слышала за его смиренными словами злобу, но любезно сказала:

— Когда встречаются незнакомые люди, следует делать скидку на разницу в привычках и обычаях.

— Благодарю вас, моя госпожа.

Темноволосая спутница фабриканта стилсьютов, наклонившись к Джессике, сказала:

— Герцог сказал о том, что мы здесь в безопасности. Я так на это надеюсь.

«Ей было приказано переменить тему разговора»,— подумала Джессика.

— Вполне возможно, что все окажется не таким ужасным,— сказала Джессика.— Но пока дела требуют непосредственного присутствия Герцога. До тех пор, пока не прекратится борьба между Атридесами и Харконненами, никакие меры нельзя считать слишком большой предосторожностью. Герцог поклялся, что не оставит ни одного агента Харконненов на Арраки.— Она посмотрела на представителя банка Союза.— И Конвет, естественно, поддержит его.— Она обратилась к Кайнзу: — Разве не так, доктор Кайнз?

— Конечно,— ответил тот.

Фабрикант стилсьютов мягким жестом коснулся спины своей спутницы. Та посмотрела на него и сказала:

— Мне кажется, что сейчас я что-нибудь бы съела. Я бы с удовольствием попробовала того блюда из дичи, которое вы приказывали подать раньше.

Сделав знак Полу, Джессика повернулась к банкиру.

— А вы, сэр, говорили о птицах и растениях. Я узнаю от вас об Арраки так много интересного. Расскажите мне, где находят спайс? Приходится ли охотникам углубляться в пустыню?

— О нет, моя госпожа,— сказал он.— В сердце пустыни его находят очень редко, а в южных районах почти никогда.

— Существует легенда о том, что Великая Матушка Лод спайса была найдена на юге,— сказал Кайнз.— Но я подозреваю, что это выдумка, а изобретена она была, чтобы сложить песню. Некоторые отдельные охотники за спайсом проникали в сердце пустыни, но это чрезвычайно опасно. Там нет дорог и часто бывают бури. Чем дальше от Защитной Стены ты находишься, тем больше вероятность гибели в пустыне.

Проникновение туда слишком далеко считается очень опасным. Возможно, если бы у нас был спутник погоды...

Вьют поднял голову и, хотя его рот был набит едой, проговорил:

— Говорят, что Свободные путешествуют и даже охотятся за соуками и сипвелами в южных широтах.

— Соуки и сипвелы? — спросила Джессика.

Кайнз поспешно проговорил:

— Нелепые слухи, моя госпожа. На других планетах так бывает, но только не на Арраки. Соук — это место, где вода выходит на поверхность или проходит близко от нее, так что, руководствуясь определенными знаниями, можно до нее докопаться. Сипвел — это такая форма соука, при которой человек может сосать из нее воду через соломинку... по крайней мере, так говорят.

«В его словах таится ложь,— подумала Джессика.— Почему он лжет?»

— До чего же интересно,— сказала Джессика, а про себя подумала: «Так говорят... До чего же у них здесь любопытная форма речи, как она им помогает уклониться от ответа в сложных ситуациях».

— Я слышал, что у вас есть поговорка, что лоск приходит из городов, а мудрость из пустыни.

— На Арраки есть много поговорок,— ответил Кайнз.

Прежде чем Джессика обдумала новый вопрос, к ней приблизился слуга с запиской. Она вскрыла ее и, увидев кодовые знаки и почерк Герцога, так и впилась в нее взглядом.

— Вы будете рады узнать,— сказала она,— что ваш Герцог посылает вам свой привет. Дело, из-за которого он был вынужден уйти, уже улажено. Исчезнувший карриол найден. Находящийся на его борту агент Харконненов сумел уничтожить остальных членов экипажа и посадил машину на контрабандистскую базу в надежде продать ее. И человек, и карриол уже в наших руках.— Она кивнула Туеку. Тот ответил ей тем же. Джессика снова сложила записку и убрала ее в рукав.

— Я рад, что дело не дошло до открытого столкновения,— сказал банкир.— Люди так надеются, что Атридесы принесут им мир и процветание.

— Особенно процветание,— сказал Вьют.

— Не отдадем ли теперь десерта? — спросила Джессика.— Сладкое наш повар приготовил еще на Келадане.

— Тогда это восхитительно,— сказал фабрикант стилсьютов.— Нельзя ли мне получить рецепт?

— Любой рецепт, какой пожелаете,— ответила Джессика, запоминая ответ для отчета Хавату. Фабрикант был мелким трусливым карьеристом и его вполне можно было подчинить себе. Разговор вокруг становился все громче.

— Такая прелестная ткань...

— Мы могли бы добиться того, что урожай в следующем квартале увеличится...

Джессика смотрела в тарелку, думая о кодовой части записки Герцога: «Харконнены пытались захватить груз ласганов. Мы захватили их в плен. Это может означать, что с другими грузами надо быть осторожнее. И это, конечно, означает, что они попытаются убрать мощность защитных полей. Примите меры предосторожности».

Джессика сосредоточилась на ласганах, размышляя. Незримые белые лучи ласганов могли рассеять любую известную субстанцию, если только она не была окружена защитным полем. Тот факт, что ласган и защитное поле могли взорваться при работе одновременно, не беспокоил Харконненов. Почему? Взрыв может быть более мощным, чем атомный,— он мог убить и того, кто целился, и того, кто был окружен защитным полем. Эта мысль наполнила ее тревогой.

«А я не сомневался в том, что мы найдем карриол. Раз мой отец

взялся решить эту проблему, он ее решит. Это факт, который скоро станет фактом и для Харконненов.»

«Пол хвастает,— подумала Джессика.— Не стоит этого делать. Необходимо будет принять меры предосторожности и уложить его спать этой ночью ниже уровня земли...»

СЛОВЕСНАЯ ДУЭЛЬ

Услышав звуки возни в большом холле, Джессика включила свет у кровати. Часы еще не были переведены на местное время и ей пришлось вычесть двадцать одну минуту, чтобы определить, что уже около двух часов ночи. Звуки возни были громкими и исходили из холла.

«Не нападение ли Харконненов?» — подумала она. Она выскользнула из постели и включила экран монитора, желая узнать, где находятся члены ее семьи. Экран показал Пола спящим в глубоком погребке, который они с неохотой превратили в спальню. Шум явно исходил не оттуда. В комнате Герцога никого не было. Кровать его была неразобрана. Был ли он на поле «С. Р.?» Другие помещения дома не просматривались.

Послышался громкий бессвязный голос. Она слышала, как кто-то позвал доктора Уйе. Джессика запахнула халат и вышла в холл. И снова ее пронзила мысль: «Что если что-то случилось с Лето?».

Она торопилась, и путь через зал показался ей бесконечным. Свернув под арку, она прошла в столовую, а потом по проходу в большой холл, найдя его ярко освещенным.

Справа от нее, возле главного входа, стояли двое охранников, держа под руки Дункана Айдахо. Голова его свешивалась на грудь, руки бессильно болтались вдоль туловища.

Один из охранников с упреком обратился к Айдахо:

— Видите, что вы наделали? Вы разбудили госпожу Джессику.

Огромные драпировки за спиной людей качнулись и оказалось, что входная дверь открыта. Никаких следов Герцога или Уйе не было видно. У одного из косяков, холодно глядя на Айдахо, стояла Шадоут. На ней было длинное платье с извилистым рисунком, на ногах — неуместные здесь ботинки для пустыни.

— Значит, я разбудил госпожу Джессику? — пробормотал Айдахо. Он поднял лицо к потолку и рывкнул: — Первой моей клятвой было служить Грамману!

«Матерь Божья! Да он пьян!» — подумала Джессика.

Она не ошиблась — Айдахо был пьян. Его круглое лицо было мрачно, кудрявые волосы измазаны, туника была порвана и сквозь большую дыру торчала нарядная рубашка, в которой он был за обедом. Джессика подошла к нему. Один из охранников кивнул ей, не выпуская Айдахо.

— Мы не знали, что с ним делать, моя госпожа. Он бушевал перед входом и отказывался войти в дом. Мы боялись, что местные могут

подойти и увидеть. Это совершенно не годится, так как о нас пойдет недобрая молва.

— Где он был? — спросила Джессика.

— Он провожал одну молодую леди после обеда, моя госпожа. Это был приказ Хавата.

— Какую молодую леди?

— Одну из женщин. Вы понимаете, моя госпожа? — Посмотрев на Шадоут, он понизил голос. — Ему всегда дают особые задания, когда дело касается женщин.

Джессика подумала: «Да, это так. Но почему он пьян?» Нахмурившись, она повернулась к Шадоут.

— Шадоут, принеси стимулянт. Я думаю — кофеин. Возможно, остался еще горячий кофе.

Та пожала плечами и направилась на кухню. Ее зашнурованные ботинки звонко шлепали по полу.

Айдахо неуверенно повернул голову, свесил ее, посмотрел на Джессику.

— У-б-бил для Герцога триста человек, — пробормотал он. — З-зачем хотел бы я знать? Не могу жить под землей. Не могу жить без з-зе-мли. Ч-что тут за место, а?

Внимание Джессики привлек звук из бокового коридора. Она обернулась и увидела направляющегося к ним доктора Уйе. С его руки свисала медицинская сумка. Он был полностью одет и выглядел бледным и измученным.

— Д-добрый доктор! — завопил Айдахо. — Ч-то поделываете, доктор? Р-режете людей? — Он неуклюже повернулся к Джессике. — Из меня дурака делаете, да?

Джессика нахмурилась и ничего не ответила, подумав про себя: «Почему Айдахо пьян? Был ли он подвергнут действию наркотиков?»

— Слишком много пива со спайсом, — сказал Айдахо, пытаясь выпрямиться.

Вернулась Шадоут с чашкой, над которой поднимался пар, и в нерешительности остановилась за спиной Уйе. Она посмотрела на Джессику, и та покачала головой. Уйе поставил сумку на пол и приветственно кивнул Джессике головой.

— Пиво со спайсом, а?

— Самая проклятая смесь, которую я когда-либо пил, — сказал Айдахо. Он пытался привлечь к себе всеобщее внимание. — Впервые моя шпага иск-к-купалась в крови Граммана? Убил Харкон... Харкон... убил во славу Герцога.

Уйе повернулся, посмотрел на чашку в руке Шадоут.

— Что это?

— Кофеин, — сказала Джессика.

— Выпейте, я приказываю.

Голова Айдахо качнулась в сторону Уйе, он шагнул к нему, увлекая за собой охранников.

— С-сыт мил-лостью Имперской Вселенной, док. Т-теперь буду делать все что я захочу.

— После того, как вы это выпьете,— сказал доктор Уйе.— Это всего лишь кофеин.

— Мерзкий, как и все здесь! Чер-тово солнце слишком яркое. Ничего нет в этом свете. Все неверное или...

— Ну-ну, сейчас уже поздно,— сказал доктор. Он говорил нарочно спокойным тоном.— Выпейте это как послушный мальчик. Вам станет лучше.

— Не хочу, чтобы мне стало лучше!

— Мы не можем спорить с ним всю ночь,— сказала Джессика. И подумала: «Такое состояние следует лечить сном».

— Вам ни к чему здесь оставаться, моя госпожа,— сказал Уйе.— Я могу сам о нем позаботиться.

Джессика покачала головой. Шагнув вперед, она резко ударила Айдахо по щеке. Вместе с охранниками он отступил назад, глядя на нее.

— Нельзя так вести себя в доме вашего Герцога,— сказала она.— А теперь выпейте это! Это приказ!

Айдахо выпрямился, со злобй глядя на нее. Медленно и отдельно он проговорил:

— Я не собираюсь подчиняться приказам проклятой шпионки Харконненов.

Уйе онемел, не отрывая взгляда от лица Джессики.

Ее лицо сразу стало мертвенно-бледным, но она осталась стоять на месте. Все стало ей понятно — неясные намеки, которые она слышала и видела в действиях окружающих ее людей, можно было теперь истолковать правильно. Ее охватил такой приступ гнева, что она не могла ничего сказать. Ей понадобилось прибегнуть к самым сильным ее знаниям Бене Гессери, чтобы успокоить свой пульс и выровнять дыхание. И даже тогда перед ее глазами вспыхивали круги. «Айдахо всегда поручали слежку за леди». Она бросила взгляд на Уйе. Доктор опустил глаза.

— Вы знали об этом? — повелительным тоном спросила она.

— Я... слышал, моя госпожа. Но я не хотел усугублять положение...

— Хават! — крикнула она.— Я хочу, чтобы немедленно привели Зуфира Хавата!

— Но, моя госпожа...

— Немедленно!

«Это Хават,— подумала она.— Такие подозрения, как эти, могут исходить только от него. Иначе они были бы немедленно отброшены».

Айдахо покачал головой бормоча.

— Черт бы все побрал.

Джессика перевела взгляд на чашку в своей руке и резко выплеснула ее содержимое в лицо Айдахо.

— Заприте его в одной из комнат для гостей в восточном крыле,— сказала она.— Пусть проспится.

Оба охранника уныло смотрели на нее. Один сказал:

— Может быть, нам стоит отвести его в другое помещение, госпожа? Мы могли бы...

— Ему следует находиться там! — отрезала Джессика. — Для него там есть работа. — В ее голосе звучала горечь. — Он умеет так хорошо наблюдать за леди.

Охранник сглотнул.

— Вам известно, где находится Герцог? — спросила Джессика.

— Он на командном посту, моя госпожа.

— Хават с ним?

— Хават в городе, моя госпожа.

— Вы немедленно приведете ко мне Хавата, — сказала Джессика. — Когда он придет, проводите его в мою гостиную.

— Но, моя госпожа...

— В случае необходимости я свяжусь с Герцогом, — сказала она. — Надеюсь, такой необходимости не будет. Я не хочу беспокоить его, вмешивая в это дело.

— Да, моя госпожа.

Джессика сунула чашку в руки Шадоут и встретила с вопрошающим взглядом ее голубых глаз.

— Вы можете идти спать, Шадоут.

— Вы уверены, что я вам не нужна?

Джессика мрачно улыбнулась.

— Уверена.

— Возможно, с этим можно подождать до утра, — сказал Уйе. — Я могу дать вам снотворное и...

— Возвращайтесь к себе и оставьте меня в покое. Я сама решу, что делать, — сказала она. Чтобы смягчить суровость своего тона, она потрепала его по руке. — Это единственный выход...

Высоко подняв голову, она резко повернулась и направилась к себе. Холодные стены... коридоры... знакомая дверь. Она рванула ее на себя, вошла и захлопнула ее за собой. Остановившись возле двери, она замерла, глядя на закрытые защитным полем двери и окна своей спальни. «Хават? Может ли он быть одним из тех, кого удалось подкупить Харконненам? Что ж, посмотрим...»

Джессика подошла к глубокому старомодному креслу под вышитым чехлом и повернула его так, чтобы можно было сидеть лицом к двери. Внезапно она вспомнила о крисноже, прикрепленном в ножнах к ее ноге. Она сняла ножны и зажала кинжал в руке. Еще раз она внимательно оглядела комнату, изучая каждую мелочь: стол у угла, стулья с прямыми спинками у двери в спальню.

Суспензерные лампы заливали комнату бледно-розовым светом. Она притушила их, села в кресло и, потерев обивку, оценила ее прочность.

«А теперь пусть приходит, — подумала она. — Увидим, что он скажет». И она принялась готовить себя к встрече, как это делали Бене Гессери: успокоиться, запастись терпением, наполнить себя внутренней силой.

Раньше, чем она ожидала, в дверь постучали и появился Хават. Она наблюдала за ним. Слезящиеся глаза Хавата блестели. Освещение комнаты придавало его морщинистой коже желтоватый оттенок, на рукаве виднелось мокрое пятно.

Она поняла, что это кровь. Указав на один из стульев с высокой спинкой, она сказала:

— Сядь на этот стул лицом ко мне,— велела она. Хават поклонился и, сделал так, как она сказала. «Этот пьяный дурак Айдахо»,— подумал он. Он изучал лицо Джессики, удивляясь ее твердости.— Нужно много времени, чтобы все объяснить,— сказала Джессика.

— Что вас беспокоит, моя госпожа? — Он сел, положив руки на колени.

— Не играйте со мной в прятки! — крикнула она.— Если Уйе не сказал вам, зачем вас вызвали, то это должен был сделать один из ваших охранников. Можем мы быть по крайней мере честными друг с другом?

— Как пожелаете, моя госпожа.

— Прежде всего ты ответишь мне на один вопрос,— сказала она.— Являешься ли ты агентом Харконненов?

Хават сорвался со своего стула, его лицо потемнело от гнева. Он резко бросил:

— Вы осмелились меня обвинить в этом?

— Сядь,— сказала она.— Ты тоже осмелился меня обвинить в этом.

Он медленно опустился на стул. А Джессика, читая его мысли, с облегчением подумала: «Это не Хават».

— Теперь я знаю, что ты хранишь верность моему Герцогу,— сказала она.— Поэтому я готова простить тебе мою обиду.

— А есть что прощать?

Джессика нахмурилась, размышляя: «Сказать ли ему о моей тайне? Сказать о дочери Герцога, которую я уже несколько недель ношу под сердцем? Нет... Сам Лето еще не знает об этом. Это только осложнит его жизнь, рассеет его внимание в то время, как он должен сосредоточить все свои силы на борьбу за наши жизни. Еще не пришло время об этом говорить».

— Знающий правду разрешил бы этот наш спор,— сказала она,— но нет такого человека.

— Как скажете. У нас нет человека, знающего правду.

— Среди нас есть предатель,— сказала она.— Я изучила наших людей самым тщательным образом. Кто это может быть? Не Гурни, и, конечно, не Дункан. Эти лейтенанты недостаточно опытные, чтобы решать серьезные дела. Это не вы, Зуфир. Это не может быть Пол. Я знаю, что это не я. Тогда доктор Уйе. Следует ли мне позвать его, чтобы допросить?

— Вы знаете, что это напрасно,— сказал Хават.— Он был воспитан Высшим Колледжем. Это я знаю наверняка.

— Без упоминания, что его жена была убита Харконненами, а ведь она была Бене Гессери,— сказала Джессика.

— Так вот, что с ней случилось...— сказал Хават.

— Разве вы не слышите ненависти в его голосе, когда он говорит о Харконненах?

— Что заставило вас подозревать меня? — спросила она. Хават нахмурился.

— Моя госпожа ставит своего слугу в неудобное положение. Мой первый хозяин — Герцог.

— За это я готова тебе многое простить.

— И снова я должен спросить: есть ли что прощать?

— Безвыходное положение, — сказала Джессика.

Он пожал плечами.

— Давай тогда еще раз подумаем о других людях, — сказала она. — Например о Дункане Айдахо, великолепном воине, чьи способности к охране и наблюдению заслуживают глубокого уважения. Сегодня вечером он переусердствовал кое в чем, носящем название пиво со спайсом. Я слышала, что другие среди наших людей были одурманены этой смесью. Это верно?

— У вас есть собственные источники информации, моя госпожа?

— Да, есть. Неужели вы не понимаете, что это пьянство — только предлог, Зуфир?

— Моя госпожа говорит загадками.

— Напрягите свои способности ментата! — крикнула она. — В чем причина того, что происходит с Дунканом и остальными? Могу ответить вам: у них нет дома.

Он указал пальцем на пол.

— Арраки — вот их дом.

— Арраки для них — неизвестная земля. Их домом был Келадан, но мы лишились этого дома. У них нет дома и они боятся, что Герцог их покинет.

Он окаменел.

— Если бы так заговорил один из наших людей, то это можно было счесть...

— Ах, прекратите, Зуфир. Разве доктор, поставивший правильный диагноз, совершает предательство? Разве можно его за это считать пораженцем? Единственный способ — это вылечить болезнь.

— Герцог доверяет мне во многом...

— Но ты должен понимать, что у меня есть опыт в лечении таких болезней, — сказала она. — И, возможно, ты согласишься, что у меня есть некоторые способности к этому.

«Придется ли мне ввести его в более жесткий шок? — спросила она себя. — Он нуждается в встряске, в чем-то, что выбьет его из состояния уныния.»

— У ваших способностей может быть много интерпретаций, — сказал Хават и пожал плечами.

— Вы уже вынесли мне обвинительный приговор?

— Конечно, нет, моя госпожа. Но я должен обратить внимание на любые мелочи, и дальнейшие события покажут, насколько они верны.

— Угроза моему сыну проникла в этот дом незамеченная вами, —

сказала она.— Кто мог воспользоваться такой возможностью? Его лицо потемнело.

— Я принес свои сожаления Герцогу.

— Но принесли ли вы свои сожаления мне... или Полу?

Теперь он сердился уже не на шутку, выдавая свое состояние прерывистым дыханием, раздувающимися ноздрями и горящим взглядом. Она видела, как бьется жилка на его виске.

— Я — человек Герцога,— произнес он, раздельно выговаривая слова.

— Дело не в предательстве,— сказала она.— Угроза в чем-то другом. Возможно, это имеет отношение к ласганам. Возможно, они рискнут поставить в нескольких ласганах часовые механизмы, нацеленные на домашние защитные поля.

— И кто сможет сказать после взрыва, не был ли он атомным?— сказал Хават.— Нет, моя госпожа, они не пойдут на это. Радиация держится слишком долго и улики слишком серьезны. Нет, такая форма для них неприемлема. Ставка должна делаться на предательство.

— Вы — человек Герцога,— фыркнула она.— Но вы же можете и погубить его при попытке спасти.

Он глубоко вздохнул, потом сказал:

— Если вы не виновны, я принесу вам самые искренние извинения.

— Посмотрите на себя, Зуфир,— сказала она.— Люди живут лучше всего тогда, когда каждый из них имеет собственное место на земле, когда каждый знает, что он нужен обществу. Стоит только отобрать это место, как человек погибнет. Мы с вами, Зуфир, из всех, кто любит Герцога, более всего подходим для того, чтобы лишить его этого места. Разве не могла я нашептать о вас Герцогу ночью? Когда лучше всего западают в голову подобные подозрения? Следует ли мне говорить яснее?

— Вы мне угрожаете? — проворчал он.

— Конечно, нет. Я просто веду к тому, что кто-то действует против нас, используя для этого основной принцип нашей жизни. Это умно придумано. Я предлагаю отразить эту атаку совместными усилиями и делать так, чтобы подобные клинья некуда было вбить.

— Вы обвиняете меня в распространении беспочвенных подозрений?

— Беспочвенных — да.

— Вас больше устраивают собственные подозрения?

— Это твоя жизнь состоит из подозрений, не моя.

— Значит, вы ставите под сомнения мои возможности?

Она вздохнула.

— Зуфир, я хочу от тебя, чтобы ты глубоко проанализировал свое отношение к этому делу. Глупый человек — просто животное без логики. Твое представление о логике во всех делах поверхностно, но оно продолжает оставаться таким. Ты — воплощение поверхностной логики, Мектат. Решение твоих проблем строится на том, что не

требует всестороннего изучения и анализа, детального исследования со всех сторон.

— Вы решили поучить меня моему ремеслу? — спросил он, не скрывая презрения.

— Все, что находится вне тебя, ты можешь видеть, и ко всему применить свою поверхностную логику, — сказала она. — Такова сущность человека, когда он сталкивается с подобными проблемами. Мы тем неохотнее обращаемся к их изучению, чем более сложными они являются. Мы склонны барахтаться на поверхности, обвиняя всех кого угодно, только бы не замечать действительную причину.

— Вы, конечно, пытаетесь разрушить мою веру в способности ментата, — раздраженно бросил он. — Где бы я ни обнаруживал своих людей за попыткой похитить любое оружие в нашем арсенале, я без колебаний обвинял их в измене и уничтожал.

— Хорошие ментаты признают ошибки в своих расчетах, — сказала она.

— Я никогда не утверждал обратного.

— Тогда проанализируйте симптомы, видимые нами обоими: пьянство среди мужчин, ссоры, они рассказывают друг другу нелепые слухи об Арраки, они игнорируют самые простые...

— Безделье, только и всего, — сказал он. — Не пытайтесь отвлечь мое внимание, превращая простое в таинственное.

Она смотрела на него, думая о людях Герцога, напивающихся в барах до такой степени, что не могут держаться на ногах.

— Почему ты никогда не использовал мои возможности для службы Герцогу? — спросила она. — Боишься соперника?

Он пристально посмотрел на нее и в его старческих глазах вспыхнул огонь.

— Мне известны некоторые приемы, которые дают вам Бене Гессери... — Он умолк нахмурившись.

— Продолжайте, — сказала она.

— Ведьма Бене Гессери. Мне известно кое-что об этих приемах, которые там вам дают, — сказал Хават. — Я заметил их у Пола. Я не ошибусь, когда скажу, что говорит ученикам ваша школа: «Ты существуешь только для того, чтобы служить».

«Шок должен быть жестоким, и он почти готов к нему», — подумала Джессика.

— Ты с уважением слушал меня в Совете, — сказала она, — и все же ты редко внимал моим советам. Почему?

— Я не доверял вашим словам, как Бене Гессери, — сказал он. — Вы думаете, что видите человека насквозь, что можете человека заставить делать то, что вы...

— Да ты просто дурак, Зуфир, — с силой выдохнула она.

Он нахмурился и откинулся на спинку стула.

— Какие бы слухи о наших школах ни ходили, — сказала она, — правда гораздо сильнее. Если бы я хотела уничтожить Герцога... или тебя, или любое другое лицо, на которое могла влиять, ты не мог бы меня остановить.

что такой ответ — самый верный способ успокоить его сейчас. Пол почувствовал, как она жала его руку, и сосредоточился на ее не ясно видимом в полутьме лице.

— Пусти меня, — сказал он.

Уловив в его голосе стальные нотки, она повиновалась.

— Ты не хочешь сказать мне, Пол, в чем дело?

— Ты знала, что делаешь, когда обучала меня? — спросил он.

«В его голосе нет больше ничего детского», — подумала Джессика.

Она сказала:

— Я надеялась, как это свойственно родителям, на то, что ты станешь... гениальным, отличным от других человеком.

— Отличным?

Она услышала горечь в его голосе и сказала:

— Пол, я...

— Ты же хотела сына! — сказал он. — Ты хотела иметь Квицац Хадераха! Ты хотела иметь Бене Гессери мужского пола!

— Но, Пол... — горечь в ее голосе заставила его содрогнуться.

— Ты когда-нибудь советовалась об этом с моим отцом?

Свежесть утраты заставила ее говорить особенно мягко:

— Кто бы ты ни был, Пол, в тебе столько же от меня, сколько и от твоего отца.

— Но не в обучении, — сказал он. — Не в том, что... пробуждает... спящего.

— Спящего?

— Да... — Он приложил руку ко лбу, потом к груди. — Это во мне. И это становится все больше, больше и больше, и...

— Пол!

Она услышала в своем голосе истерические нотки.

— Послушай меня, — сказал он. — Ты хотела, чтобы Преподобная Мать услышала о моих снах? Теперь ты слушай меня вместо нее. Я только что видел сон наяву. Знаешь почему?

— Ты должен успокоиться, — сказала она. — Если это...

— Спайс, — сказал он. — Он здесь во всем: в воздухе, земле, еде. Он подобен наркотику. Это яд.

Она окаменела.

Понизив голос, он повторил:

— Яд — коварный, проникающий в тебя так незаметно... и так неотвратимо. Он не убивает тебя до тех пор, пока ты не станешь принимать его. Мы не сможем покинуть Арраки, если только не возьмем часть ее с собой.

Сам звук его голоса отвергал какие бы то ни было возражения.

— Ты и спайс, — сказал Пол. — Спайс изменяет сознание каждого, кто принимает достаточную порцию, но благодаря тебе я смог перенести это изменение безболезненно. Мне не пришлось впасть в бесчувственное состояние, при котором переход сознания проходит неосознанно. Я смог все видеть.

— Пол, ты...

— Я это видел! — повторил он.

Она слышала безумие в его голосе, но не знала, что делать.

Он заговорил снова, и она поняла по его голосу, что он снова приобрел контроль над собой.

— Мы здесь в ловушке.

— Да, в ловушке, — согласилась она. И тут она поняла правдивость его слов... Ни учение Бене Гессери, ни их знания и опыт не смогут освободить их полностью от Арраки: спайс был пагубной привычкой. Ее тело подтвердило этот факт задолго до того, как воспринял разум.

«Итак, здесь мы проживем всю жизнь, — думала она, — на этой проклятой планете. Место уже приготовлено для нас, если только мы сможем уйти от Харконненов. И нет сомнения в моем пути: производительница, сохраняющая важную генетическую линию клана Бене Гессери».

— Я должен рассказать тебе о моем сне наяву, — сказал Пол. Теперь в его голосе звучала злость. — Чтобы быть уверенным в том, что ты поверишь в рассказанное мною, я скажу тебе сначала, что знаю о твоём зачатии дочери, моей сестры, здесь на Арраки.

Джессика уперлась руками в пол палатки и прижалась к стене, унимая страх. Она знала, что ее беременность не могла быть заметна. Лишь знание Бене Гессери позволяло прочесть слабые знаки на ее теле, узнать о существовании в нем эмбриона, которому было всего несколько недель.

— Только служить, — прошептала Джессика, обращаясь к девизу Бене Гессери. — Мы существуем лишь для того, чтобы служить.

— Мы обретем дом среди Свободных, — сказал Пол, — где твоя «Миссионерия Протектива» заготовила для нас красивую легенду.

«Нас ожидает путь в пустыню, — сказала себе Джессика. — Но как он мог узнать о «Миссионерии Протективе?» Ей все труднее было сдерживать ужас перед сверхогромной способностью Пола.

Он глядел в ее темный силуэт, отмечая охвативший ее страх и наблюдая ее реакцию с позиции своего нового знания так же ясно, как будто она была освещена ярким солнечным светом. И к нему начало приходить чувство жалости к матери.

— Я не могу начать рассказывать тебе о том, что может здесь произойти, — сказал он. — Я не могу даже начать об этом говорить себе, хотя я это видел. Чувство будущего. Я, кажется, не имею над ним власти. Просто я вижу события. Ближайшее будущее, скажем, через год, я могу видеть... эта дорога такая же прямая, как на Келадане. Некоторые места я плохо вижу, как будто они прячутся за холмами. — И Пол снова подумал о развевающемся шарфе.

Воспоминание об увиденном вернулось к нему, и он замолчал. Ни дар предвидения, ни опыт его жизни не подготовили его к такому потоку знаний, все увеличивающемуся и увеличивающемуся, наподобие снежного кома, несущегося с горы.

Джессика нашла выключатель лампы накаливания и включила его. Тусклый зеленый свет разогнал тени вместе с ее страхом. Она посмотрела на Пола и увидела его взгляд, обращенный внутрь себя.

Она знала, где видела такой взгляд раньше: на картинах к рассказам о несчастных детях, испытывающих голод и ужасную обиду.

Глаза были похожи на две глубокие ямы, рот скорбно поджат.

— Э... незаконная ветвь семьи, — сказала она, — это так, не правда ли? Какие-то кузены Харконненов, которые...

— Ты родная дочь Барона, — сказал он и проследил за тем, как она в ужасе прижала руку ко рту. — Барон предавался в юности многим удовольствиям и однажды позволил себе соблазнить. Но это было сделано специально для генетических целей Бене Гессери одной из вас.

То, как он сказал это «вас», хлестнуло ее как пощечина. Но это было сделано специально «для генетических целей Бене Гессери одной из вас». Множество скрытых фактов из ее прошлого вынырнуло на поверхность и выстроилось в одну цепь. Дочь, которую захотели сделать Бене Гессери не для того, чтобы покончить старую смертельную вражду между Атридесами и Харконненами, а для того, чтобы закрепить некий генетический признак в их ветвях. Какой? Она искала ответ. И, как будто читая ее мысли, Пол сказал:

— Они считали, что смогут получить меня. Но я не то, что они ожидали, и я пришел раньше времени. И они не знают об этом.

Джессика прижала руки ко рту.

Великая Мать! Он — Квизац Хадерах!

Она почувствовала себя незащищенной и обнаженной перед ним, и тут же поняла, что Пол смотрит на нее таким взглядом, от которого можно скрыть лишь немного. Вот это, она знала, было причиной ее страха.

— Ты думаешь, что я — Квизац Хадерах. Выбрось это из головы. Я — нечто другое.

«Я должна получить ответ в одной из школ», — подумала она.

— Они не узнают об этом до тех пор, когда уже будет слишком поздно, — сказал он.

Джессика попыталась отвлечь его, подняла руку и сказала:

— Мы найдем место среди Свободных?

— У Свободных есть поговорка, которую они приписывают Шан-Хулуд, Старому Отцу Вечности, — сказал он. — Они говорят: «Будь готов к тому, чтобы оценить то, с чем встречаешься».

И он подумал: «Да, матушка моя, среди Свободных ты приобретешь синие глаза и набьешь мозоли возле своего прекрасного носа от воздухофильтровальной трубки твоего стилсьюта... и ты родишь мне сестру».

— Если ты не Квизац Хадерах, — сказала Джессика, — то кто же...

— Тебе, возможно, не следует об этом знать, — сказал он. — Ты не поверишь в это, пока не увидишь сама.

А сам подумал: «Я — семья».

Внезапно он увидел, как плодородна почва, на которую оно упадет. Вместе с этим открытием предназначение вошло в него, заполнило собой пустоту внутри, угрожая удушить его скорбью. Он увидел двух

человек, пути которых впереди постоянно пересекались. Он посмотрел в глаза одному из них, дьявольскому Барону, и сказал:

— Хэлло, дед.— Мысль об этом пути и тому, что его окружало, вызвала в нем отвращение.

Другая тропа пролегла среди завесы серой темноты, лишь кое-где рассеиваемой светом. Он увидел на ней вспышки насилия, пламя войны, протянувшееся через всю Вселенную, зеленое с черным знамя Атридесов, развевающееся над легионами фанатиков, пьяных от спайсового ликера. Гурни Хэллек и несколько других людей его отца — такая жалкая горсть — были среди них, каждый с символом ястреба на груди, данью памяти его отцу.

— Я не могу идти по этому пути, — пробормотал он. — Это то, чего желают старые ведьмы твоей школы.

— Я не понимаю тебя, — сказала мать.

Пол не ответил, думая, как семя, которым он уже являлся, что теперь он представитель той расы, которая выбрала его для этой цели. Он внезапно обнаружил, что не может ненавидеть теперь ни Бене Гессери, ни Императора, ни Харконненов. Все они представляли эту расу, вынужденные заботиться о ее продолжении, скрещивании, отборе, обновлении своей породы в огромном море новых образований. И раса знала единственный для этого путь — древний, испытанный и опробованный, все сметавший перед собой: ДЖИХЕД.

«Конечно же, я не могу выбрать этот путь», — подумал он.

Но мысленно он все еще видел гробницу своего отца и трепет зеленого с черным знамени Атридесов.

Джессика кашлянула, обеспокоенная его молчанием. Потом сказала:

— Значит, Свободные дадут нам убежище?

Он поднял голову и посмотрел на нее.

— Да, — сказал он. — Это — один из путей. Они назовут меня Муад Дибом: «Тот, кто указывает путь». Да, так они меня назовут.

И он закрыл глаза, думая: «Теперь, отец мой, я могу оплакать тебя».

И он почувствовал, как слезы заструились по его щекам.

ПРОБА ОРУЖИЯ

МАТЬ И СЫН

— Теперь Харконнен должен убить Харконнена, — прошептал во сне Пол.

Он проснулся перед тем, как начало темнеть. Услышав слабые звуки, доносившиеся от противоположной стенки стилтента, где спала его мать, Пол посмотрел на детектор, стоящий на полу возле него изучая цифры светящиеся в темноте.

— Скоро ночь, — заговорила мать. — Почему ты не поставил защитные экраны?

Тогда до сознания Пола дошло, что она уже давно проснулась и лежала молча в темноте, пока не убедилась, что он тоже проснулся.

— Защитные экраны не помогли бы, — сказал он. — Была буря и тент засыпало песком. Сейчас я нас откопаю.

— Пока никаких следов Дункана?

— Никаких.

Пол рассеянно потер надетый на большой палец перстень с герцогской печатью и внезапно ощутил прилив злобы против каждой частицы этой планеты, которая помогла убить его отца, лишив его защиты.

— Я слышала, как начался шторм, — сказала Джессика.

Безжизненность ее голоса помогла ему вновь обрести спокойствие. Его разум сконцентрировался на шторме, каким он видел его начало сквозь прозрачный край их стилтента: холодные струйки песчинок, потом ручейки, потом вихри. Он посмотрел на вершину скалы, видя как изменилась ее форма сквозь завесу воздушных струй. Песок крутился в их низине, закрывая небо, потом, когда весь тент покрылся им, вообще ничего не стало видно.

Один раз опоры тента затрещали, приспособливаясь к новой тяжести, затем снова наступила тишина, нарушаемая только шорохом песка.

— Попытайся еще раз включить приемник, — сказала Джессика.

— Бесполезно, — ответил он.

Он нащупал в зажиме у шеи водную трубку своего стилсюта, сделал глоток теплой воды, и подумал о том, что только теперь начал свое настоящее арракинское существование — жизнь на влаге, регенерированной из его тела и дыхания. Вода была безвкусной и теплой, но смягчила воспаленное горло.

Джессика слышала, как Пол пьет воду, и почувствовала как льнет к

телу ее собственный стилсют, однако отказалась признать жажду. Признать ее означало полностью согласиться с ужасной необходимостью сохранять даже отходы собственного тела на Арракисе, жалеть о тех каплях, которые расходуются при дыхании на открытом воздухе. Намного легче было оставаться погруженной в сон.

Но этот дневной сон подарил ей одно сновидение, воспоминание о котором заставило ее вздрогнуть. Ее спящие руки обнимали то место под слоем песка, где было написано: «Герцог Лето Атридес». Надпись была засыпана песком, и она все время пыталась его с нее стереть, но когда она доходила до последней буквы, первая снова оказывалась засыпанной песком, который не уступал ей.

Вдруг она услышала голос, монотонный звук которого становился все громче и громче. Какой смешной звук! Часть ее сознания понимала что это ее собственный голос, такой, каким он был у нее, когда она была грудным младенцем. И женщина, так неясно воспроизведенная ее памятью, отступила прочь.

«Моя неизвестная мать, — подумала Джессика. — Бене Гессерит, которая родила меня и отдала сестрам, потому что ей так приказали. Была ли она рада отделаться от ребенка Харконненов?»

— Спайс — вот то место, куда им можно нанести удар, — сказал Пол.

«Как он может думать об этом в такое время?» — спросила она себя.

— Вся планета полна спайсом, — сказала она. — Как ты сможешь нанести им этот удар?

— На Каладане у нас была и морская сила, и воздушная сила, — сказал он. — Здесь же есть сила пустыни и Свободные — ключ к ней!

Его голос будто пришел из загадочного извне. Утонченный слух Бене Гессерит помог ей уловить в его тоне не нашедшую выхода горечь.

«Всю свою жизнь он воспитывался в ненависти к Харконненом, — подумала она. Теперь же он знает, что и сам он — Харконнен. И все это из-за меня. Как мало я о себе знаю! Я была единственной женщиной у моего герцога. Я принимала его жизнь и его мировоззрения, даже не бросая вызов его притязаниям ко мне, Бене Гессерит».

Нить накала сделалась ярче под рукой Пола, заливая зеленым светом те уголки тента, которые прятались до этого в полутьме. Капюшон Пола был надвинут на лоб, как для работы на открытом пространстве, лицо закрыто, фильтр рта на месте, зажимы вставлены в нос. Видны были лишь одни его темные глаза. Он повернул к ней эту узкую полоску открытого лица и сразу же отвернулся.

— Подготовь себя так же для работы на открытом пространстве, — сказал он, и голос его прозвучал глуховато из-за наличия фильтра.

Джессика прикрыла рот фильтром и начала прилаживать капюшон, наблюдая за тем, как Пол расстегивал герметически закрытый тент.

Едва он открыл его, как песок завихрился и струя его влетела под тент

раньше, чем Пол успел остановить его, включив статистический уплотнитель. Дыра в стене песка становилась все больше, по мере того как прибор перестраивал его частицы. Пол выполз наружу, но ее слух позволил ей следить за его дальнейшими действиями на поверхности.

«Что мы там найдем? — спрашивала она себя. — Отряды Харконненов и сардукаров — эту опасность, которую мы можем ожидать в любой момент. Но какова степень опасности, которой мы еще не знаем?»

Она подумала о приборе-перестраивателе песка и о других странных приборах, лежащих в мешке сына. Каждый из них сделался для нее знаком таинственной опасности.

Она почувствовала, как горячий ветер с поверхности песка тронул ее щеки в том месте, где они выступали над фильтром.

— Передай мне мешок, — это был голос Пола, тихий и повелительный.

Она повиновалась и, двигая мешок по полу, услышала бульканье воды в нем. Она отпрянула назад и увидела силуэт Пола, четко вырисовывающийся на фоне звезд.

— Сюда, — сказал он и потянул к себе мешок.

Теперь она видела только хоровод звезд. Все они походили на дула нацеленных на нее орудий. Ночную дорогу пересек метеоритный ливень. Метеориты показались ей похожими на предупреждения, на полоски тигра, на светящиеся могильные плиты, охлаждающие ее кровь. И она почувствовала холод опасности, нависшей над их головами.

— Поторопись, — сказал Пол, — я хочу сложить палатку.

Ливень поднявшегося песка обрушился на ее левую руку. «Сколько песка может выдержать рука?» — спросила она себя.

— Помочь тебе? — спросил Пол.

— Нет.

Она соглотнула пересохшим горлом, скользнула в дыру и почувствовала, как зашуршал под ее рукой карманный статический прибор. Пол взял ее под руку. Она стояла рядом с ним на поверхности, озираясь вокруг. Песок до краев заполнил их низину, оставив на поверхности лишь край опоясывающей ее горной породы. Она ощутила расстилавшуюся дальше темноту, шум, создаваемый мелкими животными, птицами, шорох оползающего песка и слабый шум от его падения.

Пол сложил тент палатки, вытащил его из углубления.

Игра звездного света превращала в опасность каждую тень. Джессика напряженно всматривалась в окружающую их темноту.

«Темнота — это слепое воображение, — подумала она. — Слышишь звуки, движения, крики тех, кто охотился за твоими предками в таком отдаленном прошлом, что об этом могут помнить лишь самые примитивные твои клетки. Видят уши. Видят Ноздри».

Пол стал рядом с ней и заговорил:

— Дункан сказал мне, что если его поймают, он сможет продержаться долго. Мы должны уйти отсюда сейчас. — Он укрепил мешок за пле-

чами, подошел к нижней кромке впадины и вскарабкался по ней на гребень, откуда открывался вид на расстилающуюся пустыню.

Джессика механически последовала за ним, отметив, что теперь она живет повинаясь приказам сына.

«Ибо теперь скорбь моя тяжелей, чем пески морей,— подумала она.— Этот мир освободил меня от всего, кроме старой цели: завтрашней жизни. Я живу теперь только для моего юного герцога и дочери, которой еще предстоит появиться на свет».

Карабкаясь рядом с Полом, она почувствовала, как песок цепляется за ее ноги. Пол смотрел на север, на линию скал, изучая их. Далекий силуэт скалы походил на древний морской корабль, ярко очерченный звездным светом. Длинное его тело покоилось на невидимой волне, поднимая в небо остатки антенн. Дымовые трубы его прогнулись на концах и напоминали букву «О». Над силуэтом струился оранжевый свет с вкрапленными в него кое-где пурпурными тонами. Опять пурпурные линии, опять поразительный оранжевый цвет! Все это было похоже на древнюю морскую битву, напоминало картину уничтожения корабля и они застыли, молча глядя на величественное зрелище.

— Столбы огня,— прошептал Пол.

Над отдаленной скалой поднимались кольца света, напоминая красные глаза.

— Джетфлеры и ласганы,— сказала Джессика.

Пыльно-красная первая Луна Арракиса поднялась слева от них, и они увидели столб пыли — след чьего-то движения в пустыне.

— Должно быть, это за нами охотятся топтеры Харконненов,— сказал Пол.— Судя по тому, как они прочесывают пустыню, они должны быть уверены в том, что уничтожат тут все так, как уничтожают гнезда птиц.

— Или гнездо Атридесов,— сказала Джессика.

— Мы должны спрятаться,— сказал Пол.— Мы направимся к югу и будем держаться скал. Если нас заметят на открытом пространстве... — Он обернулся, поправляя мешок за плечами.— Они уничтожают все, что движется.

Он шагнул на выступ и в то же мгновение услышал звук самолетов, скользящих в воздухе, увидел темные силуэты орнитоптеров над ними.

БОЙ С САРДУКАРАМИ

— Я всегда гордился своим умением видеть истинное положение вещей,— сказал Зуфир Хават.— Это основа для Ментата. Значит, в нем никогда не прекращается процесс анализа данных.

По мере того, как он говорил, его иссеченное морщинами лицо четче вырисовывалось в предрассветной мгле. Его губы, с пятнами сафо на них были плотно сжаты и испещрены поперечными морщинами.

Человек в широкой одежде по-прежнему сидел на корточках перед Хаватом.

Очевидно, слова Хавата его несколько не затронули. Оба они были укрыты скалой, нависшей над мрачной широкой расщелиной. Заря разливалась над неровной линией хребтов, трогая все, что попадалось на ее пути своими розовыми пальцами. Под выступом было холодно. Воздух еще был ночным и сухим и пролизывал до дрожи. Обычно перед рассветом начинал дуть теплый ветер, но сейчас было холодно. Хават слышал, как стучат зубы у сидящих за его спиной воинов — нескольких человек, оставшихся от его отряда.

Человек, сидящий на корточках перед Хаватом, был Свободный, пришедший в низину с первым светом неверной зари, заигравшим на песке и окрасившим в розовые тона дюны. Движения его были почти незаметны.

Свободный погрузил палец в песок между ними и нарисовал фигуру. Она походила на изображение шара с заключенной в нем стрелкой.

— Много патрулей Харконненов, — сказал он. Он поднял палец и указал им в сторону хребтов, с которых спустился Хават с людьми.

Хават кивнул. «Много патрулей, да». Но он еще не знал всего, чего хотели Свободные, и это мучило его. Качества Ментата должны были помочь ему увидеть причины поражения.

Это была худшая ночь в жизни Хавата. Он был в Тсимпо, деревне-форпосте, бывшей столице Картага, когда пришло сообщение о нападении. Вначале он подумал, что это был обычный налет: «Харконнены нас испытывают». Но сообщение следовало за сообщением, все быстрее и быстрее. У Картага высадилось два легиона. Пять легионов — пять — десять бригад! — атакуют главную базу герцога на Арракисе. Легион у Арсунта. Две боевые бригады у Сплинтеред-Рок...

Потом сообщения стали более подробными: среди нападающих два легиона сардукаров! И становилось все яснее и яснее, что инициаторам нападения совершенно точно было известно, какую армию следовало сюда послать. Совершенно точно! Превосходная осведомленность.

Ярость Хавата разгорелась до такой степени, что угрожала нарушить его духовные качества ментата. Масштаб нападения ударил по нему, как нечто материальное.

Теперь, прячась за выступом скалы в пустыне, он плотнее кутался в тунику, как будто надеялся отогнать холодные тени.

«Масштаб нападения...»

Он ожидал, что их враги наймут случайный лихтер Союза для подобного набега. Такое было обычным приемом в войнах, которые вели Великие Дома. Лихтеры регулярно прилетали и улетали с Арракиса, уво-

зя спайс Дома Атридесов. Хават принял меры против набегов псевдолихтеров. Самое большее, чего он ожидал, это набега, в котором принимало бы участие десять бригад.

Но, согласно последним данным, на Арракис спустилось более двух тысяч кораблей, и не только лихтеры, но и фрегаты, мониторы, разведчики, транспортные самолеты... Более сотни бригад — десять легионов! Лишь доход, полученный от продажи спайса Арракиса за пятьдесят лет, мог бы покрыть стоимость подобного нападения. Мог бы...

«Я не разгадал намерений барона, — думал Хават. — Я подвел своего герцога».

Потом стало известно о предательстве...

«Я не успокоюсь до тех пор, пока не задушу ее, — думал он. — И почему я не убил эту ведьму Бене Гессерит, когда у меня была такая возможность!». Он не сомневался, кто был виновен в предательстве — леди Джессика. Все известные факты прекрасно это подтверждали.

— Ваш человек, Гурни Хэллек, и часть его людей спаслись у наших друзей контрабандистов, — сказал Свободный.

— Хорошо.

«Итак, Гурни сможет покинуть эту планету. Мы уйдем не все».

Хават оглянулся на группу людей, сидевших у него за спиной. Эту ночь он начал с тремястами лучшими из своих людей. Сейчас у него оставалось ровно двадцать, и половина была ранена. Сейчас многие спали, растянувшись под прикрытием скалы на песке. Их последний топтер, тот который они использовали как машину для перевозки раненых, отказал перед самым рассветом. Они разрезали его на куски ласганами, спрятали части и потом спустились в это укромное место на краю равнины.

Хават лишь приблизительно определял место их нахождения: примерно двумястами километров южнее Арракиса. Главный путь между общинными съездами и Защитной Стеной был где-то южнее их.

Свободный, сидящий напротив Хавата, откинул капюшон и верх стилсьюта и обнажил песочного цвета бороду и волосы. Волосы бежали назад от высокого худошавого лба. У него были голубые глаза того, кто сидит на спайсовой диете. Борода и усы были испачканы и приматы с одной стороны зажимами носовой трубки.

Он поправил зажимы, приладил их поудобнее и потер шрам у носа.

— Если пойдете этой ночью через ушелье, — сказал Свободный, — защитными полями можете не пользоваться. В стене есть пролом... — Повернувшись на каблуках к югу, он указал рукой. — Там. А за ним открываются пески, идущие к эргу. Поля могут привлечь... — Поколебавшись, он закончил: — Червя. Они не часто здесь появляются, но поле сразу привлечет одного из них.

«Он сказал «червя», — подумал Хават, — но собирался сказать что-то другое. Что? И что он от нас хочет?» Хават вздохнул. Он не помнил, чтобы чувствовал себя когда-нибудь таким усталым. Мускулы болели настоль-

ко, что даже энергетические таблетки не могли поправить дело. Проклятые сардукары!

Исполненный горечью самобичевания, он погрузился в мысли о вероломстве солдат — фанатиков Империи. Его опыт ментата говорил ему, как ничтожен шанс на то, что ему удастся доказать это вероломство высшему Совету Ландсраада, с тем чтобы был проведен судебный процесс.

— Вы хотите пойти к контрабандистам? — спросил Свободный.

— А это возможно?

— Путь долог.

«Свободные не любят говорить «нет» — сказал ему однажды Айдахо.

Хават сказал:

— Вы еще не сказали мне, могут ли ваши люди помочь моим раненым.

— Они ранены?

Тот же проклятый ответ каждый раз!

— Вы знаете, что ранены, — огрызнулся Хават, — но не...

— Спокойно, друг, — предостерег его Свободный. — Что говорят твои раненые. Есть ли среди них тот, кто может дать нужную нам воду?

— Мы говорим не о воде, — сказал Хават. — Мы...

— Ты можешь понять, хотя и не хочешь, — сказал Свободный. —

Они твои друзья, твои соратники. У тебя есть вода?

— Немного.

Свободный указал на тунику Хавата, сквозь которую проглядывало тело.

— Вас захватят в счет без костюмов. Ты должен решить насчет воды, друг.

— Вы можете решить этот вопрос?

Свободный пожал плечами.

— У вас нет воды. — Он посмотрел на группу людей за Хаватом. Сколькоими своими ранеными ты можешь пожертвовать?

Хават ничего не сказал, только молча смотрел на своего собеседника. Как ментат, он понимал, что их общение было непоследовательным. Слова не связывались в ту логическую цепь, как это должно быть в нормальных условиях.

— Я — Зуфир Хават. Я могу говорить от имени герцога. Сейчас я прошу вашей помощи, мне нужна помощь. Я прошу, чтобы вы сохранили моих людей до тех пор, пока я не убью предателя, считающего, что он находится вне пределов моей досягаемости.

— Ты хочешь, чтобы мы приняли участие в вендетте?

— Вендеттой займусь я сам. Я хочу освободиться от ответственности за моих раненых.

Свободный нахмурился.

— Как ты можешь отвечать за своих раненых? Они сами за себя отве-

чают. Вода рождает споры, Зуфир Хават. Ты позволишь принять мне решения вдали от тебя?

Человек вытащил из-под плаща руку со скрывающимся там оружием. Хават насторожился. Он размышлял: не предательство ли это?

— Чего ты боишься? — спросил Свободный.

Ох уж эти люди с их обескураживающей прямоотой. Хават осторожно проговорил:

— За мою голову назначена награда.

— А-а-а... — Свободный убрал оружие.

— Вы думаете, что мы продажные. Вы нас не знаете. Всей воды Харконненов не хватило бы, чтобы купить самого маленького ребенка.

«Но они заплатили Союзу за проход более двух тысяч боевых кораблей!» — подумал Хават. И величина этой платы все еще не была им выяснена до конца.

— Мы оба боремся против Харконненов, — сказал Хават. — Стоит ли нам делать проблемы, если есть возможность договориться сразу.

— Стой, — сказал Свободный. — Я видел, как вы дрались с Харконненами. Вы — хорошие люди. В былые времена, в битвах, я бы с радостью ошущал твою руку рядом с моей.

— Скажи, в чем моя рука может оказать тебе помощь?

— Кто знает. Войска Харконненов повсюду. Но ты еще не принял решения о воде и не сказал его своим раненым.

«Я должен быть осторожным, — подумал Хават. — Есть вещи, которых здесь не понимают».

Он сказал:

— Ты покажешь мне свой арракинский путь?

— Странно думающий, — сказал Свободный, и в его голосе была насмешка. Он указал на северо-запад, за скалы. — Мы следили за тем, как вы этой ночью шли через песок. — Он опустил руку. — Ты вел своих людей по скользкой стороне дюн. Плохо. У вас не стилсьюты, нет воды. Вы долго не продержитесь.

— Дороги Арракиса даются нелегко.

— Верно. Но вы еще не убили всех Харконненов.

— А что вы делаете со своими ранеными?

— Разве человек не знает, когда его стоит спасти? Твои раненые знают, что у вас нет воды.

Хават наклонил голову и исподлобья взглянул на Свободного.

— Сейчас самое время решить насчет воды. И раненые и не раненые должны заботиться о будущем общины.

«Будущее общины, — подумал Хават. — Общины Арракиса... В этом есть смысл». Он заставил себя думать о том, чего старательно избегал.

— Вы имеете сведения о герцоге и его сыне?

Взгляд неправдоподобно голубых глаз устремился на Хавата.

— Сведения?

— О их судьбе? — рявкнул Хават.

— Судьба одинакова для каждого, — сказал Свободный. — Говорят, что твой герцог встретился со своей судьбой. Что же касается Лизан-ал-Гаиба, его сына, то он в руках Льета.

«Я знал ответ до того, как спросил», — подумал Хават. Он оглянулся на своих людей. Все они проснулись и слушали их разговоры. Они смотрели в песок и их лица говорили: для них потеряян Каладан и нет места на Арракисе. Хават снова повернулся к Свободному.

— Он был главным в доме, когда отключилось поле, — сказал Свободный. — Это я слышал... но не более того.

«Она выключила поле и впустила Харконненов. Я был тем, кто сидел у двери. Как она могла это сделать? Ведь она рисковала жизнью своего сына? Но... Кто знает образ мыслей этих ведьм Бене Гессерит...» Хават попытался сглотнуть пересохшим горлом.

— Когда вы узнаете о мальчике?

— Мы знаем мало о том, что случилось в Арракине, — сказал Свободный. Он пожал плечами: — Кто знает...

— У вас есть возможность узнать?

— Возможно. — Свободный потер шрам возле носа. — Скажи мне, Зуфир Хават, ты располагаешь знаниями о тех больших орудиях, которыми пользуются Харконнены?

«Артиллерия — с горечью подумал Хават. — И кому могло придти в голову, что они пустят в ход артиллерию во времена существования защитных полей.

— Вы имете в виду артиллерию, которой они воспользовались, как дубиной, чтобы загнать наших людей в пещеры? — спросил он. — Я располагаю теоретическими знаниями о подобном оружии.

— Любой человек, отступивший в пещеру, у которой один выход, обречен на смерть, — сказал Свободный.

— Почему вы спрашиваете об этом оружии?

— Таково желание Льета.

«Не это ли то самое, что он от нас хочет узнать?», — подумал Хават. Он сказал:

— Вы пришли сюда в поисках сведений о больших орудиях?

— Льет желает видеть одно из них у себя.

— Тогда вам нужно лишь пойти и забрать одно из них, — усмехнулся Хават.

— Да, — сказал Свободный, — мы забрали одно. Мы спрятали его там, где Стилгар сможет изучать его для Льета, и где Льет сможет увидеть его сам, если пожелает. Но я сомневаюсь в том, что он этого захочет: орудие не слишком хорошее. Плохая конструкция для Арракиса.

— Вы... забрали одно из орудий? — переспросил Хават.

— Это был хороший бой. Мы потеряли только двоих, а выплеснули воду из более чем сотни их.

«При каждом орудии были сардукары, — подумал Хават. — Этот безумный пустынный так, лишь вскользь говорит о потере своих двоих в битве с сардукарами!».

— Если бы не те, другие, что дерутся вместе с Харконненами, мы бы не потеряли и двоих, — продолжал Свободный. — Среди них есть хорошие бойцы.

Один из людей Хавата подался вперед, впившись взглядом в сидящего на корточках Свободного.

— Вы говорите о сардукарах?

— Он говорит о сардукарах, — сказал Хават.

— Сардукары, — сказал Свободный и в его голосе послышались веселые нотки. — А-а-а! Так вот кто они! Хорошая это была ночь. Сардукары! Какой это был легион? Вы не знаете?

— Мы... не знаем, — сказал Хават.

— Сардукары, — повторил Свободный. — И все же на них была форма Харконненов. Разве это не странно?

— Император не желает, чтобы стало известно, что он борется с Великим Домом, — сказал Хават.

— Но вы же знаете, что они сардукаров?

— Кто я такой? — с горечью спросил Хават.

— Ты — Зуфир Хават, — ответил Свободный, строго придерживаясь фактов. — Да и мы все равно бы узнали это со временем. Трех из них мы взяли в плен и отправили на допрос к людям Льета.

Медленно, с недоверием выговаривая каждое слово, помощник Хавата произнес:

— Вы... захватили в плен сардукара?

— Только троих, — ответил Свободный. — Они хорошо дерутся.

«Если бы только у нас было время заключить прочный союз с этими Свободными! — подумал Хават. Эта мысль наполнила его горьким сожалением. — Если бы мы смогли обучить их и вооружить! Великая Мать, какую бы я имел силу!»

— Может быть, вы тянете время из-за беспокойства о Лизан-ал-Гаибе? — спросил Свободный. Если он действительно Лизан ал-Гаиб, то позор его не коснется. Не трать время на то, что еще не известно точно.

— Я служу Лизан ал-Гаибу, — сказал Хават. — Его благо — моя работа. Я дал клятву.

— Ты дал клятву его воде?

Хават взглянул на своего помощника, который все еще не мог отвести взгляда от Хавата, и снова отвернулся к сидящему на корточках человеку.

— Его воде, да.

— Ты хочешь вернуться в Арракин, в место его воды?

— Э... да, в место его воды.

— Так почему ты сразу не сказал, что речь идет о его воде? — Свободный встал плотнее поправляя зажим в носу.

Хават знаком велел своему помощнику поговорить с остальными. Устало кивнув, тот повиновался. Хават услышал как его люди начали тихо переговариваться между собой.

Свободный сказал:

— Всегда есть путь к воде.

Человек за спиной Хавата выругался. Помощник Хавата позвал его:

— Зуфир! Арки только что умер.

Свободный приложил палец к уху.

— Сосуд воды. Это добрый знак. — Он посмотрел на Хавата. — Но соседству есть место для принятия воды. Мне позвать моих людей?

Помощник подошел к Хавату и сказал:

— Зуфир, двое оставили в Арракине жен. Они... ну ты знаешь, как бывает в такие времена.

Свободный продолжал держать палец на ухе.

— Это наш сосуд воды, Зуфир Хават? — требовательно спросил он.

Хават лихорадочно думал. Теперь он понял смысл слов Свободного, но боялся реакции сидящих под скалой людей, когда и они поймут его.

— Да, это клад, — сказал Хават.

— Пусть наши племена соединятся, — сказал Свободный и опустил палец.

И, как будто получив сигнал, четверо людей появились на скале и скользнули вниз. Они наклонились над распростертым на песке телом, подняли его и побежали с ним направо, держась скалы. Пыль окутала их облаком.

Все это произошло так быстро, что усталые люди Хавата не успели прийти в себя от неожиданности. Тем временем группа людей с телом, в похожих на мешки одеяниях, скрылась за скалой. Один из людей Хавата крикнул:

— Куда это они потащили Арки? Он был...

— Они понесли его похоронить, — сказал Хават.

— Свободные не хоронят своих мертвецов! — рявкнул человек. — Ты нам голову не морочь, Зуфир! Мы знаем, что они делают с мертвецами. Арки был одним из...

— Для человека, который умер, служа Лизан ал-Гаибу, рай обеспечен, — сказал Свободный. — Если вы служите ему, как вы сказали, то к чему эти вопли скорби? Воспоминание о том, кто умер, таким образом, будет сохраняться столько, сколько будет существовать человеческая память.

Но люди Хавата продолжали медленно наступать, сердито глядя на Свободного. Один уже начал вытаскивать ласган.

— Стойте там, где стоите, — крикнул Хават. Он изо всех сил боролся со сковывающей все мускулы усталостью. — Эти люди уважают наших мертвых! Обычаи у нас разные, но смысл один.

— Они собираются переработать Арки на воду, — рявкнул человек с ласганом.

— Может быть, твои люди хотят присутствовать на церемонии? — спросил Свободный.

«Он даже не понимает, о чем идет речь», — подумал Хават. Наивность Свободного была пугающей.

— Он говорит об оказании уважения твоему товарищу, — сказал Хават.

— Мы отнесемся к вашему товарищу с таким же уважением, с каким относимся к своим. Это — сосуд воды. Мы знаем обычаи. Плоть человека принадлежит ему, вода же человека принадлежит племени.

Так как человек с ласганом сделал еще шаг вперед, Хават быстро проговорил.

— Теперь вы поможете моим раненым.

— Тех, кто помог, не спрашивают, — сказал Свободный. — Мы сделаем для вас все, что племя делает для себя. Прежде всего нам нужно узнать, что вам нужно, и выяснить возможность это сделать.

Человек с ласганом колебался. Помощник сказал:

— Мы покупаем помощь за тело Арки?

— Не покупаем, — сказал Хават. — Мы присоединяемся к этим людям.

— Обычаи бывают разные, — пробормотал один из его людей.

Хават почувствовал себя немного уверенней.

— И они помогут нам получить обратно Арракис?

— Мы убьем Харконненов, — сказал Свободный. Он усмехнулся. — И сардукаров. — Отступив назад, он чашечками сложил руки у ушей и прислушался. Потом, опустив руки, он сказал: — Приближается воздушное судно. Спрячьтесь под скалой и не двигайтесь.

Хават жестом приказал своим людям повиноваться. Свободный взял Хавата за руку и подтолкнул к остальным.

— Когда придет время драки, мы будем драться, — сказал он. Сунув руку под тунику, он достал маленькую клетку и вытащил оттуда какое-то существо. Хават узнал в нем крошечную летучую мышь. Летучая мышь повернула голову, и Хават увидел ее глаза: голубое в голубом.

Свободный погладил мышь, успокаивая ее и что-то напевая. Он наклонился над ее головой и уронил с кончика языка каплю слюны прямо в задранный вверх рот летучей мыши. Она расправила крылья, но осталась сидеть на ладони Свободного. Человек вытащил тоненькую трубочку, прижал ее к голове летучей мыши и постучал по трубочке. Потом, высоко подняв мышь, он подбросил ее вверх. Летучая мышь полетела вдоль хребта горы и скоро пропала из виду. Свободный закрыл клетку и убрал ее под одежду и снова он наклонил голову, прислушиваясь.

— Они обыскивают высокую стену. Странно, кого же они там ищут?

— Им известно, что мы рассыпались по всем направлениям, — сказал Хават.

— Никогда не следует считать себя единственным предметом

охоты, — сказал Свободный. — Понаблюдайте за другой стороной низины. Вы там кое-что увидите.

Время шло. Некоторые из людей Хавата забеспокоились и стали перешептываться между собой.

— Сидите тихо! — прошипел Свободный. — Как испуганные животные!

Хават различил какое-то движение у противоположной стороны скалы — едва заметное пятнышко: коричневое на коричневом.

— Мой маленький друг несет сообщение, — сказал Свободный. — Он хороший посланник и днем и ночью. Мне было бы жаль потерять его.

Легкие признаки движения на той стороне впадины исчезли совсем. Над пространством в четыре — пять километров не осталось никаких следов, кроме тех, что указывали на усиливающуюся жару — звенящие столбы поднимающегося вверх воздуха.

— Теперь совсем тихо, — прошептал Свободный.

Из проема в противоположной скале показалось несколько фигур, бредущих тяжелой поступью и идущих прямо через впадину. Хавату они показались Свободными, но какой-то удивительно нелепой их группой. Он насчитал шестерых человек, тяжело бредущих по дюнам.

Справа от людей Хавата, высоко над головами послышалось «чвок-чвок» крыльев орнитоопера. Из-за скалы, нависшей над ними, в воздухе появилось воздушное судно — топтер Атридесов, разукрашенный в боевые цвета Харконненов. Люди, бредущие пешком, остановились на гребне дюны и замахали руками. Топтер описал над ними круг и опустился на засыпанную песком площадку перед Свободными.

Из топитера вылезли пятеро, и Хават увидел тусклое мерцание защитных полей. По уверенным движениям он узнал сардукаров.

— Они пользуются своими глупыми полями! — прошипел Свободный. Он бросил взгляд на отверстие в южной стене впадины.

— Это — сардукары, — прошептал Хават.

— Хорошо.

Сардукары приблизились к ожидающим их Свободным, рассыпавшись полукругом. Солнце играло на готовых к действию клинках. Свободные стояли тесной кучей, с виду безразличные ко всему. Внезапно все пространство между двумя группами оказалось усеянным Свободными. Они оказались и на орнитопере, потом внутри него. Там где на гребне двух дюн столкнулись две группы, поднялся столб пыли. Потом пыль улеглась. На очистившемся месте стояли только Свободные.

— Они оставили в своем топитере только троих, — сказал Свободный, стоящий рядом с Хаватом. — Это удача! Думаю, что нашим не пришлось повредить судно во время захвата.

За спиной Хавата один из людей прошептал:

— Это были сардукары!

— Вы заметили, как они хорошо дрались? — спросил Свободный.

Хават глубоко вобрал в себя воздух. Запах горячей пыли ударил ему в нос. Всем своим существом он ощутил зной и сухость песка. Голосом, под стать этой сухости, он сказал:

— Да, они в самом деле хорошо дрались.

Захваченный топтер взмыл в воздух, накренив крыло и, круто забирая вверх, помчался к югу.

«Так эти Свободные умеют обращаться и с топтерами!» — подумал Хават.

На отдаленной дюне один из Свободных взмахнул куском зеленой материи: раз... два...

— Подходят еще, — сказал Свободный из-за спины Хавата. — Будьте наготове. Я надеюсь, что мы уйдем без дальнейших неприятностей.

«Неприятностей», — подумал Хават. Он увидел еще два топтера, вынырнувшие с восточной стороны и повисшие над той частью песка, где только что стояли Свободные. Теперь они вдруг исчезли, остались лишь восемь голубых пятен (тела сардукаров в форме Харконненов) — все, что напоминало о недавней схватке.

Еще один топтер скользнул из-за хребта над головой Хавата. У него перехватило горло, когда он его увидел: большое грузовое судно! Оно летело медленно, тяжело распластав крылья под тяжестью груза, подобно гигантской птице, стремящейся к своему гнезду. В отдалении сверкнул пурпурный луч ласгана с одного из топтеров, висящих над песком.

— Труссы! — выдохнул Свободный рядом с Хаватом.

Грузовое судно направилось к участку, усеянному пятнами тел. Его крылья вытянулись до предела, потом приняли неизбежную при быстрой остановке чашевидную форму.

Внимание Хавата было привлечено вспышкой металла на юге. С той стороны вдруг возник топтер и устремился вниз. Крылья его были прижаты к бокам, пропеллер казался золотой звездочкой на темном фоне серебристо-серого цвета. Он несся, как стрела, прямо на ласганов. Грохот потряс низину. Скалы дрогнули. Гейзер красновато-оранжевого цвета пламени рванул к небу оттуда, где только что находился топтер и грузовое судно — все потонуло в пламени.

«Это были Свободные, захватившие топтер, — подумал Хават. — Они пожертвовали собой, чтобы уничтожить это судно. Великая Мать! Кто они, это Свободные?»

— Разумный обмен, — сказал Свободный за спиной Хавата. — В грузовом судне было человек триста. Мы теперь должны получить их воду и решить вопрос насчет другого судна. — Он шагнул к выходу из их убежища в скале.

Ливень голубых мундиров посыпался на выступ перед ними, замедляясь от низкой суспензерности. Хават успел различить, что это сарду-

кары, что лица их свирепы и отражают готовность к жестокой битве, что они не защищены полями и что каждый держит нож в одной руке, а в другой ласган.

Брошенный нож поразил Свободного, соратника Хавата, и тот рухнул лицом вниз. Хават успел только вытащить собственный нож, прежде чем его настигла пуля станнера, и он погрузился в темноту.

В ПЕЩЕРЕ

Едва орнитопптер вынырнул из ночной темноты, как Пол схватил мать за руку и крикнул:

— Не двигайся!

Потом он отметил манеру полета пилота, то, каким образом складываются крылья для посадки, и узнал отчаянную руку, направлявшую полет.

— Это Айдахо, — выдохнул он.

Воздушные суда опустились в долину один за другим, как стая птиц в свое гнездо. Айдахо выскочил из своего топптера и кинулся к ним, прежде чем успел улечься песок. За ним последовали два человека в костюмах Свободных. Одного Пол узнал: Кайнз, с песочного цвета бородой.

— Сюда, — позвал Кайнз и повернулся влево.

За спиной Кайнза другие Свободные выбрасывали из орнитопптеров маскировочные чехлы. Вскоре самолеты превратились в ряд небольших дюн. Айдахо резко остановился перед Полом и отсалютовал:

— Мой господин, у Свободных есть временное укрытие неподалеку, где им...

— А что там такое?

Пол указал в сторону главного хребта. Там бушевал огонь, и пурпурные лучи ласгана шарил по пустыне. По безмятежному лицу Айдахо скользнула улыбка.

— Мой господин... сир, я оставил им немного...

Слепящий белый свет залил пустыню, яркий, как солнце, впечатывающий их тени в каменистый край скалы. Одним резким движением Айдахо схватил Пола за руку, другой рукой Джессика за плечо и столкнул их с уступа вниз. Они распластались на песке, в то время как до их ушей долетел грохот взрыва. Скала, у подножия которой они лежали, ответила ему гулом. Айдахо сел, отряхивая с себя песок.

— Это не атомная бомба, — сказала Джессика. — Я думаю...

— Вы поставили там защитное поле, — сказал Пол.

— Большое и действующее на полную мощность, — сказал Айдахо. — Луч ласгана коснулся его и... — Он пожал плечами.

— Субатомная реакция, — сказала Джессика. — Это опасное оружие.

— Не оружие, моя госпожа, а защита. В следующий раз эти подонки дважды подумают, прежде чем хвататься за ласган.

Свободные с орнитоптеров остановились перед ними. Один из них тихо сказал:

— Пора в укрытие, друзья.

Пол встал, а Айдахо помог Джессике.

— Этот взрыв непременно привлечет к себе внимание, сир, — сказал Айдахо.

«Сир», — подумал Пол. Это слово казалось таким странным в применении к нему. Сиром всегда называли его отца.

Дар предвидения снова дал знать о себе, и он увидел себя охваченным диким чувством расового превосходства, тем, что упорно ведет к хаосу человечество. Видение потрясло его, и он позволил Айдахо увести себя вдоль края дюны к выступу скалы. Свободные с помощью инструментов прокладывали путь в песке.

— Можно мне взять вашу сумку, сир? — спросил Айдахо.

— Она не тяжелая, Дункан, — ответил Пол.

— У вас нет защитного поля, — сказал Айдахо. — Не хотите ли мое? — Он бросил взгляд на хребты в отдалении.

— Вряд ли ласганы снова будут пушены в ход.

— Оставь свое защитное поле при себе, Дункан. Твоя правая рука вполне надежная защита для меня.

Потому, как Айдахо еще ближе придвинулся к Полу, Джессика поняла, что похвала возымела свое действие и подумала: «Как верно обращается Пол со своими людьми!»

Свободные отвалили в сторону обломков скалы. Камень был специально приспособлен для закрытия входа.

— Сюда, — сказал один из Свободных и повел их по каменным ступеням в темноту.

За их спинами камень снова лег на место, закрыв лунный свет. Тусклое зеленое освещение, идущее откуда-то из пещеры, позволяло видеть ступени и стены пещеры. Поворот налево. Ступени вели вниз. Все повернули за угол и оказались в другом, полого спускающемся вниз коридоре. Он заканчивался грубым подобием комнаты.

Кайнз выступил вперед, откинув назад капюшон джуббы. Шейная часть его стилизюта блестела в зеленом свете. Длинные волосы и борода были спутаны. Голубые, без белков, глаза походили на два черных провала.

В минуту их неожиданной встречи Кайнз удивился сам себе. «Почему я помогаю этим людям? Это самое опасное из того, что я когда-либо делал в своей жизни. Я могу погибнуть вместе с ними.» Но, внимательно посмотрев на Пола, он увидел мальчика, взвалившего на себя бремя мужских забот, прячущего скорбь, подавляющего в себе все, что не отве-

чало положению, которое он отныне должен был занимать — властелина государства. В этот момент Кайнз понял, что герцогство существует и существует единственно благодаря этому юнцу! А понять подобное было непросто.

Джессика оглядела комнату, отмечая в своем сознании — на манер Бене Гессерит: лаборатория, зал, по старой традиции имеющий большое количество углов, какие-то машины в исм.

— Это одна из имперских экологических станций, которые мой отец хотел превратить в современные базы, — сказал Пол.

«Его отец хотел!» — подумал Кайнз. И снова удивился себе. «Не делаю ли я глупость, помогая этим беглецам? Почему я вообще это делаю? Сейчас было таким легким делом выдать, их купив этим доверие Харконненов.»

Пол, следуя примеру матери, ошупал взглядом комнату. Он увидел смятую постель у одной из стен. Сами стены были из бесцветного камня. На скамье были разложены инструменты. Пахло озоном.

Некоторые из Свободных сгрудились в противоположном углу комнаты и оттуда слышались новые звуки — кашель машины, повизгивание инструмента. Пол посмотрел в глубину комнаты и увидел там маленькие клетки с какими-то животными.

— Вы верно определили назначение этого укрытия, — сказал Кайнз. — Для чего бы вы его использовали, Пол Атридес?

— Для того чтобы сделать эту планету пригодной для жизни, — сказал Пол.

«Возможно, поэтому я и помогаю им», — подумал Кайнз.

Шум в машине Свободных внезапно оборвался, и наступила тишина. И тогда стало слышно тонкое попискивание сидящих в клетках животных. Но вот и оно прекратилось, как будто те чему-то страшно удивились. Приглядевшись, Пол увидел, что в клетках сидят крылатые коричневые летучие мыши. Над клетками, от стены до стены, расположилась автоматическая кормушка.

Свободный, появившийся из скрытой части комнаты, сказал Кайнзу:

— Льет, оборудование генератора защитного поля не работает. Я не способен скрыть вас от близких детекторов.

— Ты можешь его починить? — спросил Кайнз.

— Не скоро. Запчасти... — человек пожал плечами.

— Да, — сказал Кайнз. — Тогда обойдемся без автоматического генератора. Отнеси ручной поближе к поверхности.

— Будет исполнено, — человек поспешил прочь.

Кайнз повернулся к Полу.

— Вы хорошо ответили, — сказал он.

Джессика отметила легкую надменность в его голосе. Это был королевский голос, голос человека, привыкшего повелевать. «Льет» — не ускользнуло от ее слуха. «Льет» было вторым «я» Свободного, еще одним лицом непокорного планетолога.

— Мы так признательны Вам за вашу помощь, доктор Кайнз,— сказала она.

— Гм, посмотрим,— сказал Кайнз и кивнул одному из своих людей.— Спайсовый кофе в мою комнату, Жамир.

— Сию минуту, Льет,— ответил человек.

Кайнз указал на сводчатый проход в боковой стене комнаты.

— Прошу вас.

Прежде чем ответить на его приглашение, Джессика позволила себе царственный кивок. Она увидела, как Пол сделал знак Айдахо, приказывая оставить охрану здесь.

Проход опускался еще немного вниз и заканчивался тяжелой дверью, ведущей в квадратный кабинет. Кабинет освещался золотистыми глоуглобами. Проходя в кабинет, Джессика коснулась рукой двери и с удивлением отметила, что та сделана из пласта.

Войдя в комнату и сделав по ней несколько шагов, Пол услышал, как дверь за ним захлопнулась. Он поставил на пол свою сумку и огляделся. Комната шириной примерно восемь метров, стены из камня, тщательно обтесанного, в правую от них стену вделаны металлические шкафы. Центр комнаты занимал низкий письменный стол с верхом из молочного-белого стекла. Вокруг него стояли четыре суспензорных кресла.

Кайнз прошел мимо Пола и предложил кресло Джессике. Она села, отметив то, как ее сын изучает комнату.

Пол остался стоять, продолжая свои наблюдения. Слабый ток воздуха подсказал ему, что в правой стене, за шкафом есть, потайная дверь.

— Не хотите ли сесть, Пол Атридес? — спросил Кайнз.

«С какой тщательностью он избегает моего титула», — отметил Пол. Однако он сел на предложенный стул и молча следил, как усаживается Кайнз.

— Вы почувствовали, что Арракис мог бы быть раем,— сказал Кайнз.— И все же император посылает сюда только обученных слуг, своих охотников за спайсом!

Пол поднял вверх свой палец с герцогской печатью.

— Вы видите это кольцо?

— Да.

— Вам известно, что оно означает?

Джессика бросила на сына быстрый взгляд.

— Ваш отец лежит мертвым в песках Арракиса,— сказал Кайнз.—

Практически вы герцог.

— Я— солдат Империи. Практически, ее слуга.

Лицо Кайнза потемнело.

— Даже если сардукары Императора стоят над телом вашего отца?

— Сардукары — это одно, а правовой источник моей власти — это другое,— ответил Пол.

— Арракис сам решает, кому носить мантию правителя.

И Джессика обернувшись, чтобы взглянуть на него, подумала: в голосе этого человека столько стали, что никому не удастся поколебать его точку зрения. Да, такого человека нелегко переубедить. И она снова осознала, на какой опасный путь встал ее сын.

Пол сказал:

— Сардукары на Арракисе являются мерой того страха, который испытывает Император перед моим отцом. Теперь я дам Падишаху Императору причины бояться...

— Мальчуган, — сказал Кайнз, — есть вещи, которые...

— Вы будете обращаться ко мне «сир» или «мой господин», — сказал Пол.

«Молчи!» — подумала Джессика.

Кайнз пристально посмотрел на Пола, и Джессика отметила, что в глазах его промелькнул огонек восхищения, а лицо осветилось мягкой усмешкой.

— Сир, — сказал Кайнз.

— Император привел меня в недоумение, — сказал Пол. — Меня приводит в недоумение каждый, кто намерен рассматривать Арракис, как свою добычу. Пока я живу, я не перестану испытывать подобного рода чувства, а кончится все это тем, что я буду вцепляться им в горло и душить их!

— Слова... — сказал Кайнз.

Пол посмотрел на него долгим взглядом и сказал:

— У вас здесь есть легенда о Лизан-ал-Гаибе, о Голосе из Внешнего Мира, о том, кто поведет Свободных к райской жизни. У вас есть...

— Суеверия, — сказал Кайнз.

— Возможно, — согласился Пол. — А может быть, и нет. Иногда суеверия имеют странные корни и странные ветви.

— У нас есть план, — спросил Кайнз, — это очевидно... сир.

— Могли бы ваши Свободные снабдить меня доказательствами того, что здесь действуют сардукары, переодетые в форму Харконненов?

— Вполне вероятно.

— Император снова восстановил здесь власть Харконненов. Возможно, даже скотины Раббана. Пусть. Если Император ставит себя выше всего, дадим ему возможность поспорить с особо важным биллем, лежащим перед Ландсраадом. Дадим ему возможность ответить...

— Пол... — сказала Джессика.

— Допустим, что Высший Совет Ландсраата рассмотрит ваш случай, — сказал Кайнз. — Тогда результат будет только один: всеобщая война между Империей и Великими Домами.

— Хаос, — сказала Джессика.

— Но я бы поднял свой вопрос перед Императором, — сказал Пол. — И поставил бы его перед альтернативой выбора.

Джессика сухо проговорила:

— Шантаж?

— Нет. Один из инструментов управления государством, согласно твоим собственным словам, — сказал Пол, и Джессика услышала горечь в его голосе.

— У Императора нет сыновей, только дочери.

— Ты метишь на трон? — спросила Джессика.

— Император не рискнет свергнуть всю Империю в пучину всеобщей войны, — сказал Пол. — Взорванные планеты, везде хаос... Нет, он не рискнет.

— Вы предлагаете отчаянную авантюру, — сказал Кайнз.

— Чего больше всего боятся Великие Дома Ландсраада? — спросил Пол. — Они больше всего боятся того, что только что случилось на Арракисе, того, что сардукары перебьют их поодиночке, одного за другим. Вот почему существует Ландсраад. Вот что лежит в основе Великого Соглашения. Только единением они могут добиться контроля над имперскими силами.

— Но они...

— Вот чего они боятся, — повторил Пол. — Арракис могла бы стать настоящим воплем о помощи. Каждый из них может представить себя на месте моего отца — вырванным из стада и убитым.

Кайнз обратился к Джессике.

— Удастся подобный план?

— Я не ментат, — ответила Джессика.

— Но вы — Бене Гессерит..

Она испытательно посмотрела на него и сказала.

— У его плана есть и хорошие и плохие стороны... как у каждого плана в начальной стадии. В плане одинаковую важность имеют как замысел, так и исполнение.

— «Закон — наука ультиматума», — процитировал Пол. — Так написано на дверях у Императора. Я предлагаю продемонстрировать ему этот закон.

— А я не уверен, что смог бы доверять тому человеку, который придумал этот план, — сказал Кайнз. — У Арракиса есть собственный план, который мы...

— Став во главе государства, я мог бы создать рай на Арракисе одним движением руки. Вот плата, которую я вам предлагаю за поддержку моего плана.

Кайнз оцепенел.

— Мое расположение не продается, сир.

Пол смотрел на него холодным взглядом, изучая его лицо и властное выражение на нем. Губы Пола тронула жесткая улыбка и он сказал:

— Хорошо сказано. Приношу вам извинения.

Кайнз встретился глазами со взглядом Пола и сказал:

— Ни один из Харконненов еще не признавал своих ошибок. Возможно вы не похожи на них.

— Возможно, это недостаток их воспитания. Вы говорите, что не продаетесь, но я располагаю платой, на которую вы согласитесь. За ваше расположение ко мне я предлагаю вам мое расположение к вам, полное и безоговорочное.

«Мой сын унаследовал искренность Атридесов,— подумала Джессика.— Его чувство чести огромно, почти наивно, но какая это удивительная сила!»

Она видела, что слова Пола потрясли Кайнза.

— Все это ерунда,— сказал Кайнз.— Вы всего лишь мальчик и...

— Я — герцог,— сказал Пол.— Я — Атридес! Ни один Атридес никогда не нарушал подобного соглашения, они выполняли его полностью.

Кайнз сглотнул.

— Говоря «полностью»,— сказал Пол,— я имею в виду — во всем без исключения, я отдам за вас мою жизнь.

— Сир! — сказал Кайнз. Это слово вырвалось у него непроизвольно, и Джессика видела, что он обращается не к пятнадцатилетнему мальчику, а к мужчине — к человеку, превосходящему его по положению.

«Сейчас он отдал бы жизнь за Пола,— подумала она.— И как это Атридесам удастся так быстро и легко проделывать подобные вещи?»

— Я знаю, что именно это вы имели в виду,— сказал Кайнз.— Но все же Хар...

Дверь за спиной Пола резко распахнулась. Он обернулся и увидел, что в коридоре идет бой. Оттуда слышались крики, звон стали, мелькали мертвенно-бледные лица.

Сопровождаемый матерью, Пол кинулся к двери и увидел, что Айдахо удалось включить свое защитное поле. Сквозь защитную завесу Пол видел его налитые кровью глаза, сверкающие клинки его противников, тщетно пытавшихся пробить защитное поле. Оранжевый язык пламени станнера, отталкиваемый полем, дрожал в воздухе. И над всем этим парил в воздухе с молниеносной быстротой, окрашенный в ярко-красный цвет клинок Айдахо.

Кайнз оказался рядом с Полом, и они изо всех сил навалились на дверь. Последний раз мелькнул перед взором Пола Айдахо, среди облепивших его роем людей в харконненской форме. Он шатался, но стоял, силой воли удерживая себя от падения, а в гуще его черных жестких волос красным цветом расплзалась смерть.

Дверь с трудом закрылась, и Кайнз запер ее на засовы.

— Я должен был предвидеть это,— сказал Кайнз.

— Кто-то обнаружил наше убежище еще до того как оно было занято нами,— сказал Пол, увлекая мать от двери и увидев в ее глазах отчаяние.

— Мне следовало бы заподозрить неладное после того, как нам не принесли кофе,— сказал Кайнз.

— Отсюда есть запасной выход? — спросил Пол. — Воспользуемся им?

Кайнз глубоко вздохнул.

— Эта дверь продержится по крайней мере двадцать минут, если они не пустят в ход ласган.

— Они побоятся сделать это, из страха, что с этой стороны есть защитное поле.

— Это были сардукары, — прошептала Джессика.

Теперь до их слуха донеслись ритмичные удары в дверь. Кайнз указал на шкафы в правой стенке и сказал:

— Сюда. — Он подошел к шкафу, открыл дверцу и что-то проделал с ручкой внутри шкафа. Вся стена вместе со шкафом отъехала в сторону, открыв черный зев туннеля.

— Эта дверь тоже сделана из пластали, — сказал Кайнз.

— Вы хорошо подготовились, — сказала Джессика.

— Мы жили под властью Харконненов восемьдесят лет, — ответил Кайнз. Он подтолкнул их в темноту туннеля и поворотом ручки вернул стенку в первоначальное положение.

С наступлением внезапной темноты Джессика заметила на полу светящуюся стрелку. До них донесся глухой голос Кайнза:

— Здесь мы разделимся. Эта дверь прочнее. Я останусь здесь по крайней мере на час. Следуйте указанию стрел на полу. Они будут гаснуть по мере того, как вы их минуете. Они выведут вас через лабиринт и к другому выходу, где я спрятал топтер. Сегодня вечером над пустыней поднимется буря. Единственная ваша надежда — бежать под ее прикрытием, нырнуть в ее край и нестись вместе с ней. Мои люди проделывали это на украденных топтерах. Если вы будете держаться в верхней части бури, вы спасетесь.

— А как же вы? — удивился Пол.

— Я попытаюсь бежать другим путем. Если меня схватят, что ж... я ведь имперский планетолог. Я могу сказать, что был вашим пленником.

«Бежать, как трус! — подумал Пол. — Но как еще выжить, чтобы мстить за отца?» Он обернулся в сторону закрытой двери. Джессика уловила его движение и сказала:

— Дункан мертв, Пол. Ты видел его рану на голове. Мы ничего не сможем сделать для него.

— Я заплачу им за этот день сполна, — сказал Пол.

— Нет, не заплатите, если сейчас не поспешите, — сказал Кайнз.

Пол почувствовал его руку на своем плече.

— Где мы встретимся, Кайнз?

— Я пошлю Свободных на поиски вас. Дорога бури известна. А теперь поспешите и даст вам Великая Мать скорость и удачу!

Они услышали его осторожные удаляющиеся шаги. Джессика нашла руку Пола и мягко потянула за собой.

— Нам нельзя разделяться, — сказала она.

— Да.

Он последовал за ней вдоль первой стрелы и увидел, что как только они коснулись ее ногой, она потемнела. Впереди замаячила другая. Они пошли по ней, и увидели, как и она исчезает, но впереди появляется еще одна. Теперь они бежали.

«План внутри планов, и вновь планы, внутри уже этих планов, — подумала Джессика. — Стали ли мы частью еще одного плана?»

Стрелы вели их вглубь туннеля с поворотами, едва ощущавшимися в темноте. Иногда пол становился пологим, иногда плавно поднимался вверх. Наконец они поднялись по ступенькам, завернули за угол и увидели блестящую стену с черной ручкой в ее центре. Пол нажал ручку. Стена отошла. Они увидели ярко освещенную пещеру с орнитоптером, стоящим в центре. Над воздушным судном нависала серая стена с квадратным отверстием в ней.

— Куда направился Кайнз? — спросила Джессика.

— Он сделал то, что сделал бы любой обезьяний вожак на его месте. Он разделил нас на две группы и сделал так, что не сможет выдать нашего местонахождения, если его поймут и будут пытаться. Он просто не может этого знать.

Пол отметил, как под их ногами взметалась пыль.

— Здесь очень давно никого не было, — сказал он.

— Он кажется полностью уверен в том, что Свободные могут найти нас, — сказала Джессика.

— Я разделяю эту уверенность.

Пол освободился от ее руки, подошел к левой дверце орнитоптера, открыл ее и положил сумку на сиденье.

— Этот корабль тщательно замаскирован, — сказал он. — Декоративная панель скрывает дистанционное управление дверью и светом. Восемьдесят лет под властью Харконненов научили их осторожности.

Джессика прислонилась к другой стороне судна, переводя дыхание.

— Харконнены будут держать под контролем всю воздушную территорию, — сказала она. — Они не дураки.

Прислушавшись к своему чувству ориентации, она сказала:

— Буря, которую мы ждем, в той стороне.

Пол кивнул, борясь с внезапным желанием не двигаться, он понимал причину этого, но не мог из этого ничего извлечь.

Этой ночью он узнал об одном звене в глубине неизведанного. Он узнал об окружающей их полосе времени, но «здесь» и «теперь» существовали для него, погруженные в тайну. Это было похоже на то, как если бы он видел себя со стороны спускающимся в долину и медленно удалявшимся от самого себя. Многочисленные тропы, ведущие в долину, могли вывести Пола Атридеса на правильную дорогу, но могли завести и в глухое место.

— Чем больше мы будем медлить, тем лучше они смогут подготовиться к погоне, — сказала Джессика.

— Садись и пристегивайся. — Он последовал за ней внутрь самолета, все еще борясь с мыслью, что это недоступно даже для того, кто владеет даром предвидения. И он вдруг осознал, что все более и более доверяет этому дару, и это доверие ослабило его обычную готовность к опасности.

Это открытие явилось для него настоящим ударом.

«Если полагаешься на свои глаза, то все остальные чувства ослабевают», — такова была аксиома Бене Гессерит. Сейчас он применил ее к себе, обещая больше никогда не попадаться в эту ловушку... если только он выживет. Пол пристегнул защитные ремни, увидел, что его мать готова и занялся аэрокraftом. Его крылья были вытянуты во всю длину, тонкие металлические переплетения натянуты до предела. Он нажал на реактор и проследил за тем, как крылья уменьшаются до длины, обеспечивающей стремительный взлет, которому научил его Гурни Халек. Ключ зажигания работал легко. Циферблаты на приборной доске ожили, едва заработал реактор.

— Готова? — спросил он.

— Да.

Он коснулся переключателя света, все погрузилось в темноту. Его рука казалась тенью на фоне светящихся приборов, когда он включал систему управления дверью. Над их головами послышался шум. Ливень песка свистом рассек воздух. Поток воздуха коснулся Пола. Он закрыл дверцу, чувствуя тяжесть возникшего внезапно давления.

Проем над их головами открывал вид на черный прямоугольник неба, с вправленными в него тусклыми звездами. В лунном свете едва угадывался гребень хребта на заднем плане и зыбь песка.

Пол отжал светящуюся рукоятку последовательности действий, врезанную в панель. Крылья резко дернулись вверх и вниз, вырвав топтер из его гнезда. Реактивные двигатели заработали на полную мощность, в то время, как крылья сложились для подъема.

Джессика едва заметно приложила руку к приборной доске и теперь чувствовала дрожь машины. Она была напугана и в то же время готова к действиям. Теперь знания Пола — единственная для нее надежда.

Пол прибавил мощность реактора. Топтер накренился, их вдавило в сидения и темный квадрат неба сделался ближе. Он удлинил крылья. Еще один взмах крыльев, и вот они уже летят над скалами, серебристо-морозными в лунном свете. Пыльный красноватый серп второй луны показался справа от них, очерчивая своим светом равный хвост бури. Руки Пола плясали над приборами, крылья разрезали плотный воздух. Судно вошло в крутой вираж, и сила перегрузки навалилась на них.

— За нами огни реактивных самолетов, — сказала Джессика.

— Я вижу их.

Он потянул на себя рукоятку управления. Их топтер вздрогнул, как

испуганное животное, и рванулся к юго-западу, в сторону начинавшейся бури.

Впереди, недалеко от них, Пол видел разбросанные тут и там тени, говорящие о том, где кончается линия скал и начинаются уходящие вдаль пески. Сами дюны казались маленькими рядом со своими тенями.

А над горизонтом карабкалась плоская громада бури, как стена, ползущая к звездам.

Что-то встряхнуло топтер.

— Они стреляют! — крикнула Джессика. — Используют какой-то вид метательного оружия! — Она увидела, как на лице Пола мелькнуло свирепое выражение.

— Кажется, они не рискнут пользоваться ласганами.

— У нас нет защитных полей!

— А они об этом знают?

Топтер снова задрожал. Пол осмотрелся.

— Кажется, только один из них настолько быстроходен, что может тягаться с нами.

Пол сосредоточился на направлении их полета, следя за тем, как стена бури становилась все ближе и ближе. В ней таилась скрытая угроза.

— Метательные орудия, ракеты, — древнее оружие. Это одно из того, что мы дадим Свободным, — прошептал Пол.

— Шторм, — сказала Джессика. — Не лучше ли тебе повернуть?

— А как насчет корабля за нашей спиной?

— Он замедляет ход.

— Приготовься!

Пол убрал крылья, круто повернул машину влево, в обманчиво-медленное течение стены бури и почувствовал, как на его тело наваливается тяжесть. Они как будто скользнули в медленное кружение песка, облако которого становилось все плотнее и плотнее, пока не поглотило пустыню и луну. Судно превратилось в маленькую неуправляемую щепку, несущуюся в пучине стихии. Джессика видела напряженное лицо Пола, освещенное лишь слабым зеленоватым светом приборного щита.

Все голове промелькнуло все слышанное о подобных песчаных бурях: они разрезают металл, как масло, вытравливают плоть из костей, а потом разрезают и кости. Она чувствовала, как пропитанный песком воздух бьется о судно. Их швыряло, и Пол изо всех сил боролся со штурвалом. Она видела, как он навалился на рычаг управления, и почувствовала, как топтер встает на дыбы. Металл дрожал и свистел.

— Песок! — закричала Джессика.

В свете приборного щитка она увидела, что Пол кивнул в ответ головой.

— На такой высоте песка немного.

Она чувствовала, что их все глубже и глубже затягивает в водоворот

бури. Пол выпустил крылья на всю их длину, обеспечивая лучшую устойчивость и услышал, как они затрещали от напряжения. Он не отрывал взгляда от приборного щита, и повинаясь инстинкту, старался поднять машину как можно выше.

Рев мотора стал слабеть. Топтер начал скользить вниз. Пол сосредоточился на описываемой судном кривой и старался вывести его в первоначальное положение.

Джессику охватил ужас при мысли о том, что мотор может отказать и они окажутся совершенно беспомощными.

Стена песка, смутно видимая за окнами, грохот и свист напомнили ей о бушующей вокруг них силе. «Скорость ветра — семь-восемь километров в минуту, — подумала она. Страх овладевал ею все больше и больше.

«Я не должна бояться, — сказала она себе, торжественно выговаривая слова Бене Гессерит: — Страх убивает разум!»

Долгие годы учения брали свое. Постепенно она успокоилась.

— Мы не можем опуститься или подняться над бурей. Мы вынуждены лететь вместе с ней, — сказал Пол.

Спокойствие снова покинуло Джессику. Услышав, как лязгнули ее зубы, она стиснула их как можно крепче. Потом она услышала голос Пола, тихий и серьезный, произносящий слова молитвы:

— Страх убивает разум. Страх — это малая смерть, несущая забвение. Я смотрю в лицо моему страху, я не дам ему овладеть мною, я пропущу его сквозь себя. Когда же он пройдет сквозь меня, я обернусь и посмотрю на тропу страха. Там, где прошел страх, не остается ничего. Там, где прошел страх, останусь только я.

ПЛЕМЯННИК

— Они мертвы барон, — сказал Иакин Нефуд, капитан охраны. — И женщина, и ребенок погибли. Это не вызывает сомнений.

Барон — Владимир Харконнен — сидел на суспензорной кровати в личных апартаментах. Они находились в космическом фрегате, снаружи похожим на гигантское металлическое яйцо, на котором он прилетел на Арракис. Но здесь, у него, грубый металл был скрыт за драпировками, набивными тканями и редкими произведениями искусства.

— Это очевидно, — сказал капитан, — они мертвы.

Барон приподнял с кровати свое грузное тело и сосредоточил внимание на эбонитовой статуэтке нагнувшегося мальчика, которая стояла в нише напротив. Сон оставил его. Он положил себе под шею мягкую подушку со скрытым в ней суспензором и в свете единственного глоуглоба посмотрел на двери, возле которых, не пускаемый дальше пента-полем, стоял капитан.

— Их смерть очевидна, барон, — повторил человек.

Барон заметил в глазах Нефуда слезы, оставленные семутой. Не вызвало сомнения, что человек находился в состоянии глубокого опьянения, когда получил приказ прибыть и освободился от влияния наркотиков, приняв большую дозу антидота, после чего поспешил сюда.

— У меня есть полный отчет, — сказал Нефуд.

«Заставлю его немного попотеть, — подумал барон. — Инструменты управления государством всегда должны быть остро отточены и готовы к действию. Власть и страх — острота и готовность».

— Ты видел их тела? — прогремел барон.

Нефуд колебался.

— Ну!

— Мой господин... Видели их, как они нырнули в шторм. Ветер дул со скоростью 600 километров в час... Из такого шторма ничто не может выйти живым мой господин! Ничто! Один из наших собственных кораблей, преследовавший их, погиб.

Барон пристально смотрел на Нефуда, отмечая то подергивание мускулов у рта, то как дергался подбородок Нефуда, когда он сглатывал.

— Ты видел их тела?

— Мой господин...

— Ты зачем явился сюда? Гретьсь своими доспехами? — заревел барон. — Уверять меня в том, что еще не доказано? И ты думаешь, я похваляю тебя за подобную глупость? Дам тебе еще одно повышение?

Лицо Нефуда сделалось землистым.

«Вы только посмотрите на этого цыпленка, — подумал барон. — И вот такими бесполезными олухами я окружен! Если бы я рассыпал перед таким песок и сказал, что это зерно, он начал бы его клевать».

— Значит, вас вывел к ним этот человек — Айдахо? — спросил барон.

— Да, мой господин.

«Вы посмотрите, как он спешит с ответом», — подумал барон. Он сказал:

— Они пытались спрятаться среди Свободных?

— Да.

— Есть ли у тебя еще какое-нибудь сообщение?

— В дело замешан имперский планетолог, Кайнз, мой господин. Айдахо присоединился к Кайнзу при таинственных обстоятельствах, я бы сказал даже при подозрительных обстоятельствах.

— Каких?

— Они... э... вместе прилетели к тому месту в пустыне, где прятались мальчик и его мать. В ходе погони несколько наших кораблей попали в поле действия ласганного взрыва.

— Каковы наши потери?

— Я...э... Точно еще неизвестно, мой господин.

«Он лжет, — подумал барон. — Должно быть, велики».

— Этот имперский лакей, этот Кайнз, — сказал барон, — он что же, ведет двойную игру?

— Готов поставить на это мою репутацию, мой господин!

«Его репутацию!»

— Он должен быть убит, — сказал Барон.

— Мой господин, Кайнз — имперский планетолог, личный слуга его Вел...

— Тогда представь все как несчастный случай.

— Мой господин, в налете на гнездо Свободных участвовали и сардукары. Сейчас Кайнз находится под их арестом.

— Забери его у них. Скажи, что я хочу лично с ним поговорить.

— А если они воспротивятся?

— Этого не будет, если ты лично возьмешься за дело.

Нефуд сглотнул.

— Да, мой господин.

— Этот человек должен умереть! — рявкнул барон. — Он помогал моим врагам.

Нефуд переминался с ноги на ногу.

— Что еще?

— Мой господин, в заключении у сардукаров находятся еще два человека, которые могут вас заинтересовать. Они захватили герцогского мастера по убийствам.

— Хавата? Зуфира Хавата?

— Я сам видел пленного, это Хават.

— Не могу поверить, что это возможно.

— Говорят, что его сбили станнером. В пустыне, где он не смог использовать свое защитное поле. Он не получил серьезных ранений. Если бы смогли прибрать его к рукам, он был бы нам полезен.

— Ты говоришь о ментате, — проворчал барон. — От такой добычи не отказываются. Он что-нибудь говорил? Что он сказал о своем поражении? Знает ли он о... но нет.

— Он сказал достаточно, чтобы можно было понять, что он считает леди Джессику предательницей.

— А-а-а.

Барон оглянулся назад, подумал и сказал:

— Ты уверен? Именно леди Джессика вызывает его гнев?

— Он сказал об этом в моем присутствии.

— Тогда пусть он думает, что она жива.

— Но мой господин...

— Молчи. Я хочу, чтобы с Хаватом обращались по-дружески. Ему не должны говорить, что настоящим предателем был доктор Уйе. Пусть говорят, что Уйе умер, защищая своего герцога. В некотором роде это

даже верно. Вместо этого будем подкармливать его подозрения против леди Джессики.

— Мой господин, я не...

— Контролировать и направлять разум ментата можно лишь посредством информации, Нефуд. Ложная информация — ложный результат.

— Да мой господин, но...

— Хават голоден? Испытывает жажду?

— Мой господин, Хават все еще в руках сардукаров!

— Да, да, конечно. Но сардукары будут также заинтересованы, чтобы получить сведения от Хавата, как и я. Я обратил внимание на одно качество наших союзников: они не слишком хитроумны... в политике. Я уверен, что их намеренно лишили этого качества: так было выгодно Императору. Да, я в этом уверен. Напомни им о моем умении вытягивать сведения из непокорных.

У Нефуда был несчастный вид.

— Да, мой господин.

— Скажешь командиру сардукаров, что я хочу одновременно расспросить Хавата и Кайнза, натравить их друг на друга. Думаю, он сможет понять это.

— Да.

— И как только они окажутся в наших руках... — барон кивнул.

— Мой господин, сардукары захотят присутствовать при допросе.

— Я уверен, что мы сможем привести веские причины против присутствия наблюдателя.

— Понимаю, мой господин. Когда Кайнз попадет в катастрофу?

— В катастрофу попадут и Кайнз, и Хават, Нефуд. Но настоящей она будет только для Кайнза, Хават мне нужен. Да, да.

Нефуд кивнул и глотнул. Казалось, он хотел что-то спросить, но промолчал.

— Хавату принести еду, обращаться дружелюбно. В его воду будет добавлен тот яд, что избрал покойный Питер де Бриз. И приглядишь за тем, чтобы противоядие стало неотъемлемой частью пищи Хавата... пока я не распоряжусь по-другому.

— Противоядие, да... — Нефуд кивнул. — Но...

— Не будь идиотом, Нефуд. Герцог отправил на тот свет моего лучшего ментата. Мне нужна замена.

— Хават?

— Хават.

— Не...

— Ты хочешь сказать, что Хават предан Атридесам? Верно. Но Атридесы мертвы, и мы его уговорим. Он должен быть уверен в том, что его нельзя обвинять в отречении от Атридесов. Во всем виновата ведьма Бене Гессерит. У него был плохой хозяин, слишком поддавшийся приливу эмоций. Ментаты же выше всего ставят способность рассчиты-

вать все хладнокровно, не поддаваясь эмоциям. Мы уговорим великолепного Зуфира Хавата.

— Уговорим его. Да, мой господин.

— У Хавата, к сожалению, был хозяин, шансы которого были ничтожны. Он не смог поднять ментата до величественных вершин, на которые такой ментат имеет полное право. Хават увидит, что это горькая правда. Герцог мог мешать так только потому, что самые опытные шпионы снабжали ментата необходимой информацией. — Барон посмотрел на Нефуда. — Не будем себя обманывать, Нефуд, правда — это мощное оружие. Мы знаем, каким образом мы восторжествовали над Атридесами. И Хават это тоже знает. Мы сделали это только с помощью нашего богатства.

— С помощью нашего богатства. Да, мой господин.

— Мы уговорим Хавата, — повторил барон. — Мы украдем его у сардукаров. И в запасе у нас будет... угроза в отказе дать ему противоядие. По-другому же принятый яд удалить из организма нельзя. И, Нефуд, Хават ни о чем не должен подозревать. Яд не выдаст себя под действием снупера. Хават может обследовать свою пищу самым тщательным образом, но следов яда не обнаружит.

Глаза Нефуда зажглись пониманием.

— Отсутствие чего-либо, — проговорил барон, — может быть таким же недоказуемым, как и присутствие. Отсутствие воздуха, а? Отсутствие воды. Отсутствие всего, без чего мы не можем обойтись, — барон кивнул. — Ты понимаешь меня, Нефуд?

Нефуд сглотнул.

— Да, мой господин.

— Тогда займись делом. Найди командира сардукаров и начинай действовать.

— Немедленно, мой господин. — Нефуд поклонился, повернулся и поспешил прочь.

«Хават рядом со мной! — подумал барон. — Сардукары отдадут его мне. Если у них и возникнут подозрения, то только в том, что я хочу уничтожить ментата. И я подтвержу им это. Дураки! Один из самых замечательных ментатов в истории! Ментата, обученного так убивать, они швыряют как ненужную сломанную безделушку.

Барон нажал скрытую кнопку, таким образом давая сигнал своему старшему племяннику Раббану. Он приподнялся и сел, улыбаясь.

«И все Атридесы мертвы!» Конечно же глупый капитан охраны был прав. Тот, кто попал на Арракисе в полосу песчаной бури, не уцелеет. Ни орнитоптер, ни те, кто в нем находится. Женщина и мальчик мертвы. Взятки нужны людям, немыслимые расходы на переброску военных сил... Все эти хитроумные планы, придуманные только затем, чтобы о них узнал Император, все заботливо сложенное — все это, наконец, слилось в единое целое.

«Власть и страх, страх и власть».

Барон смотрел в будущее. Придет день, и Харконнен станет Императором. Не он сам, ни ближайший потомок, но Харконнен! Не Раббан, которого он сейчас вызвал, не младший брат Раббана — юный Фейд-Раус. В мальчике была проницательность, которая так понравилась барону, и... жестокость.

«Чудесный мальчик, — думал барон. — Скажем, еще год — другой, к тому времени ему станет 17, и можно будет сказать, явится ли он тем оружием, с помощью которого будет завоеван трон для Харконненов.

— Мой господин, барон...

Человек, стоявший около защитного поля в дверях спальни барона, был коренастым, с толстым лицом и коротким туловищем. Харконненовские черты в нем проявились в близко посаженных глазах и в округлых плечах. В его полноте не было пока безобразности, но было очевидно, что придет день, и ему придется воспользоваться портативным суспензором, чтобы легче было поддерживать тяжесть своего тела.

«У него острый ум, — подумал барон. — Мой племянничек, конечно не ментат, не Питер де Бриз, но возможно нечто более ценное в моей игре. Если я дам ему свободу в его действиях, то он все сметет на своем пути. О, как его будут здесь ненавидеть!»

— Дорогой мой Раббан, — сказал барон. Он убрал защитное поле у двери, но намеренно оставил собственное, работающее на полную мощность, зная, что его свечение будет видно под глоуглобом над его кроватью.

— Вы меня звали? — спросил Раббан. Он шагнул в комнату, метнул быстрый взгляд на отталкиваемый защитным полем воздух, поискал суспензорный стул, но так и не нашел его.

— Встань поближе, чтобы я мог тебя хорошо видеть, — сказал барон. — Атридесы мертвыка. Последние из них умерли. Вот почему я позвал тебя. Планета снова твоя.

Раббан мигнул.

— Но я думал, что вы собираетесь позволить Питеру де Бризу...

— Питер тоже мертв.

— Питер?

— Питер.

Барон снова включил защитное поле у двери, сделав его непроницаемым для любого вида энергии.

— В конце концов, вы устали от него? — спросил Раббан.

В изолированной от энергии комнате голос Раббана звучал плоско и невыразительно.

— Я кое-что скажу тебе, раз уж ты об этом начал, — прогремел барон. — Ты хочешь представить это дело так, словно я отмахнулся от Питера, как от назойливой мухи. — Он щелкнул толстыми пальцами. — Вот так, да? Но я не настолько глуп, племянничек. Я перестану быть тебе

другом, если ты еще раз позволишь себе оскорбить меня предположением, что я способен на такое.

В глазах Раббана мелькнул страх. Ему было известно, до каких пределов могут распространяться действия барона против семьи. Дело редко доходило до насильственной смерти, если только выгода от этого не была достаточно велика. Но наказания были весьма жестокими.

— Простите меня, мой господин, — сказал Раббан, опуская глаза вниз, чтобы скрыть охватившую его злость и выказать послушание.

— Ты не обманываешь меня, Раббан?

Раббан, продолжая смотреть в пол, сглотнул.

Барон продолжал:

— Я пришел к такому выводу: никогда не уничтожай человека опрометчиво, так как это может оставить без присмотра целое феодальное поместье. Такой поступок может быть оправдан только при достижении заветной цели. В случае крайней необходимости.

Гнев снова заговорил в Раббане.

— Но ведь вы уничтожили предателя Уйе! Я видел, как вчера ночью уносили его труп.

Раббан посмотрел на своего дядю, испуганный смелостью своих слов. На барон улыбался.

— С опасным оружием я обращаюсь очень осторожно, — сказал он. — Доктор Уйе был предателем. Я склонил его к клятвопреступлению, этого доктора из Сак Скул! Из внутренней школы! Слышишь, малыш? Оружие такого рода ужасно, когда оно существует. Я уничтожил его не случайно.

— Знает ли Император, что вы склонили к клятвопреступлению сак-доктора?

«А вот коварный вопрос, — подумал барон. — Может быть, я недооценивал своего племянника?»

— Император еще не знает об этом, — ответил он. — Но его сардукары, конечно же, сообщат ему об этом. Но прежде, чем это случится, он получит по каналам СНОАМ мой собственный отчет. Я объясню, что благодаря счастливой случайности я обнаружил доктора, претендующего на кондиционинг. Лже-доктора, понимаешь? Поскольку каждый знает, что кондиционингу Сак Скул противопоставить нельзя, подобное особенно будет принято.

— А-аа-а, понятоно, — протянул Раббан.

Барон подумал: «Я искренне надеюсь, что ты понимаешь, насколько жизненно важно оставить все это в тайне». Внезапно барон мысленно удивился. «Зачем я это сделал? Зачем я посвятил в эту тайну своего племянника-дурака, племянника, которого я только должен использовать, и все?» Барон разозлился на себя. Ему казалось, что он сам себя предал.

— Это должно остаться тайной, — сказал Раббан. — Я понимаю.

Барон вздохнул.

— На этот раз я даю тебе другие инструкции насчет Арракиса, племянник. Прошлый раз, когда ты правил этим местом, я тебя строго ограничивал. На этот раз ограничение только в одном.

— В чем, мой господин?

— В годовом доходе.

— В годовом доходе?

— Представляешь ли ты, Раббан, сколько мы потратили на переброску войск и подавление Атридесов? Знал ли ты когда-нибудь, насколько дороги разрешения Союза на переброску военной силы?

— Очень дороги?

— Очень.

Барон ткнул пальцем в сторону Раббана толстым пальцем.

— Если ты сможешь выжать из Арракиса каждый грош, то и за 60 лет мы едва ли выплатим эту сумму!

Раббан открыл рот и снова молча закрыл.

— Дороги! — фыркнул барон. — Проклятый Союз, монополизировавший пространство, наверняка раздел бы нас, если бы я давным-давно не стал бы беспокоиться о предстоящих расходах. Тебе следовало бы знать, Раббан, что мы вынесли. Мы заплатили даже за перевоз сардукаров.

И уже не в первый раз барон подумал — придет ли когда-нибудь день, когда Союз будет уничтожен. Они были коварны — они ставили заказчика в такие условия, что он уже не мог возражать, а только платить, платить!.. И всегда их аппетит становился непомерным, когда речь заходила о военных авантюрах.

«Цена риска» — объяснял вкрадчивый агент Союза. За каждого агента, которого вы вводите в систему банка Союза, они вводили двоих в вашу систему. Невыносимо!

— Значит, годовой доход, — сказал Раббан.

Барон опустил руку и сжал пальцы в кулак.

— Ты должен выжимать все!

— И пока я выжимаю, я могу делать все, что хочу?

— Все.

— Артиллерия, которую вы привезли... — сказал Раббан. — Могу ли я...

— Я отправлю ее назад.

— Но вы...

— Такие игрушки тебе не понадобятся. Они сделали свое дело и теперь бесполезны. Нам нужно что-то другое. Ведь ласганы нельзя применять, против защитного поля, Раббан — это было для нас полной неожиданностью. Артиллерия нам здорово помогла — ведь было ясно, что люди герцога будут прятаться в пещерах и среди скал. Где же им еще прятаться на этой мерзкой планете? А наши пушки их там достали.

— Свободные защитными полями не пользуются.

— Если хочешь, можешь оставить себе несколько ласганов.

— Да, мой господин. И у меня развязаны руки?

— Да, пока будешь выжимать все, каплю за каплей.

Улыбка Раббана была злорадной.

— Я все прекрасно понял, мой господин.

— Ничего ты не понял, — проворчал барон. — Давай с самого начала расставим все по своим местам. Что ты должен понимать, так это то, как выполнять мои приказы. Приходило ли тебе в голову, племянничек, что на этой планете живут по крайней мере пять миллионов человек?

— Разве мой господин забыл, что я был раньше здесь его наместником? И если мой господин простит меня, его оценка возможно чересчур высока. Трудно подсчитать население, когда люди разбросаны по бескрайним пескам Арракиса. А когда считаешь Свободных...

— Свободные не стоят того, чтобы их считали!

— Простите меня, мой господин, но сардукары думают по-другому. Барон колебался, глядя на племянника.

— Ты что-нибудь знаешь?

— Когда я прилетел сюда вчера вечером, моего господина не было. Я... э... вошел в свободный контакт с некоторыми из офицеров. Они говорили, что где-то на юге группа Свободных напала на сардукаров и уничтожила их.

— Уничтожила сардукаров?

— Да, мой господин.

— Это невозможно!

Раббан пожал плечами.

— Свободные одержали победу над сардукарами! — фыркнул барон.

— Я повторяю то, что было ими сказано. Говорят, что эти Свободные уже брали в плен грозного Зуфира Хавата.

— А-а-а, — барон кивнул, улыбаясь.

— Я верю этому сообщению. Вы не знаете, какую проблему здесь представляют Свободные.

— Возможно. Но те, кого видели твои лейтенанты, не были Свободными. Это были люди Атридеса, обученные Хаватом и переодетые в одежду Свободных. Это единственно правильный ответ.

Раббан снова пожал плечами.

— Но сардукары считают, что это действительно были Свободные. Сардукары уже разрабатывают план уничтожения всех Свободных.

— Хорошо.

— Но...

— Это даст сардукарам какое-то занятие на время. А Хават скоро будет у нас, я это знаю. Я это чувствую! О, какой это будет день! Сардукары будут бесполезно рыскать по пустыне, а главный приз будет у нас в руках.

— Мой господин...— Раббан колебался, нахмурившись.— Я и раньше чувствовал, что мы недооцениваем Свободных, как количественно, так и качественно...

— Не обращай на них внимания, мальчик. Они — чернь. Нас касается только население маленьких и больших городов, деревень. Там живет множество народа, не так ли?

— Множество, мой господин.

— Они беспокоят меня, Раббан.

— Беспокоят вас?

— О... девяносто процентов из них не доставляет никаких хлопот. Но везде есть немного... Малые Дома, самолюбивые люди, которых могут затеять опасные игры. Если один из них удерет с Арракиса, захватив скверное сообщение о том, что здесь произошло, я буду недоволен. Ты ведь знаешь, Раббан, в чем выразится мое недовольство?

Раббан сглотнул.

— Ты должен немедленно заняться получением заложников от каждого Малого Дома. Все, кто живет вне Арракиса, должны думать, что война здесь велась только между домами, понятно? Сардукары не принимали в ней участия. Герцогу была предложена обычная участь и изгнание, но он умер в результате несчастного случая раньше, чем успел согласиться. Вот какова история. И любые слухи насчет пребывания здесь сардукаров должны пресекаться.

— Как того желает Император?

— Как того желает Император!

— А как быть с контрабандистами?

— Контрабандистам никто не верит. Их терпят, но никто им не верит. Во всяком случае тебе придется кое-кого подмазать... и предпринимать другие меры, которые, я знаю, ты сможешь осуществить.

— Да, мой господин.

— Итак, ты должен запомнить две вещи насчет Арракиса: годовой доход и кулак, не знающий милосердия. Никакой жалости. Думай об этом сбросе так, как он того заслуживает: рабы, завидующие своим хозяевам и ожидающие любой возможности, чтобы восстать. Ты не должен вызывать никакого намека на милосердие.

— Нужно ли истреблять всю планету?

— Истреблять? — лицо барона выразило изумление.— Кто здесь говорит об истреблении?

— Я понял так, что вы собираете сюда новые поколения колонистов...

— Я сказал «выжимать» племянник, а не «истреблять»! Не стоит зря растрачивать людские резервы, нужно лишь направить их энергию в нужное нам русло. Ты должен быть плотоядным животным, мой мальчик,— он улыбнулся и его лицо приняло детское выражение.— Плотоядные животные никогда не останавливаются, они не знают мило-

сердия. Милосердие — это химера. Оно может быть побеждено, когда желудок урчит от голода, когда горло хрипит от жажды. Ты должен быть всегда голоден, всегда испытывать жажду! — Барон погладил свой живот. — Как я.

— Понимаю, мой господин. — Раббан скользнул взглядом по сторонам.

— Теперь все ясно, племянник?

— Кроме одного, мой господин: планетолога Кайнза.

— Ах, да, Кайнз...

— Он человек Императора. Он может приезжать и уезжать, когда захочет, и он близок к Свободным... женат на одной из них.

— До наступления завтрашней ночи Кайнз будет мертв.

— Убийство слуги Императора — опасная работа, дядя.

— А почему ты думаешь, что я действую поспешно? — спросил барон. Он говорил тихо и, казалось, с трудом сдерживал себя. — Кроме того, тебе нечего бояться, что Кайнз покинет Арракис. Ты забываешь, что он не может существовать без спайса.

— Конечно.

— Такие люди ни за что не пойдут на риск потерять источник питания... Кайнз, несомненно, относится к их числу.

— Я забыл, — сказал Раббан.

Они молча посмотрели друг на друга. Потом барон сказал:

— Кстати, одной из первых твоих забот будет пополнение моих собственных запасов спайса. У меня был достаточный собственный запас этого вещества, но после этого безумного налета людей герцога осталась ничтожная часть того, что мы хранили для продажи.

Раббан кивнул. Лицо барона прояснилось.

— Итак, завтра утром ты соберешь все, что осталось от местного управления и скажешь им: «Наш Великий Падишах Император повелел мне управлять этой планетой и положить конец всем распрям!»

— Я понимаю, мой господин.

— На сей раз я в этом уверен. Завтра мы все обсудим в деталях. А теперь дай мне продолжить свой сон.

Барон убрал защитное поле у двери и проследил, как вышел его племянник. «Ума палата, — подумал барон. — Он думает только задницей. Когда он с ними покончит, кровь будет хлупать под ногами. Потом, когда я пришлю сюда Фейд-Рауса снять это бремя с их плеч, они сочтут его за спасителя и воспрянут духом. Возлюбленный Фейд-Раус, милосердный Фейд-Раус, спасший их от зверя! Фейд-Раус — человек, за которым идут, за которого умирают. К тому времени мальчик узнает, как угнетать других без вреда для себя».

ПОГРЕБЕНА ЗА ЖИВО

По мере того как Пол боролся с управлением топитера, он чувствовал, что его сознание непроизвольно анализирует сплоченные в буре силы природы и мгновенно рассчитывает их, используя своим большие, чем у ментата, способности. Он чувствовал фронты, лавины, пыль, вихри и водовороты. Внутренняя часть кабины походила на лушный ящик, освещенный зеленоватым светом шкал приборов. Коричневая завеса пыли за ней казалась беспросветной. «Я должен отыскать нужный воздушный поток», — думал Пол. Он уже давно чувствовал, что сила ветра уменьшается, но их трясло еще очень сильно. Он ждал еще одного вихря.

Вихрь налетел так внезапно, что судно затрещало. Пол, не впадая в панику, бросил топитер влево. Джессика следила за его маневром, напряженно вглядываясь в боковой отражатель.

— Пол! — крикнула она.

Вихрь развернул их, крутил и опрокидывал. Пол поднял топитер. Вихрь, как гейзер щепу, проглотил его и изрыгнул — крылатую пушинку внутри песчаного клубка, освещенного слабым месяцем.

Пол посмотрел вниз, увидел столб горячего воздуха, низвергнувшего их. Этот столб становился все уже и уже, как река, исчезающая в песках пустыни. Вот он превратился в серую полосу в свете луны, которая уходила вниз, и делалась все тоньше и тоньше по мере того, как они взмывали вверх.

— Мы выбрались, — прошептала Джессика.

Пол бросил вниз и развернул их судно, вырывая его из объятий облака пыли.

И вот, наконец, они увидели чистое звездное небо.

— Мы ушли от погони, — сказал Пол.

Джессика чувствовала, как у нее сильно колотилось сердце. Заставив себя успокоиться, она посмотрела на исчезающий смерч. Разум говорил ей, что они летели внутри этой первобытной бушующей силы в течение четырех часов, но в то же время ей казалось, что полет продолжался целую жизнь. Она чувствовала себя вновь родившейся. «Это было подобно молитве, — подумала она. — Мы смотрели буре в лицо и не сопротивлялись. Буря прошла сквозь нас и вокруг нас, а мы остались».

— Мне не нравится шум наших крыльев, — сказал Пол. — Должно быть, там поломка.

Его руки чувствовали разлаженность в работе приборов. Они выбрались из бури, но дар видения будущего ушел вместе с ней.

Да, они спасены, и Пол почувствовал, как к нему возвращается уверенность. Он дрожал.

Ощущение было магическим и ужасным, и он поймал себя на мысли, что его неотвязно преследует вопрос: что же является причиной этого появляющегося толчками знания будущего?

Наверное, частично дело было в спайсовой диете Арракиса. Но в то же время, думал он, этому могла способствовать и магия Метании, власть силы слова.

«Я не буду бояться...»

«Причина, и следствие — ведь он был жив, несмотря на усилия враждебных сил, и чувствовал себя балансирующим на краю самопознания. Все это не могло произойти без магии Метании.

Слова из Оранжевой Католической Библии зазвенели в его мозгу: «Каких же чувств мы лишены, что не можем видеть и слышать другой, окружающий нас, мир?»

— Впереди скалы, — тихо сказала Джессика.

Пол сфокусировал внимание на крене топитера и потряс головой, отгоняя навязчивые мысли. Он посмотрел в ту сторону, куда показывала мать, и увидел впереди и справа от них темные силуэты скал. Он почувствовал сильный порыв ветра у своих ног.

Струя песка залетела в кабину.

Наверное, в корпусе топитера трещина, которую сделала буря.

— Лучше бы сестра на песок, — сказала Джессика. — Крылья могут не выдержать полета.

Он кивком головы указал туда, где в свете луны поднимались из песка гряды скал.

— Сядем возле тех скал. Проверь крепления.

Она повиновалась, думая: «У нас есть вода и стилисьюты. Если мы найдем еду, то сможем продержаться в пустыне долгое время. Живут же здесь Свободные. Что могут они, сможем сделать и мы».

— Как только мы приземлимся, беги к скалам, а я возьму сумку.

— Бежать к... — она помолчала и сказала: — Черви...

— Черви — наши друзья, — поправил ее Пол. — Они сожрут топитер и уничтожат следы нашей посадки.

«Как ясно он мыслит», — подумала Джессика.

Они скользнули ниже... ниже. Темные гряды скал, поднимающиеся словно острова, становились все ближе и ближе. Топитер с мягким шелестом коснулся вершины дюны, взметнул струю песка, коснулся другой дюны...

«Он гасит скорость о песок», — подумала Джессика и снова восхитилась его умением.

— Пристегнись, — предупредил Пол.

Он потянул на себя рычаг тормоза крыльев сначала мягко, потом сильнее, почувствовав при этом, что крылья приняли чашевидную форму и начали уменьшаться. Ветер засвистел в

них. Внезапно, почти без всякого предупреждения, левое крыло завернулось кверху и внутрь, хлестнув по боковой части топитера. Судно занесло на вершину дюны и накренило влево. Оно влетело в следующую дюну, зарылось в нее носом и подняло каскад песка. Они остановились и завалились на тот бок, крыло которого было сломано, так, что правое крыло оказалось торчащим вверх.

Пол рванул пристежные ремни, метнулся к матери и рывком открыл кабину. В нее сейчас же набился песок, принес с собой запах нагретого камня. Пол схватил сумку с заднего сидения и увидел, что его мать также освободилась от креплений. Встав на правое сидение, она перебралась в боковую часть топитера, обшитую металлом. Пол последовал за ней, таща сумку за ремень.

— Беги! — приказал он.

Он указал на дюну впереди, за которой виднелась скальная башня, иссушенная ветром. Джессика прыгнула с топитера и побежала, карабкаясь на дюну. Она слышала за собой тяжелое дыхание Пола. Вот они добрались до песчаного гребня, выгибающегося к скалам.

— Держись гребня, — приказал Пол. — Так будет безопаснее.

Увязая в песке, они устремились к скалам. И тут они услышали новые звуки: безмолвный шепот, шипение, осторожное скольжение.

— Червь! — сказал Пол.

Звук становился громче.

— Быстрее!

Первый уступ скалы, выступающий из песка, как береговая полоса, лежал не более чем в десяти метрах впереди, когда они услышали за собой звук разрываемого металла. Пол перебросил сумку в левую руку, но она все же била его по боку на бегу. Другой рукой он схватил руку матери. Они вскарабкались на скалу и устремились дальше по изогнутому, выточенному ветром туннелю. Во рту у них пересохло, воздух с трудом проходил через воспаленное горло.

— Я не могу больше бежать! — взмолилась Джессика.

Пол остановился, прижал ее к углублению в скале и посмотрел на пустыню. Там, параллельно их скале, продвигалась движущаяся насыпь. Песок вздымался и спадал почти на уровне лица Пола на расстоянии примерно километра. В одном месте линия сглаженных дюн делала резкую петлю — там, где они оставили сломанный орнитоптер. Там, где побывал червь, не было видно никаких следов их судна! Движущаяся насыпь уходила в пустыню, возвращаясь на прежний путь в поисках добычи.

— Они больше, чем космические корабли Союза, — прошептал Пол. — Мне говорили, что в открытой пустыне черви гораздо больше, но я не представлял их размеров.

— Я тоже, — выдохнула Джессика.

Существо повернуло от скал и направилось к горизонту. Они стояли и слушали до тех пор, пока звук его движения не потерялся в окружающих песках.

Пол глубоко вздохнул, посмотрел на луну и процитировал слова из Kitab ал-Ибар: «Путешествуй ночью, а днем оставайся в тени». Он посмотрел на мать.

— У нас в запасе еще несколько часов. Ты можешь идти?

— Через несколько мгновений.

Пол шагнул на уступ, взвалил сумку на плечо и приладил лямки. Несколько мгновений он стоял, глядя на паракомпас в руке.

— Я жду тебя, — сказал он.

Она оттолкнулась от скалы спиной, чувствуя как к ней возвращаются силы.

— Какое направление?

— То, в котором ведет нас гребень, — он указал рукой.

— Дальше в пустыню?

— В пустыню Свободных, — прошептал он и замолчал, потрясенный воспоминаниями о той картине, которую так ясно нарисовал на Каладане его разум. Он видел эту пустыню, но очертание видений было несколько другим, подобно оптическому изображению, что исчезает в сознании, поглощенное памятью и не может проявиться полностью, перебиваемое реально видимой картиной. Видение появлялось перед ним в различных ракурсах, пока он стоял, потрясенный.

«В видении с нами был Айдахо, но сейчас Айдахо мертв», — вспомнил он.

— Ты видишь путь, по которому нам идти? — спросила Джессика, неверно истолковав его молчание.

— Нет, но куда-нибудь мы все же пойдем.

Он еще раз поправил сумку за плечами и двинулся по скале. Расщелина вела к залитому лунным светом подножию скалы, откуда она расходилась отрогами к югу. Пол направился к первому отрогу и вскарабкался на него. Джессика последовала за ним. Теперь она отмечала все, что встречалось на их пути: ложбины, заполненные песком, для прохождения которых им приходилось замедлять шаги; острые выступы, хватаясь за которые они ранили себе руки; преграды, предлагающие им выбор — идти через них или обходить. Местность заставляла подчиняться собственному ритму. Они заговорили лишь тогда, когда в этом была необходимость, и тогда хриплость их голосов выдавала их напряжение.

— Осторожнее здесь. Гребень скользкий от песка.

— Смотри, не ударься о тот выступ головой.

— Остановись под этим камнем, луна светит нам в спину, и нас могут увидеть.

Пол остановился в углублении скалы и поставил сумку на камни. Джессика прислонилась к камню рядом с ним, довольная передышкой. Она слышала как Пол потянулся к трубке стилсьюта и сделал глоток своей собственной регенерированной воды. На вкус вода была солоноватая, и она вспомнила воду Каладана — высокие фонтаны, бьющие стру-

ями к небу. «Остановиться, — подумала она. — Остановиться и отдохнуть по-настоящему». Ей пришла в голову мысль, что милосердие — это возможность остановиться даже на мгновение. Без отдыха нет милосердия.

Пол оттолкнулся от скалы и выбрался на ровную поверхность. Вздыхнув, Джессика последовала его примеру. Они спустились на широкую площадку, со всех сторон окруженную острыми шипами скал. И снова они включились в этот ни на что не похожий ритм движения по этому разбитому пути.

Пыль забивала носовые фильтры и ее приходилось выдувать. Комья песка и мелкий гравий катались по твердой поверхности и на них можно было поскользнуться. Осколки камней ранили. А вездесущий песок вился под ногами и мешал идти.

Пол резко остановился на одном из уступов и подождал мать. Он указал ей влево. Она посмотрела в том направлении и увидела, что они стоят на скале, а внизу, в метрах двухстах, тянется пустыня, похожая на океан. Она лежала перед ними, освещенная луной: волнистые пески, дальняя часть которых сливалась в неясную серую массу.

— Открытая пустыня, — сказала она.

— Какое большое расстояние! — сказал Пол приглушенным голосом.

Джессика посмотрела налево и направо: ничего, кроме бескрайних песков. Пол пристально смотрел вперед на дюны, наблюдая за движением теней.

— Нужно идти примерно три-четыре километра, — сказал он.

— Черви...

— Ничего не поделаешь.

Она сконцентрировалась на своей усталости, на боли в мускулах, притупляющей чувства.

— Может быть, мы отдохнем и поедем?

Пол снял сумку, сел и прислонился к скале. Джессика оперлась о его плечо и опустилась рядом с ним. Устроившись, она услышала, как Пол роется в сумке.

— Вот, — сказал он.

Она почувствовала сухость его руки, когда он положил ей на ладонь две капсулы. Она проглотила их и запила глотком воды из своего стилсьюта.

— Выпей всю свою воду, — сказал Пол. — Аксиома: самым лучшим местом для хранения воды является собственное тело. Вода увеличивает твою энергию, ты становишься сильнее. Доверяй своему стилсьюту.

Она послушалась и, опустошив свой запас, почувствовала, как к ней возвращаются силы. Потом она подумала, какими мирными были эти минуты их отдыха, сразу вспомнив слова, слышанные от Гурни Халлека: «Лучше сухой кусок и постоянный покой, чем дом, полный добра и распрей». Джессика повторила эти слова Полу.

— Гурни, — сказал он.

Она уловила интонацию его голоса: так говорят об умерших, и подумала: «И добрый бедный Гурни может быть мертв». Люди Атридесов либо погибли, либо попали в плен, либо, подобно им, скитались по безводной пустыне.

— У Гурни была подходящая цитата на каждый случай жизни, — сказал Пол. — Я как будто слышу его сейчас: «И я осушу реки и передам землю в руки злых сил, и сделаю людей несчастными, и все это сделаю рукой пришельцев».

Джессика закрыла глаза, чувствуя, что патетика вот-вот заставит ее прослезиться.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Пол.

Она поняла, что его вопрос относится к ее беременности, и ответила:

— Твоя сестра родится еще через много месяцев. Я чувствую себя соответствующе.

И она подумала: «До чего же сухо отвечаю я собственному сыну!» Потом, поскольку в обычаях Бене Гессерит было объяснять сомнения, она поискала причину этой сухости и нашла ее! «Я боюсь своего собственного сына, я боюсь его силы, я боюсь того, что он может видеть будущее, я боюсь того, что он может сказать».

Пол надвинул капюшон на глаза, вслушиваясь в осторожные шорохи ночи. Его уши были полны собственным молчанием. У него зачесался нос. Он потер его, убрал руку и почувствовал сильный запах циннамона.

— Где-то неподалеку меланжевый спайс, — сказал он. Легкий ветерок тронул щеки Пола, заиграл складками его бурнуса. Но этот ветер уже не таил в себе угрозы бури. Пол уже научился чувствовать разницу.

— Надо спускаться вниз, — сказал он.

Джессика кивнула.

— Есть способ безопасно перебраться через открытые пески, — сказал Пол. — Свободные так делают.

— Черви?..

— Если мы здесь, у камня, соорудили бы тампер из фремкита, это заняло бы червя на некоторое время.

Она взглянула на залитую лунным светом пустыню между ними и другой грядой скал.

— Четыре километра займут много времени.

— Возможно. И мы преодолеем их, издавая лишь естественные звуки, те, что не привлекут внимания червя...

Пол изучал открытую пустыню, вопрошая свою память предвидения, исследуя туманные намеки в руководстве фромкит, которое находилось в аварийной сумке. Ему показалось, что было странным то, что его единственным чувством при мысли о червях был всепоглощающий страх. Но он знал — как будто это знание лежало на поверхности общих знаний — что черви требуют к себе уважения, а не страха, если... если... Он покачал головой.

— Эти звуки не должны быть ритмичными, — сказала Джессика.

— Да, если мы нарушим четкость наших шагов, ведь и сам песок передвигается время от времени. Черви не могут воспринимать каждый посторонний звук. И все же, прежде чем начать, нам следовало бы хорошенько отдохнуть.

— Где мы проведем день?

Пол указал влево.

— Там к северу тянутся отроги скал. Ветер часто дует в их сторону. Там должны быть глубокие пещеры.

— Не лучше ли нам сразу же приступить к делу? — спросила она.

Он встал и помог ей подняться.

— Ты готова к спуску? Прежде чем мы разобьем палатку, мне бы хотелось как можно ближе спуститься к краю пустыни.

— Вполне, — она кивком головы показала ему, что можно начинать спуск.

Поколебавшись, он поднял мешок, укрепил его за плечами и повернулся к обрыву.

«Если бы у нас были суспензоры! — подумала Джессика. — Было бы так просто прыгнуть вниз. Но, возможно, суспензоры относятся к тем вещам, которые привлекают червей, как силовое поле».

Она подошла к уступам, ведущим вниз, и за ними увидела расщелину, освещенную слабым лунным светом, которая спускалась к ровной площадке.

Пол начал спуск, двигаясь осторожно, но торопясь, так как лунный свет в любой момент мог исчезнуть. Они спускались в мир все более глубоких теней. Вокруг них очертания скал тянулись все выше к звездам. Уступы сузились до десяти метров в ширину на краю тусклого серого песчаного склона, который вел вниз, в темноту.

— Будем спускаться? — прошептала Джессика.

— Думаю, да.

Он проверил прочность поверхности ногой.

— Мы можем скатиться вниз, — сказал он. — Я первый. Подожди, пока не услышишь, что я уже внизу.

— Осторожнее.

Он ступил на склон и заскользил вниз по его мягкой поверхности почти до самого низа. Это место было расположено далеко от стены скал.

Внезапно послышались звуки сползающего песка позади него. Он попытался разглядеть что-нибудь в темноте склона, но его едва не сбила с ног лавина песка. Потом наступила тишина.

— Мама? — позвал он.

Ответа не было.

— Мама?

Он сбросил мешок, кинулся на склон, карабкаясь, копая, разгребая песок руками, словно сумасшедший.

— Мама! — он задыхался. — Мама, где же ты?

На него обрушилась вторая лавина песка, погребя его по пояс. Он с трудом освободился.

«Она попала под лавину, — подумал он. — Погребена под ней. Я должен успокоиться и работать очень осторожно. Она не может задохнуться сразу же. Она погрузит себя в бинду соспеншен, чтобы сохранить кислород. Она знает, что я отрою ее».

Пользуясь приемом Бене Гессерит, которому его научила мать, Пол успокоил дикий стук своего сердца, полностью очистил мозг, в котором можно было теперь писать слово на пустой грифельной доске. Все, даже самые маленькие повороты и особенности его спуска вниз возникли в его памяти, медленно проплывая в сознании, хотя на это потребовалось не более доли секунды реального времени.

Вскоре Пол двигался наискосок по склону, ощупывая песок, пока не добрался до стены уступа. Он начал осторожно копать в этом месте, стараясь избежать еще одного оползня, и внезапно наткнулся на ткань, откопал руку, а затем, осторожно, лицо.

— Ты слышишь меня? — прошептал он.

Ответа не было.

Он начал рыть быстрее, освободив плечи матери. Она лежала на его руках без дыхания, но он ощутил медленные удары сердца.

— Бинду соспеншен, — сказал он себе.

Он очистил ее от песка до талии. Положив ее руки себе на плечи, он заскользил вместе с ней по склону, сначала медленно, затем потянул ее так быстро, как мог, чувствуя, что песок пришел в движение.

Быстрее и быстрее толкал он ее, с трудом удерживая равновесие. Как только он очутился внизу, то тотчас же подхватил тело и, шатаясь, победил. Почти сразу же весь песчаный склон пришел в движение и покатился вниз с громким шипением, отражающимся и усиливающимся окружающими скалами.

Он остановился у выхода из расщелины, под которым метрах в тридцати ниже виднелись дюны, осторожно положил ее на песок и произнес слово, которое должно было вывести ее из состояния катаlepsии.

Джессика пробуждалась медленно, дыхание ее становилось все глубже.

— Я знала, что ты меня найдешь, — прошептала она.

Он оглянулся на расщелину и сказал:

— Может быть, я поступил бы более милосердно, не сделав этого.

— Пол!

— Я потерял мешок. Он сейчас лежит по крайней мере под сотнями тонн песка.

— Все?

— Запасы воды, стилтент — все! — Он дотронулся до кармана.—

Остался паракомпас, нож и бинокль. Мы можем как следует изучить то место, которое станет нашей могилой.

В это мгновение солнце поднялось над горизонтом где-то слева от расщелины. Пески открытой пустыни заиграли разноцветными красками. В укромных, спрятанных среди скал уголках затянули свои песни птицы. Но Джессика видела только застывшее от отчаяния лицо Пола. Нарочито презрительным тоном она сказала:

— И этому тебя учили?

— Неужели ты не понимаешь? — спросил он. — Все, в чем мы нуждаемся, чтобы выжить, похоронено под песком.

— Ты нашел меня... — теперь ее голос был мягким и рассудительным.

Пол сел на корточки. Он смотрел на расщелину и вновь образовавшийся склон, изучая его и отмечая то место, где песок был не так плотен.

— Если бы мы смогли изолировать и закрепить как-то небольшое пространство на склоне и проделать в нем отверстие, то может быть нам удалось бы проделать шахту к тому месту, где находится мешок. В этом нам могла бы помочь вода, но у нас недостаточно воды для... — он прервал себя, потом сказал: — Пена.

Джессика боялась пошевелиться, чтобы не нарушить ход его мыслей. Пол посмотрел на дюны, исследуя их не только глазами, но и обонянием, ища направление и, наконец, сосредоточился на темных пятнах на песке.

— Спайс, — сказал он, — он насыщен щелочью. И у меня есть паракомпас. Кислотность — одно из его достоинств.

Джессика села, опершись спиной о скалу. Пол встал, прошел по плотно утрамбованной ветром поверхности, которая тянулась по расщелине до пустыни. Она наблюдала за тем, как он идет, отмечая его манеру: шаг, пауза... шаг, пауза... скольжение. В его движении не было никакого ритма, который мог бы сказать убийце-червю о том, что кто-то движется по пустыне.

Пол дотянулся до пятна спайса, сгреб его холмик в складки одежды и вернулся к расщелине. Он ссыпал спайс перед Джессикой, сел на корточки и принялся с помощью лезвия ножа разбирать паракомпас. Последняя его часть легко отделилась. Пол снял с себя пояс, разложил на нем части компаса, снял коробку основного устройства. За ней последовал дисковый механизм.

— Тебе понадобится вода, — сказала Джессика.

Пол отсоединил трубку-улавнитель от своего костюма и вылил из нее воду в крышку компаса.

«Если не удастся, — подумала Джессика, — то сколько воды будет зря потеряно! — Хотя теперь это уже не имеет значения».

Глаза Джессики уловили движение над ними. Она посмотрела вверх

и увидела сидящих на краю расщелины ястребов. Они неотрывно глядели на открытую воду.

Пол снова закрыл паракомпас крышкой, оставив поднятой встроенную в него кнопку, что оставляло узкий проход для воды. Взяв в одну руку готовый к работе прибор, а в другую горсть спайса, Пол повернулся к расщелине и принялся тщательно изучать склон. Лишенное пояса, его одеяние мягко колыхнулось. Он медленно двинулся вверх по склону, разрывая плотные скопления песка. Вдруг он резко остановился и прижал спайса к паракомпасу и встряхнул инструмент. В том месте, где находилась вделанная в крышку кнопка, поднялась зеленая пена. Пол позволил пене упасть на песок, отчего в месте ее падения возникло небольшое углубление, после чего начал разгребать вокруг него песок. Джессика подошла к раю расщелины и спросила:

— Я могу помочь?

— Поднимайся сюда и копай, — ответил Пол. — Нам предстоит проделать отверстие глубиной примерно в три метра. — Пока он говорил, пена перестала капать из прибора.

— Быстрее, — сказал Пол. — Кто знает, как долго пена сможет удерживать песок.

Джессика вскарабкалась к Полу, а он в это время насыпал другую порцию спайса и встряхнул паракомпас. Из отверстия снова начала идти пена. Пол направил струю пены в песок, а Джессика обеими руками разгребала его и отбрасывала вниз по склону.

— Какая глубина? — спросила она, тяжело дыша.

— Около трех метров. И я лишь приблизительно могу определить направление. Может, нам придется расширить дыру. — Он упал, поскользнувшись на отброшенном песке. — Старайся захватывать большую территорию, не копай только вниз.

Джессика беспрекословно выполняла указания сына. Дыра медленно углублялась, но никаких следов мешка не было видно. «Мог ли я ошибиться в своих расчетах? — спросил себя Пол. — Ведь именно я поддался панике и допустил такую непростительную ошибку. Могло ли волнение повлиять на мои способности? — Он посмотрел на паракомпас. Осталось меньше двух унций кислоты.

Джессика стояла в яме и вытирала испачканные пеной щеки. Ее глаза встретились с глазами Пола.

— Верхний слой... — сказал Пол. — Осторожно. — Он добавил спайса в резервуар, направил струйку пены в нужное место, и Джессика снова начала разгребать песок в глубине ямы. По прошествии примерно секунды ее руки наткнулись на что-то твердое. Она откопала лямку мешка!

— Не трогай больше песок, — сказал Пол шепотом. — Пена кончилась...

Держась одной рукой за лямку, Джессика подняла к нему лицо. Отшвырнув паракомпас в сторону, Пол сказал:

— Дай мне другую твою руку. А теперь слушай меня внимательно. Я хочу постараться быстро вытащить тебя из ямы. Не отпускай лямку. Времени у нас нет: склон приходит в движение. Все, что я хочу, это убрать от песка твою голову. Как только дыра наполнится, мы сможем тебя откопать.

— Я понимаю.

— Готова?

— Готова. — Она изо всех сил вцепилась в лямку мешка.

Одним рывком Пол вырвал ее наполовину из ямы и прижал ее голову к себе. В это время, по мере того как высыхала пена — песок хлынул вниз. Когда яму засыпало, Джессика оказалась по плечи в песке. Ее левая рука и плечо полностью находились под песком. Плечо горело от сильного напряжения.

— Я держусь за лямку, — сказала она.

Медленно Пол запустил руку в песок и нащупал лямку.

— Держи лямку осторожно. Мы не должны ее разорвать.

Пока он тащил мешок, сверху осыпалась еще одна порция песка. Когда лямка оказалась на поверхности, Пол отпустил ее и освободил от песка мать. Вместе они откопали мешок и стащили его вниз по склону.

Через несколько минут они уже стояли внизу и держали мешок за лямки.

Пол посмотрел на мать. Пятна пены еще не высохли на ее лице, в некоторых местах к ним прилип песок. Она выглядела так, как будто в нее швыряли комья зеленого песка.

— Тебе не мешало бы умыться, — сказал с облегчением Пол.

— Ты тоже далеко не красавец.

Они начали громко хохотать, потом успокоились.

— Этого не должно было случиться, — сказал Пол. — Я был неосторожен.

Она пожала плечами, чувствуя, как от ее плаща отлетают комья песка.

— Я поставлю тент, — сказал Пол. — Лучше сними плащ и отряхни его. — Он повернулся и взялся за мешок.

Джессика устало кивнула.

— В камне уже продолблены дыры, — сказал Пол. — Кто-то ставил здесь палатку.

Место было удобное, расположенное глубоко среди скал как раз напротив другого утеса, находящегося от них в четырех километрах. Оно было достаточно высоко над уровнем песка, чтобы укрыться от червей, и в то же время достаточно близко, чтобы отдохнуть перед броском через пустыню.

Она обернулась и увидела, что Пол уже установил тент так, что его пологие края сливались с каменными стенами расщелины. Пол прошел мимо нее и поднес к глазам бинокль. Быстро настроив резкость, он нацелился на другой утес, в утреннем свете золотисто-коричневой стеной выступающий из песка.

Джессика наблюдала за тем, как он изучает апокалипсический пейзаж, ощупывая взглядом песчаные реки и каньоны.

— Там что-то растет, — сказал он.

Джессика нашла под тентом в мешке запасной бинокль и встала рядом с Полом.

— Там, — сказал он, держа в одной руке бинокль, а другой указывая вдаль.

Она посмотрела в том направлении.

— Сагуаро, — сказала она. — Зеленые растения пустыни.

— Поблизости могут быть люди.

— А может быть, это остатки ботанической исследовательской станции, — возразила она.

— Слишком далеко для станции.

Опустив бинокль, он потерял место под фильтровой перегородкой, чувствуя, как сухи и воспалены его губы, ощущая пыльный вкус жажды во рту.

— Похоже на стоянку Свободных, — сказал он.

— Ты уверен, что Свободные отнесутся к нам дружелюбно?

— Кайнз обещал их помощь.

«Но у людей этой пустыни существует власть воды, — подумала она. — Я почувствовала это сегодня на себе. Отчаявшиеся люди могут нас убить из-за нашей воды». Она закрыла глаза, и, заслоняя собой расстилавшуюся пустыню, в памяти ее возникли картины Каладана... Однажды, еще до рождения Пола, она совершила с герцогом Лето поездку по Каладану. Они пролетали над южными джунглями, над бурями зарослями сорной травы и рисовыми полями дельты. И они видели ползающих среди зелени муравьев — рабочих, ташивших свой груз на суспензорных коромыслах. А на воде показывались белые монетки одномачтовых судов. Все это было так давно...

Джессика открыла глаза и снова оказалась в тишине пустыни. Потеплевший воздух указывал на приближение дня. Над песком уже начали подниматься струйки нагретого воздуха. Ястребы улетели со скалы. Песок уже успокоился, но они все еще продолжали слышать его слабое шипение. Это шипение становилось все громче и постепенно перешло в звук, который никогда не забудешь, однажды услышав.

— Червь... — прошептал Пол.

Он появился справа с тем беззаботным величием, которое не может не привлечь к себе взора. Извивающаяся лента движущегося песка появилась в поле их зрения. Лента то поднималась, то опадала, как пена на воде. Она сместилась влево, потом исчезла.

Звук стал тише, затем снова пропал.

— Я видел космические крейсера, размеры которых гораздо меньше, — прошептал Пол.

Она кивнула, продолжая смотреть в глубь пустыни. Там, где прошел червь, осталась глубокая колея. Она тянулась перед их взором, удруча-

юще бесконечная, похожая на линию горизонта, перенесенную к ним издалека.

— Когда мы отдохнем, — сказала Джессика, — нужно будет продолжить наше путешествие.

Сдерживая внезапный приступ гнева, Пол сказал:

— Мама, не думаешь ли ты, что мы можем обойтись без...

— Сегодня ты подался панике. Возможно, что ты знаешь себя гораздо лучше, чем я, но о пранамускулатурной организации своего тела тебе предстоит еще кое-что узнать. Иногда тело реагирует на раздражение произвольно, и здесь, Пол, я смогу тебя кое-чему научить. Ты должен научиться контролировать каждый мускул своего тела. Мы начнем с пальцев. — Она повернулась. — А теперь идем под тент.

«Изучай свою руку!» Он посмотрел на руку. Какой жалкой она казалась по сравнению с таким существом, как червь!

Над горизонтом справа от них засветилась белая полоска, месяц. Вот он появился в небе, и их лиц коснулся его свет. Джессика принялась изучать песок, заблестевший серебристым цветом.

— Я воткнул тампер в самую глубокую часть расщелины, — сказал Пол. — Когда я введу его в действие, он даст нам тридцать минут.

В ПЛЕНУ У КОНТРАБАНДИСТОВ

— Так, значит, ты и есть великий Гурни Хэллек? — спросил человек.

Хэллек стоял в круглом помещении пещеры. Напротив него за металлическим столом сидел контрабандист. Человек носил одежду Свободных, но глаза его были лишь подсвечены голубым, что говорило, что в его рацион входит внепланетная еда.

Комната была устроена по образцу рубки командира космического фрегата: коммуникаторы и экраны вдоль изогнутой под 30 градусов стены, дистанционно управляемые орудия, удобные кресла, письменный стол в форме настенного прожектора.

— Я — Стабан Туек, сын Эсмера Туска, — сказал контрабандист.

— Значит, вы тот, кого я должен благодарить за оказанную помощь, — сказал Хэллек. — Садись.

Выдвигающееся сиденье типа корабельного появилось из стены, и Хэллек со вздохом облегчения опустился на него, сразу почувствовав, как он измучен. Теперь он мог видеть свое лицо, отражающееся в темной поверхности экрана за спиной контрабандиста. Маска усталости на бугристом лице заставила его нахмуриться. Хэллек отвернулся от своего отражения и посмотрел на Туска. Он видел в его лице разительное сходство — темные, нависающие брови отца, крупные щеки и нос.

— Ваши люди сказали мне, что ваш отец мертв, убит Харконне-
нами,— сказал Хэллек.

— Харконненами или предателем из ваших людей,— ответил Туек.
Гнев искажил усталое лицо Хэллека. Он выпрямился и спросил:

— Вы можете назвать имя предателя?

— Мы не уверены...

— Зуфир Хават подозревал леди Джессику.

— А, колдунью Бене Гессерит... возможно. Но Хават теперь в плену
у Харконненов.

— Я слышал...— Хэллек глубоко вздохнул.— Похоже, что самое
страшное для нас еще впереди.

— Вы не должны привлекать к себе внимание,— сказал Туек.

Хэллек окаменел.

— Но...

— Ты и твои люди, которых мы спасли, можете найти убежище
среди нас,— сказал Туек.— Ты говоришь о благодарности. Отлично.
Отработаете нам свои долги, мы всегда найдем, как использовать цен-
ных для нас людей. Но если вы открыто выступите против Харконненов,
мы вас уничтожим.

— Но они убили твоего отца, дружище!

— Возможно, и если это так, то я отвечу словами моего отца, как он
отвечал тем, кто действовал не думая: «Камень тяжел, и песок весит не-
мало, но ярость глупца тяжелее их обоих».

— Ты хочешь сказать, что ничего не предпримешь, чтобы
отомстить?— фыркнул Хэллек.

— Разве ты слышал, чтобы я так сказал. Я говорил, что только буду
поддерживать наши контакты с Союзом. Союз требует, чтобы мы вели
себя осторожнее. Есть другой путь уничтожения врага.

— А-а-а...

— Вот именно: а-а-а! Если ты хочешь разыскать колдунью, мо-
жешь разыскивать. Но я хочу тебя предупредить, что, возможно, ты
опоздал... И потом, мы сомневаемся, что она — именно та, кто тебе
нужен.

— Хават редко ошибается...

— Хават позволил себе попасть в лапы Харконненов.

— Вы думаете, что он предатель?

Туек пожал плечами.

— Это только предположение. Мы думаем, что колдунья мертва. По
крайней мере так считают Харконнены.

— Похоже на то, что вам много известно о Харконненах.

— Намеки, слухи и предположения...

— Нас семьдесят четыре человека,— сказал Хэллек.— Если вы
серьезно хотите, чтобы мы завербовались к вам, то мы должны быть уве-
рены в том, что герцог мертв.

— Его тело видели.

— И мальчика тоже?.. Юного мистера Пола? — Хэллек попытался глотнуть, но в горле у него застрял комок.

— Согласно последнему полученному сообщению, он потерялся вместе со своей матерью в пустыне во время бури. Вряд ли даже их кости будут когда-нибудь найдены.

— Значит, колдунья мертва... и все мертвы...

Туек кивнул.

— И тварь Раббан, как говорят, снова сядет на место правителя Дюны.

— Граф Раббан из Лашкивейля?

— Да.

Хэллеку пришлось проявить нечеловеческие усилия, чтобы подавить приступ гнева. Тяжело дыша, он проговорил:

— С Раббаном у меня свои счеты. Я должен ему за жизнь моей семьи... — Он потер шрам на подбородке. И за это...

— Ради того, чтобы свести счеты с одним — всем не рискуют, — сказал Туек. Нахмурясь, он наблюдал за тем, как дергаются мускулы на лице Хэллека, и глаза его внезапно стали отчужденными.

— Я... знаю... знаю, — Хэллек глубоко вздохнул.

— Ты и твои люди могут работать за пределами Арракиса, служа нам. Есть много мест.

— Я освобождаю своих людей от любых обязательств передо мной. Они могут выбирать сами. Раз Раббан здесь, я остаюсь.

— Ты так настроен, что мы не уверены, захотим ли, чтобы ты остался.

Хэллек пристально посмотрел на контрабандиста.

— Вы сомневаетесь в моем слове?

— Нет...

— Вы спасли меня от Харконненов. Я хранил верность герцогу Лето не по великим соображениям. Я останусь на Арракисе с вами... или со Свободными.

— Высказана мысль или нет, она существует и имеет свою цену, — сказал Туек. — Ты вскоре обнаружишь, что грань между жизнью и смертью у Свободных слишком тонка.

Хэллек прикрыл глаза и почувствовал, как его захлестывает теплая волна.

— Где же тот бог, который поведет нас через землю пустыни и ее впадины? — пробормотал он.

— Живи не торопясь, и день твоего мщения придет, — сказал Туек. — Скорость — это изобретение шайтана. Уйми свою печаль — у нас есть способы отомстить. Есть три вещи, способные вернуть покой: вода, зеленая трава и красота женщины.

Хэллек открыл глаза.

— Я предпочел бы кровь Раббана Харконнена, струящуюся у моих ног. — Он посмотрел на Туека. — Ты думаешь, день придет?

— Мне мало известно о том, как ты встретишь свой завтрашний день, Гурни Хэллек. Я могу лишь помочь тебе встретить сегодняшний.

— Тогда я останусь у тебя до того дня, когда ты велишь мне отомстить за своего отца и остальных, которые...

— Послушай меня, воин, — сказал Туек. Он поддался вперед, пристально глядя на Хэллека. Лицо контрабандиста внезапно стало похоже на источенный ветром камень. — Вода моего отца... Я верну ее сам, своим собственным ножом!

Хэллек в свою очередь ответил Туеку пристальным взглядом. Лицо контрабандиста напомнило ему в эту минуту лицо Герцога Лето: вождя, смелого человека, уверенного в своем положении, в своем будущем, был похож на герцога... до Арракиса.

— Ты хочешь, чтобы мой клинок был рядом с твоим? — спросил Хэллек.

Туек сел свободнее и молча изучал Хэллека.

— Ты думаешь обо мне как о воине? — настаивал Хэллек.

— Ты — единственный из лейтенантов герцога, кому удалось спастись, — сказал Туек. — Ваш враг действовал ошеломляюще быстро, и все же ты вырвался из его лап. Ты ответишь ему таким же способом, той же хитростью, используя которую он нанес удар, поразив Арракис.

— А?

— Мы живем здесь только терпением, Герни. Арракис враждебен нам..

— Вы уверены в том, что говорите?

— Да.

— И Свободные так думают?

— Возможно.

— Ты сказал мне, что жизнь у Свободных может показаться мне тяжелой. Они живут в пустыне, в открытых песках?

— Кто знает, где живут Свободные. Для нас и центральное плато — не место для человека. Но я бы хотел поговорить подробнее о...

— Говорят, что Союз редко направляет спайсовые лихтеры в пустыню, — сказал Хэллек. — Но ходят слухи, что то тут, то там в пустыне можно найти зеленые участки, если только знаешь, где искать.

— Слухи! — фыркнул Туек. — Ты что, хочешь теперь выбирать между мной и Свободными? Мы располагаем относительной безопасностью. Наш съетч врезается глубоко в скалы: наши базы укрыты. Мы живем жизнью цивилизованных людей. Свободные же — это несколько банд, которые мы используем, как охотников за спайсом.

— Но они убивают Харконненов.

— И ты можешь узнать, чем это оборачивается. Даже сейчас за ними охотятся как за дикими животными с ласганами в руках, потому что у них нет защитных полей. Они истребляются. Почему? Потому что они убивали Харконненов.

- А Харконненов ли они убивали?
- Что ты имеешь в виду?
- Разве ты не слышал, что с Харконненами были сардукары?
- Еще один слух.
- Но погромы! Это непохоже на Харконненов. Погромы — напрасная трата сил.

— Я верю тому, что вижу своими глазами. Делай выбор воин: я или Свободные... Я обещаю тебе убежище и возможность пустить кровь, которую мы оба хотим увидеть. Будь в этом уверен. Свободные же предложат тебе только жизнь охотника.

Хэллек колебался, чувствуя в словах Туека мудрость и симпатию к себе и все-таки что-то настораживало его, вселяло в него тревогу.

— Доверяй своему опыту, — сказал Туек. — Чей опыт помог тебе и твоим людям выйти живыми из этой переделки? Кому они обязаны своей жизнью?

- Это точно, что герцог и его сын мертвы?

— Так считают Харконнены. Когда речь идет о подобных вещах, я склонен доверять Харконненам, — губы Туека тронула мрачная усмешка. — Но это единственное, в чем я им доверяю.

- Наверное ты прав, — сказал Хэллек.

Он протянул руку и согласно обычаю прижал палец к ладони. — Я вручаю тебе свою шпагу.

- Согласен.

- Ты хочешь, чтобы я убедил своих людей поступить также?

- Стоит ли позволять им принимать собственные решения?

— До сих пор они следовали за мной, но большая их часть — каладанцы по происхождению. Арракис, по их мнению, совсем не то, что им нужно. Здесь они потеряли все, что имели, кроме своих жизней. Сейчас я предпочел бы, чтобы они ршались сами.

— Теперь не время колебаться, — сказал Туек. — Им надо и сейчас следовать за тобой.

- Они нужны тебе, не так ли?

— Мы всегда нуждались в ценных бойцах, а сейчас больше, чем когда-либо.

- Ты принял мой клинок. Ты хочешь, чтобы я убедил их?

- Я думаю, они пойдут за тобой, Гурни.

- Будем надеяться.

- Конечно.

— Значит, в этом вопросе я могу принимать свое собственное решение?

- Да.

Хэллек медленно поднялся со своего сидения, чувствуя, что даже это движение отняло у него много сил.

- Что ж, пойду посмотрю, как они устроились.

- Поговори с моим квартирмейстером. Его зовут Дриск. Скажи ему,

что я хочу, чтобы вам были оказаны все почести. Я скоро сам к вам приду. Но прежде мне нужно проследить за погрузкой спайса.

— Удача ходит повсюду, — сказал Хэллек.

— Повсюду, но промедлений в нашем деле она не прощает.

Хэллек кивнул и тут же услышал слабое шипение и почувствовал, как в спину ему ударила струя воздуха, когда открылись, спрятанные в стене двери. Он повернулся и вышел из комнаты.

Он оказался в помещении, в которое помощники Туека проводили его людей. Это была длинная и очень узкая комната, переделанная из естественного углубления в пещере. Ровность стен указывала на применение для их обработки ласганов. Потолок был достаточно высок для того, чтобы служить продолжением изгиба скалы и обеспечить достаточный приток воздуха. Вдоль стен тянулись подставки и шкафы для оружия. Хэллек с гордостью отметил, что те из его людей, которые могли стоять, стояли, словно не знали усталости и поражения в бою. Среди них мелькали фигуры медиков, занимающихся ранеными. Слева стояли носилки и возле каждого раненого находился человек Атридесов.

Девиз Атридесов «Мы заботимся о своих людях!» стал вторым «я» и этих людей.

К Хэллеку подошел один из его лейтенантов, держа в руках девятиструнный бализет. Человек отсалютовал и сказал:

— Сэр, врачи говорят, что Маттаи безнадежен. У них здесь нет операционной, только медицинский пункт. Они говорят, что Маттаи долго не выдержит, а у него есть к вам просьба.

— Какая?

Лейтенант протянул ему бализет.

— Маттаи хочет, чтобы вы облегчили ему кончину, спев песню, сэр. Он говорит, что вы знаете, какую. Он часто просил спеть ее. — Лейтенант глотнул. — Ту, что называется «Моя женщина», сэр. Если вы могли бы...

— Я знаю. — Хэллек взял бализет и провел пальцем по струнам. Взяв мягкий аккорд, он обнаружил, что кто-то уже настроил инструмент.

Семеро его людей и один из контрабандистов склонились над одними носилками. При приближении Хэллека, один из его людей запел мягким голосом, исполняя знакомую мелодию:

Ты стоишь у окна, моя женщина.
Легкий стан за прозрачным стеклом.
И напоены твои руки
Золотистого солнца теплом.
Приходи ко мне...
Приходи ко мне, я хочу
Ощутить тепло твоих рук.
Для меня...
Для меня тепло твоих нежных рук.

Хэллек взял последний аккорд и подумал: теперь нас осталось семьдесят три.

НАПАДЕНИЕ ЧЕРВЯ

Был ранний вечер. Пол стоял возле стилтента. Расщелина, в которой он поставил свою палатку, была в глубокой тени. Он смотрел на противоположный утес за открытыми песками и думал, стоит ли ему будить спящую в палатке мать.

Дюны складками уходили вдаль от их убежища. Самые далекие из них казались такими темными, что походили на кусочки ночи, хотя она еще не наступила. И повсюду мертвящая неподвижность песков. Он искал глазами в этом замершем, неподвижном ландшафте какую-нибудь возвышенность, чтобы зацепиться за нее взглядом, но не видел ничего, кроме слабого дрожания начавшего отдавать тепло воздуха. Никакого, пусть даже чахлого, растения, которое могло бы отметить своим покачиванием направление ветра... Только дюны и утес вдали под пылающим серебристо-голубым небом.

«Что же там такое, если не покинутая исследовательская станция? — подумал Пол. — Что если там нет никаких следов Свободных, а растения, которые мы видели, оказались там чисто случайно?»

Под тентом проснулась Джессика. Она повернулась на спину и сквозь прозрачный край тента посмотрела на Пола. Он стоял к ней спиной, и что-то в его позе напоминало ей его отца. Она почувствовала, как поднимается в ней волна скорби, и поспешно отвернулась.

Она привела в порядок свой стилсют, освежила себя водой, поднялась и стряхнула с мускулов сонное оцепенение. Не оборачиваясь, Пол проговорил:

— Здешняя тишина не доставляет мне удовольствия.

«Как же сознание приспосабливается к окружающему, подумала она и вспомнила аксиому Бене Гессерит: «Под воздействием стресса сознание может переключаться в любом направлении — позитивном или негативном, туда и обратно. Рассматривайте эти состояния, как спектр, чья крайняя точка — это потеря сознания в негативном направлении, и гиперсознание — в позитивном. Возможность познания в целом зависит от тренированности в условиях стресса».

— Здесь можно было бы хорошо жить, — сказал Пол.

Она попыталась посмотреть на пустыню его глазами, ища удобства для жизни, которые таила в себе эта планета. Обнаруживая какую-нибудь особенность, она спрашивала себя, обратил ли на нее внимание Пол.

Она прошла мимо сына, поднесла бинокль к глазам и принялась изучать эскарп из скал вдалеке перед собой. Да, сагуаро и еще одно крошечное растение... и кустик мелкой травы, желто-зеленой в сумерках.

— Я сверну палатку, — сказал Пол.

Джессика кивнула, подошла к краю расщелины, откуда была видна вся пустыня, и направила окуляры бинокля влево. В той стороне виднелась котловина, сияющая белым светом, но окаймленная по краям грязно-коричневым. Эта котловина говорила еще об одном — о присутствии здесь воды! Время от времени через это белое сияние просачивался другой свет. Джессика опустила бинокль, поправила свой плащ и прислушалась к звукам, которые производил Пол.

Солнце опустилось еще ниже. Соляную котловину пересекали тени, они становились все гуще, и вот уже ночь рухнула на пустыню черным отвалом.

Звезды!

Она смотрела на них, чувствуя за спиной шаги Пола. Ночь сделала небесный свод выше и значительнее. Ее лица коснулось дуновение ветра.

— Скоро взойдет луна, — сказал Пол. — Мешок собран.

«Мы могли бы навеки исчезнуть в этом адском месте, — подумала она. — И никто бы об этом не узнал».

Ночной ветер поднял в воздух рой личинок и бросил ей в лицо. Она почувствовала целый ливень запахов.

— Понюхай, — сказал Пол.

— Я чувствую запах даже через фильтр, — сказала она. — Очень насыщенный. Но принесет ли этот запах воду? — она указала в сторону песков. — Огней искусственных сооружений не видно.

— Должно быть, Свободные скрываются в сьете за этими скалами.

Над горизонтом справа от них, засветилась белая полоска: месяц. Вот он появился на небе, и их лиц коснулся его свет. Джессика принялась изучать песок, заблестевший серебряным светом.

— Я воткнул тампер в самую глубокую часть расщелины, — сказал Пол. — Когда я введу его в действие, он даст нам тридцать минут.

— Тридцать минут?

— Прежде чем начнет вызывать червя.

— О, я готова идти.

Он отошел от нее, и она услышала шорох его движений из расщелины. «Ночь — это туннель, — подумала она. — Дыра в завтра, если только наступит это завтра». Она покачала головой.

Пол вернулся, взял мешок и начал спускаться к первой дюне. Достигнув ее, он остановился и прислушался к шагам своей матери. Он услышал шелест песка — собственный шум пустыни, сообщающий о безопасности.

— Мы не должны придерживаться определенного ритма ходьбы, —

сказал Пол. — Наблюдай, как я буду это делать. Так ходят по песку Свободные.

Он пошел вверх по дюне и по ее гребню.

Внимательно изучив его первые десять шагов, Джессика последовала за ним, подражая его движениям. Она увидела в них смысл: они должны напоминать шорохи песка, быть подобны ветру. Но мускулы противились неестественности этой походки: шаг... подтягивание ноги, ожидание... шаг, шаг... подтягивание.

Время тянулось медленно, обволакивая их своей паутиной. Скала впереди, казалось, совсем не приближалась, зато та, что осталась за их спинами, была по-прежнему рядом.

— Ламп! Ламп! Ламп! Ламп! — Звуки, похожие на барабанный бой, понеслись со скалы, которую они недавно покинули.

— Тампер! — прошептал Пол.

Звук слышался все с той же постоянностью, и они обнаружили, что очень трудно не попасть в его ритм.

— Ламп... ламп... ламп...

Они двигались по залитой лунным светом долине, сопровождаемые этими резкими барабанными звуками. Вверх и вниз по распластанным дюнам. Они все время ждали особого шелестящего звука. Но когда он возник, то был настолько слабым, что слился с шорохом их собственных шагов. Не останавливаясь, они повернули головы и увидели шевелящийся холм.

— Продолжай двигаться, — прошептал Пол. — Не оборачивайся.

От оставленной ими слева скалы разнесся рев ярости. Он был подобен звуковой лавине.

— Продолжай двигаться, — повторил Пол.

Он видел, что они достигли той невидимой части черты, на которой оба утеса казались на одинаковом удалении. Издали продолжал доноситься рев, рвущийся от скалы и разрывающий ночную тишину.

Они двигались все дальше... Боль в мускулах достигла той степени, когда каждое дальнейшее движение казалось немыслимым, но Пол видел, что скала перед ними делается все больше и больше.

Джессика двигалась чисто механически, усилием воли. Горло пересохло и болело, но доносившиеся звуки делали невозможной даже короткую остановку для глотка воды.

— Ламп... ламп... ламп... — Но вот шквал безумных звуков поглотил бой тампера.

— Быстрее! — прошептал Пол.

Джессика кивнула, понимая, что сын не может видеть этого ее движения и нуждается в звуковом подтверждении того, что она поняла, — чего необходимо потребовать от ее до крайности напряженных мускулов.

Скала перед ними сделалась совсем высокой, убегая до неба, и Пол

увидел около ее основания дорогу. Он ступил на нее, споткнувшись от усталости, и потерял равновесие. Гулкий звук всколыхнул песок. Пол отступил на два шага в сторону.

— Бум! Бум!

— Барабанные пески! — прошептала Джессика.

Пол вернул себе горизонтальное положение. Он быстро оглядел путь. До скалы было около двухсот метров, но он уже уловил приближающийся к ним шорох — звук, похожий на шелест ветра.

— Бежим! — закричала Джессика. — Пол, бежим!

Они побежали.

Барабанные пески под их ногами издавали грохочущие звуки. Но вот песок кончился, и они побежали уже по грохочущему гравию. На некоторое время бег дал облегчение их мускулам, в нем был ритм, который можно было понять. Но песок и гравий мешали ногам, а свист приближающегося червя становился все громче и теперь уже шквалом обрушивался на них.

Джессика упала на колени. Ею владела лишь усталость и ужас, внушенный дикими звуками. Пол рывком поднял ее на ноги. Они побежали рука об руку. В песке перед ними виднелось небольшое отверстие. Они пробежали мимо него и увидели невдалеке еще одно. Разум Джессики механически зафиксировал их после того, как они миновали эти дыры в песке. Вот еще одно проделанное ветром отверстие указывающее на камень с трещиной под ним. Еще одно. Скала! Они почувствовали под ногами твердую поверхность, и это ощущение надежной поверхности под ногами придало им сил.

Перед ними тянулась глубокая расщелина, убегающая вверх к хребту. Они карабкались по ней, цепляясь за трещины в ее стенках. Вой червя внизу умолк. Джессика и Пол обернулись и посмотрели вниз. Там, где начинались дюны, метрах в пятидесяти от подножия скалы, из песка, разбрасывая его в разные стороны, вставало что-то изогнутое, серебристо-серое. Оно поднималось все выше и превратилось в гигантскую вопрошающую пасть — круглую и черную дыру с блестящими в свете луны остриями. Пасть потянулась к узкой щели, где спрятались Джессика и Пол. В нос им ударил запах циннмонов. Лунный свет отражался от прозрачных зубов. Пол затаил дыхание. Джессика сидела, сжавшись в комок. Ей понадобилась концентрация всех ее сил, как Бене Гессерит, на то, чтобы подавить в себе этот изначальный ужас, накопленный поколениями страха перед неизведанным, которое угрожало поглотить все ее существо.

Пол же чувствовал нечто вроде подъема. В какой-то момент ему удалось преодолеть временной барьер, проникнув еще в одну неизвестную ему область. Он ощутил вокруг себя сплошную темноту, ничего кроме темноты не было перед его внутренним взором. Вместо того, чтобы напугать его, ощущение временной темноты вызвало гиперакселерацию остальных его чувств. Он понимал, что тщательно регистрирует хоть сколько-нибудь значащий аспект того, что поднялось из песка, ища его.

Рот существа был восьми метров в диаметре. Кристаллические зубы той формы, что он видел у крисножа, выделялись блестящим полукругом. Чудовище дышало корицей и кислотой.

Блеснув в свете луны зубами, червь ударил ими по скалам. Ливень песка и маленьких осколков посыпался в маленькую щель укрытия. Пол оттолкнул мать подальше в глубину расщелины.

Корица! Запах ее пропитывал каждую частицу окружающего их воздуха. «Что червь делает со спайсом?» — спросил себя Пол. Он вспомнил, как Льет Кайнз своими словами выдал связь, существующую между червем и спайсом.

— Бар-р-р-у-у-у-м!

Червь упал на песок и мгновение неподвижно лежал там, блестя зубами.

— Ламп... ламп... ламп...

«Еще один тампер», — подумал Пол. И снова тот же звук послышался справа от них. По туловищу червя пробежала дрожь, он снова зарылся в песок и казался извилистой грядой, тянущейся под дюнами.

Звук раздался снова. Существо нырнуло глубже, отползло и перевернулось. Сейчас о нем напоминало лишь шевеление песка и полоса между дюнами. Пол вышел из расщелины, наблюдая за тем, как эта полоса уходит в сторону, откуда донесся звук нового тампера. Джессика тоже прислушалась. Внезапно звук оборвался. Пол нашел трубку в своем стилсьюте и сделал глоток воды. Джессика непроизвольно сосредоточилась на его движении, но ее усталый измученный ужасом разум отказывался что-либо понимать.

— Он точно ушел? — прошептала она.

— Кто-то позвал его, — ответил Пол. — Наверное, Свободные.

Джессика почувствовала себя лучше.

— Он был так огромен...

— Не так, как тот, что проглотил наш топтер.

— Ты уверен, что это были Свободные?

— Они воспользовались тампером.

— Зачем им было нужно помогать нам?

— Может быть, они и не собирались помогать нам. Может, они просто подзывали червя.

— Зачем?

Ответ лежал на поверхности его сознания, но тем не менее отказывался сделаться ясным. Перед его внутренним взором промелькнуло что-то, имеющее отношение к лежащим в их мешке телескопическим палкам с крючками — хукам. Создателя.

— Зачем им нужно подзывать червя? — спросила Джессика.

Дыхание страха коснулось разума пола и он вынудил себя отвернуться от матери и посмотреть на верх, на утес.

— Нам лучше всего подняться туда до наступления дня. — Он указал вниз. — Те дыры, около которых мы пробежали... их там много.

Она проследила за направлением его руки и увидела дыры — целая цепочка вислась от подножия утеса к нависшему над ними краю расщелины.

— Они отмечают путь к вершине утеса, — сказал Пол.

Он взвалил на спину мешок и начал карабкаться на утес. Джессика подождала несколько мгновений, восстанавливая ритм дыхания, и последовала за ним.

Они карабкались вверх, следуя указующим лункам до тех пор, пока уступ не сузился, переходя в устье темной расщелины. Пол наклонил голову, заглядывая в ее мрак. Он чувствовал, как непрочна опора и силой воли заставил себя не спешить. В расщелине он ощущал только темноту. Один конец расщелины резко обрывался вниз, а другой уходил к звездам. Пол внимательно вслушивался, но слух его уловил только привычные звуки: шелест песка, жужжание насекомого, топот какого-то маленького существа. Он осторожно шагнул вперед и подал матери знак следовать за собой. Схватив ее за край плаща, он помог ей перебраться к нему.

Они оказались в узком ущелье, образованном двумя выступами скал. В слабом свете звезд силуэт стоявшей рядом матери казался Полу серым облаком.

— Если бы мы могли рискнуть и воспользоваться освещением... — прошептал он.

— У нас есть другие чувства, кроме зрения.

Пол сделал шаг вперед, перенес тяжесть тела на выставленную ногу и нащупал какой-то выступ. Наступив на него, он обнаружил, что это ступенька и встал на нее уже обеими ногами. Еще ступенька...

— Они, наверное, идут до самого верха, — прошептал Пол.

«Ступени небольшие и ровные, — подумала Джессика. — Они, вне всякого сомнения, сделаны человеком».

Подражая осторожным движениям Пола, она стала подниматься вверх. Стены скал сузились настолько, что они едва не задевали их плечами. Ступени заканчивались очень узким выступом метров двадцати длиной, который выходил на небольшую, залитую лунным светом площадку.

Пол выбрался на край и прошептал:

— Какое прекрасное место!

Находящаяся на шаг ниже Джессика могла лишь с молчаливым изумлением смотреть на открывшуюся перед ними картину. Несмотря на страшную усталость, на неудобство, испытываемое от зажимов и тесноты стилсьюта, красота впадины подействовала на нее ошеломляюще, заставив застыть и влюбиться в нее.

— Как в сказке, — прошептал Пол.

Джессика кивнула.

Перед ними раскинулись заросли растений пустыни — Сагуарро. Они переливались в лунном свете и окружавшие их скалы казались темными слева и сербристыми в свете луны справа.

— Должно быть, здесь живут Свободные, — сказал Пол.

— Для того чтобы выжило такое количество растений, за ними должны ухаживать люди, — согласилась она.

Она глотнула воды из трубки костюма. Теплая, слегка отдающая кислотой жидкость смочила ей горло.

Когда она закрывала трубку, колпачок заскрипел от налипших на него песчинок.

Внимание Пола привлекло движение справа и снизу от них, ближе ко дну впадины. Сквозь кусты он увидел силуэты спящих по песку зверьков.

— Мыши! — прошептал он.

Что-то беззвучно пронеслось мимо них и ринулось на мышей. Раздался слабый вскрик, хлопнули крылья, и большая серая птица поднялась вверх и пролетела над впадиной, держа в когтях крошечное серое существо. «Мы нуждались в подобном напоминании», — подумала Джессика.

Пол продолжал наблюдать за впадиной. Он втянул в себя воздух и почувствовал чуть заметный запах шалфея. Теперь во впадине стало так тихо, что движение лунного света вдоль кустов было почти осязаемым.

— Нужно найти пригодное для установки тента место, — сказал он. — Завтра мы попытаемся найти Свободных, которых...

— Многие незванные гости, попавшие сюда, жалели о том, что нашли Свободных!

Это был низкий мужской голос. Он шел сверху и справа от них. Говоривший, ясно произносил каждое слово.

— И не бегите, пожалуйста, незванные гости, — продолжал он, заметив сделанное Полом движение. — Если вы побежите, то лишь напрасно расплесчете воду, заключенную в ваших телах.

«Мы нужны им ради воды, находящейся в нас», — подумала Джессика. Ее мускулы сразу же забыли об усталости, придя в состояние максимальной готовности. Она точно определила место, откуда шел голос.

Слева от них послышался другой голос:

— Быстрее, Стил. Бери их воду и продолжим наш путь.

Время остановилось. Теперь они были пленниками Свободных, единственным интересом которых была вода, находящаяся в их незащищенных телах.

Человек полз по гребню дюны — пылинка, пойманная в жаркие сети полуденного солнца. На нем не было ничего, кроме остатков джабба-плаща, и тело его просвечивало сквозь дыры. Капюшон плаща был оторван, но человек соорудил из обрывков одежды нечто вроде тюрбана. Из него торчали клочья соломенных волос, а на лице — такого же цвета борода и густые брови. Под голубыми, без белка, глазами виднелись большие темные пятна.

Человек остановился на полпути к вершине дюны. На его спине, руках и ногах виднелись пятна крови. На раны налипли комочки желто-серого песка.

— Я Льет Кайнз,— сказал он, обращаясь к пустому горизонту хриплым голосом.— Я — планетолог Его Величества,— прошептал он.— Я — слуга этой земли.

Он качнулся и упал на бок, на твердую поверхность овечьей ветрами дюны. Его пальцы слабо перебирали песок.

«Я слуга этой земли», — думал он. Он создавал, что находится в полубессознательном состоянии, что ему следовало бы зарыться в песок, найти укрытие и спрятаться в нем. Но он все еще мог чувствовать полусладкий эфирный запах приспайсовых масс, находящихся где-то внизу под песком. Он знал, какую опасность таит в себе этот запах — это значит, что газы, находящиеся внизу, близки к тому, чтобы вырваться наружу. Нужно было быстрее уходить отсюда.

Его руки слабо заскребли по поверхности дюны. Солдаты Харконнена оставили его здесь без воды, считая, что если его не поглотит пустыня, то поглотит червь. Они посчитали это забавным — оставить его живым, чтобы планета сама убила его.

«Харконненам всегда было трудно убивать Свободных,— подумал он.— Мы не легко умираем, я должен был уже умереть, но до последней минуты я останусь экологом».

— Высшая задача экологии состоит в понимании последствий.

Голос поразил его, потому что он узнал его, и того, кому он принадлежал, уже не было в живых. Это был голос его отца, бывшего планетологом этой планеты до него.

— Как следует запомни это, сын,— сказал отец.— Тебе бы следовало подумать об этом до того, как ты попытался помочь сыну герцога.

«У меня бред», — подумал Кайнз. Голос, казалось, шел справа. Кайнз повернул голову, задев лицом песок, и посмотрел в ту сторону. Ничего, кроме изгибов дюн.

— Чем больше жизни в системе, тем больше укромных уголков на планете для этой жизни,— сказал отец.

«Почему он бродит вокруг?» — спросил себя Кайнз.

— Это улучшает способность окружающей среды быть пригодной для людей. Жизнь делает более доступным питательное вещество.

«Почему он все толкует об одном и том же? Я знал об этих вещах еще тогда, когда мне было десять лет».

Пустынные ястребы, пожиратели падали, начали виться над ним. Кайнз увидел, как на руку ему легла тень, и заставил себя поднять голову. Птицы казались размытыми пятнами в серебряно-голубом небе.

— Мы — сторонники реальности. Вокруг размытых проблем точных кругов не очертишь. Планетология убирает и создает.

«Что он пытается мне сказать?» — удивился Кайнз. Он снова упал шской на горячий песок и почувствовал запах раскаленных камней. В

каком-то уголке его сознания вспыхнула мысль: надо мной выются стервятники. Может быть, кто-нибудь из моих Свободных увидит их и придет мне на помощь.

— Для работающего планетолога самым важным инструментом является человеческое существо.

«Он повторяет то, что говорил мне, когда я был ребенком», — подумал Кайнз. Он начал ощущать озноб, но тот уголок его сознания, который еще продолжал логически мыслить, сказал ему: солнце стоит над самой твоей головой, у тебя нет стилсьюта и тебе жарко. Его пальцы слабо царапнули песок. «Они не могли оставить мне даже стилсьюта!»

— Присутствие влаги в воздухе помогает приостановить слишком быстрое испарение влаги с поверхности человека.

Он попытался подумать о воде. Он никогда не видел свободно текущей воды... орошающей воды...

— Самая главная цель на Арракисе состоит в создании зеленых насаждений. Когда мы получим запертую в ограниченном пространстве влагу, то сможем продвинуться в пустыню гораздо дальше.

«Он читает мне лекции», — подумал Кайнз. — Почему он не замолчит? Разве он не видит, что я умираю?»

— Ты сейчас умрешь, если не уйдешь от тех пузырей, что образуются сейчас под тобой.

Мысль о воде под ним была невыносима. Теперь он представлял ее себе: скрытую в пористой скале. Приспайсовые массы!

Он вдохнул в себя воздух и почувствовал противный сладковатый запах. Теперь он был гораздо сильнее, чем раньше.

Кайнз поднялся на колени и услышал пронзительный птичий крик. «Это спайсовая пустыня. Свободные должны бывать здесь при солнечном свете. Они конечно же увидят птиц и придут узнать в чем дело».

— Передвижение по местности необходимо для живых существ. Кочевники испытывают в нем постоянную потребность. Сейчас мы должны контролировать эти передвижения, приспособливать их к нашей цели.

— Заткнись, старик, — пробормотал Кайнз.

— Мы должны сделать на Арракисе то, что никто никогда раньше не пытался, — сказал отец. — Мы должны использовать человека, как конструктивную экологическую силу...

— Заткнись! — рявкнул Кайнз.

— Именно маршруты движения первыми дали нам ключ к установлению связи между червями и спайсом.

«Червь, — подумал Кайнз во внезапном приливе надежды. — Когда пузыри начнут взрываться, придет червь, Создатель. Как я смогу взобраться на Большого Создателя без хуков?»

Он почувствовал, как эти мысли отняли у него последние силы. Вода так близко — всего лишь в ста или около этого метрах под ним. Червь

неприменно придет, но нет возможности выманить его на поверхность и использовать для передвижения.

Кайнз снова распластался на песке, возвращаясь к состоянию глубокой депрессии. Он чувствовал, как песок жжет его левую щеку, но ощущение это было каким-то нереальным.

— Арракинская среда создает себя в эволюционных моделях, — сказал отец. — До чего странно, что очень незначительное количество людей за все это время заинтересовалось тем, что почти идеальное азотно-кислородное равновесие поддерживается здесь при отсутствии обширной растительности.

— Прекрати, пожалуйста, читать мне лекции, отец, — прошептал Кайнз.

Ястреб опустился на песок рядом с его рукой. Кайнз увидел, как он сложил крылья, наклонил голову и начал следить за ним. Он собрал все свои силы и крикнул на него. Птица отлетела на два шага, но продолжала наблюдать.

— Раньше человек с его деятельностью был язвой на теле планеты, — сказал отец. — Природа склонна к самолечению, тем более таких болезней.

Ястреб наклонил голову и снова расправил крылья. Он перенес свое внимание на вытянутую руку человека. Кайнз обнаружил, что у него нет больше сил отпугивать птицу.

— Историческая связь взаимных грабежей и вымогательств не останавливается здесь, на Арракисе. Нельзя годами продолжать воровство того, в чем нуждаешься, не принимая во внимание тех, кто придет после тебя. Физические качества планеты зависят от планов политиков и экономистов, и результаты этого очевидны — они перед нами.

«Он не может не читать лекций, — подумал Кайнз. — Лекции... всегда одни лекции».

Ястреб придвинулся ближе к вытянутой руке, рассматривая распростертую плоть.

— Арракис — одноурожайная планета. Один урожай в год. Он поддерживает правящий класс, в то время как человеческие массы — полуробы — живут в нищете. Наше внимание привлекают именно эти классы. Они заключают в себе большую силу, чем это можно предположить.

— Я не слушаю, — прошептал Кайнз и подумал: «Кто-нибудь из моих Свободных непременно должен быть поблизости. Они не могут не заметить выющихся надо мной птиц. Они придут сюда хотя бы для того, чтобы узнать, нет ли здесь влаги, пригодной к использованию».

— Массы Арракиса узнают о том, что мы работаем, чтобы наполнить эту землю водой. Большая их часть, конечно, имеет лишь полумистическое представление о том, как мы намерены это сделать. Но пока они верят нам, пусть думают как им угодно.

«Через минуту я встану и скажу ему все, что я о нем думаю. Читает мне лекции, когда мне нужно просто помочь!»

Птица приблизилась к руке еще на два шага. Два других ястреба опустились на песок рядом.

— Религия и закон должны быть для наших масс одним и тем же. Акт непослушания должен быть грехом и требовать религиозного наказания. Такая система принесет двойную пользу, дав нам людей как очень послушных, так и храбрых.

«Где мои люди, когда я в них больше всего нуждаюсь?», — подумал Кайнз. Он собрал все силы и сделал рукой движение в сторону птицы. Она отскочила к своим сородичам, и все они, расправив крылья, были готовы взлететь.

— Наш план направлен на как можно большее увеличение роста естественных явлений, — сказал отец. — Жизнь планеты — обширная фабрика со множеством цехов. Изменения животных и растений будут вызваны сначала рядом физических особенностей, которые мы запустим в действие. Но когда их системы уравновесятся, наша задача будет заключаться в постоянном контроле за их равновесием. Однако запомни, что мы должны держать под контролем только три процента энергии, чтобы не опрокинуть всю систему наших саморегулирующих структур.

«Почему ты не помолчишь? — удивился Кайнз. — Вечно одно и то же — когда я в тебе нуждаюсь, ты меня подводишь». — Он хотел повернуть голову и посмотреть в ту сторону, откуда слышался голос отца, но мускулы отказались повиноваться ему. Краем глаза Кайнз увидел, что ястреб снова двинулся вперед. Он все ближе и ближе подходил к его руке, а его сородичи ждали в мнимом безразличии. Ястреб остановился в одном скачке от руки. Сознание Кайнза сделалось вдруг глубоким и ясным. Он внезапно увидел такую возможность изменения Арракиса, которой никогда не видел его отец. Мысль о возможности идти отныне иным путем наполнила его счастьем.

— Для твоего народа не может быть ничего ужаснее, чем появление героя, способного стать вождем.

«Читаю твои мысли... ничего... пусть мои сообщения были посланы во все сьетч-деревни. Ничто этому не могло помешать. Если сын герцога жив, они найдут его и спасут. Они могут отказаться от его матери, но мальчика защитят».

Ястреб придвинулся еще ближе и оказался совсем рядом с рукой. Он наклонил голову, изучая эту руку, но вдруг резко выпрямился, расправил крылья и с негодующим криком взмыл в воздух и полетел прочь, сопровождаемый своими соплеменниками.

«Они пришли! — подумал Кайнз. — Мои Свободные нашли меня!»

Потом он услышал урчание песков. Каждый Свободный знал этот звук и мог отличить его от других, создаваемых червями. Где-то под ним приспайсовые массы впитали достаточное количество воды, и гигантские пузыри двуокиси углерода образовались глубоко в песках.

Ястребы, чьи планы были нарушены, кружили высоко сверху. Они

знали, что должно произойти. «Я — существо пустыни», — подумал Кайнз. Он почувствовал, как пузырь поднимает его вверх, раскрывается и пыльный вихрь поглощает его, увлекая в прохладную темноту. Потом, когда планета убивала его, Кайнз подумал, что отец и другие ученые ошибались: самыми постоянными законами Вселенной будут случай и ошибка.

Пол, подавив страх, посмотрел на мать. Своим зорким взглядом он разглядел ее готовность к схватке.

— Было бы жаль, если бы мы уничтожили вас без подготовки, — сказал голос, идущий сверху.

«Это тот, который заговорил с нами первым, — подумала Джессика. — Их по крайней мере двое — один слева и другой справа от нас».

— Сигноро хробоза сукарес хин манжела пхагавас дои ме камевас на беслас ле ле пал хробас!

Это крикнул человек, находящийся справа от них, по ту сторону впадины.

Полу эти слова показались тарабарщиной, но Джессика узнала этот язык. Это был чакобза, один из древних охотничьих языков, и человек говорил, что они, возможно, те самые люди, которых они ищут. Во внезапно последовавшей за этим тишине, показалась голубоватая луна. Сверху и с обеих сторон слышались слабые звуки, в лунном свете задвигались силуэты. Из тьмы задвигалось множество фигур. «Целый отряд!» — эта мысль болезненно кольнула Пола.

Высокий человек в пестром бурнусе подошел к Джессике, так что борода торчала наружу, а лицо и глаза прятались под выступом капюшона.

— С кем мы встречались — с джином или человеком? — спросил он.

Джессика услышала в его голосе нотки добродушия и позволила зародиться в душе слабой надежде. Это был голос человека, привыкшего повелевать — тот самый голос, что так напугал их, нарушив тишину ночи.

— С людьми, я уверен, — сказал второй человек.

Джессика скорее почувствовала нож, чем увидела. Мимолетное сожаление о том, что ни у нее, ни у Пола не было защитных полей.

— Вы тоже говорите? — спросил человек.

Джессика постаралась вложить в свой голос и манеры всю королевскую надменность. От ее ответа будет зависеть многое, но она недостаточно долго слушала этого человека, чтобы быть точно уверенной в том, что он достаточно цивилизован, чтобы понять это.

— Кто выскочил на нас из темноты, подобно преступникам? — требовательно спросила она.

Резкий поворот головы в капюшоне указал на охватившую человека напряженность, но он тут же расслабился. Человек хорошо владел собой.

Пол отодвинулся от матери, чтобы освободить для каждого из них достаточное место для предстоящего боя. Голова в капюшоне отреагировала на движение Пола, и в свете луны мелькнуло его лицо. Джессика увидела его острый нос, один блестящий глаз — без белка! — тяжелые брови и торчащие вверх усы.

— Подающий надежды юнец, — сказал человек. — Если вы бежали от Харкониснов, то, может быть, найдете у нас убежище. Это так, мальчик?

В голове Пола молнией мелькнула мысль: «Провокация!» Несомненно было немедленно принять решение.

— Зачем вам надо принимать беглецов? — спросил он.

— Ребенок, который думает и говорит как мужчина, — сказал высокий человек. — Что же, теперь, чтобы ответить на твой вопрос, мой юный друг, скажу тебе, что я тот, который не платит водную дань Харконненам. Вот почему я мог бы спрятать беглецов.

«Он знает, кто мы, — подумал Пол. — По его голосу слышно, что он что-то скрывает».

— Я — Стилгар, Свободный, — сказал высокий человек. — Может быть, это развяжет тебе язык, мальчик?

«Тот же самый голос», — подумал Пол. И он вспомнил Совет и этого человека, искавшего тело своего убитого друга.

— Я знаю тебя, Стилгар, — сказал Пол. — Я был на Совете вместе со своим отцом, когда ты пришел за водой своего друга. Ты ушел с человеком моего отца — Дунканом Айдахо, вы были тогда друзьями.

— И Айдахо покинул нас, чтобы вернуться к своему герцогу.

Джессика услышала в его голосе скрытую угрозу и приготовилась к обороне. Голос, идущий со скалы над ними, сказал:

— Мы теряем время, Стил.

— Это сын герцога, — рявкнул Стилгар. — Он, конечно же, тот, кого Льет приказал нам найти.

— Но это ребенок, Стил...

— Герцог был хорошим человеком и этот мальчик умен — как хитроумно он использовал твой тампер, чтобы отвлечь червя. Он проделал славный путь.

Джессика поняла, что этот человек исключает ее из своих мыслей. Вынес ли он уже ей приговор?

— У нас нет времени на испытание! — запротестовал голос над ними.

— И все же он может быть Лизан ал Гаибом, — сказал Стилгар.

«Они ждут знака!» — подумала Джессика.

— Но женщина... — сказал голос над ними.

Джессика опять приготовилась. В прозвучавшем голосе была смерть.

— Да, женщина, — сказал Стилгар. — И ее вода...

— Ты знаешь закон,— прогремел голос со скалы.— Тот, кто не может жить в пустыне...

— Спокойнее,— сказал Стилгар.— Времена меняются.

— Так приказал Льет? — спросил второй человек.

— Ты слышал голос силаго, Джемиз,— сказал Стилгар.— Почему ты давишь на меня?

И Джессика подумала: «Силаго!» Знание языка открывало широкие возможности к пониманию. Силаго означало — «летучая мышь», маленькое существо. Они получили приказ спасти ее и Пола!

— Я просто напоминаю тебе о твоей обязанности, друг Стилгар,— сказал голос сверху.

— Моя обязанность — думать о силе племени,— сказал Стилгар.— Это моя единственная обязанность. И я не нуждаюсь в том, чтобы мне кто-то напоминал об этом. Этот ребенок-мужчина интересует меня. У него наполненная плоть, он жил там, где много воды. Он жил далеко от Отца солнца. У него нет глаз ибада. И все же он не говорит и не делает ничего, что заставило бы забрать его воду. И его отец тоже. Как это может быть?

— Мы не можем стоять здесь и смотреть на них всю ночь,— сказал тот, кто стоял наверху.— Если патруль...

— Больше, Джемиз, я не буду приказывать тебе успокоиться.

Человек, стоящий наверху, замолчал, но Джессика слышала, как он начал спускаться вниз.

— Голос силаго сказал, что вы можете принести нам большую пользу,— произнес Стилгар.— Я вижу возможности, заключенные в этом мальчике-мужчине, он молод и может познавать. Но что можно сказать о тебе, женщина? — он пристально посмотрел на Джессику.

«Теперь я достаточно изучила его, чтобы влиять на его поступки,— подумала Джессика.— Я могла бы воздействовать на него словом, но он сильный человек, что ж посмотрим.»

— Я — мать этого мальчика,— сказала Джессика.— Частично — сила, которой вы восхищаетесь, результат того, чему я его учила.

— Могушество женщины может быть беспредельным,— сказал Стилгар.— Таково оно у Преподобной матери. Ты — Преподобная мать?

Отбросив в сторону все подтексты, Джессика ответила:

— Нет.

— Ты изучила дороги пустыни?

— Нет, но многие считают ценными мои знания.

— У нас собственное суждение о ценности знаний,— сказал Стилгар.

— Каждый человек имеет право на собственное суждение.

— Хорошо, что ты видишь причину,— сказал Стилгар.— Мы не должны задерживаться здесь и подвергнуть тебя испытанию, женщина. Ты понимаешь? Мы не хотим, чтобы нас мучила твоя тень. Я возьму с

собой мальчика-мужчину — твоего сына, и он будет пользоваться моей поддержкой, найдет убежище в моем племени. Но для тебя, женщина, нет места, ты понимаешь? Это правило, истислах, в интересах большинства. Разве этого недостаточно?

Пол сделал шаг вперед.

— О чем вы говорите?

Стилгар мельком взглянул на него и опять повернулся к Джессике.

— Если ты с раннего детства не приучена к тому, чтобы жить здесь, ты можешь принести гибель целому племени. Это закон, и мы не можем таскать с собой бесполезный груз...

Джессика начала действовать, упав на землю в притворном обмороке. Такое падение было вполне естественно для слабого пришельца из другого мира, и именно эта естественность ввела в заблуждение противника. Когда нечто очевидное возникает в другом ракурсе, нужно некоторое время на то, чтобы это осознать. Увидев по положению его правого плеча, что человека собирается вытащить оружие, Джессика проделала ряд молниеносных движений: прыжок, поворот, резкий удар, снова удар. Последовало мелькание развивающихся плащей — и вот она уже стоит у скалы, а человек беспомощно лежит у ее ног.

При повторном движении матери Пол отступил на два шага назад, а после того, как она напала на своего противника, нырнул в скалы. На его пути возник бородатый человек, метнувшийся вперед с каким-то незнакомым оружием. Пол вытянутой рукой нанес удар в нижнюю часть груди, отступил в сторону и ребром ладони ударил его по шее, выхватив оружие. Очутившись у скалы, Пол полез по камням наверх, засунув оружие за пояс своего плаща. Несмотря на незнакомую форму, он узнал его: пулевое оружие. Это давало еще несколько штрихов к пониманию того, что происходит в этих местах, объясняя частично, почему здесь не пользуются защитными полями. «Они сконцентрируют все внимание на матери и том парне. Она сможет отвлечь их огнем, дав матери возможность для отступления».

Из долины доносились резкие звуки шелкающих затворов. Вокруг него засвистели пули. Он скользнул за выступающий камень и оказался в естественном окопе — вертикальной трещине. Он начал медленно продвигаться вверх, скользя спиной по одной стене, а ногами по другой. До него донесся голос Стилгара:

— Назад, ты, вшивая голова! Если ты подойдешь ближе, она сломает мне шею!

— Парень удрал, Стил! Что мы...

— Конечно же удрал! Полегче, женщина!

— Вели им прекратить охоту на моего сына, — сказала Джессика.

— Они уже прекратили, женщина, как ты этого хочешь. Великие боги! Почему ты не сказала, что ты таинственная женщина-боец?

— Вели своим людям отойти, — сказала Джессика. — Вели им соб-

раться на дне впадины, где я могу их видеть... и тебе следует поверить, что я знаю, сколько их здесь.

И она подумала: «Сейчас самый сложный момент, но если этот человек настолько проницателен, как я считаю, то у нас есть шанс».

Продолжая лезть наверх, Пол обнаружил в одном месте уступ, на котором можно было сидеть, наблюдая за происходящим внизу. До него донесся голос Стилгара:

— А если я откажусь? Как ты сможешь... Уф!... Прекрати, женщина! Теперь мы не причиним тебе вреда. Великие боги! Если ты смогла это сделать с сильнейшим из нас, то ты стоишь в десять раз больше, чем твоя вода!

«Теперь испытание разума!» — подумала Джессика. Она сказала:

— Ты спрашивал о Лизане ал-Гаибе...

— Ты можешь быть человеком легенды, — прорычал Стилгар. — Но я поверю в это только после испытания. То, что я знаю сейчас, это то, что ты пришла с этим глупым герцогом, который... ой-е-ей!... Женщина! Если ты убьешь меня, я ничего не смогу сделать! Он был честным и храбрым, но было глупо подставлять себя под кулак Харконненов.

Молчание. Потом Джессика сказала:

— У него не было выбора. Но не будем спорить об этом. А теперь скажи своему человеку, который прячется за тем кустом, чтобы он перестал целиться в меня из своего оружия. Или я избавлю Вселенную от тебя, а потом и от него.

— Ты, там! — закричал Стилгар. — Делай, что она говорит!

— Но, Стил...

— Делай, что она говорит, червелиций, плоскоголовый, мерзкий помет! Делай, или я помогу тебя уничтожить! Неужели ты не видишь, чего стоит эта женщина!

Человек, сидящий в кустах, выпрямился и опустил оружие.

— Он повиновался, — сказал Стилгар.

— Теперь, — сказала Джессика, — как следует объясни своим людям, что я тебе нужна. Я не хочу, чтобы какой-нибудь горячий юнец допустил ошибку.

— Когда мы спускаемся в деревни и города, мы должны скрывать свое происхождение, смешиваясь с пеонами и захваченным народом, — сказал Стилгар. — Мы не носим оружия, ибо криснож — священен. Но ты — женщина, у тебя сверхъестественные возможности в рукопашной схватке. У нас были одни слухи и много сомнений, но нельзя сомневаться в том, что видел собственными глазами. Ты одержала верх над вооруженным Свободным — это оружие, которым нельзя не гордиться.

При последних словах Стилгара из кустов послышался звук движения.

— И если я соглашусь учить вас сверхъестественному способу такой борьбы?

— Ты будешь пользоваться моей поддержкой, как и твой сын.

— Как мы можем быть уверены, что все это правда?

Голос Стилгара потерял свой мягкий и уговаривающий тон, и в нем послышались нотки гордости.

— Мы, здесь, женщина, не носим бумаги и не подписываем контракты. Мы не даем по вечерам обещаний, которые нарушаются с рассветом. Когда человек говорит о чем-то, это и есть контракт. Как предводитель моего народа, я делаю его свидетелем. Учи нас этому сверхъестественному способу, и ты будешь пользоваться нашим уважением. Твоя вода смешается с нашей.

— Можешь ли ты говорить от имени всех Свободных?

— Сейчас — да! Но только мой брат Льет говорит от имени всех Свободных. Я же обещаю только тайну. Мой народ не станет говорить о вас ни в одном другом съезде. Харконнены силой вернулись на Дюну, и твой герцог мертв. Говорят, что вы двое погибли, попав в бурю. Охотник не ищет мертвых.

«Это частично обеспечивает нам безопасность,— подумала Джессика,— но разведка у Харконненов хорошо налажена и что помешает какому-нибудь предателю послать сообщение».

— Как я понимаю, за нашу поимку назначена награда,— сказала она.

Стилгар промолчал, и она почти физически ощутила роение мыслей в его голове, чувствуя, как напряглись его мышцы под ее руками. Потом он сказал:

— Я уже сказал: ядал слово, которое связало все племя. Теперь мои люди знают вашу ценность для нас. Что могут дать нам Харконнены? Нашу свободу? Ха! Ты же владеешь таква, а это дает нам больше, чем весь спайс в сундуках Харконненов!

— Тогда я научу вас этому способу борьбы,— сказала Джессика и почувствовала в своих словах вложенную в них ритуальную силу.

— Теперь ты отпустишь меня?

— Пусть будет так,— сказала Джессика. Она отпустила его и отошла в сторону, чтобы все, находившиеся в низине, были хорошо видны. «Это тест-машад,— подумала она.— Но Пол должен его изучить, даже если я умру ради того, чтобы дать ему эти знания».

В напряженном молчании Пол подался вперед, чтобы лучше видеть свою мать. Шевельнувшись, он услышал чье-то тяжелое дыхание над собой, увидел тень, едва заметную в свете звезд. Снизу послышался голос Стилгара:

— Эй, ты, там наверху! Прекрати охотиться за мальчиком! Он сам спустится.

Голос юноши или девушки ответил:

— Но, Стил, он не может быть далеко от...

— Я сказал, оставь его там, где он есть, Чани! Ящерицын помет! Человек, находившийся над Полом, тихо выругался:

— Называет меня ящерицыным пометом!

Но все же тень исчезла.

Пол снова перенес внимание на впадину и различил внизу тень Стилгара.

— Идите все сюда, — позвал Стилгар. Он повернулся к Джессике. — А теперь я спрошу тебя: как мы можем быть уверены в том, что вы выполните свою часть сделки? Это вы жили с бумагами и пустыми контрактами.

— Мы, Бене Гессерит, нарушаем свои клятвы не чаще, чем вы.

После долгого молчания раздался шепот:

— Ведьма Бене Гессерит!

Пол выхватил из-за пояса оружие и направил его на Стилгара, но тот продолжал стоять и смотреть на Джессику.

— Это легенда, — сказал кто-то.

— Говорят, что Шадоут Манес давал о тебе сведения, — сказал Стилгар. — Но такие важные вещи надо проверить. Если ты — Бене Гессерит, чей сын поведет нас в рай... — Он пожал плечами.

Джессика вздохнула, думая: «Итак, наша защитная миссионерия посеяла добрые семена религии даже в этой адовой дыре. Что ж, хорошо... Они помогут, а это самое главное, что они могут сделать.»

Джессика сказала:

— Праведница, принеся вам эту легенду, сделала это под влиянием карама и ийаз, чуда и пророчества. Это я знаю. Вы хотите увидеть знак?

В свете луны было видно, как напряглось ее лицо.

— Мы не можем терять время на ритуал, — прошептал Стилгар.

Джессика вспомнила карту, которую показывал ей Кайнз, объясняя ей лучший путь для побега. Казалось, это было так давно! Там было обозначено одно место с названием съетч Табр над ним и пометкой рядом: «Стилгар».

— Возможно, у нас будет время, когда мы придем в съетч Табр, — сказала она.

Эти слова потрясли его, как чудо, и Джессика подумала: «Если бы только он знал, к каким фокусам мы прибегаем! Должно быть, она была хороша эта Бене Гессерит из Защитной Миссионерии. Эти Свободные великолепно подготовлены к тому, чтобы в нас поверить».

Стилгар шевельнулся.

— Теперь мы должны идти.

Она кивнула, как будто давая знать, что они уходят с ее разрешения. Он посмотрел наверх, на утес, на то самое место, где прятался Пол.

— Эй, паренек, ты можешь спуститься! — Он снова посмотрел на Джессику и извиняющимся тоном сказал: — Твой сын слишком шумно поднимался. Ему предстоит многому научиться, чтобы не подвергать себя и нас всех опасности.

— Несомненно, мы можем многому научить друг друга. А пока нам лучше посмотреть, что стало с одним из ваших людей, который лежит вон там. Мой сын несколько неосторожно разоружил его.

Стилгар круто обернулся, так что его капюшон упал.

— Где?

— Вон, за теми кустами, — указала она.

Стилгар кивнул двоим Свободным.

— Посмотрите. — Он взглянул на своих людей, внимательно оглядывая каждого.

— Исчез Джемиз. — Он повернулся к Джессике. — Даже твой мальчуган знает сверхъестественные способы борьбы.

— И вы заметили, что мой сын не спустился вниз, как вы ему приказали, — ответила Джессика.

Двое людей, которых послал Стилгар, вернулись, поддерживая третьего, шедшего между ними, шатаясь и спотыкаясь. Стилгар бросил на них быстрых взгляд и снова посмотрел на Джессику.

— Сын слушает только тебя, да? Он знает дисциплину.

— Пол, можешь спускаться вниз, — сказала Джессика.

Пол выпрямился, сразу сделавшись видным в лунном свете и сунул оружие Свободного за пояс. Когда он повернулся, где-то за камнем перед ним возникла фигура. Пол увидел маленького человека в одежде Свободных. Его лицо выглядывало из капюшона, а из складок его одежды смотрело направленное на Пола оружие.

— Я — Чани, дочь Льста.

Голос был веселым, полным сдерживаемого смеха.

— Я бы не позволила причинить вреда людям моего племени.

Пол глотнул. Человек, стоящий перед ним, повернулся так, что полоска лунного света упала на его лицо, и Пол увидел миниатюрное личико и темные провалы глаз. Знакомые черты этого лица, повторяющие многочисленные видения Пола, настолько поразили его, что он застыл на месте. Он вспомнил сердитую запальчивость, с которой однажды описал это лицо из грез, сказав при этом Преподобной матери: «Я с ней встречу!» И вот это лицо было перед ним, но ситуация была совершенно иной.

— Ты был шумлив, как Шаи-Хулуд в гневе, — сказала она. — И ты выбрал самый трудный путь для того, чтобы взобраться сюда. Следуй за мной, я покажу тебе самый легкий путь вниз.

Он выбрался из расщелины, и следуя за развевающимся плащом незнакомки, начал спускаться вниз. Она неслась, как газель, порхая под камнями. Пол, чувствуя, как горят его щеки, радовался, что в темноте этого не видно. «Эта девушка! Она была подобно прикосновению судьбы.» Ему казалось, что горячая волна приподняла его и несет вперед.

И вот они уже стояли на дне впадины среди Свободных. Джессика с кривой усмешкой повернулась к Полу, сказав при этом Стилгару:

— Это будет хороший обмен знаниями. Надеюсь, ты и твои люди не испытывают гнева из-за того, что мы были вынуждены прибегнуть к насилию. Это было вызвано необходимостью. Вы были близки к тому, чтобы совершить ошибку.

— Спасать от ошибок — подарок рая, — сказал Стилгар. Он дотронулся до губ левой рукой, а правой вытащил оружие из-за пояса Пола и протянул товарищу. — Свой собственный пистолет получишь, парень, когда заслужишь его.

Пол хотел что-то возразить, но колебался, вспомнив, чему учила его мать: «Самое сложное — это начало».

— У моего сына имеется необходимое ему оружие, — сказала Джессика.

Она пристально посмотрела на Стилгара, вынуждая его подумать о том, каким образом Полу достался этот пистолет.

Стилгар посмотрел на человека, над которым Пол одержал победу — Джемиза. Тот стоял в стороне, опустив голову и тяжело дыша.

— Ты — трудная женщина, — сказал Стилгар. Он протянул товарищу руку и щелкнул пальцами. — Кушти бакка те.

«Опять чакобза», — подумала Джессика.

Человек передал ему два металлических квадрата. Стилгар провел по ним пальцами и прикрепил один из них к шее Джессики, а другой таким же образом к шее Пола.

— Теперь вы будете носить керчио из бакка, — сказал он. — Если нам придется разделиться, то вас узнают, как принадлежащих к сьетчу Стилгара. Об оружии поговорим в другой раз.

Он прошел вдоль шеренги своих людей изучая их, и отдал мешок Пола одному из них, чтобы тот нес его.

«Бакка, — подумала Джессика, узнав религиозный знак. — Бакка — плакальщик». Она чувствовала, что символическое значение Бакка — это то, что объединяет этих людей.

Стилгар подошел к молодой девушке, которая привела Пола в такое замешательство, и сказал:

— Чани, возьми этого ребенка-мужчину под свое начало. Береги его.

Чани тронула Пола за руку.

— Идем, ребенок-мужчина.

Пол, стараясь подавить гнев, сказал:

— Мое имя — Пол. Очень хорошо, что вы...

— Мы дадим тебе новое имя, мужчина, — сказал Стилгар. — Во время испытания разума.

«Испытание разума», — подумала Джессика. Внезапно желание сделать власть Пола неоспоримой пересилило над всеми чувствами и она крикнула:

— Мой сын прошел испытание Гомом Джаббаром.

По наступившей вслед за этими словами тишине она поняла, что поразила их в самое сердце.

— Мы еще многое не знаем друг о друге, — сказал Стилгар. — Однако, мы не можем больше ждать. Дневное солнце не должно застать нас на открытом месте. — Он подошел к человеку, над которым Пол одержал победу и спросил его: — Джемиз, ты можешь идти?

Тот недовольно пробормотал:

— Меня удивляет, что ему удалось это сделать. Я могу идти.

— Без глупостей, — сказал Стилгар. — Джемиз, ты вместе с Чани отвечаешь за безопасность этого юноши. Эти люди пользуются моей защитой.

Джессика пристально посмотрела на Джемиза. Это он возражал Стилгару в начале их встречи. Это его голос был напоен смертью. И Стилгар, по-видимому, хотел заставить Джемиза подчиниться себе.

Стилгар внимательно оглядел своих людей и позвал двоих:

— Ларрус и Феррух, вы будете замечать наши следы. Следите за тем, чтобы не осталось ни малейшего знака. Сейчас особый случай: с нами два человека, которые не прошли обучения. — Он обернулся, высвободив руку, и указал вдаль, за впадину. — Идите небольшими группами, с укрепленными флангами. Вперед! Мы должны быть у Пещерного Хребта до рассвета.

Джессика встала за Стилгаром, считая людей. Свободных было сорок. С ней и Полом их стало сорок два. Она подумала: «Они передвигаются, как военный отряд, и даже девушка».

Чани встала в шаг от Пола. В нем шевельнулось неприятное чувство, что он как будто пойман этой девушкой.

— Следи за тем, как ты идешь, — прошептала Чани. — Не задевай за кусты, если только не хочешь нас выдать.

Пол глотнул и кивнул головой.

Местом их назначения был съезд Табр.

— Мы хорошо идем, — сказал Стилгар. — Если Шан-Хулуд поможет нам, достигнем Пещерного Хребта до рассвета.

Джессика кивнула, сосредоточив внимание на своем состоянии и чувству внутри себя усталость. «Все они, — подумала она, — вся их культура развивается на основе жесткой военной дисциплины. Каким бесценным даром было бы это для отверженного герцога!»

Они достигли пещерной скалы перед самым рассветом, и, продвигаясь теперь по выступу ущелья, такому узкому, что идти приходилось боком, Джессика поняла, что Стилгар послал вперед дозорных. Она увидела их в тот момент, когда они начали взбираться вверх по скале.

Пол на ходу также поднял голову и увидел маленькие фигурки людей, как муравьев карабкающихся к тому месту, где на фоне серо-синего неба темнела узкая расщелина. Чани, подгоняя его, дернула за плащ и сказала:

— Быстрее, уже светает.

— Куда направляются эти люди, что лезут по скале, там, над нами? — прошептал Пол.

— Это охрана, — сказала она, — начинается день, торопись.

«Охрана остается снаружи, — подумал Пол. — Мудро. Но еще разумнее для нас подойти к этому месту отдельными группами». Меньше шан-

сов потерять весь отряд. На этом он прервал свои размышления и вспомнил страх, с которым его отец говорил, что Атридесы могут стать партизанским отрядом.

— Быстрее, — прошептала Чани.

Пол ускорил шаги, слыша шелест плащей за спиной. Они завернули за угол, где проход стал шире. Стилгар отступил в сторону, давая всем пройти, и наблюдая, как скрывается в низком, уходящем в скалу, коридоре его отряд.

— Быстро! — прошипел он. — Если патруль настигнет нас здесь — нас загонят, словно кроликов, в клетку.

Пол пролез в отверстие, сопровождаемый Чани. Он очутился в подземелье, освещенном нежным сероватым светом, льющимся откуда-то сверху.

— Ты можешь выпрямиться, — сказала Чани.

Он повиновался, внимательно изучая пещеру: глубокая и широкая, с потолком чуть выше человеческого роста, изгибающимся наподобие купола. Из темноты постепенно проступили силуэты членов отряда. Его мать подошла к нему и встала рядом, также изучая своих спутников. Он заметил, как она разительно отличается от Свободных, несмотря на одинаковое одеяние. Разница заключалась даже в манере ходьбы — в ее походке было столько силы и грации.

— Найди себе место для отдыха в стороне, ребенок-мужчина, — сказала Чани. — Вот еда. — Она вложила в его руки два тонких, склеенных друг с другом кусочка. От них исходил запах спайса.

Стилгар остановился за спиной Джессики и приказал группе людей, стоящих слева:

— Закройте проход и проверьте влагоуловитель. — Он обернулся к другим Свободным. — Лемил, займись глоуглобами.

Он взял Джессику за руку.

— Я хочу тебе кое-что показать, таинственная женщина. — Он повел ее на изгиб скалы, к месту, которое являлось источником света.

Джессика обнаружила, что смотрит в широкую щель, выходящую в другое подземелье, находящееся так высоко на скале, что из него открывался вид на другую впадину. Пещера была укрыта от взоров за стенами утесов. Кое-где виднелись чахлые группки растительности.

Пока она смотрела на залитую серым предрассветным светом впадину, над дальними вершинами поднялось солнце и залило бледно-желтым светом скалы и песок. Джессика отметила, с какой стремительностью встает над горизонтом солнце Арракиса.

«Это из-за того, — подумала она, — что люди не хотят, чтобы оно всходило. Ночь безопаснее дня». Потом ею вдруг овладело безумное желание увидеть радугу. «Я должна сдерживать подобные эмоции, — подумала она. — Они — проявление слабости, а я не могу себе это позволять».

Стилгар тронул ее за рукав и указал на низину:

— Там ты увидишь истинных друзей.

Она посмотрела в указанном направлении и увидела там движение: люди в низине разбегались от дневного свста, прячась в тени противоположного хребта. Она достала из плаща бинокль и настроила резкость на нужное расстояние.

— Это наш дом, — сказал Стилгар. — Мы будем там к ночи. — Он тербил свои усы. — Мои люди задержались на работах... Это означает, что поблизости нет патрулей. Позже я им дам знак, и они приготовятся к нашему прибытию.

— Ваши люди проявляют хорошую дисциплинированность, — отозвалась Джессика. Она опустила бинокль, заметив, что Стилгар смотрит на нее.

— Они повинуются закону сохранения племени, — сказал он. — И вождя мы выбираем тоже, следуя этому закону. Вождь — это самый сильный, тот, кто обеспечивает воду и безопасность. — Он перевел взгляд на ее лицо.

Она в свою очередь пристально посмотрела на Стилгара, отметив синеву его глаз, темные пятна возле них, пыльную бороду и усы, линию дыхательной трубки, отходящую от ноздрей и убегашую под стилсют.

— Поставила ли я под сомнение твоё положение вождя, испытывая тебя? — спросила Джессика.

— Ты не вызвала меня на посидинок.

— Но важно, чтобы вождь пользовался уважением отряда.

— Я могу справиться с любым из этих песчаных блох. Раз ты превосходишь меня, значит превосходишь любого из нас. Сейчас они надеются научиться у тебя сверхъестественному способу борьбы, а некоторые с любопытством ждут, бросишь ли ты мне вызов.

Она почувствовала, что на нее легло бремя выбора.

— Чтобы одержать победу в битве над тобой по всем правилам?

Он кивнул.

— Я не советую тебе это делать, потому что люди не пойдут за тобой. Ты — не дочь песков — они поняли это во время ночного похода.

— Практичные люди.

— Верно, — он посмотрел в сторону низины. — Мы знаем свои нужды. Но теперь, когда мы так близко от дома, мысли их только о доме. Мы очень долго отсутствовали, доставляя нашу долю спайса к свободным торговым судам этого проклятого Союза... чтобы лица их навсегда почернели!

Джессика, которая уже отвернулась от Стилгара, снова обернулась к нему.

— Союзу? Что общего имеет Союз с вашим спайсом?

— Это приказ Лъета. Мы знаем причину, но вкус ее нам неприятен. Мы даем взятку Союзу чудовищным количеством спайса с тем условием, чтобы нас не беспокоили спутники и никто не шпионил за нами с целью узнать, что мы делаем в пустыне Арракиса.

Она взвешивала каждое его слово, помня, что Пол говорил, что должна быть связь между Союзом и Арракинцами.

— И что же вы делаете в песках Арракиса такого, что другие не должны знать?

— Мы изменяем эту планету — медленно, но уверенно. С тем, чтобы сделать планету пригодной для жизни. Придет время... — он посмотрел в сторону низменности затауманившимися глазами, — и у нас тоже появится открытая вода, высокие зеленые растения, и люди, которые станут ходить без стилсьютов.

«Так вот какова мечта Льета», — подумала она и сказала:

— Уплата дани — это большая опасность. Аппетиты Союза могут быстро расти.

— Они и так растут, — сказал он. — Но такой путь самый безопасный для достижения нашей цели.

Джессика посмотрела в сторону низменности, пытаясь представить ее такой, какой ее видел Стилгар в своем воображении. Но она увидела только серую гряду утесов и какое-то неясное движение над скалами.

— А-а-а, — сказал Стилгар.

Вначале она подумала, что это машина патруля, потом поняла, что видит мираж — еще один ландшафт с песком, покрытым растительностью, а в середине его — длинный червь, путешествующий по поверхности с фигуркой Свободного на спине. Мираж исчез.

— Было бы гораздо лучше и нам поехать, — сказал Стилгар. — Но мы не можем пустить червя-Создателя в долину. Так что сегодня ночью снова придется идти пешком.

Из этих слов она поняла, что видела не мираж, а настоящего Свободного, путешествующего верхом на гигантском черве. Ей пришлось взять свои чувства под строжайший контроль, чтобы не выдать глубокой растерянности и ужаса, охвативших ее.

— Мы должны вернуться, — сказал Стилгар. — А то мои люди начнут подозревать, что я с тобой развлекаюсь. Многие и так уже завидуют тому, что я касался руками твоих прелестей во время нашей схватки в долине.

— Хватит об этом! — крикнула Джессика.

— Не надо обижаться, — сказал Стилгар, и в его голосе послышался холод. — У нас женщин не берут против воли... — Он пожал плечами. — Но с тобой и это условие лишнее.

— Не забывай, что я была женой герцога, — сказала она уже спокойно.

— Как пожелаешь. Пора закрыть и это отверстие. Сегодня люди нуждаются в особых условиях. Завтра у них будет мало времени на отдых.

Они оба замолчали. Джессика, не отрываясь, смотрела на солнечный свет. Она услышала в голосе Стилгара невысказанное предложение их других отношений, нежели просто расположение с его стороны. Нужна

ли ему жена? Она сознавала, что может согласиться стать его женой. Это был один из способов положить конец спору об авторитете Стилгара в племени — женщина поделила бы свою власть с мужчиной.

Но что тогда будет с Полом? Кто знает, какие здесь семейные устои? И что будет с ее еще не родившейся дочерью? Она полностью сконцентрировалась на своем будущем ребенке и проанализировала причины, по которым она позволила разрешить себе зачатие. Она понимала суть происходящего — она уподобилась тем, кому угрожает смерть, которые, желая достичь бессмертия, делают это посредством беременности. Побуждение к продолжению рода наполняет их силой.

Джессика посмотрела на Стилгара и увидела, что тот изучает ее и ждет ответа. «Дочь, рожденная женщиной, ставшей женой этого человека... что ждет ее? — спросила она себя.

Стилгар прочистил горло, чтобы что-то сказать и вдруг обнаружил, что понимает некоторые мысли, которые она мысленно задает себе.

— Для вождя важнее всего то, что делает его вождем. Это нужды народа. Если ты научишь меня своей силе, то придет время, когда один из нас изменит облик другого. Я предпочел бы такой путь.

— А есть несколько путей? — спросила она.

— Сайадина. Наша Преподобная мать стара.

«Их Преподобная мать стара!»

Прежде, чем она осознала его слова, он сказал:

— Я не обязательно хочу предлагать тебе себя как мужчину. Не из личных чувств, хотя ты мне нравишься и я желаю тебя. Но если бы ты стала одной из моих женщин, то некоторые молодые мужчины начали бы считать, что я слишком много думаю об утехах плоти и слишком мало о делах племени. Даже сейчас они слушают и наблюдают за нами.

«Человек, который взвешивает свои поступки — всегда думает о последствиях» — пронеслось в голове у Джессики.

— Среди молодых мужчин есть и такие, которые достигли буйного возраста. С ними приходится обращаться с пониманием, подликатнее. Я не должен давать повода для того, чтобы они плохо думали обо мне или еще хуже, стали во мне сомневаться. Если дойдет до этого, то сразу же в племени возникнут распри, которые могут привести к междоусобице. А этого вождь не должен допустить. Ведь вождь — это тот, кто делает из толпы разумную группу людей. Он должен рассматривать каждого человека как личность, и тогда неуправляемое стадо людей превращается в дружную семью.

Его слова, глубина его рассуждений, тот факт, что он обращается не только к ней, но и к тем, кто слушает его тайно, заставили Джессику изменить свое мнение о Стилгаре. «Это незаурядный человек, — подумала она. Где он так научился сохранять внутреннее равновесие, так владеть собой?»

Между тем Стилгар продолжал:

— Закон, который требует выбора вождя по обычаям племени — это

только закон. Но из него вовсе не следует, что в отношении людей, избегающих вожда, все будет по справедливости. Главное, что нам нужно сейчас, так это время для накопления наших сил и распространения нашего влияния на большую территорию.

«Кто его предки? — подумала она. — Кто дал ему такое воспитание?» — и произнесла вслух:

— Стилгар, я тебя недооценивала.

— Каждый из нас, по-видимому, недооценивал другого. Мне бы хотелось, чтобы с этим было покончено и между нами возникла дружба и доверие. Мне бы хотелось достичь такой дружбы без всяких сексуальных отношений.

— Я понимаю.

— Ты доверяешь мне?

— Я слышу искренность в твоём голосе.

— Среди нас принято, — произнес он, — особо чтить Сайадину, если она не предводительствует в племени. Таких людей уважают. Они учат. Они поддерживают силу бога, — здесь он коснулся своей груди.

«Теперь я должна понять тайну их Преподобной Матери», — подумала Джессика.

— Ты говорил о вашей Преподобной матери... И я слышала о легенде и пророчестве, — сказала она.

— Говорят, что Бене Гессерит и ее сын держат в своих руках ключ к нашему будущему.

— Ты веришь, что это мы и есть?

Она наблюдала за его лицом и думала: «Молодые побеги так легко гибнут. Начинать всегда опасно».

— Мы не знаем еще этого.

Она кивнула, думая: «Он — честный человек. Он хочет получить знак от меня, но он не станет отдавать все на волю случая, рассказав мне, что он собой представляет».

Джессика обернулась и посмотрела на долину, раскрашенную в золотые и пурпурные тона. Внезапно она прониклась внутренним спокойствием. Она знала тайный смысл Защитной Миссионерии, знала как приспособляется текст легенды к существующим условиям, но тем не менее подозревала здесь какой-то подвох... как будто кто-то из Свободных извлекал выгоду из этой легенды.

Стилгар прочистил горло. Она почувствовала его нетерпение. Она понимала, что время идет, и люди ждут, когда все будет расставлено по своим местам. Для нее настала пора смелого поступка и она поняла, что ей нужно: сознание своей правоты, которая дала бы ей...

— Адаб, — прошептала она.

Ей показалось, что это слово заполнило ее сознание. Она полностью отдалась нахлынувшим чувствам, как бы пропуская сквозь себя это слово. Она не сопротивлялась натиску подступивших чувств.

— Ибн киртаиба, — сказала Джессика. — Место, где кончается

пыль.— Она высвободила из-под плаща руку, видя, как округляются глаза Стилгара. Она слышала в глубине пещеры шорох многих плащей.

— Я вижу Свободного с книгой Мудрости,— нараспев заговорила она.— Он читает ал-Лат солнцу, у которого он просит помощи и бросает вызов врагам. Он читает Садус Триал: «Мои враги подобны тем понишим былинкам, что стояли на пути бури. Неужели вы не видите деяний Господа Бога? Он наслал на них мор за то, что они затеяли против нас недоброс. Их планы подобны отраве, которые людские уста не примут».

Дрожь прошла по ее телу. Рука бессильно опустилась. Из глубины пещеры донесся шепот многих голосов:

— Их дело потерпело поражение.

— Огонь божий зажегся в моем сердце,— сказала она.

— Запылал божий костер,— послышался многоголосый ответ.

— Враги ждут,— сказала она.

— Би-ла каифа,— ответили они.

Во внезапно наступившей тишине Стилгар склонился перед ней.

— Сайадина,— сказал он.— Если позволит Шай-Хулуд, то ты сможешь пройти внутрь и стать Преподобной матерью.

Пол стоял рядом с Чани в глубине пещеры. Он все еще чувствовал привкус еды, которой его накормила Чани — кусок птичьего мяса и лепешка с примесью спайсового меда. И все это плотно завернуто в лист. По вкусу он понял, что никогда раньше не ел такой концентрированной еды со спайсовой эссенцией и на мгновение почувствовал страх. Он знал, что эта эссенция может с ним сделать — привести к спайсовому изменению организма, что толкнет его сознание к предвидению.

— Би-ла каифа,— прошептала Чани.

Он смотрел на нее, видя благоговейный страх, с которым Свободные внимали голосу его матери. Лишь человек, которого называли Джемизом, не принимал в этом никакого участия и держался поодаль, держа руки скрещенными на груди.

— Дай якха хин манге,— прошептала Чани.— У меня два глаза, у меня две ноги.

Она устремила на Пола полный удивления взгляд.

Пол глубоко вздохнул, пытаясь унять бурю в душе. Слова его матери дали толчок тем процессам, которые производила в нем спайсовая эссенция, и теперь он чувствовал, что слова его матери поднимались и опали в нем, словно пламя огромного костра. И несмотря на все это, он чувствовал в ее голосе крайний цинизм — он так хорошо знал ее! — Но ничего уже не могло остановить в нем процесса, начатого кусочком пищи. Ужасная участь!

Снова он ощутил свое расовое превосходство, чувство, от которого он не мог убежать. В его сознании возникла удивительная ясность, она наполнила потоком информации, несущем в себе холодную точность знания.

Он опустился на пол, прислонился к стене пещеры и полностью отдался нахлынувшим на него ощущениям. Знания хлынули в те временные напластования, которые позволяли видеть ему ту ужасную дорогу, время и ветры будущего...

Существовала опасность, он это чувствовал, перейти в это состояние полностью, и он был вынужден сдерживать свои ощущения, чувствуя, как расплывается угол познания.

Предвидение, как он это понимал, было чувством начала объединенных пределов, которые его скрывали. Волнами из входа в пещеру выплескивались варианты будущего. И в них он видел себя.

Видение заставило его полностью оцепенеть. Бесчисленные временные линии бежали прочь от этой пещеры, и в одной из них он увидел собственное мертвое тело, воткнутый в него нож, и кровь, льющуюся из раны.

Джессика проснулась в темноте пещеры, чувствуя движение Свободных вокруг нее. Кисло пахло стилсьютами. Внутреннее чувство времени сказало ей, что скоро ночь, хотя пещера была погружена в темноту, защищенная от пустыни пластиковыми чехлами, что позволяло сохранить внутри влагу их тел.

Она осознала, что позволила себе полностью отдаться великой усталости, признав тем самым свою уверенность в том, что со стороны людей Стилгара ей не грозит никакая опасность. Она повернулась в гамаке, сделанном из ее собственного плаща, опустила ноги на пол и сунула их в башмаки. «Я должна запомнить, как производится скольжение, чтобы во время ходьбы движения тела помогали движениям ног, — подумала она. — Как много всего нужно запомнить!»

Она все еще чувствовала привкус утренней еды, и ей пришло на ум, что время здесь находится в перевернутом виде: ночь была наполнена деятельностью, а день — отдыхом.

Она отцепила свой стилсьют от крюков в нише скалы, повозилась с ним в темноте, пока не нашла ворот плаща и скользнула в него. «Как же передать сообщение сестрам Бене Гессерит? — раздумывала она. — Следовало бы сообщить о двух беглецах в арракиском святилище».

В глубине пещеры загорались глоуглобы. Она видела движущиеся там фигуры людей, различила фигуру Пола, уже одетого с наброшенным на спину капюшоном, что позволяло ей видеть его орлиный профиль Атридесов. «Как странно он вел себя перед тем, как они отправились на отдых, — подумала она. — Он был подобен человеку, вернувшемуся к жизни, но не вполне еще осознавшему свое возвращение. Глаза его были полуоткрыты и устремлены внутрь в созерцании самого себя». Все это заставило ее думать о его предупреждении насчет спайсовой пищи.

Является ли это побочным эффектом? Он говорил, что здесь имеется какая-то связь с его способностью предвидения, но он был не до конца откровенен в рассказе о том, что видел.

Справа из тени вышел Стилгар и подошел к группе людей, стоящих под глоуглобами. Она заметила, как он перебирает свою бороду, каким решительным и по-кошачьи гибким он выглядит. Внезапный страх током прошел по спине Джессики, чувства ее снова обострились, воспринимая что-то необычное в собравшихся вокруг Поля людях — скупые движения, ритуальные позы.

— Они пользуются моим покровительством, — прогремел голос Стилгара.

Джессика узнала человека, к которому обращался Стилгар — Джемиз: по неестественной напряженности его плеч она поняла, что тот разгневан.

«Джемиз — человек, над которым Пол одержал победу», — пронеслось в мозгу у Джессики.

— Ты знаешь закон, Стилга? — сказал Джемиз.

— Кто знает его лучше! — ответил Стилгар, и она услышала в его голосе умиротворяющие нотки, попытку успокоить того, к кому он обращался.

— Я выбираю поединок, — проворчал Джемиз.

Джессика подошла к Стилгару и схватила его за руку.

— Джемиз требует своего участия в проверке легенды, — сказал Стилгар. — Это закон амтал.

— Сказано: она будет защищена мужчиной. Если ее защитник победит — это правда, — сказал Джемиз. — Но говорится о том... — Он оглядел напряженные лица людей. — Ей не понадобится защитник из Свободных, а это означает, что она приведет защитника с собой.

«Он говорит о поединке Пола с ним один на один», — подумала Джессика. Она выпустила руку Стилгара и шагнула вперед.

— Я всегда сама себя защищаю, — сказала Джессика. — Значение этих слов можно понять, если...

— Ты не должна говорить о своих правилах, — крикнул Джемиз. — Не говори о них, пока я не получу больших доказательств. Стилгар мог рассказать тебе утром, что тебе нужно нам сказать. Он мог полностью изменить ход твоих мыслей, чтобы ты, как попугай, повторила его слова нам, надеясь найти убежище среди нас!

«Я могу с ним справиться, но при их интерпретации легенды это могло бы привести к столкновению со всем племенем», — подумала Джессика. И снова она удивилась тому, какие причудливые формы приняли семена, посеянные здесь Миссионерией.

Стилгар посмотрел на Джессику и тихо, но так, чтобы все слышали, сказал:

— Джемиз — тот, кто несет в себе злобу, Сайадина, но твой сын уже одерживал над ним верх и...

— Это была случайность! — проревел Джемиз. — В долине Туоно действовали силы колдуньи!

— ... и я сам одерживал над ним верх,— продолжал Стилгар.— Он жаждет и мне снова бросить вызов. В Джемизе слишком много жестокости, чтобы из него когда-нибудь вышел хороший вождь. Свой язык он отдает законам, а сердце — злобе. Нет, из него никогда не выйдет хороший вождь. Я пожалел его тогда, потому что он хорошо в битвах, но когда он позволяет одерживать своему гневу над собой верх, он опасен для всего племени.

— Стилгар! — прохрипел Джемиз.

И Джессика поняла, что делает Стилгар — он пытается отвлечь весь его гнев на себя, чтобы отвезти угрозу от Пола.

Стилгар посмотрел Джемизу прямо в лицо, и Джессика снова услышала умиротворяющие нотки:

— Джемиз, он ведь мальчик, он...

— Ты сам назвал его мужчиной,— сказал Джемиз.— Его мать говорит, что он прошел испытание Гомом Джаббаром. Его полная воды плоть... Те, кто несли его мешок, говорят, что в нем литерьон воды. Литерьон! А мы наполняем наши пакеты, когда выпадет роса.

Стилгар посмотрел на Джессику.

— Это правда? В вашем мешке есть вода?

— Да.

— Литерьон?

— Да. Два литерьона.

— И что вы собираетесь делать с этим богатством?

Чувствуя холод в его голосе, она покачала головой.

— Там, где я родилась, вода падала с неба и бежала по земле широкими реками,— сказала она.— Там были океаны, такие огромные, что стоя на одном берегу вы не увидели бы другого. Я не воспитывалась в законах вашей водной дисциплины, я никогда раньше не думала о подобных вещах.

Вздых вырвался у группы стоящих рядом людей.

— Вода, падающая с неба, бегущая по земле...

— Разве ты не знаешь, что среди нас есть те, кто потерял воду из-за несчастного случая и теперь они будут томиться жаждой до нашего возвращения в Табр.

— Как же я могла это знать? — Джессика покачала головой.— Если им нужно, дайте им воды из нашего мешка.

— Ты так намеревалась поступить со своим богатством?

— Я намеревалась употребить его для спасения жизней людей.

Тогда мы принимаем твой дар, Сайадина.

— Тебе не купить нас водой,— проворчал Джемиз.— И тебе не удастся озлобить меня против тебя самого, Стилгар. Я вижу, ты пытаешься заставить меня бросить вызов тебе, чтобы им не пришлось подтверждать свое предназначение.

Стилгар посмотрел на Джемиза.

— Ты хочешь драться с ребенком...— голос его был тих, но полон гнева.

— Она должна быть защищена...

— Даже при том, что она пользуется моим покровительством?

— Я взываю к закону, — сказал Джемиз. — Это мое право.

Стилгар кивнул.

— Тогда, если мальчик тебя не убьет — ты предстанешь перед моим ножом. И на этот раз я не отдерну клинка, как сделал это раньше.

— Ты не можешь так поступить, — сказала Джессика. — Ведь Пол только...

— Ты не должна вмешиваться, Сайадина, — сказал Стилгар. — О, я знаю, что ты можешь одержать верх надо мной, но ты не можешь победить всех. Что должно свершиться, то и будет, таков закон.

Джессика смотрела на него, видя в зеленом свете глоуглобов непоколебимую твердость, застывшую на его лице. Она обернулась к Джемизу, прочитала жажду убийства в его глазах и подумала: «Мне следовало бы понять это раньше. Он из тех, кто не прощаст. Он из молчаливых, из тех, кто решает все бесповоротно. Мне следовало бы догадаться об этом раньше».

— Если ты причинишь вред моему сыну, — сказала она, — тебе придется встретиться и со мной. Я вызываю тебя уже сейчас. Я размажу тебя по стене.

— Мама, — Пол подошел к ней и потянул за рукав. — Может быть, если я объясню Джемизу, как...

— Объясню?! — фыркнул Джемиз.

Пол ничего не ответил, лишь молча посмотрел на него. Он не чувствовал страха. Джемиз казался ему таким неуклюжим, к тому же той ночью ему удалось так легко обезоружить. Но Пол еще ощущал в атмосфере присутствие временных связей, он еще помнил то пророческое видение, в котором лежал мертвым на полу пещеры, пораженный ножом. И чтобы избежать этого, у него было мало шансов.

Стилгар сказал:

— Сайадина, ты теперь должна отойти туда, где...

— Перестань называть ее Сайадиной! — сказал Джемиз. — Это еще нужно доказать. Да, она знает молитву, ну и что? Ее знает каждый наш ребенок.

«Он сказал достаточно, — подумала Джессика. — У меня уже есть к нему ключ, и я могла бы остановить его словом». — Она колебалась. — Но остановить их всех я не смогу.

— Ты мне за это ответишь, — сказала Джессика, изменив голос так, чтобы интонация его была жалобной в начале фразы и твердой в ее конце.

Джемиз молча смотрел на нее. Лицо его выражало явный испуг.

— Ты будешь долго страдать, — продолжала она тем же голосом. — Помни об этом, когда будешь драться. Ты узнаешь такое страдание, по сравнению с которым воспоминания о Гоме Джабаре покажутся тебе счастливыми. Все твоё существо будет корчиться от боли...

— Она пытается меня околдовать! — задыхаясь проговорил

Джемиз. Он поднес стиснутую в кулак руку к уху. — Пусть на нее падет молчание!

— Пусть будет так, — сказал Стилгар. Он бросил на Джессика предостерегающий взгляд.

— Если ты, Сайадина, заговоришь мы будем знать, что ты занимаешься колдовством и ты за это заплатишься.

Он кивком велел ей отойти.

Джессика почувствовала, как чьи-то руки подталкивают ее в сторону и хватка их далека от дружеской. Она увидела, что Пол оказался отделенным от нее толпой, увидела склонившуюся к нему Чани. Люди стояли так, что в центре их оказалась свободной круглая площадка. Были принесены дополнительные глоуглобы, и все они были включены так, чтобы светили на полную мощность.

Джемиз шагнул в круг, снял с себя плащ и кинул его кому-то в толпу. Он оказался в плотном сероватом стилсьюте, заклеенным во многих местах. На мгновение он припал ртом к трубке, глотнул воды и тут же выпрямился, освободился по частям от стилсьюта и бережно передал его в толпу, застыв в ожидании с крисножом в руке. Теперь на нем осталась только набедренная повязка и какая-то плотная ткань вокруг ног. В правой руке блестел криснож.

Джессика видела, что Чани помогает Полу, что она вложила в его руку такой же криснож и Пол принялся применять его к своей ладони. И тут она вспомнила, что Пол принялся примерять ее к своей ладони. И тут она вспомнила, что Пол владеет прана и бинду, изучил приемы рукопашного боя, что он прошел высшую школу борьбы, что его учителями были такие люди, как Гурни Хэллек и Дункан Айдахо, люди, ставшие легендой при жизни. Мальчику были известны хитроумные приемы Бене Гессерит. Пол выглядел вполне уверенно.

«Но ему только пятнадцать, — подумала Джессика. — И при нем нет защитного поля. Я должна это прекратить! Должен же быть какой-нибудь способ». Она подняла голову и увидела, что Стилгар наблюдает за ней.

— Ты не сможешь этому помешать, — сказал он. — И ты должна молчать.

Она поднесла руку ко рту, думая: «Я посеяла страх в сердце Джемиза. Может быть... Если бы только я могла молиться! Молиться по-настоящему... Истинному Богу!»

Теперь и Пол стоял в кругу. В руке он держал криснож, ноги были его босы. Айдахо не уставал предупреждать его: «Если ты опасаясь оступиться, лучше всего драться босиком».

Он повторил про себя слова данного ему Чани наставления: «После того, как Джемиз уклоняется от удара, он делает выпад вправо. Мы все знаем эту привычку. И он будет стараться ослепить тебя блеском своего ножа, чтобы после этого нанести удар. Он умеет драться обеими руками, следи внимательно за положением ножа. Но все это было ничто по срав-

нению с ощущением своей готовности к бою, воссозданием того, что он постигал во время тренировок день за днем и час за часом.

Память услужливо подсказала ему слова Гурни Халлека: «Тот, кто хочет хорошо владеть ножом, должен знать возможности любой его части: и острия, и лезвия, и рукоятки. Острие умеет резать, лезвие умеет колоть, рукоятью же в нужный момент можно нанести и смертельный удар противнику.

Пол взглянул на свой крстонож. Узкая защитная полоса охватывала рукоять слегка прикрытую пальцами.

Джемиз стал продвигаться по кругу так, чтобы занять позицию напротив Пола. Пол пригнулся, сознавая, что он не окружен защитным полем, хотя был приучен сражаться под его невидимой охраной, с неуловимой быстротой реагировавшей на все его движения. Несмотря на постоянные предупреждения своих учителей о том, что наличие защитного поля не должно оказывать влияния на скорость атаки, Пол привык драться, ощущая поле вокруг себя, как неотъемлемую часть боя.

Джемиз выкрикнул ритуальный клич!

— Нож может ломать и крушить!

«Тогда он затупится», — подумал Пол.

Он успокоил себя тем, что у Джемиза тоже нет защитного поля, но тот ведь и не был приучен им пользоваться.

Пол пристально посмотрел на Джемиза. Его жилистое тело было похоже на скелет, обтянутый узловатой веревкой. В свете глоуглобов его нож отливал молочно-желтым цветом. Внезапный страх пронзил Пола. Он почувствовал себя одиноким и голым в кольце незнакомых людей. Дар предвидения обогатил его знания бесчисленными открытиями, питаемыми сильнейшими рудниками познания будущего. Но сейчас над всем этим огромным числом неизведанных дорог встала смерть! Он понял, что на исход боя в этой пещере может повлиять все, что угодно: кашель кого-то из наблюдающих, громкое слово, отвлекшее внимание, изменение в освещении ... «Я боюсь», — подумал с горечью Пол.

Он двинулся по кругу, навстречу Джемизу, медленно повторяя про себя заклинание Бене Гессерит против страха: «Страх убивает разум, страх делает неподвластными человеческие эмоции, страх может быть побежден, если человек этого сам желает». Как будто струя холодной воды омыло все его тело, и Пол почувствовал, что страх уходит из его души, как мускулы его напрягаются до предела в готовности к бою.

— Я окуну свой нож в твою кровь! — выкрикнул Джемиз. Не договорив последнее слово, он сделал выпад.

Джессика видела это быстрое движение и едва не задохнулась от внутреннего крика. Но там, куда Джемиз нанес удар, теперь была пустота, Пол же стоял за спиной Джемиза и эта спина перед ним представляла собой отличную мишень.

«Ну же, Пол, ну!» — мысленно крикнула Джессика.

Движения Пола были четкими и слаженными, но проделал он их

слишком медленно, так что это дало Джемизу возможность обернуться и отскочить в сторону. Пол отдернул руку с ножом и низко пригнулся.

— Вначале ты должен увидеть мою кровь! — крикнул он.

Джессика узнала в движениях сына ту медлительность, которую развивает защитное поле, и с горечью подумала о том, какой двойной смысл несет в себе его защита.

Тактика действий мальчика была отработана для проникновения через барьер защитного поля, но эти люди никогда не видели подобной манеры боя.

Чтобы нанести удар через силовую защиту требовалась ловкость и выучка, сочетаемая с безупречной координацией движений, так как все резкие выпады при нанесении удара парировались защитным полем.

«Понимает ли это Пол? — спросила она себя. — Он должен это понимать».

И снова Джемиз, блестя чернильно-черными глазами, ринулся в атаку. Тело его в свете глоуглобов казалось совсем желтым. И снова Пол увернулся, чтобы самому ответить ударом на удар. Но — увы! — слишком медленно.

Снова. И снова...

Каждый раз Пол опаздывал на какие-то доли секунды.

И Джессика увидела то, что, она надеялась, не заметил Джемиз. Парирующие движения Пола были автоматически точными, но каждый раз он совершал их под тем прямым углом, который понадобился бы, если часть удара Джемиза должна была помочь отражать защитное поле.

— Твой сын что, играет с этим глупым беднягой? — спросил Стилгар.

Прежде чем она успела ответить, он знаком велел ей молчать.

— Прости, ты не должна говорить.

Теперь фигуры дерущихся крутились внутри круга в бешеном танце. Джемиз держал рукой нож, чуть выдвинув вперед и вверх, так что кончик ножа казался приподнятым. Пол же пригнулся и держал нож направленным немного вниз. Джемиз снова прыгнул вперед, на этот раз цели точно туда, где стоял Пол.

Вместо того, чтобы сразу отпрянуть назад — Пол отпарировал удар лезвием своего ножа и сам молниеносно нанес ответный удар, лишь после этого резко отпрыгнув влево, мысленно благодаря Чани за полученное предупреждение.

Джемиз отступил за край круга, болезненно потирая руку, в которой держал нож. На мгновение из пореза показалась кровь и тотчас же пропала. Глаза его были широко раскрыты и смотрели вперед, не мигая. Два иссиня-черных провала изучали Пола с появившейся в них только сейчас осторожностью.

— А он ведь ранен, — пробормотал Стилгар.

Пол, пригнувшись и готовясь к новой схватке, крикнул, как учили его это делать на учебных тренировках.

— Будешь просить пощады?

— Ха!

В толпе возник сердитый ропот.

— Потихе! — громко сказал Стилгар. — Парнишка не знает наших правил. — Потом повернувшись к Полу, он проговорил: — При тахадди пощады не просят. Смерть ее окончание.

Джессика видела, как Пол с трудом сглотнул. Она подумала: «Ему никогда не приходилось вот так убивать человека... горячим от крови клинком. Сможет ли он это сделать?»

Джемиз снова двинулся по кругу, сжимая в руке криснож. Пол, не отрываясь от него взглядом, также переместился в левую сторону. Видения будущего вернулись к нему с прежней навязчивостью. Его новый дар говорил ему, что исход этой схватки еще не решен окончательно. Впереди было очень много туманных возможностей ее окончания, но он не различал в них ни одного ясного луча.

Вероятность накладывалась на вероятность, вот почему эта пещера лежала на его пути темным пятном. Она была подобна гигантскому порогу на рске, создающему ужасные водовороты

— Кончай его, парень, — прошептал Стилгар. — Не нужно с ним играть.

Пол двинулся дальше по кругу, полагаясь на свое чутье времени.

Теперь Джемиз, казалось, начинал понимать, что перед ним находится совсем не нежный пришелец из другого мира, легкая мишень для его крисножа, а опытный босс.

Джессика увидела, как по его лицу пробежала легкая тень отчаяния. «Вот когда он стал опаснее всего, — подумала она. — Теперь он испугался и способен на все. Он видит, что имеет дело не с ребенком, а с машиной, натренированной и настроенной с детства на проведение подобных схваток. Теперь в его душе пышно расцветет тот страх, который я в ней посеяла».

Джессика обнаружила, что в ней шевельнулось нечто вроде жалости к Джемизу — чувство, умиряемое сознанием той опасности, которая все же грозила ее сыну.

«Джемиз способен сейчас на все, на самый невероятный поступок», — сказала она себе, подумав при этом — удалось ли Полу трансформировать видение будущего, и если да, то использует ли он свои знания. Джессика не переставала отмечать каждое движение сына, видела каждую каплю пота на его лице, замечала с какой осторожностью он передвигается. И впервые с тех пор, как она узнала о даре Пола, она подумала, что этот дар не дал ему большой уверенности в своем будущем.

Движения Пола сделались более рациональными. Он кружил вокруг своего противника, но не атаковал его. Он заметил в нем страх. В ушах Пола зазвучал голос Айдахо: «Когда твой противник начинает бояться,

дай ему возможность развить это чувство, дай возможность времени поработать над ним. Пусть страх перейдет в ужас. Человек, обьятый ужасом, сражается сам с собой. Конечно, он и нападает безрассудно — это самое опасное в такой момент, но можно рассчитывать на то, что ошибка, которую он при этом сделает, будет роковой, ты же должен научиться тому, сразу же заметить эту ошибку и воспользоваться ею».

В толпе поднялся ропот.

«Они думают, что Пол играет с Джемизом, — подумала Джессика. — Они считают, что Пол безумно жесток». Но она почувствовала в восклицаниях людей и волнение, вызванное удовольствием от наблюдаемого ими зрелища. Она видела, как напряжение Джемиза все росло и росло. Ей было ясно, что недалек тот момент, когда он больше не сможет сдерживать себя.

И вот Джемиз высоко подпрыгнул и взмахнул правой рукой, но рука была пуста: криснож был молниеносно переброшен Чани. «Джемиз дерется обеими руками». В то же время память услужливо проанализировала и выбрала из его богатого опыта схваток способ защиты, подсказала ему, что нужно делать. «Сосредотачивай внимание на ноже, а не на руке, которая его держит», — любил говорить ему Гурни Хэллек. «Нож гораздо опаснее руки».

И Пол увидел ошибку Джемиза, ноги которого плохо спружинили, и он потерял равновесие, когда выходил из прыжка, который должен был отвлечь внимание Пола и скрыть переброс ножа в другую руку.

Если не считать рассеянного желтого света глюуглобов и чернильных глаз окружающих, все остальное походило на обычную учебную схватку, к которым Пол так привык.

Пол решил ответить Джемизу его же приемом. Он молниеносным движением перекинул свой нож в другую руку, скользнул в сторону и выбросил руку с ножом как раз туда, где оказалась грудь приземлявшегося Джемиза, и тут же отпрянул назад, глядя на то, как обмякает тело противника.

Джемиз рухнул, как подкошенное дерево, лицом вниз. Лишь один раз он вскрикнул и, приподняв лицо, посмотрел на Пола и застыл. Его мертвые глаза казались темными остекленевшими бусинками.

«Убийство острием лишено артистизма, — сказал однажды Айдахо Полу. — Но пусть тебя это не останавливает, когда плоть открывается для получения удара».

Люди, нарушив кольцо, устремились вперед, оттолкнув Пола. Вокруг Джемиза закипела какая-то деятельность. Потом группа людей торопливо отступила вглубь пещеры, унося с собой что-то, завернутое в плащ.

Тела на каменном полу больше не было.

Джессика начала пробираться к сыну. Ей казалось, что она плывет по морю, среди странной тишины. «Наступила ужасная минута, — думала она. Он убил человека, которого превосходил и умственно, и физически. Он не должен выражать радости от такой победы».

Наконец, она протиснулась через последнюю группу Свободных и оказалась на маленьком открытом пространстве, где двое бородатых людей помогали Полу одеть стилсьют.

Джессика пристально посмотрела на сына. Глаза Пола сияли. Он тяжело дышал и, казалось, оказывал милость своим помощникам, принимая их услуги.

— Надо же. Он сражался с Джемизом, а на нем нет ни единой царапины, — прошептал один из людей.

Чани стояла в стороне, не отрывая взгляда от Пола. Джессика видела восхищение и восторг на ее миниатюрном личике.

«Нужно сделать это сейчас, немедленно», — подумала она. Нахмурившись и придав голосу мрачный оттенок, она сказала:

— Та-а-ак ... Ну, и как ты чувствуешь себя в роли убийцы?

Пол застыл, словно пораженный невидимым ударом. Он встретил устремленный на него холодный взгляд матери, и его лицо потемнело от прилива крови. Бессознательно он посмотрел на то место, где только что лежало тело Джемиза.

Стилгар, вернувшийся из той части пещеры, куда унесли тело Джемиза, пробился через толпу и встал рядом с Джессикой. Сдержанно, но с оттенком горечи, он сказал Полу:

— Когда наступит время, и ты придешь испытать мое бурда, не думай, что будешь играть со мной так, как ты играл с Джемизом.

Джессика почувствовала, что ее слова и слова Стилгара проникли в сознание Пола, открыв ему тайный смысл произошедшего. Ошибка этих людей была для нее с Полом благом. Подобно тому, как это делал Пол, Джессика оглядела лица стоящих рядом людей и увидела то же, что и он: восхищение, да... и страх. А на некоторых — осуждение. Она посмотрела на Стилгара, поняла его фатализм, поняла, каким виделось ему это сражение.

Пол посмотрел на мать.

— Ты знаешь, я не мог поступить иначе, — сказал он.

Она услышала в его голосе сожаление, и поняла, что к нему вернулась способность мыслить здраво. Джессика обвела людей взглядом и сказала:

— Пол никогда раньше не убивал человека ножом.

Стилгар посмотрел ей в лицо. Взгляд его выражал недоверие.

— Я не играл с ним, — сказал Пол. Он встал рядом с матерью, надел плащ и посмотрел на темное пятно, оставшееся в том месте, где на каменный пол пролилась кровь Джемиза.

— Я не хотел его убивать.

Джессика увидела, что Стилгар начинает постепенно верить ему, напряженность исчезла с его лица и ее место заняло выражение облегчения. Судя по репликам окружающих их людей, пониманию коснулось и их.

— Так вот почему он спрашивал его, не попросит ли тот пощады? — сказал Стилгар. — Теперь я понимаю. Ваши пути иные, но мы видим в

них смысл. — Поколебавшись, он добавил: — И я больше не назову тебя мальчиком.

Чей-то голос крикнул:

— Нужно дать ему имя, Стилгар!

Стилгар кивнул, теребя бороду рукой, оплетенной сетью вен.

— Я вижу в тебе силу, подобную той скале, что поддерживает колонну. — Он опять помолчал, а потом добавил: — Тебя будут звать среди нас Узулom. Узул — это основание колонны. Это будет твоим тайным именем в отряде. Мы в сьетче Табр можем им пользоваться, но больше никто... Узул.

Среди людей послышался ропот:

— Это хороший выбор... он сильный... он принесет нам счастье...

Джессика почувствовала удовлетворение, зная, что в этих словах скрывается и ее победа. Теперь она была настоящей Сайадиной.

— Что ж, а каким мужским именем ты назовешь себя сам, чтобы мы могли обращаться к тебе открыто?

Пол посмотрел на свою мать, потом на Стилгара. Мельчайшие оттенки этой минуты были зарегистрированы его памятью предвидения, но сейчас они казались ему овеществленными, какой-то физической силой, проталкивающей его из будущего в узкую дверь настоящего.

— Как вы называете ту маленькую мышь, что умеет скакать? — спросил Пол, вспоминая быстрые скачкообразные движения мышей, виденные им в долине Туоно... Он проиллюстрировал свои слова движением руки.

В толпе людей послышались смешки.

— Мы назовем его Муаддиб, — сказал Стилгар.

У Джессики перехватило дыхание. Именно это имя назвал ей Пол, когда рассказывал, как примут его Свободные и как назовут. Внезапно она почувствовала страх перед своим сыном и страх за него.

Пол слотнул.

Он чувствовал, что играет эту роль, уже бесчисленное количество раз сыгранную им в его сознании. И все же различия были. Ему казалось, что его вознесли на головокружительную высоту те глубокие опыт и знания, запасом которых он обладал. А всё остальное было отделено от него пропастью.

И снова он вспомнил видение легионов фанатиков под зелено-белыми знаменами Атридесов, рыскающих по Вселенной, грабящих и поджигающих с именем их пророка Муаддиба на устах.

«Этого не должно быть», — сказал он себе.

— Ты хочешь получить это имя? — спросил Стилгар.

— Я — Атридес, — прошептал Пол. Потом добавил уже громко: — Неверно, что я целиком отказываюсь от имени, данного мне отцом. Нельзя ли мне носить среди вас имя Пол Муаддиб?

— Ты — Пол Муаддиб, — сказал Стилгар.

И Пол подумал: «Это не мое видение. Я сделал по-другому».

Но он чувствовал, что та пропасть по-прежнему окружала его.

Снова в толпе раздался шепот:

— Мудрость и сила... Большого и желать нельзя... Конечно, это легенда... Лизан ал-Гаиб...

— Должен кое-что сказать о твоём новом имени, — начал Стилгар. — Твой выбор радует нас. Муаддиб мудр, он знает пути пустыни. Муаддиб создает свою собственную воду, Муаддиб прячется от солнца и путешествует в ночное время. Муаддиб плодовит и размножается над землей.

Мы называем Муадидба — учителем мальчиков. Выбранное тобой имя — могучая опора, на которой будет строиться твоя жизнь. Пол Муаддиб Узул среди нас! Мы говорим тебе — добро пожаловать!

Стилгар тронул лоб Пола ладонью, опустил руку, обнял Пола и пробормотал:

— Узул.

Стилгар отошел, а приблизившийся к Полу Свободный также обнял его, повторив его новое тайное имя. И к Полу стали подходить и обнимать его один за другим люди, повторяя:

— Узул... Узул...

Чани тоже прижалась к его лицу щекой, шепотом повторив его новое имя. Наконец, Пол снова оказался рядом со Стилгаром, и тот сказал:

— Теперь ты принадлежишь к Ичван-Бедвинам, теперь ты наш брат. — Его лицо сделалось серьезным, и он повелительным голосом проговорил: — А теперь, Пол Муаддиб, потуже застегни свой стилсьют. — Он посмотрел на Чани. — Чани! Носовые зажимы Пола Муадидба настолько плохи, что хуже и быть не может! Мне казалось, что я приказал тебе смотреть за ним.

— У меня не было запасных, — ответила девушка. — Есть, конечно, те, что принадлежали Джемизу, но...

— Довольно об этом!

— Тогда я отдам ему один из моих, — сказала она. — Я могу обойтись одним, до тех пор, пока...

— Не нужно, — сказал Стилгар. — Я знаю, что у кого-то из нас есть запасные зажимы.

— Где запасные? Отряд мы или банда дикарей?

Из группы людей протянулись руки, и каждая держала волокнистые цилиндрики. Стилгар выбрал из них четыре и протянул их Чани.

— Подгони их Узулу и Сайадине.

Из задних рядов послышался голос:

— Как насчет воды, Стил? Как насчет литерьонов в их мешке?

— Твоя нужда мне известна, Фарук, — ответил Стилгар и посмотрел на Джессику. Та согласно кивнула. — Открой один из них для тех, кому нужно. — Хранитель Воды... Где Хранитель Воды? А, Шимум, позаботься о том, чтобы отмерить сколько необходимо. Необходимо, но не больше! Вода — дар Сайадины и будет оплачена в съёте по местной цене.

— Что значит «по местной цене»? — спросила Джессика.

— Десять к одному, — ответил Стилгар.

— Но...

— Это мудрое правило, и ты в этом скоро убедишься, — сказал Стилгар.

Шорох плащей отметил движение в задних рядах людей, направляющихся за водой. Стилгар поднял руку, и наступила тишина.

— Что касается Джемиза, — сказал он, — то я приказываю проделать полную церемонию. Джемиз был нашим товарищем и братом — Ичван Бедвином. От того, кто защищал наши обычаи своим тахадди — вызовом, нельзя отворачиваться. Я требую обряда ... на закате солнца, я сам прочту молитву.

Пол, слыша эти слова, осознал, что снова погружается в бездну. Этого момента он еще не переживал, но где-то далеко впереди... раскачивалось зеленое знамя Атридесов... Маячили обгаренные Джихадом печи, бушевали легионы фанатиков.

«Этого не будет, — сказал он сам себе. — Я не допущу этого».

В тиши пещеры Джессика слышала шорох песка под ногами — признак движения людей и птичьих крики, которые, как сказал Стилгар, были сигналами наблюдателей.

Пластиковое покрытие было снято со входа в пещеру. Она различала не совсем еще ушедший дневной свет и чувствовала невыносимый жар пустыни, который он уносил. Она знала, что ее обостренное восприятие даст ей то, чем владели эти Свободные — способность чувствовать даже самые слабые изменения во влаге воздуха. Как поспешно они запахнулись в свои стилсьюты, когда вход в пещеру был открыт.

Глубоко в подземелье кто-то запел:

«Има трава около!

И коренья около!»

Началась церемония похорон Джемиза.

Она смотрела на арракинский закат, на буйство небесных красок. Ночь уже начала окутывать тенью дальние холмы и дюны.

Жаркий воздух заставлял ее думать о воде, и она мысленно отметила тот факт, что эти люди умели чувствовать жажду только тогда, когда имели возможность ее утолить. Это достигалось тренировками с раннего детства.

Жажда... Она вспомнила облитые лунным светом волны морей Каладана, плещущиеся о скалистые берега, и пропитанный сыростью воздух. Теперь же горячий ветер иссушал кожу ее щек и лба. Носовые зажимы раздражали ее, ей мешало присутствие той трубки, что пересекала ее лицо и уходила под костюм — трубки, которая собирала воду ее дыхания.

Сам костюм был настоящей парилкой. «Костюм станет удобнее, когда вы оставите в своем теле минимальное количество воды», — сказал Стилгар.

Она знала, что он был прав, но это знание не принесло ей даже секундного облегчения. Она устремила мысли к воде. Нет, не к воде, а к влаге — ведь эта проблема была глубока и деликатна.

Она услышала звук шагов, обернулась и увидела приближающегося Пола, который в сопровождении Чани появился из глубины пещеры. «И еще одно, — подумала она. — Следует предупредить его насчет здешних женщин. Ни одна женщина пустыни не годится в жены герцогу. В наложницы — да, но не в жены». Потом она удивилась про себя: «Неужели и меня поразили подобные рассуждения?» И она поняла, насколько глубокую психологическую обработку она получила ранее. «Я могу думать о брачных узах, королевстве, не принимая во внимание мое собственное положение наложницы. И все же... я была более чем наложницей».

— Мама...

Пол остановился рядом с ней. Чани стояла рядом.

— Мама, ты знаешь, что они там делают?

Джессика посмотрела на темный провал его капюшона, из которого сверкали глаза.

— Думаю, да.

— Чани мне показала, потому что считает, что я должен был видеть это и дать мое согласие на смешивание воды с водой...

Джессика посмотрела на Чани.

— Он получит воду Джемиза, — сказала Чани. — Таков закон: плоть принадлежит человеку, но его вода принадлежит племени, кроме тех случаев, когда он пал в бою.

— Они говорят, что эта вода — моя.

Джессика удивилась, настолько эти слова потрясли ее.

— Вода павшего в бою принадлежит победителю, — повторила Чани. — Это потому, что бой происходит на открытом воздухе, без члсьютов. Победитель должен вернуть себе ту воду, что потерял в схватке.

— Я не хочу его воды, — прошептал Пол.

Он почувствовал, что множество видений, подвластных его внутреннему взору, распалось на ряд хаотических эпизодов. Это указывало на расстройство внутреннего зрения.

И хотя Пол еще не знал, как он поступит в дальнейшем, но был твердо уверен в одном: ему не нужна вода, которую персгнали из тела Джемиза.

— Но это же... вода, — сказала Чани.

Джессика отметила то выражение, с которым она произнесла это слово: вода. Столько чувств было вложено в эти простые звуки! В памяти Джессики всплыла аксиома Бене Гессерит: «Умение выжить — это способность плавать в незнакомых водах». Она подумала: «И Пол, и я, мы

оба должны определить течения и подводные камни этих чуждых нам вод... если мы хотим выжить».

— Ты примешь воду, — сказала она.

Она произнесла эти слова особым тоном, тем самым, что использовала однажды в разговоре с Лето, когда говорила ему, теперь уже навсегда потерявшему герцогу, что он обязательно должен принять крупную сумму, предлагаемую ему за поддержку сомнительной операции, потому что эти деньги должны были поддержать власть Атридесов.

Деньгами на Арракисе была вода. Джессика хорошо это понимала.

Пол промолчал. Он понимал, что вынужден поступить так, как она ему приказала: не потому, что это был приказ, а потому, что тон ее голоса заставил его произвести переосмысливание ценностей. Отказ от воды пошел бы в разрез с обычаями Свободных.

Пол вспомнил слова из Библии Уйе и произнес: «Вся жизнь произошла из воды».

Джессика пристально посмотрела на него. «Откуда он знает эту цитату? — удивилась она. — Ведь он не изучал тайное учение Миммионе».

— Так говорят, — сказала Чани. — Так написано в Шанхнаме: — вода — первое, что было создано.

По причине, которую она не могла бы объяснить, Джессика внезапно вздрогнула. Она отвернулась, скрывая свои чувства, и сделала это вовремя — еще бы несколько секунд и она не увидала бы закат. Солнце нырнуло за горизонт, и небо озарилось буйным свечением красок.

— Время настало, — прозвучало из пещеры.

Голос, раздавшийся оттуда, принадлежал Стилгару.

— Оружие Джемиза было сломано, Джемиз же был призван Им, Шаи Хулудом, меняющим форму луны, которая тускнеет и становится похожей на изогнутый серп. — Стилгар понизил голос. — Так произошло и с Джемизом.

Молчание облаком окутало пещеру. Джессика увидела фигуру Стилгара, маячившую на фоне провала, подобно призраку. Она оглянулась на долину и почувствовала, как оттуда повеяло прохладой.

— Друзья Джемиза, приблизьтесь — сказал Стилгар.

Мужчины подошли к отверстию пещеры и закрыли его.

Единственный глоуглоб горел далеко в глубине пещеры. В его желтом свете замаячили человеческие фигуры. Джессика услышала шорох плащей. Чани, как будто увлекаемая светом, двинулась в их сторону. Джессика наклонилась к Полу и проговорила на семейном ходовом языке.

— Следуй за ними и делай то, что делают они. Это лишь обычная церемония, она проводится для того, чтобы умиротворить тень Джемиза.

«Она означает и что-то большее», — подумал Пол. Он почувствовал щемящую тоску в своем сознании, как будто оно задышалось от того, что ему не дали сделать что-то важное.

Чани, снова оказавшаяся рядом с Джессикой, тронула ее за руку.

— Идем, Сайадина, мы должны сесть в стороне.

Пол наблюдал за тем, как они исчезли в тени пещеры. Он почувствовал себя покинутым.

Люди, устанавливающие защитное покрывало на вход в пещеру, подошли к нему.

— Пошли, Узул.

Он позволил провести себя вперед. Его протолкнули через кольцо людей, собравшихся вокруг Стилгара, который стоял под глоуглобом рядом с чем-то угловатым, изогнутым, покрытым плащом.

По знаку Стилгара члены отряда, шурша плащами, припали к земле. Пол последовал их примеру, наблюдая за Стилгаром, отмечая, какими темными кажутся провалы его глаз, как ярко отливает зеленью ткань у него на шее. Потом Пол перевел взгляд на прикрытую плащом грудь у ног Стилгара и узнал выступающую под тканью ручку бализета.

— Дух оставляет воду тела, когда появляется первая луна, — заговорил нараспев Стилгар. — Так говорят. Когда мы увидим, что поднимается первая луна этой ночи, к кому мы взовем?

— К Джемизу, — хором ответили голоса.

Стилгар, постепенно оборачиваясь, обвел взглядом круг собравшихся людей.

— Я был другом Джемиза, — сказал он. — Когда топтер Харконенов, как ястреб налетел на нас у скалы, то Джемиз, рискуя жизнью, спас меня.

Он склонился над грудой возле него и снял с нее плащ.

— Я беру этот плащ, как друг Джемиза. Это право вождя. — Он выпрямился, взял плащ и накинул его на плечи.

Теперь Пол увидел все содержимое этой груды. Тускло отливающий серым стильсюрт, помятый литерьон, керchief с маленькой книжечкой в центре его, очищенную от крови рукоятку крисножа, пустые ножны, паракомпас, дистранс. Тампер, кучка металлических хуков, набор предметов, что выглядели камешками, лежащими на куске материи... и бализет, лежащий рядом.

«Так значит Джемиз играл на балезито», — подумал Пол. Инструмент напомнил ему о Рурни Халлеке и обо всем, что было навсегда потеряно. Из своих видений Пол знал, что некоторые линии судьбы общаются ему встречу с Халлеком, но линий этих было мало и они терялись где-то в глубине. «Означает ли это, что то, что я сделаю... что я могу сделать, может погубить Гурни?... Или вернуть к жизни? Пол сглотнул и покачал головой.

Стилгар снова склонился над грудой вещей.

— Это для жены Джемиза и караульных, — сказал он. Маленькие камешки и книга исчезли в складках его плаща.

— Ты поступил мудро, вождь, — нараспев проговорили люди.

— То, на чем Джемиз готовил кофе, — сказал Стилгар и поднял плоский диск, сделанный из зеленоватого металла. — После должного обряда он будет передан Узулу, когда мы придем в съетч.

— Вождь прав, — нараспев проговорили люди.

Теперь Стилгар поднял рукоятку крисножа и держал ее в руке.

— Для погребальной долины, — сказал он.

— Это право вождя, — отозвался отряд.

Со своего места в кругу напротив Пола Джессика кивала головой, узнавая в происходящем древние обряды Миссионерии.

«Невежество и знания, жестокость и культура, — думала она, — проявляются именно в таких обрядах — обрядах отношения к погибшим».

Она посмотрела на Пола, размышляя: «Понимает ли он это? Поймет ли он то, что должен сделать?»

— Мы друзья Джемиза, — сказал Стилгар. — Но мы не причитаем над ним, как толпа глупых женщин.

Слева от Пола встал седобородый человек.

— Я был другом Джемиза, — сказал он, подошел к груде вещей и взял дистранс. — Когда в засаде у Двух Птиц запас нашей воды закончился, Джемиз поделился со мной последним. — Человек вернулся на свое место в круге.

«Ожидают ли от меня, чтобы я тоже сказал, что был другом Джемиза? — подумал Пол. — Ожидают ли от меня, что я тоже подойду и возьму какую-нибудь вещь?» Он заметил, что люди смотрят на него и отводят взгляды. «Ожидают!»

Еще один человек встал, прошел к вещам и взял паракомпас.

— Я был другом Джемиза, — сказал он. — Когда патруль захватил нас у Скалистой Бухты, и я был ранен, Джемиз увел их, что раненые могли спастись. — Он вернулся на свое место.

Снова к Полу повернулись лица людей, и он увидел во взглядах ожидание. Он опустил глаза. Чей-то локоть подтолкнул его, и голос прошептал:

— Ты хочешь накликать на нас беду?

«Как я могу сказать, что был его другом?» — подумал Пол.

Еще одна фигура вышла из круга, и когда свет упал на ее закрытое капюшоном лицо, Пол узнал мать. Она взяла из груды вещей керchief.

— Я была другом Джемиза, — сказала она. — Когда дух его души увидел правду, он удалился и пощадил моего сына. — Она вернулась на свое место.

И Пол вспомнил скорбь в ее голосе, когда она сказала ему после поединка:

«Как ты чувствуешь себя в роли убийцы?»

Снова он увидел обращенные на него лица, почувствовал гнев и страх в их взглядах. Отрывок из книги «Культ мертвых», некогда показанный ему матерью, всплыл в его памяти. Теперь он знал, что ему делать.

Медленным движением Пол встал на ноги.

По рядам людей пронесся вздох облегчения.

Идя к центру круга, Пол почувствовал уменьшение своего «я», как если бы он потерял часть самого себя. Он наклонился над кучей вещей и

взял бализет. Когда он вытаскивал его из груди, одна струна издала протяжный звук.

— Я был другом Джемиза, — прошептал Пол. Он почувствовал, что слезы обжигают ему глаза, и постарался вложить в свой голос побольше силы. — Джемиз научил меня тому, что... когда убиваешь... то платишь за это. Мне очень жаль, что я не знал его раньше.

Не глядя ни на кого, он вернулся на свое место в круге и опустился на камни.

Чей-то голос негромко сказал:

— Он плачет.

В кругу людей поднялся шепот:

— Узул дает воду мертвому.

Он чувствовал, как пальцы людей касались его влажных щек, слышал полный благоговения шепот.

Джессика, услышав этот шепот, всем своим существом ощутила, каким страшным должен быть здесь запрет на слезы. Она сосредоточилась на словах «Он дает воду мертвому». Это был подарок миру теней — слезы пролитые Полом. Они, без всякого сомнения, должны считаться священными.

Ни торговцы водой, ни иссохшая кожа Свободных, ни стильюты, ни вольная дисциплина — ничто на этой планете не вбивало в ее голову мысль о ценности здесь воды с такой силой. Сейчас речь шла о более ценном, чем вода вещество: о самой жизни и выходящих из нее ритуалах и символах.

Вода.

— Я трогал его щеку, — прошептал кто-то. — Я почувствовал его дар Джемизу.

Вначале прикосновение чужих пальцев к лицу испугало Пола. Он крепче сжал гриф бализета, чувствуя, как струны впиваются в ладонь. Но потом он уже не видел этих пальцев, а видел только лица, а на них — глаза, широко раскрытые, полные изумления.

Потом все руки исчезли. Церемония похорон шла своим путем. Но теперь вокруг Пола образовалось пустое пространство, как будто члены отряда возвеличивали его этой почтительной изоляцией.

Церемония закончилась тихой песней:

«К полной луне призывы...
Шай-Хулуд поднялся, чтобы ее увидеть;
Ночь темна, в пыли кусты,
Возносим молитвы луне: она кругла
Счастье всегда будет с нами,
Потому что мы нашли то, что искали
В стране среди пыльных песков.»

У ног Стилгара остался лежать нетронутым туго набитый мешок. Он наклонился и положил на него ладонь. Кто-то подошел к нему сзади и присел у его ног. Пол узнал в этом человеке Чани.

— Джемиз носил тридцать три литра, семь драхм и три тридцать вторые доли драхмы воды племени, — сказала Чани. — Я освящаю эту воду сейчас в присутствии Сайадины. Эккери-сакайри, это вода, филлисин-фолласи Пола Муаддиба! Киви акави, никогда больше, накалас! Накалас! Будь измеренной и сосчитанной, укайр-ан! Биение сердца джан-джан-джан нашего друга... Джемиза.

В глубокой и полной тишине Чани обернулась и посмотрела на Пола. Потом она сказала:

— Там, где я пламя, да будешь ты углем, где я роса, да будешь ты водой.

— Би-лакайфа, — нараспев проговорили остальные.

— Полу Муаддибу предназначена эта ноша, — сказала Чани. — И пусть он сохранит ее для племени, от случайностей и бессмысленных потерь. И да будет он щедрым к людям во время нужды. Ну, а когда придет время — передаст ее для блага племени.

— Би-лаайфа, — отозвались хором члены отряда.

«Я должен принять эту воду», — подумал Пол. Он медленно встал и подошел к Чани. Стилгар отступил, давая ему место рядом с собой, и мягким жестом взял у него из рук бализет.

— На колени, — сказала Чани.

Пол опустился на колени.

Она положила его руки на мешок с водой и плотно их прижала к его поверхности.

— Эту воду доверяет тебе племя, — сказала она. — Джемиз покинул ее. Владей этой водой в мире. — Она встала, увлекая за собой Пола.

Стилгар вернул ему бализет и протянул на ладони столку металлических колец. Пол посмотрел на них, отмечая разницу в их размерах.

Чани взяла самое большое кольцо и подержала его в руке, показывая.

— Тридцать литров, — сказала она. Одно за одним она брала кольца и, показывая их Полу, подсчитывала количество воды.

— Два литра, один литр, семь водных знаков, по одной драхме каждый, один водный знак в три тридцать вторые доли драхмы. Всего: — тридцать литров и семь драхм и так тридцать вторых доли драхмы.

Она держала кольца так, чтобы Пол мог их видеть.

— Ты принимаешь их? — спросил Стилгар. Пол глотнул и кивнул.

— Да.

— Позже я покажу тебе, как правильно завязать их в керчиф, — сказала Чани, — чтобы они не смогли звякнуть в минуту опасности. Она протянула руку с кольцами Полу.

— Ты не смогла бы хранить их пока у себя? — спросил Пол.

Чани обернулась и бросила на Стилгара испуганный взгляд. Он улыбнулся и сказал:

— Пол Муаддиб — или по другому Узул, ты еще не знаешь наших обычаев. Чани, держи эти знаки воды у себя, пока не научишь его правильному хранению.

Она кивнула, достала из-под плаща кусок ткани, уложила в нее кольца, замысловато укутывая каждое, поколебалась мгновение и сунула себе под плащ.

«Я сделал снова что-то не так», — подумал Пол. Он чувствовал, как люди, окружающие их, добродушно посмеивались и улыбались. Обратившись разумом к своему дару предвидения, он понял, что по обычаям племени — предложить женщине носить вместо себя водяные кольца — это значит, посвататься к ней.

— Хранители воды! — позвал Стилгар.

Все люди встали, шелестя плащами. Двое мужчин вышли вперед и подняли мешок с водой. Стилгар снял глоуглоб и двинулся с ним в глубь пещеры.

Пол, идя следом за Чани, отметил, как ярко блестят стены пещеры, как пляшут на них тени. Он чувствовал, как притихли люди вокруг, и в этом было ожидание чего-то, что должно было сейчас произойти.

Джессика шла в конце отряда, подталкиваемая нетерпеливыми руками, окруженная толпой людей. Ее не удивляла эта внезапно возникшая тишина. Она понимала, что это часть ритуала, узнавала знаки чакобзы и бхотани — джиб, представляла тот разгул страстей, который может последовать за этими с виду простыми словами.

«Джан, джан, джан, — думала она. — Иди, иди, иди». Все это походило на детскую игру, потерявшую в руках взрослых все ее правила.

Стилгар остановился возле желтой каменной стены. Он нажал на выступ, и стена медленно отошла в сторону, открыв неровное отверстие. Он прошел в него и двинулся мимо частой железной решетки, от которой на Поля, когда он проходил мимо, пахло сыростью.

Пол обернулся и вопросительно посмотрел на Чани.

— В воздухе чувствуется сырость, — сказал он.

— Ш-ш, — прошептала она.

Но человек, шедший за ним, сказал:

— Сегодня в ловушке много влаги. Так Джемиз сообщает нам, что удовлетворен.

Джессика прошла сквозь потайную дверь и услышала, как та закрылась за ней.

Она видела, как проходя мимо решетки, люди замедляли шаги, почувствовала сырость в воздухе, когда сама прошла мимо. «Ветровая ловушка! — подумала она. — Они прячут ловушку где-то на поверхности, направляют воздух сюда, в более прохладное место, и получают из него влагу».

Они прошли через другую дверь в скале с решетчатым сооружением над ней, которая захлопнулась за ними. Поток воздуха ударил в спину идущим, и Пол и Джессика явно почувствовали в нем обилие влаги.

Шагающий во главе отряда Стилгар опустил глоуглоб так низко, что тот почти касался голов идущих перед Полом людей. И тут же Пол почувствовал ступеньки под ногами, идущие вниз и налево. Свет озарял головы

в капюшонах, поток спускающихся людей казался длинной изогнутой спиралью.

Джессика почувствовала, как растет напряжение в окружающих ее людях, тишина казалась невыносимой.

Спуск закончился, и отряд прошел сквозь следующую низкую дверь. Огромное помещение со сводчатым потолком сразу поглотило свет глоуглоба.

Пол почувствовал в своей руке руку Чани, услышал звук капающей воды, отчетливо слышимый в прохладном воздухе, почувствовал благоговейный трепет, объявший Свободных перед водой.

«Я видел это место в своем сне», — подумал он. Эта мысль одновременно приободрила его и расстроила. Именно на этом пути далеко впереди орды фанатиков прокладывали себе путь огнем и мечом во Вселенной с его именем на устах. Зеленые и черные стяги Атридесов должны были стать символом указа. Дикие легионы кидались в битву с воинственным кличем «Муаддиб!»

«Этого не должно случиться, — подумал он. — Я не могу допустить, чтобы это случилось». Но он чувствовал, как угрожающе растет в нем расовое превосходство. Он чувствовал свою ужасную цель и знал, что ничто не сможет избежать неодолимой безжалостной силы, сметающей все на своем пути и требующей от своих исполнителей слепой веры и полного подчинения. Это мгновение вобрало в себя всю его сущность. Умри он сейчас, и оно перешло бы в его мать, или в его еще неродившуюся сестру. Предотвратить грядущее кровопролитие могла бы только гибель всех... всего племени...

Пол оглянулся и увидел, что все члены отряда собрались и выстроились в шеренгу. Он оказался вытолкнутым вперед к низкой перегородке, выдолбленной в камне. За перегородкой, в свете глоуглоба в руке Стилгара, Пол увидел гладкую поверхность воды. Глубокая и темная, она убегала в темноту к дальней, едва видимой стене, находившейся в сотне метров от него.

Джессика почувствовала, как присутствие влаги смягчает сухость ее щек и лба. Бассейн был глубок, она ощущала это, и в ней билось настойчивое желание погрузить в него руки.

Слева от нее послышался всплеск. Она посмотрела на строй Свободных, слабо различимый во мгле, увидела Стилгара, Пола, стоящих рядом Хранителей Воды, выливающих через регистратор в бассейн содержимое мешка. Отверстие регистратора было круглым серым глазом на фоне кромки бассейна. Она видела, как качнулась и двинулась по кругу блестящая стрелка, когда поток воды устремился вниз. Стрелка остановилась на тридцати трех литрах семи драмах.

«Какая точность в измерении воды», — удивилась Джессика. Она отметила, что стенки регистратора не оставляли на себе ни капли влаги. Здесь не действовали силы сцепления. Этот простой факт

показал ей глубину технологии Свободных: она была совершенной. Джессика подошла к барьеру и стала рядом со Стилгаром. Ей с подчеркнутой вежливостью давали дорогу. Она отметила отсутствующий взгляд Пола, но тайна этого большого бассейна не давала ее мыслям отвлекаться.

Стилгар посмотрел на нее.

— Среди нас были те, кто нуждался в воде, — сказал он.

— И все же они не тронули бы этой воды. Ты знаешь об этом?

— Я верю в это, — сказала она.

Стилгар поднял глоуглоб и в его свете посмотрел ей в глаза.

— Это больше чем богатство, — сказал он. — У нас есть тысячи таких тайников. Только некоторым из нас они известны все. — Он склонил голову на бок. Глоб бросал блики желтого света на его лицо и бороду. — Слышишь?

Они прислушались.

Звуки падающей воды, доносящиеся от водяной ловушки, заполняли все помещение. Джессика увидела, что все члены отряда обратились в слух. Только Пол, казалось, находился далеко отсюда.

Для Пола этот звук казался тиканьем часов, уносящих с собой мгновения. Он чувствовал, как время струится сквозь него, как улетают его секунды. Он понимал, что необходимо что-то предпринять, но у него не было сил даже на то, чтобы пошевелиться.

— Учеными подсчитано, сколько нам нужно воды. Когда мы получим это количество, мы изменим лицо Арракиса.

Отряд отозвался шепотом:

— Би-лакайфа.

— Мы скроем дюны под зарослью трав, — сказал Стилгар, и голос его окреп. — Мы пропитаем водой почву и на ней вырастут леса.

— Би-лакайфа, — нараспев подхватили люди.

— С каждым годом будут отступать полярные льды.

— Би-лакайфа, — пропели люди.

— Мы сделаем из Арракиса дом с тающими ледниками на полюсах, с озерами в умеренных широтах, и только глубокая пустыня останется для создателя и его спайса.

— Би-лакайфа.

— И ни один человек никогда не будет испытывать жажду. Вода будет ждать его в родниках, озерах и реках. Она побежит по каналам и напоит наши поля. Она будет здесь, и каждый человек сможет зачерпнуть ее, стоит лишь протянуть руку.

— Би-лакайфа, — отозвался отряд.

Джессика почувствовала, что его слова составляют часть обряда, отметила, что инстинктивно отвечает им благоговением.

«Они в союзе с будущим, — подумала она. — У них есть вершина, которую нужно покорить. Это мечта ученого... и эти простые люди, эти Свободные, полны ею».

Она обратилась мыслями к Льету Кайнзу, экологу Императора, пере-

нявшему обычаи и образ жизни туземцев и удивилась своей догадке. Эта мечта была из тех, что пленяют человеческие души, и она чувствовала в ее создании участие эколога.

Мечта была из числа тех, за которые охотно расстаются с жизнью. Это был еще один необходимый градиент, в котором так нуждается ее сын. Она чувствовала это. Люди с мечтой! Таких людей легко превратить в фанатиков. Ими можно управлять легко, как собственным оружием, и она добьется для Поля чего угодно.

— Теперь мы уходим, — сказал Стилгар. — И будем ждать появления первой луны. Когда путь Джемиза станет безопасным, мы пойдем домой.

Прошептав слова согласия, люди двинулись за ним и, оставив позади водный бассейн, начали подниматься по лестнице.

Пол, идя следом за Чани, почувствовал, что миновал жизненно важный этап, что он упустил возможность принять важное решение и теперь находится в плену у обстоятельств. Он знал, что видел это место раньше, детально изучил во фрагментах пророческих слов на Каладане, но сейчас всплыли такие детали, о которых он не подозревал раньше. Он ощутил чувство удивления ограниченностью своего дара. Это было подобно тому, как если бы он путешествовал на волне времени, — иногда в глубине ее, иногда на поверхности, а вокруг него поднимались и опадали другие волны, то открывая его взору, то пряча от него свою бездну.

И над всем этим впереди продолжал смутно маячить дикий джихад, насилие и кровопролитие, как скала, возвышающаяся в море.

Отряд прошел через последнюю дверь в главную пещеру. Дверь снова исчезла, огни были потушены, покрытия сняты со входов в пещеру, открывая доступ ночи и звездам, воцарившимся над пустыней. Джессика подошла к иссушенному зноем камню перед входом в пещеру и посмотрела на звезды. Они были яркими и близкими. Она почувствовала за спиной движение людей, услышала звуки бализета и голос Пола, напевающего мелодию. В его голосе была не понравившаяся ей меланхолия.

Из глубины пещеры послышался голос Чани:

— Расскажи мне о воде твоего родного мира, Пол Муаддиб.

И ответ Пола:

— В другой раз, Чани. Я обещаю.

«Какая печаль висит в воздухе», — подумала Джессика.

— Это хороший бализет? — сказала Чани.

— Очень хороший, — согласился Пол. — Как ты думаешь, Джемиз не возражает против того, что я на нем играю?

«Он говорит о мертвом в настоящем времени», — подумала Джессика. Ее беспокоил скрывающийся за этим смысл.

Вмешался чей-то мужской голос:

— Джемиз любил музыку.

— Тогда спой одну из твоих песен, — попросила Чани.

«Сколько женской кокетливости в этом девичьем голосе, — подумала Джессика. — Я должна предупредить Пола насчет женщин... и как можно скорее».

— Это песня моего друга, — сказал Пол. — Наверное, его уже нет в живых, его имя Гурни. Он называл эту песню вечерней.

Все затихли, слушая голос Пола — приятный юношеский тенор, сопровождаемый аккордами бализета:

«Это чистое пламя последних догорающих угольков...
Яркое золотое солнце, исчезающее в ранних сумерках.
Смятенные чувства очистил от дневного обмана
И успокоит твою память надеждой.»

Джессика почувствовала, вербальную музыку в своей груди — языческую и неистовую, звуки которой внезапно и сильно встряхнули ее, принеся ощущение потребностей собственного тела. Она слушала с напряженным молчанием.

«Ночь, нуждающаяся в жемчужных кадилъницах...
Это для нас!
Эти искры костра,
Свет твоих глаз...
Это искры любви,
Вспыхнувшие в наших сердцах...
Это искры любви,
Наполняющие нас желанием».

И Джессика услышала, как замирают звуки последнего аккорда... «Почему мой сын поет этой девчонке любовную песню? — спросила она себя. Ей вдруг стало страшно. Она почувствовала, как кипит вокруг нее жизнь, а она не имеет над ней никакой власти. — Почему он выбрал эту песню? — удивилась она. — Хотя иногда инстинктивный выбор оказывается самым правильным».

Пол тихо сидел в темноте, полный лишь одной мыслью: «Моя мать — мой враг. Она не знает об этом, но это так. Она знаменует собой джихад. Она родила меня, воспитала, но она — мой враг».

ГЛАДИАТОР

В свой семнадцатый день рождения Фейд-Раус Харконнен убил сото-го в своей жизни раба-гладиатора из их семейной школы. Наблюдатели Имперского Двора — граф и леди Фенринг, прибывшие ради этого события во дворец Харконнена на Гьеди-Прайм, были приглашены занять свои места вместе с остальными членами семьи в их золотой ложе над треугольной ареной.

В честь дня рождения отпрыска баронской ветви и в напоминание

всем остальным Харконненам о том, что Фейд-Раус является наследником, на Гьеди-Прайм был устроен праздник. Старый барон распорядился, чтобы все были освобождены от работы, и было потрачено много усилий в фамильном городе Харко, чтобы создать иллюзию веселья. На домах развевались флаги, стены вдоль дворцовой дороги были заново выкрашены.

Но в стороне от главной магистрали граф Фенринг и его супруга заметили груды хлама, грязные стены домов, отражающиеся в темных лужах, унылые фигуры людей.

За обнесёнными голубыми стенами владениями барона царило удивительное величие, но и граф, и его люди знали, какой ценой оно куплено. Это подтверждали находящаяся повсюду охрана и орудия, сияющие тем особым блеском, который сообщал внимательному взгляду о полной готовности к немедленному действию. Манера ходьбы слуг, разворот их плеч, то, как их глаза внимательно следили за всем происходящим — все это выдавало в них людей, прошедших военную подготовку.

— Механизм давления пришел в действие, — сказал граф своей супруге на их тайном языке. — Барон начинает ощущать, какова цена, выплачиваемая им за избавление от герцога Лето.

— Как-нибудь я расскажу тебе легенду о фениксе, — сказала леди.

Они стояли в холле, ожидая, пока соберутся все, кто должен присутствовать на семейных торжествах. Холл был небольшой, возможно, метров сорок в длину и вдвое меньше в ширину, но наклонные фальшивые колонны по сторонам и прочный потолок создавали иллюзию гораздо более просторного помещения.

— А-а-а-а, вот и барон, — сказал граф.

Барон вступил в холл, двигаясь с той странной легкостью, которую придавало его туше наличие поддерживающих суспензоров. Его жирные щеки тряслись при ходьбе под оранжевым плащом, оттопыривались шары суспензоров. Кольца искрились на его руках, в плащ кое-где были вшиты сияющие драгоценные камни.

Рядом с бароном шел Фейд-Раус. Его темные волосы были завиты в мелкие легкомысленные локоны, составляющие удивительный контраст с его мрачными глазами. На нем была плотно облегающая фигуру черная куртка и такие же тесные черные брюки, немного расширяющиеся в низу. Маленькие ноги прятались в мягких туфлях.

Леди Фенринг, отметив как играют мускулы юноши под курткой, и его осанку подумала: «Этот не позволит себе растолстеть».

Барон остановился перед ними и, покровительственным жестом взяв Фейд-Рауса за руку, сказал:

— Мой племянник, баронет Фейд-Раус Харконнен. — И, повернув свое толстое, розовое, как у младенца, лицо к Фейду-Раусу добавил: — А это граф и леди Фенринг, о которых я тебе говорил.

Фейд-Раус склонил голову с требуемой этикетом вежливостью. Его взгляд остановился на леди Фенринг.

Она была золотоволосой, гибкой и тонкой. Платье без всяких украшений мягко облегло ее фигуру. Серо-зеленые глаза смотрели на него с холодным вниманием. В ней было безмятежное спокойствие Бене Гессерит, и молодой человек почувствовал, что она его взволновала.

— Хм-м-м,— произнес граф. Он изучал взглядом Фейда-Рауса. — Э... хм... пунктуальный молодой человек, э... мой дорогой? — граф посмотрел на барона. — Мой дорогой барон, вы сказали, что говорили о нас с этим пунктуальным молодым человеком? Что же вы сказали?

— Я рассказал племяннику об огромном уважении, которое питает наш Император к вам, граф Фенринг,— ответил барон. А сам подумал: «Хорошенько запомни его, Фейд! Убийца с манерами кролика — самое опасное, что может встречаться».

— Конечно,— сказал граф и улыбнулся своей леди.

Фейд-Раус нашел слова и манеры графа отвратительными. Они приоткрывали нечто такое, что требовало самого пристального изучения. Молодой человек стал внимательно его рассматривать. Это был маленький, кажущийся слабым человечек. На остром личике — огромные черные глаза, седина на висках. И необычность движений: он резко дергал рукой или головой в одну сторону и тут же эти части его тела мгновенно перелетали в другую сторону. Следить за ним было трудно.

— Хм-м-м, вы пришли с такой редкой пунктуальностью,— сказал граф, обращаясь к барону. — Я... э... поздравляю вас с превосходными качествами вашего наследника. С точки зрения хм-м... старшего хм-м... можно так сказать.

— Вы слишком добры,— сказал барон. Он кивнул, но Фейд-Раус отметил во взгляде дяди, что думает тот совершенно противоположное.

— Когда вы... хм... ироничны, то это... э... предполагает, что... х-м-м... в вашей голове рождаются глубочайшие замыслы... — сказал граф.

«Он опять начинает,— подумал Фейд-Раус. — С одной стороны его высказывания похожи на оскорбления, а с другой стороны не к чему придираться, чтобы потребовать удовлетворения».

Манера речи этого человека вызывала у Фейда-Рауса такое чувство, как будто его постоянно ударяли по голове чем-то мягким и пыльным... Все эти «хм-м-м» и «э-э-э» ему уже порядком надоели и он снова пересвел взгляд на леди Фенринг.

— Мы... э-э-э... слишком злоупотребляем вниманием этого молодого человека,— сказала она. — Насколько я понимаю, он должен сегодня сражаться на арене.

«Она — одна из самых очаровательных гурий имперского гарема», — подумал он и сказал:

— Сегодня я буду убивать в вашу честь, моя госпожа. С вашего разрешения, я объявлю об этом на арене.

Она устремила на него полный безмятежного спокойствия взгляд, но голос ее прозвучал словно удар кнута, когда она бросила:

— Я не даю вам своего разрешения.

— Фейд! — сказал барон и подумал: «Ну и бесенок!. Он добивается, чтобы убийца-граф вызвал его на поединок?»

Но граф в ответ лишь улыбнулся.

— Хм-м-м,— протянул он.— Тебе и в самом деле пора готовиться к бою, племянник,— напомнил барон.— Сперва иди отдохни... и постарайся обойтись сегодня без твоего дурацкого риска.

Фейд-Раус, чье лицо потемнело от гнева, произнес:

— Все будет так, как вы желаете, уверяю вас, дядя.— Он кивнул графу Фенрингу: — Сэр! — Потом добавил: — Моя госпожа! — Он повернулся и вышел из холла, едва взглянув на представителей Малых Домов, толпившихся вокруг входной двустворчатой двери.

— Он так юн,— вздохнул барон.

— Хм-м... действительно...— отозвался граф.

А леди Фенринг подумала: «Может ли этот юноша быть тем, кого имела ввиду Преподобная мать? Та ли это генетическая линия, которую мы должны сохранить?»

— До того, как начнется бой на арене, у нас есть еще час,— сказал барон.— Возможно, мы смогли бы немного побеседовать, граф Фенринг? — Он склонил вправо свою массивную голову.— Нам следует обсудить много неотложных дел.

А сам подумал: «Посмотрим теперь, как поступит мальчик на побегушках у Императора с той информацией, которую ему велено передать. Ведь откровенно говорить он не может».

Граф повернулся к леди.

— "Хм-м-м... ты, моя дорогая, извини нас..."

— Каждый день, а иногда и каждый час несет нам что-то новое,— ответила она.— Хм-м-м.— И прежде чем удалиться, она ласково улыбнулась барону. Шурша длинными юбками, с королевским достоинством она направилась к выходу в конце зала.

Барон отметил, как при ее появлении стих разговор между членами Малых Домов, как они провожали взглядами. «Бене Гессерит!» — подумал барон.— Вселенной было бы лучше от них избавиться!»

— Там слева, между двумя колоннами есть зона молчания,— сказал барон.— Мы можем поговорить там, не боясь быть услышанными.

Своей переваливающейся походкой он направился к зоне и вошел в нее, чувствуя, как постепенно все внешние звуки тускнеют и удаляются.

Граф вошел в зону вслед за бароном. Оба они повернулись лицом к стене так, чтобы то, о чем они говорили, нельзя было прочесть по их губам.

— Мы недовольны тем, как вы поступили с сардукарами, выставив их так быстро из Арракиса,— сказал граф.

— Вот те...— подумал барон.— Это надо же — прямо в лоб! Сардукары не могли оставаться здесь без риска

— Однако, не похоже, чтобы решение проблемы Свободных слишком стесняло бы вашего племянника Раббана.

— Чего желает Император? — спросил барон. — Свободных на Арракисе жалкая горстка. Южная пустыня необитаема: Северная пустыня регулярно осматривается нашими патрулями.

— Кто сказал, что Южная пустыня необитаема?

— Так утверждает ваш собственный планетолог, граф.

— Но доктор Кайнз мертв.

— А, да... к несчастью, так.

— У нас есть сообщение от членов разведочной группы, совершившей полеты вдоль южных окраин пустыни, — сказал граф. — Там есть следы растительной жизни.

— Согласен ли при таких обстоятельствах Союз наблюдать за происходящим из космоса?

— Вам прекрасно известно положение, барон. Император не может установить за Арракисом легальное наблюдение.

— А я не могу позволить себе такую роскошь, — сказал барон. — А кто же все-таки совершал эти разведочные полеты?

— Э-э-э... контрабандисты.

— Они солгали вам, граф, — сказал барон. — Контрабандисты не могли осмотреть южные границы лучше, чем это делают люди Раббана. Песчаные бури, черви, движение песков... Те, кто совершает такие полеты, гибнут раньше, чем они успеют сесть.

— Различные формы разведки мы обсудим потом.

— А-а-а, значит, вы нашли ошибки в моих расчетах?

— Когда вы представите себе масштаб ваших ошибок — для самооправдания не хватит времени, — ответил граф.

«Он намеренно пытается разозлить меня», — подумал барон. Успокаивая себя, он сделал два глубоких вдоха. Он почувствовал запах собственного пота, и тело под поддерживающими его суспензорами внезапно зачесалось.

— Смерть наложницы и мальчика не должна вызывать тревоги у Императора, — сказал барон. Они бежали в пустыне и их настигла буря...

— Да, при вас на этой планете произошло много несчастных случаев, — покачал головой граф.

— Мне не нравится ваш тон, граф, — сказал барон.

— Злоба — не лучший советчик, — сказал граф. — Позвольте мне предостеречь вас: если несчастный случай произойдет и со мной — все Великие Дома узнают о том, что вы совершили на Арракисе. Они уже давно подозревают, каким образом вы захватили власть здесь.

— Единственное незаконное дело, которое я могу припомнить, — сказал барон, — это переброска на Арракисы нескольких легионов сардукаров.

— Вы что же, думаете, что сможете угрожать этим Императору?

— Я не смею и подумать об этом...

Граф улыбнулся.

— Командиры сардукаров будут утверждать, что действовали без приказа, поскольку они испытывают ненависть к этим подонкам-Свободным.

— Подобное утверждение могло бы у многих вызвать сомнения, — сказал барон, однако угроза подействовала на него. «Неужели сардукары настолько не подчиняются дисциплине?»

— Император желает проверить ваши книги.

— В любое время.

— У вас э-э-э... нет возражений?

— Абсолютно. Моя документация в компании сноам вынесет любую самую тщательную проверку. — А сам подумал: «Пусть выдвигает против меня ложное обвинение и делает это публично. Я буду держаться твердо, как Прометей, повторяя: смотрите на меня, я оклеветан. Пусть после этого он еще раз попробует обвинить меня, даже если обвинение будет истинным. Великие Дома не поверят снова человеку, чье первое обвинение будет ложным».

— Вне всякого сомнения, ваши книги будут подвергнуты самому тщательному изучению, — пробормотал граф.

— Почему Император так заинтересовался в уничтожении Свободных?

— Не хотите ли вы сменить тему разговора? — граф пожал плечами, — этого желают сардукары, а не Император... Им нужно практиковаться в убийствах... и они терпеть не могут, когда их работа остается недоделанной.

«Думает ли он испугать меня, не понимая о том, что за его спиной эти жаждущие крови убийцы?» — спросил себя барон.

— Небольшая резня — это только на пользу делу, — сказал он вслух. — Но здесь получился явный перебор. Кто-то должен быть оставлен для работы со спайсом.

Граф коротко хохотнул.

— Вы думаете, что сможете использовать Свободных?

— Они никогда от этого не отказывались, — сказал барон. — Но убийства ожесточили остаток всего населения. Кстати, есть и другое решение Арракинской проблемы, мой дорогой Фенринг. Должен признаться, что источником вдохновения для меня послужили деяния самого Императора.

— А-э-э-э?

— Видите, ли дорогой граф, меня вдохновляет пример тюремной планеты Императора Салузы Второй.

Граф пристально посмотрел на него.

— Какая же связь существует между Арракисом и Салузой Второй? Барон увидел тревогу в глазах графа и сказал:

— Пока никакой!

— Но, э-э-э...

— Здесь кроется уникальная возможность для Арракиса. Для бес-

платного пополнения рабочей силой, необходимо использовать его как планету-тюрьму.

— Вы предвидите увеличение заключенных?

— На Арракисе уже были волнения, — сказал барон. — Мне приходилось подавлять их с жестокостью, Фенринг. В конце концов, вам известно, какую цену мне пришлось заплатить этому проклятому Союзу за транспортировку объединенных сил на Арракисе. Откуда-то ведь должны были взяться эти деньги.

— Я предлагаю не использовать Арракис в качестве тюрьмы без разрешения Императора.

— Конечно же нет, — сказал барон, удивляясь внезапному холоду в голосе графа.

— Еще одно, — сказал граф. — Мы узнали о том, что ментат герцога Лето, Зуфир Хават, не умер и находится у вас на службе.

— Я не мог заставить себя уничтожить такую ценность, — сокрушался барон.

— Вы солгали нашему командиру сардукаров, сказав, что Хават мертв.

— Это была ложь во спасение, дорогой граф. Мое терпение не позволяет мне выносить долгих споров с этим человеком.

— Хават действительно был предателем?

— К счастью, нет. Им был врач, — барон вытер выступившую на щеке испарину, — «доктор-предатель». Вы должны понять, Фенринг, что я остался без ментата. Вам известно это. Мне никогда раньше не приходилось оставаться без ментата. Это в высшей степени неудобно.

— Как же вам удалось уговорить Хавата служить вам? — спросил удивленно граф.

— Его герцог умер, — барон выдавил из себя улыбку. — Хавата можно не опасаться, мой дорогой граф. Плоть ментата насыщена смертельным ядом. Мы добавляем ему в еду противоядие. Без противоядия яд подействовал бы сразу и Хават умер бы через несколько дней.

— Уберите противоядие!

— Но он полезен!

— Он знает слишком много такого, чего не должна знать ни одна человеческая душа!

— Но вы же сказали, что Император не боится разоблачения...

— Не нужно со мной играть, барон...

— Когда я получу приказ от Императора, я подчинюсь ему, — сказал барон.

— Вы считаете, что это моя прихоть?

— А что же еще? Император облек меня своим доверием, Фенринг. Ведь это я избавил его от непокорного герцога.

— Э-э-э — да вы... э-э-э с помощью э-э-э какой-то горстки... сардукаров.

— Где бы еще Император нашел дом, который бы предоставил ему свою форму для сокрытия его участия в этом деле?

— Император также задавал себе этот вопрос, барон, но интонации его голоса при этом были несколько иными.

Барон напряженно вглядывался в лицо Фенринга, но оно оставалось невозможным и не обнаруживало никаких следов волнения.

— А-а-а, вот оно что! — сказал барон. — Надеюсь, Император не считает, что сможет провести в полной тайне подобную операцию и против меня?

— Он надеется, что до этого не дойдет.

— Император никогда не поверит тому, что я угрожаю ему! — барон позволил себе повысить голос, вставив в него якобы захлестнувшие его гнев и горечь. Сам же подумал: «Пусть император мне поверит. Тем временем, пока я бью себя в грудь и каюсь в грехах, он не может заподозрить, что я вынашиваю планы захвата трона».

Голос графа был сухим и сдержанным, когда он сказал:

— Император верит в том, что ему подсказывают чувства.

— Осмелится ли Император обвинить меня в предательстве перед Советом Ландсраада? — В ожидании ответа барон задержал дыхание.

— Императору не нужно осмеливаться!

Барон отвернулся, чтобы скрыть выражение своего лица. «Неужели все это может случиться еще при моей жизни, — подумал он. — Император! Пусть только он посмеет обвинить меня! Сразу же последуют подкупы и принуждения, собрания Великих Домов. Они все сбегутся под мои знамена подобно тому, как цыплята сбегаются под защиту наседки. Чего они больше всего боятся, так это того, что имперские сардуки уничтожат одного за другим».

— Император искренне надеется, что ему никогда не придется обвинять нас в предательстве, — произнес граф.

Барон обнаружил, что ему в высшей степени трудно убрать из своего голоса иронию, и поэтому он ограничился лишь принятием позы оскорбленного достоинства. С трудом справившись с собой, он произнес:

— Я был самым лояльным подданным Императора. Ваши подозрения обидели меня так, что у меня не хватает слов, чтобы высказать это.

— Хм-м-м, э-э-э м-м-м, — протянул граф.

Барон, продолжая стоять спиной к графу, бросил:

— Пора идти на арену.

— В самом деле, — согласился тот.

Молча, они вышли из зоны молчания бок о бок пошли к представителям Малых Домов в конце холла.

Где-то в глубине дома звякнул колокол, оповещаая, что до начала поединка осталось двадцать минут.

— Малые Дома ждут, когда вы их возглавите, — сказал граф, кивая в сторону людей, к которым они подходили.

«Двусмысленное высказывание... двусмысленное...» — подумал барон.

Он посмотрел на новый талисман, висящий над входом в холл — голову быка и написанный маслом портрет старого герцога Атридеса, отца покойного герцога Лето. Они наполнили барона странным предчувствием грозящей опасности, и он подумал о том, что же могло заставить герцога Лето повесить в холлах Дворца на Каланде и Арракисе портрет его отца и голову убившего его быка.

— У человечества есть... э-э-э... только одна... м-м-м наука, — сказал граф, когда они вместе с присоединившимися к ним людьми вышли из холла в комнату ожидания — узкое помещение с высокими окнами и потолком.

— И что же это за наука? — спросил барон.

— Это... м-м-м... э-э-э... наука о... э-э-э неудовлетворенности, — сказал граф.

Малые Дома, следовавшие за ними с овечьей покорностью и деланным вниманием на лицах, рассмеялись, давая этим понять, что они по достоинству оценили фразу, но в этом смехе звучали фальшивые нотки.

Внезапно в него вפלелся шум моторов. Пажи распахнули двери, и все увидели ряд автомобилей, выстроившихся во дворе с трепещущими над ними вымпелами.

Барон, возвысив голос, чтобы перекрыть шум, сказал:

— Надеюсь, представление, даваемое сегодня моим племянником, не разочарует вас, граф.

— Я... э-э-э... весь в... м-м-м... ожидании, да, — сказал граф. — В протоколах... э-э-э... всегда полагается... хм-м-м намекать на... Э-э-э... изначальную причину.

Барон споткнулся на нижней ступеньке лестницы, выразив таким образом свое удивление: «В протоколах!.. Ведь это запись о преступлениях Империи!»

Но граф рассмеялся, давая понять, что это шутка, и потрлпал барона по руке. Тем не менее, барон, сидя на выложенном подушками сиденье бронированного автомобиля, по дороге к арене исподтишка поглядывал на графа, удивляясь, почему императорский «мальчик на побегушках» счел необходимым в присутствии Малых Домов отпустить такую шутку. Было очевидно, что Фенринг редко позволяет себе поступки, не являющиеся необходимостью и уж, конечно, не тратил двух слов там, где можно было обойтись одним.

В сказанной им фразе был двойной смысл.

Они расположились в золоченой ложе, находящейся прямо над треугольной ареной. Трубы герольдов возвестили о начале поединка.

Ложи вокруг них и под ними были переполнены людьми, повсюду развевались флаги.

И вдруг барон получил ответ на мучивший его вопрос.

— Дорогой мой барон, — сказал граф, наклонившись к самому его

уху. — Вы ведь знаете, не так ли, что Император не давал вам специальной санкции на выбор наследника?

Потрясение этими словами было настолько велико, что барон лишился дара речи.

Он уставился на Фенринга, не заметив даже, как леди графа важно прошествовала мимо строя охраны, чтобы присоединиться к собравшемуся в золоченой ложе обществу.

— Вот почему я собственно здесь, — сказал граф. — Император желает, чтобы я сообщил ему, стоящего ли наследника вы выбрали. Ничто так не показывает истинное лицо человека, как смертельная опасность. Э-э-э-г-м-мх-э... Не правда ли?

— Император обещал мне не стеснять меня в выборе наследника, — проскрежетал зубами барон.

— Посмотрим, — отозвался Фенринг и он отвернулся, приветствуя свою даму. Она уселась, улыбаясь барону, потом устремила свой взгляд на песчаную арену, на которой появился Фейд-Раус, собранный и готовый к бою. В правой руке, одетой в черную перчатку, он держал длинный кинжал, а в левой, одетой в белую перчатку — короткий нож.

— Белый цвет — цвет яда, черный — чистоты, — сказала леди Фенринг. — Не правда ли, любопытная символика, дорогой?

— Э-э-э-г-э-хм-м — отозвался граф.

С семейных галерей послышались приветственные крики, и, принимая их, Фейд-Раус остановился, поднял голову и обвел взглядом ряд лиц — кузин и кузенов, сводных братьев, наложниц и дальних родственников — целое море кричащих ртов, ярких знамен и одежд. И Фейд-Раус подумал о том, что эти люди смотрели бы на его кровь с такой же жадностью, с какой будут смотреть на кровь раба-гладиатора. Конечно, сомневаться в исходе борьбы не приходилось, опасность была лишь видимостью, но все же...

Фейд-Раус поднял вверх оба кинжала и по древнему обычаю отсалютовал ими всем трем трибунам арены. Короткий нож в руке, затянутой в белую перчатку — цвет яда первым исчез в ножнах. Потом исчез кинжал с длинным лезвием из руки в черной перчатке, являющейся символом чистоты. Но лезвие этого кинжала не было таковым. Оно являлось его тайным оружием — на его клинок также был нанесен яд, который обеспечивал ему быструю победу над противником.

На включение защитного поля Фейд-Раусу понадобилось несколько мгновений, и он замер, ощущая как напрягается кожа на лбу, — знак того, что он защищен.

Держась с уверенностью человека, привыкшего быть в центре внимания, Фейд-Раус кивком подозвал к себе слуг, которые должны были отвлекать внимание противника и осмотрел их экипировку: поблескивающие шипами браслеты, крюки и дротики с синими султанами.

Закончив осмотр, он дал сигнал музыкантам. Зазвучала медленная и

торжественная мелодия старинного марша. И Фейд-Раус повел свой отряд к тому месту, над которым располагалась ложа его дяди для церемониального приветствия. Все шло согласно обычаю.

Музыка смолкла. В воцарившейся внезапно тишине он отступил на два шага, поднял руку и крикнул:

— Я посвящаю эту схватку... — он сделал паузу, зная, что в этот момент дядя подумал: «Юный дурак несмотря на риск все же собирается посвятить ее леди Фенринг», — ...моему дяде и повелителю, барону Владимиру Харконнену.

Он с удовлетворением наблюдал, как его дядя облегченно вздохнул.

Музыканты заиграли быстрый марш, и Фейд-Раус повел своих людей туда, где находилась тайная дверь, через которую пропускались только люди с особыми повязками. Фейд-Раус гордился тем, что никогда не пользовался этой дверью и не нуждается в помощниках, отвлекающих внимание противника. Но сегодня не мешало увериться в том, что все в порядке — особый бой таит в себе и особые опасности.

И снова над ареной воцарилась тишина. Фейд-Раус повернулся и посмотрел на высокую красную дверь, находящуюся напротив него. Именно через нее обычно появлялись гладиаторы.

Особый гладиатор... Замысел Зуфира Хавата, подумал Фейд-Раус, отличается восхитительной хитростью и одновременной простотой. Раб не будет одурманен наркотиками — в этом теперь главная опасность. Вместо этого в его мозг в бессознательном состоянии было введено слово, которое в критический момент должно было парализовать его мускулы. Фейд-Раус повторил про себя это слово, беззвучно прошептав его «мерзавец».

Присутствующие, конечно, решат, что выход на арену гладиатора, не одурманенного наркотиками, подстроен, чтобы убить отпрыска ветви Харконненов, а искусно сфабрикованные Хаватом улики укажут на главного надсмотрщика.

За стеной загудели вакуумные моторы, и со слабым шипением половинки двери разъехались в разные стороны. Эта первая минута была критической. Внешность гладиатора могла сообщить опытному глазу много необходимой информации. Предполагалось, что все гладиаторы подвергаются эллака в состоянии готовности к смерти. Это можно было понять по их манере держать нож, защитной реакции, по тому, как влияет на них присутствие людей на трибунах. Манера поворота головы раба могла дать ключ к тому, как следует вести с ним бой.

В дверях появился высокий мускулистый человек с бритой головой и темными запавшими глазами. Его кожа была цвета моркови, как это должно было быть при воздействии на организм эллака, но Фейд-Раус знал, что это просто нанесенная сверху краска.

На рабе было зеленое трико и красный полузащитный пояс. Стрела на поясе указывала влево, давая понять, что защищена левая половина тела. Он держал свой нож, как шпагу, слегка пригнувшись вперед, в стойке опытного бойца.

Он медленно вышел на арену, повернувшись защищенным боком к Фейд-Раусу и группе его людей, стоявших у секретной двери.

— Мне не нравится его вид, — сказал один из помощников Фейд-Рауса. — Вы уверены, что он находится под воздействием наркотиков, мой господин?

— Кожа у него нужной окраски, — сказал Фейд-Раус.

— И все же он держится как нормальный боец, — возразил другой помощник.

Фейд-Раус сделал два шага вперед и пристально посмотрел на раба.

— Что это он сделал со своей рукой? — спросил помощник.

Фейд-Раус посмотрел на руку раба, на то место над локтем, где виднелся след кровавой ссадины, потом скользнул по ней взглядом вниз к ладони, оранжевым пятном выделяющейся на фоне зеленых брюк, на левом бедре которых виднелось очертание ястреба.

Ястреб! Фейд-Раус посмотрел в темные ввалившиеся глаза и увидел в них необычную настороженность и готовность к бою «Это один из людей герцога Лето, один из тех, кого мы захватили на Арракисе!» — подумал Фейд-Раус. Это не просто гладиатор! Холодная дрожь пробежала по его телу, и он подумал, уж не было ли у Хавата другого плана — его собственного плана сегодняшнего поединка... И что бы ни случилось — за все ответит только надсмотрщик.

Главный помощник Фейд-Рауса сказал ему на ухо:

— Мне не нравится его вид, мой господин! Позвольте мне всадить дротик-другой в его руку, которой он держит нож?

— Я сам это сделаю. — Фейд-Раус протянул руку и взял у помощника два длинных изогнутых древка и, проверяя, взвесил их в руке.

Обычно дротики тоже были обработаны наркотиком, но на этот раз эллака на них не было — за что главный надсмотрщик сегодня поплатится жизнью. Но это также являлось частью задуманного плана.

«Вы выйдете из всего этого героем, — сказал Хават. — Не взирая на предательство, вы сразите этого гладиатора в честном поединке. В измене будут уверены все. Надсмотрщика казнят и на его место вы сможете поставить своего человека».

Фейд-Раус сделал еще несколько шагов по арене, выжидая и изучая раба. Он знал, что знатоки на трибунах уже почувствовали что-то неладное. Кожа гладиатора была именно такого цвета, какой ей полагалось быть у человека, отравленного наркотиками, но он твердо стоял на ногах, не шатался и не дрожал. Теперь они, должно быть, уже шептались: «Смотрите, как он стоит! Он должен чувствовать неуверенность. Дрожать от испуга, метаться по арене. Смотрите, как он стоит, сберегая силы...»

Фейд-Раус почувствовал, как и в нем нарастает волнение. «Даже если Хават и задумал предательство, — подумал он, — я все равно смогу справиться с этим рабом. На этот раз яд находится и на клинке моего кинжала, а не только короткого ножа. Даже Хават не знает об этом».

— Хай, Харконнен, — крикнул раб. — Ты приготовился к смерти?

Над ареной повисла мертвая тишина, рабы не бросали такой вызов!

Теперь глаза гладиатора были ясно видны Фейд-Раусу, и он видел в них холодную ярость отчаяния. Он отметил и то, как свободно стоял этот человек — свободно и уверенно, мышцы его были готовы к борьбе.

Переданное через рабов, до него дошло послание Хавата: «Ты получишь возможность убить Харконнена». И пока все шло по плану.

Губы Фейда-Рауса искривились в жесткой усмешке. Он поднял свой дротик, изготовившись к броску.

— Хай! Хай! — крикнул гладиатор и сделал два шага вперед.

«Теперь уже никто из сидящих на галерее не ошибется», — подумал Фейд-Раус.

Раб должен был быть парализован вызванным наркотиками ужасом. Каждое его движение должно было выдавать фатализм того, что для него нет никакой надежды победить. Ему обязаны были прожужжать все уши рассказами о ядах, которыми баронский наследник смазывает клинок того кинжала, который держит в руке, обтянутой белой перчаткой. Быстрой смерти его рука не сулила — Фейд-Раус любил редкие яды. А иногда даже, стоя над корчившейся жертвой, принимался комментировать его побочные эффекты.

В этом же рабе был страх — да, но не ужас!

Подняв дротик повыше, Фейд-Раус почти приветственно кивнул ему.

Это мгновение чуть не оказалось для него роковым, так как гладиатор в гигантском прыжке покрыл расстояние, разделявшее их ранее и нанес удар...

Такой великолепный прыжок Фейд-Раусу еще не приходилось видеть в своей жизни. Его спасла его юношеская реакция и постоянные тренировки на арене.

Боковой смертельный удар ножа гладиатора опоздал на какую-то долю секунды.

С легкостью танцора Фейд-Раус уклонился в сторону, а в правом предплечье раба торчал, слегка подрагивая, дротик.

Его зазубренное острие глубоко вошло в плоть так, что гладиатор не мог его вытащить, не разорвав сухожилий.

У сидящих на галереях вырвался дружный вздох облегчения. Этот звук воодушевил Фейд-Рауса. Он понимал, что ощущает его дядя там наверху, сидя рядом с Фенрингом — имперским наблюдателем. Но прекратить бой он не осмеливался, обязанный соблюдать его правила при таком свидетеле. Происходящее на арене он истолковывал однозначно: это была угроза не только племяннику, но и ему самому.

События же внизу продолжали стремительно развиваться. Взяв в губы нож, он примотал древко дротика к правой руке лентой султана.

— Мне твоя иголка не мешает, чтобы убить тебя, — с ненавистью крикнул он и двинулся вперед с ножом наготове, держась к противнику

левым защищенным боком, несколько изогнув тело назад, чтобы усилить действие защитного поля.

Этот его маневр не ускользнул от внимания зрителей. Из семейных лож послышались тревожные выкрики.

Из потайной двери в стене показались его помощники. Они закричали, не нужна ли ему помощь. Наследник знаком велел им удалиться.

«Теперь я устрою здесь на арене такое представление, которое им запомнится надолго, — подумал Фейд-Раус. — Это не будет привычным для всех убийством одурманенного наркотиками раба. Они не смогут спокойно сидеть на своих местах и наслаждаться его муками. Я покажу им нечто такое, что заставит их забыть обо всем на свете. Они посмотрят, как я это сделаю. А когда я стану бароном — они не забудут об этом дне, и будут трепетать при упоминании моего имени».

Фейд-Раус медленно отступал перед наседавшим на него гладиатором. Песок арены поскрипывал у него под ногами. Он слышал тяжелое дыхание раба, чувствовал слабый запах его крови и собственного пота.

Наследник продолжал отступать, забирая немного влево и держа второй дротик наготове.

И вот гладиатор снова резко прыгнул вперед. Фейд-Раус, казалось, споткнулся, и с галерей послышались испуганные крики. Раб снова прыгнул. «Боже, что за боец!» — подумал Фейд-Раус, уклоняясь. Лишь молниеносная реакция спасла его и вновь вот уже второй дротик застрял в дельтовидной мышце раба. Галерея разразилась воплями.

«Теперь они меня обожают», — подумал Фейд-Раус. Он услышал в голосах, раздающихся с галерей, жажду крови, которую предвещал ему Хават. Раньше ни одному семейному бойцу не приходилось получать таких оваций, и он с горечью повторил про себя фразу, сказанную накануне Хаватом: «Врагу, которым восхищаешься, легче вселить в тебя ужас».

Фейд-Раус быстро отбежал в центр арены, чтобы оттуда лучше видеть все происходящее. Он вытащил кинжал с длинным клинком, прыгнул и стал ждать приближающегося раба. Тот потратил лишь мгновение на то, чтобы подвязать к руке второй дротик. После этого он ринулся вслед за наследником.

«Пусть вся семья увидит, как я это сделаю, — подумал Фейд-Раус. — Я — их враг, так пусть меня считают таким врагом, каким видят сейчас!»

Он вытащил второй нож с коротким лезвием.

— Я не боюсь тебя, Харконненская свинья! — закричал гладиатор. — Твой яд не причинит боли мертвому. А я умру от собственного клинка раньше, чем твои помощники дотронутся до меня. Но до этого я убью тебя!

Фейд-Раус усмехнулся, взмахнув кинжалом с длинным лезвием, которое также было отравлено.

— Попробуй сначала это, — сказал он и сделал выпад, метя в руку в

белой перчатке, державшую короткий нож, который, согласно традиции, должен был быть отравлен.

— Ты умрешь, Харконнен! — задыхаясь, прошептал гладиатор.

Сцепившись, они кружились по песку. Там, где защитное поле Фейда-Рауса встречалось с полузащитным полем раба, вспыхивали голубые искры. Воздух вокруг них был насыщен озоном.

— Так умри же от собственного яда, — крикнул гладиатор. С этими словами он бросил на песок свой нож и захватил обеими руками руку Фейда-Рауса, державшую короткий, отравленный нож. Медленно развернув от себя руку в белой перчатке, он давил на нее, направляя смазанный ядом клинок в тело противника.

«Пусть они хорошо смотрят», — подумал Фейд-Раус. Он сделал выпад свободной рукой с длинным кинжалом, но услышал как его лезвие беспомощно шелкнуло и застряло в древке дротика, сидевшего в теле раба.

На мгновение Фейд-Раус почувствовал отчаяние. Он не подумал, что застрявшие в теле раба дротики явятся для него подобием щита... А сила этого гладиатора! Короткое лезвие неумолимо меняло свое направление, и приближалось к его груди.

На мгновение в его сознании понеслась мысль, что он сам может умереть от своего же яда и тут он вспомнил...

— Мерзавец! — в отчаянии выдохнул Фейд-Раус.

Мышцы гладиатора отозвались на звук ключевого слова мгновенной расслабленностью. Фейд-Раусу этого было достаточно. Он выдернул застрявший в древке кинжал и нанес им резкий удар. Проходя через слабое защитное поле, отравленное острие вспыхнуло, оставив на груди раба кровавый след. Яд был мгновенного действия. Гладиатор пошатнулся и отступил назад.

«Пусть теперь она полюбуется, моя драгоценная семейка! Пусть помнит о рабе, который пытался повернуть против меня же мой собственный нож, считая только его отравленным. Пусть удивятся, как на эту арену мог проникнуть гладиатор, готовый к подобной схватке. И пусть знают, что никогда не следует быть уверенным наверняка в том, какой их моих клинков несет яд!»

В молчании Фейд-Раус стоял и следил за замедленными движениями гладиатора. Они сделались теперь неуверенными, лицо было отмечено всеми известной печатью: печатью смерти. Раб понимал, что произошло, и понимал, как это случилось. Яд таился также на другом клинке.

— Ты!... — выдохнул гладиатор.

Давая место смерти, Фейд-Раус отступил назад. Парализующее действие яда все еще не показало себя в полной мере, но замедленность движений человека говорила обо всем красноречиво.

— Придет день... и один... из нас... с тобой... рассчитается, — с трудом выговорил гладиатор.

Печальный стон вырвался из его груди. Он сел на песок и медленно повалился на бок. Тело его начало сотрясаться в конвульсиях. Фейд-Раус сделал несколько шагов по притихшей арене, подsunул ногу под голову гладиатора и повернул его на спину, давая возможность тем, кто сидел на галерес, наблюдать за тем, как действие яда искажает черты лица лежащего.

Дальнейшего хода событий не мог предвидеть никто. Поверженный гладиатор, собрав последние силы, поднял свой нож и вонзил себе в грудь, предотвратив таким образом дальнейшее действие яда...

Несмотря на разочарование, охватившее его, Фейд-Раус где-то в глубине души почувствовал нечто вроде восхищения перед мужеством этого человека.

Вместе с этим чувством пришло и чувство страха: таких воинов, как этот, лежащий перед ним на песке, следовало сильно опасаться.

Занятый своими мрачными размышлениями, Фейд-Раус как будто не замечал рева, опустив голову на грудь, и графа со своей леди. Они смотрели молча, и на лицах их, словно маски, застыли улыбки.

Граф Фенринг обернулся к своей леди и сказал:

— Хм-м... перспективный молодой человек... Э-... м-м-м... моя дорогая?

— Его... э-э-э... синтетические чувства очень остры,— ответила она.

Барон посмотрел на леди, потом на графа, потом уставился на арену, думая: «Ведь кто-то смог подобраться так близко к одному из нас!» Гнев начал захлестывать его. «Этой ночью я заставляю живьем зажарить начальника рабов на медленном огне... и если этот граф и его жена замешаны в этом деле...»

Фейд-Раус не слышал сказанного о нем в ложе барона, ибо голоса, приветствовавшие, окрепли и слились теперь в едином реве:

— Голову! Голову! Голову!

Заметив, что Фейд-Раус обернулся и смотрит на него, барон, с трудом подавив охвативший его гнев, сделал знак молодому человеку, стоящему на арене над распростертым телом раба. «Дадим мальчику голову, он ее заработал, выставив всем напоказ замысел заговорщиков».

Фейд-Раус, увидя знак, подумал: «Они решили, что оказывают мне этим честь, но пусть знают, что я сам думаю по этому поводу».

Заметив, что его помощники начали приближаться с ножами наготове, он махнул им рукой, веля удалиться. Видя их нерешительность, он махнул еще раз.

Фейд-Раус склонился над телом раба, сложил его руки у торчащей из груди рукоятки, затем вытащил нож и вложил его в руки гладиатора. Все это было сделано в одно мгновение.

На трибунах воцарилась мертвая тишина. Наследник выпрямился и позвал своих помощников.

— Похороните этого человека вот так, с ножом в руке,— сказал он.— Этот человек достоин такой чести.

В золоченом кресле граф наклонился к барону и сказал:

— Широкий жест... настоящее благородство. Ваш племянник обладает не только смелостью, но и тактом.

— Отказываясь от головы, он только дразнит толпу.

— Вовсе нет, — возразила леди Фенринг. Она обернулась и посмотрела вверх на окружающие их трибуны.

Барон отметил красоту ее шеи, поистине великолепный перелив мускулов, совсем как у юноши.

— Им нравится то, что сделал ваш племянник.

Впечатление от жеста Фейда-Рауса докатилось теперь до самых верхних рядов. Люди видели, как помощники уносили с арены мертвое тело гладиатора, и барон понял, что женщина правильно оценила реакцию толпы. Люди пришли в неистовство. Они хлопали друг друга по плечам, кричали и топали ногами. Барон рассеянно сказал:

— Я должен отдать распоряжение о продолжении праздника до глубокой ночи, — устало проговорил барон. — Нельзя отпускать их по домам в таком возбужденном состоянии. Люди должны видеть, что я разделяю их чувства. — Он сделал знак своей охране, и слуга над ним взмахнул оранжевым знаменем Харконненов, подняв и опустив его три раза.

Фейд-Раус пересек арену и встал под золоченой ложей. Его оружие было спрятано в ножны, руки спокойно опущены. Перекрывая непрерывающиеся крики толпы он громко прокричал:

— Так, значит, праздник, дядя?

— В твою честь, Фейд! — крикнул сверху барон. И снова он знаком велел повторить сигнал знаменем.

Молодые люди устремились вниз и сгрудились вокруг Фейда.

— Вы приказали убрать защитные поля? — спросил граф.

— Никто не причинит вреда мальчику, — ответил барон. — Он — герой.

Толпа собравшихся подхватила Фейда-Рауса, подняла его вверх, где, сидя на плечах людей, он проделал почтительный круг по арене.

— Сегодня он мог бы пройти по беднейшим кварталам Харко безоружным и без охраны, — сказал барон. — Люди отдавали бы ему последнюю корку хлеба только ради того, чтобы он посидел с ними рядом.

Барон поднялся, вручая свой вес суспензорам.

— Прошу вас, простите меня. Есть дела, требующие моего немедленного присутствия. Охрана проводит вас в замок.

Граф встал и поклонился.

— Конечно, барон. Мы с нетерпением... э-э-э... ждем праздника. Я... э-э-э... никогда не видел, как празднуют Харконненны.

— Да, — сказал барон. — Вы, конечно, должны все посмотреть. — Он повернулся и вышел в сопровождении своей свиты.

Капитан охраны поклонился графу Фенрингу.

— Какие будут указания, милорд?

— Мы... м-м-м... подождем, пока схлынет толпа, — сказал граф.

— Слушаюсь, ваша честь,— капитан отступил на два шага.

Граф Фенринг посмотрел на свою леди и заговорил на их личном жужжащем кодовом языке:

— Ты, конечно, поняла?

На том же языке она ответила:

— Мальчик знал, что гладиатор не был в состоянии наркотического опьянения. На мгновение он испугался, но не удивился.

— Это было подстроено,— сказал он.— Все: от начала до конца.

— Без сомнения.

— Тут пахнет Хаватом.

— Конечно.

— Я уже спрашивал барона, почему он не убил Хавата.

— Это было ошибкой, мой дорогой.

— Теперь я это понимаю.

— Скоро у Харконненов появится новый барон.

— Если это план Хавата...

— Конечно, все это требует самого тщательного анализа.

— Будем надеяться, что молодой будет более податливым.

— Возможно... для нас... особенно после сегодняшней ночи,— многозначительно сказала леди.

— Вам будет нетрудно его соблазнить, моя дорогая красавица?

— Нет, любовь моя! Ты видел, как он смотрел на меня.

— Да, и я понимаю, почему мы должны поддерживать эту генетическую ветвь,— сказал граф.— Безусловно, придется держать его под контролем, и с этой целью в глубину его психики я заложу необходимые для этого элементы учения «Прана-бинду».

— Мы уедем отсюда скоро, как это будет возможно... после того, как ты будешь уверена...— сказал он.

Леди пожала плечами.

— Вне всяких сомнений. Я не хочу носить своего ребенка в этом ужасном месте.

— Чего только не сделаешь ради человечества,— вздохнув, сказал граф.

— Тебе легче,— ответила она.

— Но ведь и мне пришлось преодолеть столько глупых предрассудков. И знаешь, они мучают меня до сих пор.

— Бедняжка, мой дорогой,— она потрепала его по щеке.— Ты же знаешь, что это единственный путь для спасения родовой линии.

Он сухо проговорил:

— Я вполне понимаю, что без этого не обойтись.

— Мы должны выполнить то, что от нас требует Союз,— сказала леди.

— Союз начинает вести себя так, как будто почувствовал для себя угрозу,— пробормотал граф.

— Наша задача — гипнолотация психики Фейда-Рауса и его ребенка в моем чреве — потом мы уедем.

— Этот дядя... — сказал он. — Видела ли ты когда-нибудь подобного ублюдка?

— Он настоящая свинья, — согласилась она. — Но из племянничка может выйти и нечто похуже. Все это благодаря воспитанию дяди, но знаешь, когда начинаешь думать, чего бы мог достичь этот паренек при соответствующем воспитании... например, с моральными ценностями Атридесов... Увы, — развела руками леди.

— Эх, хорошо было бы спасти их обоих: и юного Атридеса, и этого отпрыска. Я слышал, что в Поле удивительным образом слились воедино наследственные качества и полученное прекрасное воспитание, — он покачал головой.

— Знаешь, у Бене Гессерит есть поговорка... — начала она.

— У тебя поговорки на все случаи жизни, — перебил граф.

— Эта тебе понравится. У нас говорят: «Не считай человека мертвым, пока не увидишь его труп. Но даже и тогда ты можешь ошибиться».

СЬЕТЧ

Отряд Стилгара, возвращающийся из пустыни в сьетч двумя группами, выбрался из долины в свете луны. Закутанные в плащи фигуры, двигались торопливо: их подгонял запах близкого дома.

Отряд продвигался так неслышно, что даже самый опытный следопыт не смог бы отличить звуки их шагов от естественных звуков ночи.

Только Джессика и Пол иногда оступались, создавая слабый шум.

Пол вытер со лба пыль, смешанную с потом, и почувствовал, как его дернули за руку. Он услышал шепот Чани:

— Делай, как тебе сказали! Надвинь капюшон на лоб. Закрой все лицо, кроме глаз. Ты теряешь воду!

Повелительный шепот сзади заставил их замолчать.

— Пустыня слышит вас!

На скалах, высоко над ними, зашебетала птица. Отряд остановился, и Пол почувствовал, что люди внезапно насторожились.

Со стороны скал до них донесся слабый шум. Он был не громче того, что создает мышь, пробегая по открытому пространству.

Снова зашебетала птица. Все замерли. И снова шорох мышиных прыжков по песку. И опять птичий щебет.

Отряд возобновил подъем по расселине скалы, но теперь движение Свободных сделалось настолько тихим, что это насторожило Пола, и он украдкой посмотрел на Чани, отметив, что она отошла от него и пытается держаться в стороне.

Теперь под ногами у них был камень, их окружали серые стены скал. Пол ощутил, как напряжение несколько покинуло людей, но все же, подобно Чани, они остались погруженными в себя. Он следовал за чьей-то тенью, маячившей впереди: вверх по ступеням, поворот, еще ступени, гоннель, за ним две двери-влагоулавливатели, и наконец, узкий коридор в скалах, освещенный слабым светом глоуглобов.

Пол увидел, что Свободные вокруг него откидывают капюшоны, вынимают носовые зажимы и дышат глубоко.

Кто-то облегченно вздохнул. Пол поискал Чани взглядом и увидел, что она стоит слева от него. Он оказался зажатым между укутанными в плащи фигурами. В темноте кто-то на ходу врезался в него, чуть не сбив с ног.

— Извини меня, Узул! Здесь такая теснота.

Слева от себя Пол увидел узкое бородатое лицо того, кого называли Фароком. Глазные впадины и голубые без белка глаза казались еще темнее.

— Сними капюшон, Узул, — сказал Фарок. — Ты дома. — И он помог Полу снять плащ.

Пол вытащил носовые зажимы, освободил рот от защитной ткани. В нос ему ударил специфический запах этого места: запах немых тел, эфира от регенированных отбросов, тошнотворный запах кислых человеческих миазмов, и над всем этим — господствующий запах спайса и сопровождающих его веществ.

— Чего мы ждем, Фарок?

— Мы ждем Преподобную мать, так я думаю. Ты слышал сообщение... бедная Чани...

Бедная Чани?! Пол оглянулся, ища свою мать.

Фарок глубоко вздохнул.

— Запах дома... — сказал он с умилением.

Иронии в тоне не было — эта вонь действительно доставляла ему удовольствие.

Потом он услышал голос матери, и из-за спин людей донесся ее кашель:

— Как богат запахами ваш съетч, Стилгар. Я чувствую, что вы успешно обрабатываете спайс... вы делаете бумагу, пластик и... не химическую ли взрывчатку?

— Ты поняла это по запаху? — удивленно спросил кто-то.

Пол понял, что говорит она все это специально для него, с целью ослабления натиска этих сумасшедших запахов на его обоняние.

Из передних рядов отряда послышались звуки какой-то возни, потом из груди Свободных вырвался единый вздох, и Пол услышал хриплый голос:

— Так это правда — Льет умер.

«Льет, — подумал Пол. — Чани — дочь Льета». Части головоломки сложились в его сознании воедино. Льетом называли планетолога Свободные.

Чтобы удостовериться в своей догадке, он спросил Фарока.

— Этот Льет известен под именем Кайнза?

— Есть только один Льет,— ответил Фарок.

Пол поднял голову и посмотрел на спину закутанного в плащ Свободного, стоящего перед ним. «Значит Льет Кайнз умер»,— подумал он.

— Это предательство Харконненов,— прошептал кто-то.— Они представили все, как несчастный случай... бросили в пустыне... катастрофа топтера...

Пол почувствовал дикий приступ гнева. Человек, который отнесся к ним, как друг, который помог вырваться из лап ищеек Харконнена, человек, который послал отряды своих Свободных на поиски двух затерянных в пустыне соринков... стал еще одной жертвой Харконненов.

— Жаждет ли Узул мести? — спросил Фарок.

Прежде чем Пол успел ответить, раздался негромкий зов, и отряд устремился вперед в более широкое помещение, увлекая за собой Пола. Переступив порог, он столкнулся лицом к лицу со Стилгаром и странной женщиной, закутанной в блестящее оранжевое с зеленью покрывало. Руки ее были обнажены до плеч, и было видно, что на ней нет стилисьюта. Кожа ее была бледно-оливкового цвета. Черные волосы волной убегали от лица, оставляя открытыми резко выступающие скулы, орлиный нос и темные непроницаемые глаза. Она повернулась к нему, и Пол увидел в ее ушах золотые серьги, сделанные в виде капель воды.

— Этот одолел моего ... Джемиза? — требовательно спросила она.

— Помолчи, Хара,— сказал Стилгар.— Джемиз сам все затеял. Он требовал Тахаддиал-бурхан.

— Но он всего лишь мальчик! — сказала она, резко тряхнув головой, и капельки зазвенели.— Мои дети оставлены без отца другим ребенком. Конечно, это был несчастный случай.

— Узул, сколько тебе лет? — спросил Стилгар.

— Пятнадцать стандартных,— ответил Пол.

Стилгар обвел взглядом отряд.

— Есть ли среди вас кто-нибудь, кто хочет бросить мне вызов?

Ответом было молчание.

Стилгар посмотрел на женщину.

— Ну, а я бы не рискнул вызвать его на поединок.

Она стойко выдержала его взгляд.

— Но...

— Ты видела незнакомую женщину, которая с Чани пошла к Преподобной матери? — спросил Стилгар.— Она мать этого парня, а теперь Сайадина, мать и сын неотделимы в бою.

— Лизанал-Гаиб,— прошептала женщина. Когда она повернулась к Полу, во взгляде ее было благоговение.

«Снова легенда»,— подумал Пол.

— Возможно,— сказал Стилгар,— хотя испытание еще не законче-

но. — Он посмотрел на Пола. — Узул, по нашему обычаю ты теперь отвечаешь за женщину Джемиза и двух ее сыновей. Его яли... его жилище теперь твое. Его хозяйство — твое... и она, его женщина — теперь твоя...

Пол изучал женщину, удивляясь: «Почему она не оплакивает своего мужа? Почему не высказывает ненависти ко мне?» Вдруг он заметил, что Свободные смотрят на него в ожидании.

Кто-то прошептал:

— Узул, нам нужно идти по своим делам. Скажи, как ты ее принимаешь?

Стилгар пояснил:

— Ты принимаешь Хару как женщину или как служанку?

Хара подняла руку и медленно повернулась кругом.

— Я еще молода, Узул. Говорят, я ничуть не постарела с тех пор, когда жила еще с Гоффом... прежде чем Джемиз одержал над ним победу.

«Джемиз убил другого, чтобы овладеть ею...» — подумал Пол.

Он сказал:

— Если я приму ее как служанку, могу ли я потом изменить свое решение?

— Для перемены решения у тебя есть год, — сказал Стилгар. — После этого — она свободная женщина и может поступать по своему усмотрению... можешь отпустить ее раньше... Но все равно: один год ты за нее отвечаешь... ты всегда будешь нести часть ответственности за ее сыновей.

— Я принимаю ее как служанку, — сказал Пол.

Хара топнула ногой, передернув от гнева плечами:

— Но я же молода!

Стилгар посмотрел на Пола.

— Осторожность — важное качество для человека, который будет вождем.

— Но я молода! — повторила Хара.

— Молчи, — сказал Стилгар. — Если кто-то достоин награды, он получит ее. Покажи Узулу его жилище, проследи за тем, чтобы он получил свежую одежду и место для отдыха.

— О-о-о! — сказала она.

Пол в первом приближении уже сделал вывод о характере этой женщины. Он чувствовал нетерпение отряда и понимал, что является причиной задержки людей. Он хотел было спросить о местопребывании матери и Чани, но по выражению лица Стилгара понял, что этого не следует делать.

Посмотрев в лицо Хары, он обратился к женщине задушевым, вибрирующим голосом, который должен был повергнуть ее в благоговейный трепет.

— Покажи мне жилище, Хара! О твоей молодости мы поговорим в другой раз.

Отступив на два шага назад, она бросила испуганный взгляд на Стилгара.

— У него неземной голос, — испуганно выдохнула она.

— Стилгар, — сказал Пол, — я в огромном долгу перед отцом Чани. Если есть что-то...

— Это решит Совет, — сказал Стилгар. — Ты там все можешь сказать.

Кивком головы он дал понять, что разговор окончен, повернулся и пошел прочь в сопровождении остальных членов отряда.

Пол взял Хару за руку, отметив, какой холодной кажется ее плоть и почувствовал, что она дрожит.

— Я тебя не обижу, Хара, — сказал он. — Покажи мне жилье. — Он сделал голос более мягким.

— Ты не прогонишь меня, когда пройдет год? — спросила она. — Ведь я сама знаю, что уже не так молода, как прежде.

— Пока я жив, у тебя найдется место рядом со мной, — ответил он и выпустил ее руку. — Где наше жилье?

Она повела его по коридору, свернула на широкий проход, освещенный светом редких глоуглобов. Каменные плиты пола были гладкими и старательно очищенными от песка. Пол, идя рядом с женщиной, видел ее четкий орлиный профиль.

— Ты меня ненавидишь, Хара?

— Почему я должна тебя ненавидеть?

Она кивнула куче детишек, смотревших на них из бокового прохода. Пол заметил маячившие за детьми фигуры взрослых. Они также смотрели на них.

— Ведь я... победил Джемиза.

— Стилгар сказал, что обряд был совершен по всем правилам и что ты — друг Джемиза. — Она искоса взглянула на него. — Стилгар сказал, что ты дал влагу мертвому. Это правда?

— Да.

— Это больше, чем сделаю я... могу сделать.

— Разве ты не будешь его оплакивать?

— В час скорби я буду его оплакивать.

Они прошли мимо изгибающегося аркой свода. Пол заглянул в него и увидел мужчин и женщин, работающих у большой машины в просторном, ярко освещенном зале. Они, казалось, очень торопились.

— Что они делают? — спросил Пол.

— Торопятся сделать как можно больше ловушек до нашего побега. Там нужно много ловушек для сбора росы.

— До побега?

— Да, мы должны скрываться до тех пор, пока палачи перестанут за нами охотиться и уберутся с нашей планеты.

Пол поймал себя на том, что замедлил шаг, чувствуя важность временного момента, ощущая внезапный прилив зрительной памяти. Но все

воспоминания оказались смещенными и запутанными, как будто склеенные фрагменты из разных фильмов.

— За вами охотятся сардукары? — спросил он.

— Да, они найдут немного, два-три пустых съетча, — ответила она. — И еще смерть, затаившуюся в песках.

— Так, значит, они отыщут это место?

— Вероятно.

— И, зная это, вы тратите время на то, чтобы... — он указал головой на свод, оставшийся далеко позади, — сделать... росяные ловушки?

— Но мы ведь никогда не прекращали высаживать кусты.

— Что такое росяные ловушки? — спросил Пол.

Взгляд, который она бросила на него, был полон удивления.

— Неужели тебя не учили этому там... откуда ты приехал?

— О росяных ловушках там даже не слышали.

— Хай! — сказала она и в этом слове заключалась целая фраза.

— Ну так что же это такое?

— Каждый куст, каждая травинка, которую ты видел в эрге, — сказала она, — посажены нами. Как ты думаешь, они выжили бы, если бы за ними не ухаживали? Каждое растение приходится с большой осторожностью сажать в отдельную лунку, которую мы заполняем шариками хром-пластика. Свет делает их белыми. Если ты посмотришь на них на рассвете с высокого места, ты увидишь, как они блестят. Белые шарики отражают свет. Но когда уходит старый отец Солнце, хромопластик снова становится в темноте прозрачным и молниеносно охлаждается. На его поверхности из воздуха конденсируется влага, которая просачивается вниз к корням и поддерживает растение, не давая ему погибнуть.

— Росяные ловушки... — пробормотал он пораженный простотой и оригинальностью этой идеи.

— Я оплачу Джемиза, когда настанет для этого время, — сказала Хара, как будто мысль об этом не покидала ее. — Он был хорошим человеком, Джемиз, но только очень вспыльчивый. Он был отличным добытчиком. Джемиз! А как к детям относился! Не нарадуешься. Он не делал никакой разницы между сыном Гоффа и своим собственным сыном. Для него они оба были одинаковы. — Она вопросительно посмотрела на Пола. — Будет ли так с тобой, Узул?

— Такой проблемы у нас не возникнет.

— Но если...

— Хара!

Металл его голоса заставил ее замолчать.

Они прошли мимо другого освещенного зала, видимого через арку с левой стороны от них.

— А здесь что делают? — спросил он.

— Чинят износившиеся машины, — ответила она. — До ночи они должны быть исправлены. — Она указала на туннель, уходящий влево. — Там и дальше, занимаются приготовлением еды и ремонтом стилисьют.

Она посмотрела на Пола.

— Твой костюм кажется новым, но если ему нужен ремонт, то я хорошо справлюсь с этим делом. Один сезон я даже работала в мастерской.

Навстречу стали попадаться люди по отдельности и группами, стали встречаться более частые ответвления в стенах туннеля.

Мимо проществовала целая вереница мужчин и женщин с мешками, в которых что-то булькало, сильно пахнуло спайсом.

— Они не получают нашей воды, — сказала Хара, — и нашего спайса тоже. В этом можешь не сомневаться.

То с одной стороны, то с другой в стенах туннеля открывались проходы, их поднятые над уровнем пола пороги были занавешены коврами. В глубине их виднелись комнаты, стены которых были завешены яркими тканями, груды подушек лежали на полу. Люди, находившиеся в этих комнатах, замолкали при их приближении, провожая Пола пронизывающими взглядами.

— Людям кажется странным, что ты одолел Джемиза, — сказала Хара. — Возможно, когда мы устроимся в новом съезде, тебе придется это доказать.

— Я не люблю убивать, — сказал он.

— Стилгар говорил нам об этом, — согласилась она, но в голосе ее явно слышалось сомнение.

Вдруг откуда-то впереди донесли звуки многоголосого пения.

Пройдя немного вперед, Пол обнаружил, что звуки доносятся из-под арки, ведущей в помещение, размерами превосходящего жилые комнаты. Он замедлил шаги, заглядывая в комнату, где на темно-бордовом ковре сидело много детей со скрещенными ногами.

У доски на дальней стене комнаты стояла женщина в желтом покрывале с ручным проектором в руках. На доске было изображено много различных фигур: кругов, треугольников и волнистых линий, квадратов и дуг. Женщина указывала то на один рисунок, то на другой так быстро, как только могла двигать проектором, а дети пели в ритме с ее движущейся рукой.

Пол снова двинулся вперед, вслушиваясь в детские голоса, которые становились все тише по мере того, как они с Харой удалялись.

— Дерево, — пели дети, — солнце, трава, дюна, песок, ветер, гора, холм, огонь, свет, скалы, жара, кустарник, вода...

— У вас всегда так проходят занятия?

Ее лицо потемнело, и голос стал скорбным:

— Льет учил нас, что никогда не надо останавливаться. Льет мертв, но он никогда не будет забыт. Это закон чакобзы.

Она перешла на другую сторону туннеля и шагнула к проему, частично закрытому прозрачной оранжевой материей и отступила в сторону, пропуская Пола.

— Твое яли готовы принять тебя, Узул.

Пол в нерешительности остановился рядом с ней. Внезапно он почувствовал нежелание оставаться с этой женщиной. Ему пришло в голову, что тот образ жизни, который его окружает, может быть принят только с экологических позиций, жизни и ценностей. Он почувствовал, что мир Свободных охотится за ним, стараясь таким образом обратить его в свою веру. Обращение это вело к дикому джихаду, религиозной войне, которую; он чувствовал, нужно избежать любой ценой.

— Это твое яли, — сказала Хара. — Почему ты колеблешься?

Пол кивнул и переступил через порог, отодвинув в сторону ткань, закрывавшую вход и чувствуя на ощупь, что в ней есть металлические нити. Он прошел вслед за Харой в короткий коридор, а потом в комнату побольше, квадратную, метров шести шириной. На ее полу лежал толстый голубой ковер, на стенах висели голубые и зеленые ткани. Свет глоуглобов казался темным от желтой материи, драпировавшей потолок. Жилище походило на пещеру первобытных людей.

Хара стояла перед ним — левая рука на бедре — и изучала его лицо.

— Дети пока у друзей, — сказала она. — Они придут домой позже.

Пол скрыл свою неловкость, сделав вид, что изучает комнату. Справа занавески прикрывали проход в другую комнату побольше, вдоль стен, которой лежали подушки. Он почувствовал, как его лица коснулся легкий ветерок, и увидел в потолке вентиляционное отверстие, частично скрытое хитроумно подвешенной тканью.

— Ты не хочешь, чтобы я помогла снять тебе стилсьют?

— Нет... благодарю тебя.

— Принести поесть?

— Да.

— За этой комнатой есть помещение, — она махнула рукой, указывая, — для удовлетворения своих нужд, когда ты без костюма.

— Ты сказала, что нам придется оставить этот съетч, — сказал Пол. — Разве не надо заниматься упаковкой вещей и другими сборами?

— Все будет сделано в свое время. Убийцы-сардукары еще не проникли в наш район.

Она смотрела на него, колеблясь, чтобы что-то сказать.

— В чем дело? — требовательно спросил он.

— Твои глаза — не глаза ибада. Это непривычно, но и не совсем некрасиво.

— Принеси еду, — сказал он. — Я голоден.

Она улыбнулась ему понимающей женской улыбкой.

— Я — твоя служанка, — сказала она, и, повернувшись, плавным движением нырнула за стену плотно навешанных тканей, которые, качнувшись, на мгновение обнаружили узкий проход.

Сердась на себя, Пол раздвинул занавески, прошел в большую комнату и неуверенно остановился у порога. «Интересно, — подумал он, —

где же Чани... Чани, только что потерявшая отца... У нас один и тот же враг».

Со стороны внутренних коридоров послышался протяжный крик, несколько заглушенный тканями. Он повторился уже в отдалении, затем прозвучал еще... и еще раз... Пол понял, что кто-то объявляет всем время. Он вспомнил, что ни разу не видел в сьете часов.

Слабый запах горящего креозота перебил вездесущую вонь сьета и достиг его ноздрей. Пол отметил, что эта вонь его уже не так раздражает, как в начале. Он привык.

И он снова подумал о своей матери и о том, что виденный им калейдоскоп событий будущего, затрагивает и ее... и ее нерожденную еще дочь. Перед ним плясали изменчивые блики времени. Он резко тряхнул головой, прогоняя навязчивые картины.

Он осознал, что уже видел в будущем и эту пещеру, и эту комнату. Но что-то было не так, что-то резко отличалось от виденного им...

И тут он вспомнил — Яд! Его воспоминания связаны с ядом, который он и его мать должны были выпить.

Но с тех пор, как он перешагнул порог сьета, — он не видел яда, ни призраков того, что им вообще пользовались. И в тоже время он чувствовал запах яда в воздухе сьета — яда сильного и страшного самого по себе.

Он услышал шелест отодвигаемых входных занавесок и, подумав, что это Хара возвращается с едой для него, обернулся. Вместо нее он увидел двух мальчишек, лет девяти-десяти, не отрывавших от него жадных глаз. На боку у каждого висел криснож и каждый держал его за рукоять.

Пол вспомнил рассказы о Свободных, о том, что в битвах их дети такие же свирепые, как и взрослые.

Фосфоресцирующие лампы в дальних верхних углах пещеры оставляли переполненное людьми помещение в полутьме, лишь намекая на огромные размеры этого образовавшегося в толще скалы помещения. «Больше, — подумала Джессика, — чем даже размеры Зала Собраний в школе Бене Гессерит». Она подсчитала, что здесь внизу под возвышением, на котором она стояла со Стилгаром, находилось более пяти тысяч человек. А люди все продолжали подходить. Воздух был наполнен гулом голосов.

— Твой сын был потревожен во время отдыха, Сайадина, — сказал Стилгар. — Хочешь ли ты рассказать ему о своем решении?

— Разве сможет он изменить мое решение?

— Конечно, воздух, который несет к нам твои слова, выходит только из твоих легких, но...

— Решение принято окончательно.

Однако, ее обуревали сомнения: быть может, ради сына отказаться от принятого решения?

Следовало также подумать о неродившейся дочери. Ведь все, что угрожало ее собственной плоти, угрожало и ей.

Подошли мужчины со свернутыми коврами на плечах, сгибаясь под их тяжестью и бросили их на пол, подняв при этом облако пыли.

Стилгар взял ее за руку и повел в акустический отсек, границей которого являлся дальний край уступа. Он указал на каменную скамью, находящуюся внутри этого отсека.

— Здесь сидит Преподобная мать, но ты можешь здесь отдохнуть.

— Я предпочитаю постоять.

Она наблюдала за тем, как мужчины расстилали ковры и покрывали ими ступени. Потом она перевела взгляд на толпу. Теперь на каменном полу стояло, по крайней мере, десять тысяч человек, но Свободные все продолжали подходить.

Она знала, что там наверху пустыня была погружена в глубокую тьму, но здесь, в пещере, горел свет, тускло освещая серую массу людей, собравшихся посмотреть, как она будет рисковать собственной жизнью.

Справа от нее толпа расступилась, открыв проход, и она увидела Пола, идущего по живому коридору, в сопровождении двух маленьких мальчиков. Дети держались подчеркнуто важно. Руки их лежали на рукоятках крисножей, и они хмуро смотрели на толпу людей, стеной стоявших на обсах сторонах их пути.

— Это сыновья Джемиза, которые теперь стали сыновьями Узула. Они очень серьезно относятся к своим обязанностям телохранителей, — сказал Стилгар и улыбнулся Джессике.

Джессика поняла, что он пытается приободрить ее и была благодарна ему за это, но не могла отвлечься от мысли, об грозившей ей опасности.

«У меня нет выбора, я должна это сделать, — думала она. — Мы должны действовать быстро, если хотим обеспечить себе безопасность в этом съезде Свободных».

Пол взобрался на уступ, оставив детей внизу. Он остановился перед матерью и посмотрел на нее, затем перевел взгляд на Стилгара, потом снова на Джессику.

— Что случилось? Я думал, что меня вызвали на Совет?

Стилгар поднял руку, призывая людей к тишине, и посмотрел влево, где открывался другой выход. По нему шла Чани. На ее миниатюрном личике застыла скорбь.

Она сняла свой стилсют. Ее фигуру изящно окутывало покрывало голубого цвета. Тонкие руки оставались открытыми. К белому плечу был прикреплен зеленый керчиф.

«Зеленое — цвет скорби, — подумал Пол.

«Это один из обычаев», — объяснили ему сыновья Джемиза. Они сказали ему также, что сами не носят зеленого, потому что признали его приемным отцом.

— Ты Лизан ал-Гаиб? — спросили они. Он не стал отвечать, ощутив в этих словах тень джихада, а принял сам задавать вопросы.

Оказалось, что Калефру — старшему — было десять лет, и что он был родным сыном Гоффа. Орлоп, которому было восемь лет, был сыном Джемиза.

Это был странный день. Двое детей стерегли вход в комнату и никого не пускали внутрь, чтобы он мог спокойно подумать, припомнить пророческие видения и выбрать путь, который не вел к джихаду.

Теперь, стоя рядом с матерью на возвышении, он глядел сверху на эту толпу, сомневаясь, может ли что-нибудь предотвратить образование легионов фанатиков.

За Чани, которая находилась уже совсем близко от Пола, двигались на некотором расстоянии четыре женщины. Они несли носилки, на которых восседала старуха.

Джессика, не обращая внимания на Чани, смотрела в сторону женщины на носилках — сморщенной древней старухи в черном плаще с капюшоном, отброшенным на спину, и оставляющим на виду пучок седых волос и морщинистую шею.

Четверо женщин осторожно поставили носилки на возвышение, и Чани помогла старухе подняться на ноги.

«Итак, это и есть их Преподобная мать», — подумала Джессика.

Старая женщина медленно направилась к ней, тяжело опираясь на руку Чани. Она была похожа на скелет, закутанный в черное платье. Остановившись перед Джессикой, она долго вглядывалась в нее, прежде чем проговорила хриплым шепотом:

— Значит, ты одна, — старая голова качнулась на тонкой шее. — Шадоут Манес была права, жалея тебя.

Быстро и решительно Джессика проговорила:

— Мне не нужна ничья жалость!

— Это мы еще посмотрим, — прохрипела старая женщина. Обернувшись с удивительной быстротой, она оглядела толпу.

— Скажи им, Стилгар.

— Смогу ли я?

— Мы — люди Мисра, — выдохнула старуха. — С тех пор, как наши предки пришли сюда из Нилотик ал-Оруба, мы только знали бегство и смерть. Но молодые не дадут нашему народу умереть.

Стилгар глубоко вздохнул и сделал два шага вперед.

Джессика заметила, как мгновенно замолкли люди. Теперь их собралось уже около двадцати тысяч и все они стояли молча, почти без движений. И вдруг Джессика ощутила себя среди них такой маленькой и беззащитной...

— Сегодня ночью нам, быть может, придется покинуть этот съетч, так долго служивший нам укрытием, и уйти на юг в пустыню, — сказал Стилгар.

Его голос гремел над обращенными к нему лицами, вибрируя от заключенной в нем силы, усиленный акустическим действием пещеры.

Толпа хранила молчание.

— Преподобная мать сказала мне, что не выдержит еще одного хайра. Раньше мы жили без Преподобной матери, но теперь нам не отыскать новый дом без нее.

В толпе послышался ропот, люди зашевелились и на их лицах отразилось беспокойство.

— Чтобы этого не случилось,— сказал Стилгар,— наша новая Сайадина, Джессика Мудрая, согласилась пройти обряд. Она должна вынести испытание, чтобы мы не потеряли силу нашей Преподобной матери.

«Джессика Мудрая»,— подумала она и увидела, что Пол вопросительно смотрит на нее, однако в присутствии всех этих людей она вынуждена была хранить молчание.

«Что будет с ним, если я умру при проведении обряда?» И снова она почувствовала, как ее наполняют сомнения.

Чани помогла старой Преподобной матери сесть на каменную скамью под акустическим сводом и вернулась к Стилгару.

— Но, чтобы мы не потеряли всего, если Джессике постигнет неудача,— сказал Стилгар,— Чани, дочь Льета, будет посвящена сегодня в Сайадины.— Он отступил в сторону.

Из глубины акустического свода до них донесся голос старой женщины, ее хриплый шепот:

— Чани вернулась из своего хайра. Чани видела Воды?

Толпа прошелестела:

— Она видела Воды...

— Я посвящаю дочь Льета в Сайадины,— прошептала старуха.

— Она посвящена,— отозвалась толпа.

Слова церемонии едва доходили до слуха Пола. Он был сосредоточен мыслями на тех словах, которые сказал Стилгар о его матери.

«Если Джессике постигнет неудача...»

Он повернулся и посмотрел на ту, которую называли Преподобной матерью, изучая высохшие черты старухи, ее бездонные глаза густосинего цвета. Казалось, ее мог унести легкий порыв ветра, но все же в ней было нечто, указывающее на то, что она могла бы пройти тропой кориолисова шторма и выйти из него неуязвимой. Она излучала тот же ореол власти, что и Преподобная мать Гайус Хелен Моахим, которая испытывала его мучительной болью с помощью Гом Ждаббара.

— Я, Преподобная мать Ромалло, чьим голосом говорит множество голосов, объявляю вам,— сказала старуха,— что с сегодняшнего дня Чани становится Сайадиной.

Старая женщина кивнула и прошептала:

— Я даю ей серебряные небеса и золотую пустыню, сверкающие снегом горные вершины и зеленые поля, которые у нас будут. Я даю все это Сайадине Чани. А чтобы она не позабыла, что теперь является слугой

всех нас — пусть участвует в обряде Семени. Да свершится все по воле Шай-Хулуда! — Она подняла вверх и опустила свои коричневые иссохшие руки.

Джессика чувствовала, что наступает ее время и пути к отступлению уже нет. Она бросила взгляд на вопросительно глядевшего на нее Пола и стала готовиться к началу обряда.

— Пусть выйдут вперед Хранители Воды, — сказала Чани, и легкая дрожь неуверенности послышалась в ее девичьем голосе.

И Джессика, по тому как настороженно замолкла толпа, поняла — опасность рядом.

По открывшемуся в глубине коридору в скале двинулась из глубины пещеры процессия мужчин. Они шли парами, и каждая пара несла маленький, тяжело колыхавшийся мешочек, размером, вероятно, с половину человеческой головы. Мешочки были обильно смазаны какой-то слизью.

Те двое, что шли впереди, опустили свой груз у ног Чани и отступили назад.

Джессика посмотрела на мешочек, потом на мужчин. Их капюшоны были откинuty, обнажая длинные волосы, уложенные на затылке в узел. Темные глаза смотрели на нее в упор.

Джессика почувствовала распространяемый мешочками запах корицы. «Спайс», — подумала она.

Хранитель Воды, стоявший слева — человек с багровым шрамом на переносице — кивнул.

— Там вода, Сайадина, — сказал он. — Но мы не можем ее пить.

— Есть ли в ней семя? — спросила Чани.

— Да, там семя, — отозвался Хранитель.

Чани встала на колени и положила руки на мешочек.

— Будь благословенна вода и семя в ней.

Ритуал был хорошо знаком Джессике, и она обернулась к Преподобной матери Ромалло. Глаза старой женщины были закрыты, а голова опущена на грудь, как будто старуха спала.

— Сайадина Джессика, — сказала Чани.

Джессика обернулась и посмотрела на глядевшую на нее девушку.

— Ранее ты подвергалась испытанию благословенной воды?

Прежде чем Джессика успела что-то сказать, Чани продолжала:

— Можешь не отвечать. Ты не могла быть подвергнута обряду до сегодняшнего дня. Ведь ты — пришлица извне.

По толпе прошел вздох, а от движения плащей поднялся ветерок, который коснулся волос Джессики.

— Урожай был велик, и Создатель погиб, — сказала Чани. С этими словами она стала развязывать горловину мешка.

Теперь опасность обступила ее со всех сторон, почувствовала Джессика. Она посмотрела на Пола и увидела, что он всецело захвачен таинственностью обряда и смотрит только на Чани.

«Видел ли он этот момент во Времени? — подумала она и приложила руку к животу, думая о нерожденной дочери, спрашивая себя: «Имею ли я право рисковать ее жизнью?»

Чани поднесла горлышко кожаного мешка к ее губам и сказала:

— Здесь Вода жизни, вода более великая, чем вода Кан, вода, которая освобождает душу. Если ты способна стать Преподобной матерью — она откроет тебе Вселенную. Пусть рассудит нас Шай-Хулуд.

Джессика почувствовала, что разрывается между долгом по отношению к Полу и своей нерожденной дочери. Ради Пола, она знала это, ей надо принять мешочек и выпить его содержимое. Но едва она наклонилась над ним — все чувства предупредили ее о грозящей опасности. Запах содержимого отдавал специфичной горечью, напоминая известные ей ранее яды, но вместе с этим в нем было что-то особенное, отличное от них.

— Ты должна выпить это, — сказала Чани.

«Пути назад нет, — напомнила себе Джессика. Но ни одно из качеств Бене Гессерит не приходило ей сейчас на помощь. — Что это? — спрашивала себя Джессика. — Яд? Наркотик?»

Она склонилась над мешком и вдохнула в себя запах эфира и циннамона и тут вспомнила об опьянении Дункана Айдахо. Неужели в нем спайсовый алкоголь? Поднеся край мешка ко рту, она сделала такой маленький глоток, на который была способна. Жидкость имела привкус спайса и немного щипала язык.

Чани нажала на бока мешка. Сильная струя его содержимого хлынула в рот Джессике, прежде чем она успела что-то сообразить. Чтобы не захлебнуться, Джессика вынуждена была проглотить жидкость. Ей удалось сохранить внешнее спокойствие и достоинство.

— Ощущение смерти — страшнее самой смерти, — произнесла Чани, не отрывая взгляда от Джессики.

Джессика смотрела на нее не в силах оторвать губ от мешка. Она ощущала его содержимое ноздрями, небом, всем своим существом. Она ощущала на языке его слабое пощипывание.

И снова Чани наполнила жидкостью ее рот. Какой тонкий привкус!

Джессика вглядывалась в лицо Чани, в ее миниатюрные черты Льета, еще не обрисованные временем.

«Она накачивает меня наркотиком», — подумала Джессика. Однако, он не был похож на другие, известные ей наркотики, хотя опыт Бене Гессерит в этой области был огромен.

Черты Чани сделались теперь такими ясными, словно каждая из них была подсвечена изнутри каким-то светом.

Несомненно, это действие наркотика. Молчание обволакивало Джессику плотной пеленой. Каждая клеточка ее тела посылала ей сигналы о том, что с ней происходит что-то неладное. Она мысленно ощущала себя пылинкой, перемещающейся в пространстве.

Подобно внезапному озарению, как будто перед ней развернулся занавес — пришло сознание своего психокинетического состояния.

Все происходящее реально. Вот перед ней Пол, Чани, Стилгар, Преподобная мать Ромалло...

Преподобная мать!

В школе ходили слухи, что некоторые не выдерживали испытания при посвящении в Преподобные матери Ромалло... и вдруг все вокруг замерло, как будто время прекратило свой неумолимый бег.

«Почему остановилось время?» — спросила она себя. Она посмотрела на лица вокруг нее, на лица с застывшими на них выражениями, увидела замершую над головой Чани пылинку.

Все замерло...

Ответ на вопрос возник в ее сознании подобно взрыву: все остановилось, чтобы дать ей возможность выжить.

Она сконцентрировалась на психокинетическом исследовании, заглядывая в себя, и немедленно встретила препятствие со стороны клеток головного мозга — сгусток темноты, от которого она отшатнулась.

«Вот место, куда мы не можем заглянуть, — подумала она. — То самое место, о котором так часто говорила Преподобная мать — место, куда может заглянуть только квизатц хедерах».

И вдруг замершее время отпустило ее из своих объятий, и она снова ощутила его движение. Трубка, отходящая от мешочка, мягко тронула ее губы, собирая внутрь капельки ее слюны.

«Чани собирается катализатором из моей слюны изменить состав яда в мешке... Зачем?» — подумала Джессика.

Кто-то помог ей сесть. Она увидела, что Преподобная мать Ромалло садится рядом с ней на покрытое ковром возвышение. Сухая рука дотронулась до ее щеки. И тут вдруг внутри ее сознания возникло еще одно психокинетическое состояние. Джессика попыталась отбросить его, но оно становилось все ближе... ближе... и вот оно объединилось с ее собственным...

Это было словно внутреннее слияние двух людей — она была теперь как бы одним целым со старой Преподобной матерью.

Но тут Джессика поняла, что Преподобная мать вовсе не считает себя старой. Перед их общим внутренним взором предстала совсем юная девушка, веселая, с любящим сердцем.

И это сердце сказала:

— Да, я такова!

— Скоро все произойдет, — сказал внутренний голос.

Должно быть, галлюцинации, подумала она.

— Нет, это не так, — сказал внутренний голос. — Необходимо действовать быстрее, не сопротивляясь! У нас мало времени. Мы... — последовала долгая пауза. — Тебе необходимо было сразу сказать о своей бременности.

Джессика наконец обрела свой собственный внутренний голос, спросивший: «Почему?»

— Это изменит вас обоих. Святая мать, что мы наделали!

Джессика почувствовала в их общем сознании какое-то изменение и увидела своим внутренним взором еще одну крохотную частицу. Она кругами металась внутри нее, излучая дикий ужас.

— Тебе придется быть сильной, — сказал голос Преподобной матери. — Будь благодарна за то, что носишь в себе дочь. Зародыша мужского пола это убило бы. Теперь осторожно... нежно дотронься до своей дочери-образа. Воспользуйся своей силой... своей смелостью... теперь нежно... нежно...

Ужас каменной глыбой навалился на ее сердце, угрожая размозжить, расплющить его. Она стала бороться с ним единственным известным путем: «Я не буду бояться...»

Молитва принесла подобие спокойствия. Страх постепенно исчез.

И снова присутствие Преподобной матери напомнило о себе, но теперь уже существовал триумvirат сознаний — двух активных и одного, находящегося в состоянии созерцания.

— Время торопит меня, — сказала Преподобная мать внутри ее сознания. — Мне нужно многое дать тебе. И я не знаю, сможет ли твоя дочь остаться умственно здоровой, приняв все это. Но да будет так! Интересы рода — превыше всего!

— Что...

— Молчи и воспринимай!

Картины познания закружились перед Джессикой. Видение походило на лекцию по тренировке подсознания, практикуемое в школе Бене Гессерит, но теперь вся информация проносилась в ее сознании с быстротой молнии.

Сейчас не было времени думать о том, какое действие могло произвести все это на зародыш ее дочери. Время было лишь на то, чтобы воспринимать и накапливать. Знания вливались в Джессику бушующей пенящейся рекой.

«Зачем мне нужно так много информации о жизни этого рода Свободных?» — спросила она себя.

С опозданием Джессика поняла, в чем дело. Старая женщина умирала и, умирая, вливала свой багаж знаний и опыта в Джессику, подобно тому, как переливают воду из отслужившего свой век кувшина в новый. Уходя из жизни, старая Преподобная мать оставляла свою жизнь в памяти Джессики, и она подтвердила это последними слабыми, как вдох, словами:

— Давно я ждала тебя, — сказала она.

«Теперь я — Преподобная мать», — сказала себе Джессика.

И она с неоставляющей сомнений ясностью поняла, что стала тем, что понимают под титулом Преподобной матери. Ядовитый наркотик преобразил ее.

Именно так все проделывалось в школе Бене Гессерит, она знала это. Никто никогда не посвящал ее в тайну преобразования, но она знала о ней. Конечный результат был тот же.

Ужасное чувство одиночества пронзило Джессикау, когда она полностью осознала, что с ней случилось.

«Я сделала это, бедная моя нерожденная дорогая девочка! Я ввергла тебя в хаос Вселенной и подвергла твою «я» действию всех ее страшных сил тогда, когда у тебя нет еще против них никакой защиты».

Крохотная частица, как отражение того, что она переживала, источала струйку любви.

Теперь Джессика явно поняла, что ей надо делать.

Она открыла глаза и указала на мешочек, который Чани теперь держала над ее головой.

— Вода получила благословение, — сказала Джессика. — Смешайте воды, пусть изменение коснется всех, чтобы люди смогли приобщиться к благословию, выпив из мешка несколько глотков. Наркотик теперь безопасен... теперь, когда его изменила Преподобная мать».

— Я встретила с Преподобной матерью Ромалло, — продолжала Джессика.

— Она ушла, но осталась навсегда в нас. Почтим ее память ритуалом.

«Откуда взялись во мне эти слова?» — удивилась она.

И она поняла, что слова пришли к ней из чужой памяти, чужой жизни, открывшейся ей и ставшей частью ее существа.

— Пусть у этих людей сегодня праздник, — сказала чужая память. — Ведь у них так мало радостей в жизни. Да и нам с тобой нужно еще немного времени, прежде, чем я исчезну в твоём сознании. И скорлупка разума-памяти внутри нее исчезла, открывая путь в глубь, к предшественнице Преподобной Ромалло и к ее предшественнице, и к предшественнице той... и так без конца.

Джессика увидела Свободных на Поритрине — мягкий, приветливый народ, на чудесной планете, служивший легкой добычей при набегах Империи, увозившей человеческий материал для колоний Бела Тегузе.

О, какой план сопровождает этот участок памяти!

Чей-то голос в отчаянии закричал:

— Они запретили нам хаджис!

Далее на пути своей памяти Джессика увидела хижини рабов на Бела Тегузе, увидела как забирают из них людей для транспортировки на планеты Россак и Хармонтеп. Следы грубейшего насилия над людьми открывались перед ней, как бутон отвратительного цветка.

И она видела, как от Сайадины к Сайадине тянулась цепь памяти о прошлом... Вначале передаваемая в легендах и песнях, а затем Преподобными матерями после открытия ядовитого наркотика на Россакке.

Здесь же на Арракисе все это обрело удивительную силу с появлением Воды Жизни.

Чей-то голос кричал из глубины памяти:

— Никогда не прощать! Никогда не прощать!

Но все внимание Джессики теперь было сосредоточено на Создателе Воды Жизни — жидкости, выделяемой гигантским, умирающим песчаным червем — Создателем.

Сцена его смерти потрясла ее, у нее перехватило дыхание...

— Мама, как ты себя чувствуешь?

Голос Пола нарушил ее уединение, и она вышла из состояния внутреннего созерцания, чтобы взглянуть на него, сознавая свой долг перед ним и одновременно негодуя на возникшую помеху.

— Как ты себя чувствуешь? — повторил Пол.

— Хорошо.

— Можно мне это пить? — он указал на мешок в руках Чани. — Они хотят, чтобы я это выпил.

Она уловила скрытый смысл его слов и поняла, что он догадался, каков был яд до изменения, раз он беспокоится о ее состоянии, и тут Джессика поняла, что способности Пола к предвидению имеют границы. Его вопрос сказал ей о многом.

— Ты можешь это выпить, — сказала она. — Он изменен. — И она посмотрела на Стилгара, который не сводил с нее внимательного, изучающего взгляда.

— Теперь мы знаем, что ты настоящая Сайадина... — сказал он.

Джессика почувствовала скрытый смысл этих слов, но одурманивающее действие наркотика притупило ее чувства. Как тепло и приятно! Как благородным благодеянием было со стороны Свободных ввести ее в такое состояние...

Пол понял, что наркотик продолжает оказывать свое действие на его мать. Он поискал в своей временной памяти возможное будущее, о по отдельным возникающим фрагментам его было трудно понять.

Что касается наркотика, то он мог собрать знания относительно его, мог понять, какое действие он оказывает на его мать, но знание это было поверхностным.

Он понял внезапно, что видеть прошлое, находясь в настоящем, — это одно, однако истинная задача предвидения — видеть прошлое в будущем.

— Выпей это, — сказала Чани. Она поднесла к его губам мешочек.

Пол выпрямился и посмотрел в глаза Чани. Он знал, что с ним случится, если он выпьет этот напиток с примесью спайса. Он вернется к видению чистого времени, он вознесется на головокружительную высоту и должен будет снова бороться сам с собой...

Из-за спины Чани Стилгар сказал:

— Выпей это, мальчуган, ты задерживаешь всех и мешаешь продолжению обряда.

Пол обернулся к толпе и услышал безумный рев:

— Лизан-ал-Гаиб! Муаддиб!

Он посмотрел на мать. Она, казалось, мирно спала, так и не изменив своего положения, и дыхание ее было мирным и ровным. В памяти его всплыла фраза из будущего, бывшего его одиноким прошлым: «Она спит в Воде Жизни».

Чани потянула его рукав. Пол поднес край мешка к губам и вновь услышал рев толпы. Чани нажала на мешочек, и как только жидкость хлынула ему в горло, он почувствовал головокружение.

Чани взяла у него мешок и, нагнувшись, передала его в жаждущие руки людей. Пол перевел взгляд на зеленый керchief на ее плече.

Выпрямившись, Чани заметила направление его взгляда и сказала:

— Я могу оплакивать его, даже напоенная счастьем вод. Это он дал нам такой дар. — Она взяла его за руку и повела прочь с возвышения. — Мы схожи с тобой, Узул. Каждый из нас потерял из-за Харконненов отца.

Пол пошел за ней. Он испытывал ощущение, словно его голова отделилась от туловища, а потом вернулась и стала не на свое место. Ноги его подкашивались.

Они вошли в узкий коридор, стены которого были слабо освещены. Пол почувствовал, что наркотик начинает оказывать на него свое удивительное действие, раскрывая время словно поток. Когда они свернули в другой темный туннель, ему пришлось опереться на руку Чани. Смесь упругости и мягкости, осязаемая под ее платьем, заставляла сильнее биться его сердце.

— Я уже давно знаю тебя, Чани, — сказал он. — Мы сидели под уступом, и я успокаивал тебя. Мы ласкали друг друга. Мы... — Он обнаружил, что теряет зрение и споткнулся.

Чани помогла ему выпрямиться и, раздвинув желтые занавеси, ввела его в комнату. Там были низкие столы, подушки, ложе под оранжевым пологом.

Пол осознал, что они стоят, а Чани смотрит ему в лицо и взгляд ее спокоен, хотя и выдает ужас.

— Ты должен мне все рассказать, — прошептала она.

— Ты — Сихайя, весна пустыни, — вымолвил Пол.

— Когда племя делит воду, — сказала она, — мы вместе, все мы... делим ложе. Я могу представить себя с другими, но... с тобой я боюсь...

— Почему?

Он пытался сосредоточиться, чтобы разглядеть ее лицо, но прошлое и будущее сливались в его сознании, затеняя ее образ. Он видел ее на всех своих бесчисленных путях.

— В тебе есть что-то пугающее, — сказала она. — Когда я увела тебя от остальных, я сделала это потому, что чувствовала, что они хотят имен-

но этого... Ты... давишь на людей. Ты заставляешь нас... видеть... будущее...

Он с трудом заставил себя отчетливо проговорить:

— А что видишь ты?

Она посмотрела вниз на свои руки.

— Я вижу ребенка у меня на руках. Это наш ребенок... твой и мой.—

Она испуганно прикрыла рот ладонью.— Откуда я могу знать каждую родинку на твоём теле?

«Под воздействием спайсового наркотика у них также возникает в слабой форме дар предвидения,— пронеслось в голове у Пола.— Но они подавляют его потому, что он вызывает у них ужас». Зрение его на мгновение прояснилось, и он заметил, что Чани дрожит.

— Чани, ты хочешь мне что-то сказать? — спросил он.

— Узул... — прошептала она, продолжая дрожать.

— Не бойся, Чани,— никто не в состоянии изменить будущее.— Его захлестнула жалость к ней. Пол притянул ее к себе, погладил по голове.— Чани, не бойся,— повторил он.

— Узул, помоги мне! — крикнула девушка.

Едва она выговорила эти слова, Пол почувствовал, что наркотик закончил свою работу, словно сорвал завесу, покрывавшую глаза серой бурлящей мглой будущего.

Время лежало перед ним и, словно бы поднявшись в неведомом измерении, он мог взглянуть на него сверху.

Он видел Империю и Харконнена по имени Фейд-Раус, который угрожал ему... Сардукаров, как рассерженных пчел залетающих со своей планеты, чтобы убивать и убивать на Арракисе... Союз с его тайными замыслами... Бене Гессерит с ее идеей селекции... Все это грозовой тучей клубилось на горизонте... Пол видел себя в самом центре событий, шагающим как бы по проволоке на головокружительной высоте...

— Ты успокоился? — голос Чани, наконец, дошел до его сознания.

Слезы жалости душили Пола, бесценной влагой наворачивались на глаза.

— Никогда у нас больше не будет покоя,— прошептал он.

— Узул, ты плачешь, Узул, сила моя, ты даешь влагу мертвым? Каким?

— Тем, которые еще живы,— ответил он.

— Да пусть продлится время их жизни!

Сквозь действие наркотика он почувствовал силу ее слов и страстно прижал девушку к своей груди.

— Сихайя!

Она ласково провела ладонью по его щеке.

— Я больше не боюсь тебя, Узул. Посмотри на меня. Когда ты меня так обнимаешь, я вижу все, что видишь ты сам.

— И что же ты видишь? — спросил он.

— Я вижу, как мы дарим любовь друг другу. Это то, что мы собираемся сделать сейчас.

Наркотик снова начал овладевать его сознанием.

— Ты сильная, Чани, — прошептал он, — останься со мной.

— Навсегда, — сказала она и нежно поцеловала его в щеку.

ПРОРОК

Глава I

Барон Владимир Харконнен, дрожа от гнева, вылетел из своих личных покоев и быстро пошел по коридору, пронизанному светом заходящего солнца, что лился сквозь высокие окна. От резких движений тело его в суспензорном поле казалось искаженным и изломанным.

Он промчался мимо личной кухни, мимо библиотеки, и мимо помещения для слуг, где уже парило вечернее спокойствие.

Капитан охраны, Иакин Нефуд, сидел на диване, и на его плоском лице застыло то оцепенение, которое вызывает семута. Вокруг него бушевала сверхъестественная семутная музыка. Рядом сидели его люди.

Нефуд встал, лицо его под влиянием наркотика было спокойным, но его неестественная бледность выдавала страх. Семутная музыка прекратилась.

Барон оглядел лица вокруг него, отметив выражение спокойствия безумцев. Вновь обратившись к Нефуду, он вкрадчиво проговорил:

— Сколько времени ты являешься капитаном, Нефуд?

— Со времен Арраки, мой господин. Почти два года.

— И ты всегда противостоял опасностям, которые мне угрожали?

— Таково было мое единственное желание, мой господин.

— Тогда где Фейд-Раус? — проревел барон.

Нефуд весь сжался под его свирепым, взглядом:

— Мой господин?!

— Ты не считаешь, что Фейд-Раус может представлять для меня опасность? — голос его снова зазвучал вкрадчиво.

— Фейд-Раус в помещении для рабов, мой господин.

— Снова с женщинами, а? — барон трясся от гнева.

— Сир, могло быть, что он...

— Молчать!

Барон подошел ближе, отметив при этом, что люди отступили назад, страшась его гнева.

— Разве не приказывал я тебе всегда иметь под рукой исчерпывающую информацию о том, где находится барон-наследник? — спросил барон. Он придвинулся к Нефуду еще на один шаг. — Разве я не говорил тебе, что ты обязан каждый раз сообщать мне, что он направился в помещение для рабов, когда бы это ни произошло? — Он придвинулся еще на шаг. — Разве я не говорил, что ты дол-

жен знать совершенно точно о том, что говорит барон-наследник?

На лбу Нефуда выступила испарина.

Тусклым, лишенным выражения голосом барон повторил:

— Разве я не говорил тебе всего этого?

Нефуд кивнул утвердительно.

— И разве не говорил я, что ты обязан проверять всех рабов-мальчиков, присылаемых ко мне, и что ты обязан это делать сам... лично!

И снова Нефуд кивнул.

— Может быть, ты не заметил изъяна на бедре того, которого прислал мне сегодня вечером? — спросил барон. — Возможно, ты...

— Дядя!..

Барон обернулся и уставился на стоящего в дверях Фейд-Рауса. Присутствие его племянника здесь, сейчас, поспешность, следы которой молодому человеку не удалось скрыть, — все это говорило о многом: Фейд-Раус имел целую систему собственных шпионов, неустанно следивших за бароном.

— В моих покоях лежит тело, и я желаю, чтобы его унесли, — сказал барон. Держа руку на оружии под плащом, он мысленно поблагодарил судьбу за то, что у него превосходное защитное поле.

Фейд-Раус бросил взгляд на двух охранников, стоящих у стены справа, и подал им знак. Те козырнули и направились к двери, а потом — по коридору в направлении покоев барона.

«Значит, эти двое, — подумал барон. — Этому юному чудовищу еще нужно поучиться конспирации!»

— Полагаю, ты закончил свои дела в помещении для рабов, Фейд? — спросил барон.

— Я играл в чеопс с их начальником, — сказал Фейд-Раус. А про себя подумал: «Что же произошло? Мальчик, которого мы отослали моему дяде, очевидно, убит. Но он удивительно подходил для игры. Даже Хават не мог бы сделать лучшего выбора. Мальчик был превосходен!»

— Играешь в шахматы? — спросил барон. — Как это мило. Ты выиграл?

— Я... э... да, дядя, — сказал Фейд-Раус с легким замешательством.

Барон шелкнул пальцами.

— Нефуд, ты хочешь вернуть себе мое расположение?

— Сир, что я сделал? — спросил Нефуд.

— Сейчас это неважно! — отрубил барон. — Фейд обыграл начальника над рабами в чеопс. Ты это слышал?

— Да, сир, — неуверенно сказал Нефуд.

— Я хочу, чтобы ты взял троих людей и отправился к начальнику над рабами, — сказал барон. — Задуши его. Тело принеси сюда, чтобы я мог убедиться, что все проделано чисто. Мы не можем держать в штате такого незадачливого шахматиста.

Заметно побледнев, Фейд-Раус шагнул вперед:

— Но, дядя...

— Потом,— сказал барон и махнул рукой.— Это потом, Фейд.

Два охранника, посланные в апартаменты барона, прошли по коридору мимо открытой двери, неся тело мальчика. Барон проследил за ними взглядом, пока они не скрылись из виду.

Нефуд встал рядом с бароном.

— Вы желаете, чтобы я убил начальника над рабами сейчас, мой господин?

— Сейчас,— ответил барон.— А когда сделаешь, добавь в свой список тех двоих, что сейчас прошли мимо. Мне не понравилось то, как они несли тело. Их трупы тоже покажешь мне.

Нефуд с готовностью кивнул:

— Мой господин, если есть хоть что-то...

— Делай то, что тебе велел твой хозяин,— прикрикнул на него Фейд-Раус. И он подумал: «Я могу сейчас надеяться только на спасение собственной шкуры».

«Теперь он запомнит этот урок»,— подумал барон и улыбнулся про себя.— «Этот мальчуган знает, как мне понравиться и как отвести от себя мой гнев. Кто еще есть у меня, способный взять в свои руки бразды правления, которые я однажды выпущу из своих рук? Другого такого у меня нет. Но знать он должен. А я, пока он учится, должен себя сдерживать».

Нефуд знаком велел своим людям следовать за ним и пошел к двери.

— Ты не пройдешь со мной в мои покои, Фейд? — спросил барон.

— Я в вашем распоряжении,— ответил Фейд-Раус, думая: «Я пойман».

— После тебя,— сказал барон, указывая на дверь.

Фейд-Раус колебался не более секунды. «Неужели я окончательно проиграл? — подумал он.— Всадит ли он мне в спину отравленный клинок... медленно, сквозь защитное поле? Есть ли у него другой приемник?»

«Пусть познает мгновение ужаса»,— подумал барон, идя вслед за племянником.— Он наследует мне, но только тогда, когда я сам выберу время. Я не позволю ему отбросить то, что я построил!»

Фейд-Раус старался не идти чересчур поспешно. Он чувствовал, как натянулась кожа на его спине, как будто само тело вопрошало, когда оно получит удар. Мускулы его напряглись и снова расслабились.

— Ты слышал последнее сообщение с Арраки? — спросил барон.

— Нет, дядя.

Фейд-Раус силой заставил себя не оглядываться. От крыла служебных комнат он повернул в коридор.

— У Свободных появился новый пророк, религиозный предводитель, или что-то в этом духе,— сказал барон.— Они называют его «Муаддиб». Очень смешно. Это слово обозначает «мышь». Я сказал Раббану, чтобы он позволил им свою религию. Пусть будут хоть чем-то заняты.

— Это очень интересно, дядя, — сказал Фейд-Раус. Он повернул в коридор, ведущий в опочивальню барона, удивляясь про себя: «Почему он болтает о религии? Не кроется ли здесь намек для меня?»

Они прошли через приемную в спальню. Там их встретили признаки не слишком упорной борьбы: передвинутая суспензорная лампа, подушка на полу, сломанная кассета на кровати.

— План был умный, — проворчал барон. — Но не слишком. Скажи мне, Фейд, почему ты не убил меня сам? У тебя было достаточно возможностей.

Фейд-Раус отыскал суспензорный стул и опустился на него без приглашения, что было лишним доказательством его замешательства.

«Теперь я должен призвать на помощь все свое мужество», — подумал он.

— Вы сами учили меня, что руки должны оставаться чистыми, — сказал он.

— Ах, да! — сказал барон. — Когда ты стоишь лицом к лицу с императором, то должен говорить правду. Ведьма, сидящая возле императора, услышит твои слова и узнает, правда это или ложь. Я предупреждал тебя об этом.

— Почему вы никогда не привозили Бене Гессерит, дядя? — спросил Фейд-Раус. — Если бы рядом с вами сидела Предсказательница правды...

— Тебе мои вкусы известны! — рявкнул барон.

Фейд-Раус внимательно посмотрел на дядю и сказал:

— И все же одна из них могла бы быть полезной...

— Я им не доверяю! — отрезал барон. — И хватит об этом.

Фейд-Раус холодно проговорил:

— Как пожелаете, дядя.

— Я вспоминаю о том, что произошло на арене несколько лет назад, — сказал барон. — Кажется, к тебе был подослан раб, который должен был тебя убить. Так ли это было?

— Это было так давно, дядя. В конце концов я...

— Пожалуйста, никаких уверток, — жестко проговорил барон.

Фейд-Раус, глядя на своего дядю, подумал: «Он знает. Иначе бы он не стал спрашивать».

— Это был обман, дядя. Я пошел на него, чтобы устранить вашего начальника над рабами.

— Очень умно, — заметил барон. — И смело. Этот раб-гладнатор едва не взял над тобой верх, так?

— Да.

— Если бы твоя хитрость могла сравниться с твоей храбростью, тебе не было бы цены. — Барон покачал головой. И как это с ним случалось множество раз с того ужасного дня на Арраки, он поймал себя на том, что сожалеет о гибели Питера, своего ментата. Ловкость того человека была поистине дьявольской. Впрочем, она его не спасла. Барон снова покачал головой.

Фейд-Раус оглядел спальню, изучая следы борьбы и удивляясь тому, как дяде удалось одолеть раба, столь тщательно им подготовленного.

— Удивляешься, как я одержал над ним верх? — спросил барон. — Позволь мне оставить в тайне мои стариковские секреты, Фейд. Сейчас нам лучше заняться сделкой.

Фейд-Раус внимательно посмотрел на него. «Сделкой! Значит, он намерен, оставить меня в преемниках. Иначе почему сделка?»

— Какой сделкой, дядя? — Фейд-Раус не без гордости отметил, что его голос остался звучным и спокойным.

— Ты — благодатный материал, Фейд. Я не намерен зря расходовать хороший материал. Тем не менее ты упорствуешь, отказываясь узнать свою истинную для меня ценность. Ты упрям. Ты не понимаешь, почему тебе следует относиться ко мне, как к высшей для тебя ценности. Это... — Он указал на следы борьбы в комнате. — Это было глупо с твоей стороны. Я не намерен награждать тебя за глупость.

«Переходи к сути дела, ты, старый дурак!» — подумал Фейд-Раус.

— Ты думаешь обо мне, как о старом дураке, — произнес барон. — Я должен тебя в этом разубедить.

— Вы говорили о сделке.

— Нетерпение свойственно юности, — сказал барон. — Что ж, суть сделки в следующем: ты прекратишь эти глупые покушения на мою жизнь, я, когда ты к этому будешь готов, уступлю тебе место. Я сделаю тебя властелином, а сам стану просто советником. Ты думаешь, что я стою перед тобой на задних лапах! Осторожнее, Фейд! Старый дурак разглядел сквозь защитное поле иглу, которую ты всадил в бедро мальчика-раба. Как раз на то место, на которое я кладу руку. Малейшее давление — и отравленная игла в ладони старого дурака! А, Фейд?..

Барон покрутил головой, думая: «И все же план удался бы, не предупреди меня Хават. Пусть парень верит в то, что я сам все понял. В некотором смысле так оно и есть. Это я спас на Арраки Хавата от гибели, и он просто обязан отблагодарить меня за это».

Фейд-Раус молчал, размышляя: «Можно ли полагаться на его слова? Если действовать осторожнее, я рано или поздно уберу его. Но надо ли торопить события, ведь он не будет жить вечно».

— Вы говорили о сделке, — напомнил Фейд-Раус. — Какие гарантии ее выполнения мы можем дать друг другу?

— А как мы можем доверять друг другу? — спросил барон. — Так и быть, Фейд, я открою тебе секрет: я приставил Зуфира Хавата наблюдать за тобой. В таком деле я полностью доверяю способностям Хавата. Ты меня понимаешь? Что же касается меня, то тебе придется поверить мне на слово. Но я не могу жить вечно, не так ли, Фейд? И возможно, тебе следует задуматься над тем, что на свете есть вещи, в которых я разбираюсь лучше, чем ты смог бы это делать.

— Я дам вам клятву, а что дадите мне вы? — спросил Фейд-Раус.

Ответ барона был краток:

— Я дам тебе возможность жить.

И снова Фейд-Раус пристально посмотрел на своего дядю. «Он приставил ко мне Хавата. Что бы он сказал, если бы я поведал ему, что это Хават придумал трюк с гладиатором, стоявший дышущие потери начальника над рабами? Возможно, он бы сказал, что я лгу, стараясь очернить Хавата в его глазах. Но добрейший Зуфир-ментат предвидел и эту возможность».

— Итак, что ты мне на это скажешь? — спросил барон.

— Что я могу сказать? Разумеется, я согласен.

И Фейд-Раус подумал: «Хават! С обоих концов он играет против середины... Так ли это? Перешел ли он в лагерь моего дяди, после того как я посоветовался с ним насчет этого покушения с использованием мальчика-раба?»

— Ты ничего не сказал насчет Хавата, — прохрипел барон.

Фейд-Раус раздул ноздри, подавляя гнев. В семье Харконненов имя Хавата служило сигналом опасности в течение многих лет... а теперь у него появилось новое значение: он все еще опасен.

— Хават — опасная игрушка, — сказал Фейд-Раус.

— Игрушка? Не будь глупцом. Я знаю, что приобрел в лице Хавата, и знаю, как его контролировать. Хават глубоко эмоционален, Фейд. Его эмоции... их можно обернуть нам на пользу.

— Я вас не понимаю, дядя.

— А между тем это достаточно просто.

Лишь быстрый взмах ресниц выдал возмущение Фейд-Рауса.

— И Хавата ты не понимаешь, — продолжал барон.

«Как и ты!» — подумал Фейд-Раус.

— Кого должен винить Хават в своем теперешнем положении? — спросил барон. — Меня? Конечно. Но он был инструментом Атридесов и брал надо мной верх до тех пор, пока не вмешалась империя. Его ненависть ко мне привычное для него чувство. Он верит в то, что в любое время может одержать надо мной победу. Веря в это, он подавляет ненависть ко мне. А я направляю его внимание туда, куда хочу: против империи:

Фейд-Раус наморщил лоб, силясь понять услышанное.

— Против императора?

«Пусть мой дорогой племянничек отведает и этого, — подумал барон. — Пусть примерит на себя: император Фейд-Раус Харконнен. Пусть спросит себя, сколько это стоит. Конечно, такое стоит больше, чем жизнь старого дяди, чьими стараниями мечта может стать явью!»

Очень медленно Фейд-Раус провел по губам кончиком языка. «Может ли быть правдой то, что говорит старый дурак?»

— И при чем же тут Хават? — спросил он.

— Он думает, что сможет использовать нас против императора в качестве оружия мщения.

— И когда же?

— Дальше мести его планы не идут. Хават из числа людей, которые должны служить другим, но сам он этого не знает.

— Я многому научился у Хавата, — сказал Фейд-Раус, сознавая, что говорит правду. — Но чем больше я его узнавал, тем острее чувствовал, что нам нужно от него избавиться, и как можно скорее.

— Тебе не понравилась мысль о том, что он может за тобой следить?

— Хават следит за всеми.

— Он может возвести тебя на трон. Хават хитер и очень опасен, но я еще не отменил для него противоядие. Кинжал тоже опасен, Фейд, но на него есть ножны. Яд — ножны для Хавата. Когда мы уберем противоядие, смерть заключит его в ножны — навсегда.

— В некотором смысле все это похоже на арену, — заметил Фейд-Раус. — Притворство внутри притворства. Нужно следить за тем, куда уклонился гладиатор, куда он посмотрел, как он держит нож.

Он видел, что его слова понравились дяде. При этом он подумал: «Да! Как на арене. И лезвие — ум!»

— Теперь ты понимаешь, как нуждаешься во мне, Фейд? — спросил барон. — Я еще могу быть полезен.

«Кинжал полезен, пока не притупится», — подумал Фейд-Раус, а вслух произнес:

— Да, дядя.

— А теперь, — сказал барон, — мы вместе отправимся в помещение рабов. И я прослежу за тем, как ты собственными руками убьешь всех женщин в крыле удовольствий.

— Дядя?

— У нас будут другие женщины, Фейд? Но я уже сказал, что больше не допущу ошибки.

Лицо Фейд-Рауса потемнело.

— Дядя, вы...

— Ты примешь это наказание и кое-что вынесешь из него, — сказал барон.

Фейд-Раус увидел злорадство в глазах дяди. «И я должен помнить эту ночь, — сказал он. — И помня ее, я должен помнить другие ночи».

— Ты не откажешься, — сказал барон.

«Что бы он сделал, если бы я отказался?» — спросил себя Фейд-Раус. Но он знал, что существовали более изощренные наказания, которые бы согнули его еще более грубо.

— Я тебя знаю, Фейд. Ты не откажешься.

«Хорошо, — подумал Фейд-Раус. — Сейчас ты мне нужен, я это понимаю. Сделка заключена. Но я не всегда буду в тебе нуждаться. И когда-нибудь...»

Глава 2

«Я видел много правителей Великих домов, но никогда не встречал свинью более тунную и опасную, чем эта», — сказал себе Зуфир Хават.

— Можешь говорить со мной откровенно? — прогремел барон. Он откинулся на спинку суспензорного кресла, устремив на Хавата взгляд заплывших жиром глаз.

Старый ментат посмотрел на гладкую поверхность разделяющего их стола и отметил его помпезную отделку. В этом, как и в красных стенах совещательной комнаты барона, и в пряных запахах трав, сквозь который пробивался запах мускуса, был виден вкус барона.

— Ты не заставишь меня остаться лишь пассивным исполнителем, пославшим Раббана. Это предупреждение только потому, что ты так захотел, — сказал барон.

Морщинистое лицо старого Хавата осталось бесстрастным, не отразив ни одного из бушевающих ментата чувств.

— Я хочу знать, — продолжал барон, — какие признаки на Арраки дали тебе пищу для подозрений относительно Салузы Второй. Одних твоих слов насчет того, что император якобы находится в какой-то связи с Арраки и этой таинственной планетой, недостаточно. Я послал столь поспешное предупреждение Раббану лишь потому, что туда отправлялся лайнер. Ты сказал, что промедление недопустимо. Очень хорошо, но я должен получить объяснения.

«Он слишком много болтает, — подумал Хават. — Он не похож на Лето. Тот мог сообщить обо всем, что мне нужно, лишь одним движением бровями или руки. И на старого герцога он не похож. У того одно сказанное с определенным выражением слово заменяло целое предложение. А эта глыба! Тот, кто его уничтожил бы, сделал бы ценный подарок человечеству».

— Ты не уйдешь отсюда до тех пор, пока я не получу полного и подробного объяснения, — предупредил ментата барон.

— Вы недооцениваете Салужу Вторую, — сказал Хават.

— Это колония для уголовников, — возразил барон. — На Салужу Вторую посылаются отбросы со всей Галактики. Что еще мы должны знать?

— Условия на тюремной планете более деспотичны, чем где-либо еще, — возразил Хават. — Вы слышите о том, что смертность там составляет более шестидесяти процентов. Вы слышите о том, что император практикует там все формы деспотизма. Вы слышите обо всем этом и не задаете вопросов.

— Император не позволяет Великим домам обследовать эту планету, — проворчал барон. — Но и в мои подземные темницы он тоже не заглядывает.

— И это... — Хават приложил к губам костлявый палец, — отбивает у вас охоту проявлять любопытство в отношении Салузы Второй?

— Некоторыми тамошними делами нельзя похвастаться.

Хават позволил себе улыбнуться. Глаза его блеснули в свете глоуглоба, когда он посмотрел на барона.

— И вы никогда не задумывались о том, где император берет своих сардукаров?

— Он проводит наборы рекрутов... так говорят... существует воинская повинность...

— Ха! — не выдержал Хават. — То, что вы слышите о подвигах сардукаров, это ведь не слухи! Эти сведения получены из первых рук, от тех, кому приходилось сражаться с сардукарами.

— Сардукары — превосходные солдаты, это несомненно, — сказал барон. — Но, думаю, мои собственные легионы...

— Являются в сравнении с ними группой туристов! — фыркнул Хават. — Думаете, я не знаю, почему император обрушился на дом Атридесов?!

— Это не та область, в которой тебе можно строить догадки, — предупредил барон.

«Неужели даже ему неизвестно, чем руководствовался император?» — подумал Хават.

— Моим догадкам открыта любая область, если только для этого! вы меня наняли, — сказал Хават. — Я — ментат. От ментата нельзя скрыть ни информацию, ни расчеты.

Барон посмотрел на него долгим взглядом, потом сказал:

— Говори то, что ты должен говорить, ментат!

— Падишах-император обрушился на дом Атридесов потому, что военачальники герцога, Гурни Хэллек и Дункан, готовили воинов, маленькое войско, почти таких же великолепных, как сардукары. Некоторые из них были даже лучше. И герцог собирался увеличить свое войско, сделать его таким же, как у императора.

Обдумав это открытие, барон спросил:

— И что собирались делать с ним Атридесы?

— Это следует из тех суровых испытаний, которым подвергались рекруты.

Барон с сомнением покачал головой.

— Уж не Свободных ли вы имеете в виду?

— Именно их.

— Ха! Зачем же было тогда предупреждать Раббана? После разгрома, учиненного сардукарами, и после репрессий Раббана Свободных осталось не больше горсточки.

Хават молча посмотрел на него.

— Не больше горсточки! — повторил барон. — Только в прошлом году Раббан убил их шесть тысяч!

Но Хават молчал.

— А годом раньше число убитых составляло девять тысяч, — сказал барон. — И сардукары, прежде чем уехать, отчитались почти за двадцать тысяч.

— А сколько потеряли за последние два года войска Раббана? — спросил Хават.

Барон потер подбородок.

— Ему, конечно, пришлось вести усиленную вербовку. Его агенты давали весьма экстравагантные обещания и...

— Скажем, тридцать тысяч для круглого числа? — спросил Хават.

— Такая цифра, пожалуй, чересчур велика.

— Совсем наоборот, — не согласился Хават. — Я, подобно вам, могу читать в докладах Раббана между строк. И вам, конечно, должны быть понятны мои отчеты о полученных сведениях.

— Арраки — суровая планета, — сказал барон. — Потери от бурь могут...

— Мы оба знаем, сколько списывается на бури, — возразил Хават.

— Что из того, если мы потеряли тридцать тысяч? — жестко спросил барон. Его лицо потемнело от прилившей крови.

— По вашим собственным подсчетам, — сказал Хават, — он убил пятнадцать тысяч более чем за два года, потеряв при этом в два раза больше людей. Вы говорите, что сардукары отчитались еще в двадцати тысячах. Я видел отчет по их возвращении из Арраки. Если убили двадцать тысяч, то их потери составили пять человек к одному. Почему вы не хотите посмотреть этим цифрам в лицо, барон, и понять, что они означают?

— Это твоя обязанность, ментат, — нарочито ледяным тоном проговорил барон. — Что же они означают?

— Я давал вам цифры, сообщенные Дунканом Айдахо после посещения им съетча, — сказал Хават. — Они выверены. Имей они даже двести пятьдесят съетчей, их население должно составлять около пяти миллионов. По моим подсчетам, у них по крайней мере в два раза больше общин. На такой планете вы только зря тратите свои людские резервы.

— Десять миллионов! — Щеки барона дрогнули от изумления.

— По меньшей мере.

Барон поджал жирные губы. «Действительны ли таковы его расчеты? — размышлял он. — Как такое могло пройти незамеченным?»

— Мы не нанесли им сколько-нибудь существенного ущерба, — сказал Хават. — Мы лишь уничтожили некоторое количество наименее выносливых особей и сделали сильных еще более сильными — точно так же, как на Салузе Второй.

— Опять Салуза Вторая! — взревел барон. — При чем тут планета-тюрьма императора?

— Человек, выживший на Салузе Второй, становится жестче, чем большинство других людей, — сказал Хават. — А когда к этому прибавляется превосходная военная подготовка...

— Чепуха! Судя по вашим доводам, вы считаете, что я могу принимать Свободных в солдаты после тех репрессий, которым они подвергались со стороны моего племянника?

Хават холодно проговорил:

— Разве вы не подвергаете репрессиям некоторые ваши отряды? Репрессии имеют и положительную сторону. Будучи солдатами барона, они все время помнят об остратке.

Барон молчал, не отводя взгляд от ментата. Новые возможности?.. Не дал ли Раббан в руки дома Харконненов мощное оружие, сам того не предполагая?

Наконец он спросил:

— Как же можно быть уверенным в лояльности таких рекрутов?

— Я бы разбил их на небольшие отряды, не больше взвода, — сказал Хават. — Я бы перестал притеснять их и изолировал бы от обучающих кадров, состоящих из людей, которые знают их подноготную, преимущественно таких, которые пережили ситуацию преследования. Потом я внушил бы им мистическую мысль о том, что их планета на самом деле была тайным местом воспитания сверхсущест, подобным им. И в то же время я показал бы им, что могут заработать подобные сверхлюди: богатая жизнь, красивые женщины, красивые дома... все, что пожелаешь.

Барон согласно кивал:

— То, что имеют у себя дома сардукары.

— Рекруты со временем начинают верить, что место, подобное Салузе Второй, почетно, поскольку оно произвело на свет их — элиту. Рядовые сардукары во многих отношениях ведут такую же жизнь, что и члены Великих домов.

— Что за мысли! — прошептал барон.

— Вы начинаете прозревать, — сказал Хават.

— Где же это началось? — спросил барон.

— А откуда берет начало дом Коррино? Были ли на Салузе Второй люди до того, как император послал туда первую партию заключенных? Бьюсь об заклад, что даже герцог Лето, ваш сводный кузен, не задумывался над этим. Задавать подобные вопросы рискованно.

В глазах барона засветилось понимание.

— Тайна Салузы Второй тщательно охраняется. Используется любая выдумка, чтобы...

— А что там скрывать? — вставил Хават. — Что у падишаха-императора есть планета-тюрьма? Это и так всем известно.

— Граф Фенринг! — выдохнул барон.

Хават замолчал, озадаченно глядя на барона.

— Что «граф Фенринг»?

— Несколько лет назад, — вспомнил барон, — этот имперский хлыщ прибыл на день рождения моего племянника в качестве официального наблюдателя и для того, чтобы... мм... чтобы завершить деловые переговоры между императором и мной.

— И что же?

— Я, помнится, сказал что-то насчет создания планеты-тюрьмы на Арраки. Фенринг...

— Что же, буквально, вы сказали? — спросил Хават.

— Это было довольно давно и...

— Мой господин барон, если вы желаете извлечь из моего служения вам пользу, вы должны снабдить меня соответствующей информацией. Записывался ли этот разговор?

Лицо барона потемнело от гнева.

— Ты дотошен, как Питер! Я не люблю...

— Питера с вами больше нет, мой господин,— сказал Хават.— Кстати, что с ним случилось на самом деле?

— Он стал слишком много себе позволять! — фыркнул барон.

— Вы уверяли меня, что не бросаетесь полезными людьми,— сказал Хават.— Собираетесь ли вы и дальше запугивать меня бесполезными угрозами и посулами? Мы обсуждали, что вы сказали Фенрингу.

Барон с трудом овладел собой. «Придет время, и я припомню, как ты вел себя со мной!» — подумал он.

— Одну минутку — сказал барон, возвращаясь памятью к встрече в большом холле. Это помогло ему отчетливо вспомнить то, что происходило в тот день в конусе молчания.— Я сказал что-то насчет другого решения проблемы Арраки и о том, что планетаторья императора вдохновляет меня на соперничество с ним.

«Ведьмина кровь!» — выругался про себя Хават.

— А что сказал Фенринг?

— Именно тогда он начал расспрашивать меня о тебе.

Хават откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Так вот почему они начали следить за Арраки,— сказал он. «Что ж, что сделано, то сделано». Он открыл глаза.— Теперь они, должно быть, наводнили шпионами всю планету. Два года!

— Но мое невинное предположение конечно же не могло...

— В глазах императора ничто не может быть невинным! Каковы были ваши инструкции Раббану?

— Они заключались в том, чтобы заставить Арраки бояться нас.

Хават покачал головой.

— Теперь у вас есть два выхода, барон. Вы можете перебить всех туземцев или...

— Потратить на это все силы?

— А вы предпочитаете, чтобы император и Великие дома, которые пойдут за ним, примчались сюда и вычистили весь Гъеди Прайм, как перезрелую тыкву?

Барон внимательно посмотрел в лицо ментата:

— Они не посмеют!

— Вы уверены в этом?

Губы барона дрогнули.

— Что вы предлагаете?

— Оставить в покое вашего дорогого племянника Раббана.

— Как оставить...— барон непонимающе уставился на Хавата.

— Не шлите ему больше людей и вообще никакой помощи. На его послания отвечайте, что слышали о его ужасных способах травления на Арраки и намерены при первой же возможности исправить дело. Я устрою так, что некоторые ваши послания попадут в руки имперских шпионов.

— Но как быть со спайсом, с годовым доходом, с...

— Требуйте свою часть, но будьте умеренны в своих требова-

ниях. Запросите у Раббана твердо установленную сумму. Мы можем...

Барон протестующе поднял руку.

— Но как я могу быть уверенным в том, что мой вечно недовольный племянник не...

— На Арраки еще остались наши шпионы. Сообщите Раббану, что он или соглашается на ту долю спайса, которую вы для себя установили, или будет смещен.

— Я знаю своего племянника, — сказал барон. — Такие меры заставят его лишь усилить репрессии против населения Арраки.

— Разумеется! — воскликнул Хават. — Вам и не нужно, чтобы они прекратились! Вам лишь нужно сохранить в чистоте свои руки. Пусть Раббан создает для вас Салузу Вторую — вам даже не придется посылать ему заключенных: к его услугам все население Арраки. Если Раббан будет преследовать людей, чтобы выколотить из них вашу долю, то императору не нужно будет искать других причин. Для того чтобы подвергать планету мучениям, такой причины вполне достаточно. А вы, барон, ни словом, ни делом не должны показать, что другая причина все же существует.

Барон не смог скрыть своего восхищения.

— Да, Хават, ты хитрец. Ну а как же мы переберемся на Арраки и извлечем пользу из того, что подготовит Раббан?

— Это самое простое, барон. Если с каждым годом вы будете завывать свою долю, очень быстро создастся критическая ситуация. Когда количество продукции резко сократится, вы сможете отстранить Раббана и занять его место... чтобы исправить положение.

— Подходяще, — сказал барон. — Но я могу почувствовать себя усталым от всего этого и подготовлю себе замену. Этот другой и подготовит для меня Арраки.

Хават испытующе всматривался в круглое лицо собеседника. Наконец он медленно кивнул.

— Фейд-Раус! — сказал он. — Вот она, причина теперешних репрессий! Вы и сами хитрец, барон. Возможно, нам удастся соединить оба этих плана. Да, ваш Фейд-Раус поедет на Арраки как спаситель. Он сможет поладить с народом.

Барон улыбнулся. И спросил себя: «Интересно, как это стыкуется с собственными планами Хавата?»

Видя, что разговор окончен, Хават встал и вышел из комнаты с красными стенами. По пути он думал о тех тревожащих его недомолвках, которые сквозили в каждом донесении с Арраки. Этот новый религиозный вождь, на которого намекал Гурни Хэллек из своего укромного места среди контрабандистов, этот Муаддиб...

«Возможно, мне не стоило советовать барону позволить этой религии расцветать пышным цветом? — сказал он себе. — Но хорошо известно, что репрессии создают благоприятную почву для процветания религии».

И он подумал о донесениях Хэллека, о военной тактике Свободных. В ней было много от самого Хэллека... и от Айдахо... и даже от него, Хавата.

«Выжил ли Айдахо?» — спросил он себя.

Это был праздный вопрос. Он еще не спрашивал себя, возможно ли, чтобы смог выжить Пол. Он знал, однако: барон убежден, что все Атридесы мертвы. Ведьма Бене Гессерит была его оружием, как признался сам барон. А это могло означать лишь конец всего — даже собственного сына этой женщины.

«Какую же смертельную ненависть она должна была питать к Атридесам, — подумал он. — Она сравнима лишь с моей ненавистью к барону. Будет ли мой удар таким же сокрушительным, каким был ее удар?»

Глава 3

Пол Муаддиб помнил, что он ел что-то с примесью спайса. Он цеплялся за это воспоминание, потому что оно было исходной точкой и, придерживаясь ее, он мог говорить себе, что его мгновенно возникшее знание было только сном.

«Я — сцена для происходящих процессов, — сказал он себе. — Я жертва несовершенного зрения, расового сознания и его ужасной цели».

Он не мог отделаться от страха, что преступил пределы своих возможностей, затерялся во времени, где прошлое, будущее и настоящее настолько перепутались, что их стало невозможно отличить друг от друга.

«Чани приготовила для меня эту еду», — вспомнил он.

Но Чани с их сыном — Лето Вторым — была далеко, спрятанная в одном из новых, содержащихся в строгой тайне съетчей.

Или всему этому только еще предстояло случиться?

Нет, уверял он себя, ибо Алия Странная, его сестра, уехала туда вместе с его матерью и с Чани — далеко на юг, где солнце было горячим и куда было двадцать тамперов езды. Они отправились в паланкинке Преподобной матери, установленном на спине дикого Создателя.

Он отвратился мыслями от возможности путешествия на гигантском черве и спросил себя: «Может быть, Алии только еще предстоит родиться?»

«Я участвовал в раззии, — припомнил Пол. — Мы совершили вылазку, чтобы освободить воду из тел наших мертвых в Арракине. И я нашел останки своего отца в погребальном костре. Я почтил его память и поместил череп отца в Скалу Свободных, ту, что смотрит на Хверг-Пасс».

Или это только еще будет?

Все еще оставаясь в полудремотном состоянии, Пол вспомнил, что Хара, жена Джемиза, входила к нему без приглашения, чтобы сообщить, что в коридоре съетча драка. Прежде чем женщины и дети были отправлены далеко на юг, все жили в промежуточном съетче. Хара стояла у входа во внутреннюю комнату, и черные

крылья ее волос удерживались цепочкой из водных колец. Она раздвинула занавеси у входа и сказала, что Чани кого-то убила.

«Это было на самом деле, — сказал себе Пол. — Это реальность, а не порождение временных изменений».

Пол вспомнил, что выбежал в коридор и нашел Чани, стоящую в коридоре под желтым глоуглобом. На ней было блестящее голубое одеяние с отброшенным на спину капюшоном. Тонкие черты лица застыли в напряжении. Она вложила криснож в ножны. Группа людей поспешно удалялась по коридору, унося труп.

Водные кольца Чани, которые она, оставаясь в сьетче, носила на повязанной вокруг шеи ленте, звякнули, когда она обернулась к Полу.

— Чани, что это?

— Я уничтожила того, кто пришел вызвать тебя на бой, Узул.

— Ты его убила?!

— Да. Но, возможно, мне следовало бы оставить его для Хары.

— Но ведь он пришел бросить вызов мне!

— Ты сам учил меня сверхъестественному искусству, Узул.

— Конечно! Но тебе не следовало бы...

— Я рождена в пустыне, Узул. Я знаю, как пользоваться крисножом.

Он подавил гнев и попытался говорить спокойно:

— Все это так, Чани, но...

— Я больше не ребенок, который охотится в сьетче при свете ручных глоуглобов на скорпионов. Я не играю в игры, Узул.

Пол, удивленный непонятной ему яростью, которая угадывалась под внешним спокойствием, пристально посмотрел на нее.

— Как боец он ничего не стоил, Узул, — пояснила Чани. — Ради такого, как он, я не стала отрывать тебя от твоих размышлений. — Она подошла ближе, глядя на него исподлобья: — Кроме того, не сердись, любимый... Когда станет известно о том, что бросившему вызов придется смотреть в лицо мне и принять позорную смерть от руки женщины Муаддиба, не много найдется желающих бросить вызов ему самому, — чуть слышно проговорила она...

Но дух разлада и противоречий не покидал его весь тот день. Это был день церемонии обрезания маленького Лето. Причины растерянности Джессики были отчасти понятны Полу. Она никогда не признавала его «юношеский брак» с Чани. Но Чани произвела на свет сына Атридесов, и Джессика не сочла возможным отвергать ребенка и его мать.

Наконец, шевельнувшись под его взглядом, Джессика сказала:

— Ты считаешь меня противоестественной матерью?

— Конечно же нет.

— Я замечаю, как ты смотришь на меня, когда я бываю с Алией. История твоей сестры тебе тоже непонятна.

— Я знаю, почему Алиа такая необычная, — сказал он. — Она была еще не рождена, когда ты изменяла Воду Жизни. Она..

— Ты не можешь знать этого! — сердито оборвала его мать.

И Пол, внезапно ощутивший невозможность выразить полученное из Времени знание, сказал лишь одно:

— Я не считаю тебя противоестественной.

Она поняла его страдания:

— Есть одно обстоятельство, сын.

— Какое?

— Я по-настоящему люблю твою Чани. Я принимаю ее.

«Это было на самом деле так; — подумал Пол. — Я ясно видел это в измененном Времени».

Возвращение уверенности дало ему новую зацепку в реальном мире.

Он услышал, как под тентом кто-то наигрывает на бализете. И он вспомнил о Гурни Хэллеке. В его снах лицо Гурни мелькало среди членов отряда контрабандистов; этот Гурни не видел его, Пола, и знал о нем только то, что он — сын убитого герцога, жертва Харконненов.

Стиль игры музыканта, его недюжинное мастерство воссоздали в памяти Пола образ того, кто играл на бализете сейчас. Это был Чат Прыгун, капитан федайкинов, команды смерти, охраняющей Муаддиба.

«Мы в пустыне, — вспоминал Пол. — Мы в центральном эрге, недалеко от патрулей Харконненов. Мне предстоит идти по пескам, приманить Создателя и взобраться на него, доказав тем самым, что я ловок и смел, как настоящий Свободный».

Он нащупал пистолет и нож, спрятанные за поясом, и почувствовал, как сгустилась вокруг него тишина.

— Ты должен пробежать по пескам при свете дня, чтобы Шан-Хулуд увидел тебя и узнал, что в тебе нет страха перед ним, — сказал Стилгар.

Пол сел, чувствуя слабость в не защищенном стилсьютом теле. Как ни осторожны были его движения, Чани все же услышала их. Из мрака тента раздался ее голос:

— Еще не совсем рассвело, любимый.

— Сихайя! — сказал он почти весело.

— Ты называешь меня своей «Весной пустыни», — сказала она, — но сегодня я — нечто другое. Я — сайадина, которая должна наблюдать за правильностью соблюдения церемонии.

Он начал прилаживать стилсьют.

— Ты сказала мне однажды слова из Китаб ал-Ибара, — сказал он. — Ты сказала мне: «Женщина — это поле, иди же к своему полю и возделывай его».

— Я мать твоего первенца, — согласилась она.

В полутьме он видел, что она следит за каждым его движением, за тем, как он отлаживает на себе стилсьют для выхода в пустыню.

— Тебе бы следовало полностью использовать время отдыха, — в ее голосе была любовь.

— Сайадина-наблюдательница не должна ограждать или предохранять испытуемого, — напомнил он.

Она прижалась к нему и коснулась ладонью его щеки.

— Сегодня я и сайадина, и женщина.

— Тебе бы следовало передать обязанности наблюдения другому, — сказал он.

— Ожидание тягостно — я лучше буду рядом.

Прежде чем закрыть лицо, он поцеловал ее ладонь, потом приладил маску, повернулся и вышел из-под тента...

Прохладный воздух был еще сухой, в нем чувствовался аромат росы. Но был в воздухе и другой запах, запах спайсовых масс, доносящийся с северо-востока, и этот запах сказал Полу о приближении Создателя.

Пол вышел на открытое пространство, остановился и стряхнул с мускулов сонное оцепенение. Слева от себя он различил движение и понял, что люди из охраны увидели его пробуждение.

Они знали, какой опасности он смотрит сегодня в лицо, — каждый Свободный прошел через нее. Теперь они оставляли ему эти последние минуты одиночества с тем, чтобы он смог себя приготовить.

«Я должен сделать это сегодня», — твердо сказал он себе.

Он подумал об обретенной им силе, об отцах, присылающих к нему своих сыновей, чтобы он обучал их своим способам битвы; о стариках, внимавших ему на советах и следовавших его планам; о людях, возвращающихся из похода, чтобы подарить ему величайшую для Свободных похвалу: «Твой план удался, Муаддиб».

И все же самый слабый и самый низкорослый из воинов Свободных мог сделать то, чего никогда еще не делал Пол. Он знал эту разницу, и его самолюбие страдало от этого.

Он не ездил верхом на Создателе. Вместе с другими он участвовал в учебных поездках и рейдах, но самостоятельного путешествия он не совершал ни разу, и пока он не делает этого, мир его возможностей будет отличаться от возможностей остальных. Ни один истинный Свободный не мог смириться с таким положением дел. Он должен это сделать сам, он должен проехать на черве через великие южные земли — территорию в двадцать тамперов, лежащую за эргом, — не прибегая к помощи паланкина, которым пользовалась Преподобная мать, раненые и больные.

Чани подошла к нему, крепко обхватив себя руками, как делала всегда, когда хотела изучить его настроение.

— Расскажи мне о воде твоего родного края, Узул, — попросила она его, как когда-то давно.

Он видел, что она пытается отвлечь его, рассеять его напряженность перед смертельным испытанием.

— Я бы предпочел, чтобы ты рассказала мне о съетче и о нашем сыне, — сказал он. — Наш Лето по-прежнему командует своей бабушкой?

— Он командует Алией. И очень быстро растет — из него получится сильный воин.

— А как там, на юге?

- Когда помчишься на Создателя, увидишь все сам.
- Но я хотел бы увидеть это сначала твоими глазами.
- Там очень пустынно.

Он дотронулся до ее лба — в том месте, где его не закрывал капюшон.

- Почему ты не хочешь говорить о сьетче?

— Я уже сказала: сьетч кажется заброшенным местом, когда там нет мужчин. Это только место работы. Мы работаем на фабриках и в мастерских. Нужно готовить оружие, выращивать траву, чтобы управлять погодой, собирать спайс для взяток. Нужно обсаживать дюны, чтобы заставить их цвести и не дать им двигаться. Нужно учить детей, внушая им, что сила племени не может исчезнуть.

- Значит, в сьетче нет ничего радостного?

— Дети — радость. Мы следим за соблюдением ритуалов. У нас достаточно еды. Иногда одна из нас может поехать на север, чтобы разделить ложе со своим мужчиной: жизнь должна продолжаться.

- А моя сестра Алия? Как ее воспринимают люди?

Чани повернулась к нему во все усиливающемся свете дня.

- Мы поговорим об этом в другой раз, любимый.

- Лучше поговорим об этом сейчас.

- Тебе следует беречь силы для испытания.

Он видел, что затронул нечто чувствительное, слышал сомнения в ее голосе.

- Незнание доставляет больше тревог, — возразил он.

Тогда она сказала:

— Бывают недоразумения из-за странности Алии. Женщины боятся, видя, что ребенок, еще младенец, говорит... о вещах, зная которые следует только взрослым. Они не понимают, что Алия претерпела изменения во чреве матери, которые сделали ее взрослой.

— Были какие-нибудь неприятности? — спросил он и подумал: «В своих видениях я видел, что с Алией будут неприятности».

Чани посмотрела вбок, на растущую полосу света над горизонтом.

— Некоторые из женщин потребовали от Преподобной матери, чтобы она изгнала демонов из своей дочери. Они все время повторяют цитату из Библии: «Да не позволю ведьме жить среди нас!».

- И что же моя мать?

— Она изложила священный закон и отослала женщин назад. Она сказала: «Если Алия возбуждает беспокойство, то это ошибка тех, кто наделен властью. Они должны предвидеть беспокойство и предупредить его». И она попыталась объяснить, как повлияли на Алию изменения во чреве.

«С Алией может произойти несчастье», — подумал Пол.

Налетевший ветер бросил ему в лицо горсточку песка.

Большая часть его людей уже сложила свои тенты. Все вокруг него шло согласно раз заведенному порядку, не требовавшему распоряжений.

«Появится ли сегодня в скале новая гробница, отмечающая уход еще одной души? — спросил себя Пол. — Будут ли останавливаться здесь люди, добавляя еще по камню, вспоминая умершего Муаддиба?»

Он знал, что подобная возможность существует в числе других на линиях будущего, отходящего от его положения во временном пространстве. Несовершенство видения мешало ему. Чем больше сопротивлялся он своей ужасной цели, чем яростнее боролся против джихада, тем беспорядочнее становились его предвидения.

— Стилгар уже близко, — сказала Чани. — Теперь я должна покинуть тебя, любимый: теперь я — сайадина и обязана следить за ритуалом, чтобы о нем можно было дать правдивое сообщение в хронике. — Она посмотрела на него, и на какое-то мгновение самообладание изменило ей. Однако она тут же взяла себя в руки. — Когда все кончится, я приготовлю тебе завтрак своими руками, — сказала она и ушла.

Стилгар шел к ним по песку. Взгляд кажущихся двумя черными провалами глаз был устремлен на Пола.

Другой человек нес на древке знамя Пола — зеленое с черным знамя с водой племени в древке, — ставшее уже легендой края. С некоторым оттенком гордости Пол подумал: «Я не могу сделать даже самой простой вещи без того, чтобы она не вошла в легенду. Они запомнят все: и как я приветствовал Стилгара, и все другие мои движения. Жизнь ли, смерть ли — все станет легендой. Я не имею права умирать. Если я умру, от меня останется только легенда, и тогда ничто уже не сможет остановить джихад».

Стилгар воткнул древко в песок возле Пола и опустил руки. Синие-в-синем глаза хранили все то же непроницаемое выражение. И Пол подумал о том, что его собственные глаза уже начали вбирать в себя этот цвет.

— Они отрицают наше право на хайру! — сурово произнес Стилгар, как того требовал ритуал.

Пол ответил ему так, как учила его Чани:

— Кто может отрицать право Свободного ходить или ездить там, где он захочет?

— Я — наиб, — сказал Стилгар, — и никогда не сдаюсь врагу живым. Я — нога треножника смерти, который уничтожает наших врагов.

Пол посмотрел на других Свободных, которые сгрудились на песке за спиной Стилгара. Они стояли неподвижно — молчаливый символ того, что Свободные — это люди, чья жизнь состоит из смерти; это народ, все дни которого наполнены только скорбью и гневом, если не считать той мечты, которой заразил их перед смертью Льет-Кайнз.

— Где Бог, который поведет нас через просторы пустыни? — вопрошал Стилгар.

— Он всегда с нами, — нараспев отвечали Свободные.

Стилгар расправил плечи, подошел к Полу и тихо проговорил: — А теперь запомни то, что я тебе скажу. Наши сыновья проделявают это в двенадцать лет, а тебе на шесть лет больше. Но ты не рожден для этой жизни и поэтому будь осторожен. Не нужно показывать никому свою храбрость: мы и так знаем, что ты храбр. Все, что ты должен сделать, это вызвать Создателя и оседлать его.

— Я запомню.

— Постарайся. Я не хочу, чтобы мои уроки пропали даром. Из-под своего плаща Стилгар достал пластиковую палку примерно в метр длиной. Один конец ее был заострен, на другом имелась трещотка.

— Я сам сделал этот тампер. Возьми его, он хорош.

Принимая тампер, Пол ощутил теплую и гладкую поверхность пластика.

— Твои крючья у Шишакли, — сказал Стилгар. — Он передаст их тебе вон у той дюны. — Он указал направо. — Вызови большого Создателя, Узул, покажи нам пример.

В это мгновение солнце показалось из-за горизонта. Небо осветилось серебристо-голубым светом, который предупреждал, что день будет даже для Арраки исключительно сухим и знойным.

— Наступило время палящего зноя, — сказал Стилгар. Теперь это был только человек, исполняющий ритуал. — Иди, Узул, оседлай Создателя и путешествуй по песку, как подобает вождю людей.

Пол отсалютовал своему знамени. На пути Пола осталась лишь одна завернутая в плащ фигура: Шишакли, капитан команды федайкинов; из-под его маски и стилсьюта виднелись одни глаза.

Как только Пол приблизился к нему, Шишакли протянул ему две тонкие стрелы, в полтора метра длиной, с острыми блестящими крючьями на одном конце и зажимами на другом.

Пол, согласно ритуалу, принял их в левую руку.

— Это мои собственные крючья, — голос Шишакли прозвучал хрипло, — они никогда еще меня не подводили.

Пол кивнул, храня, как требовалось, молчание, и пошел мимо капитана вверх по склону дюны. Оказавшись на вершине, он оглянулся и увидел, что люди, сгрудившиеся на соседних вершинах, похожи в своих развевающихся плащах на рой крылатых насекомых. Теперь он стоял на песчаном гребне один. Стилгар выбрал для него хорошую дюну: более высокая, чем те, что ее окружали, она была хорошим местом для наблюдения.

Наклонившись, Пол погрузил тампер глубоко в песок, с подветренной стороны дюны, чтобы максимально увеличить расстояние передачи звука. Потом он помедлил, вспоминая насущные уроки и вопросы жизни и смерти, которые встали перед ним вплотную.

Когда он нажал на задвижку, тампер, будто очнувшись, начал свое «лам! лам! лам!». Гигантский червь — Создатель — должен услышать эти звуки и начать свое движение к их источнику. Пол знал, что, обладая крючьями, он может взобраться на самый

верхний изгиб на спине Создателя: и пока передний край кольца-сегмента держится открытым с помощью крюка, червь не станет стремиться закопаться в песок. Напротив, он постарается держать свое гигантское тело как можно дальше от поверхности песка, чтобы защитить открытый сегмент от попадания песка, раздражающего самую чувствительную часть туловища.

Он посмотрел на крючья, зажатые в его левой руке, и подумал о том, что стоит ему зацепиться ими за выступ огромного бока чудовища, как оно развернется и направится туда, куда нужно ему, Полу. Он видел, как это делается, — ему помогли взбираться на червя для короткой тренировочной поездки. На пойманном черве можно было мчаться до тех пор, пока он не ляжет, выдохнувшийся и неподвижный, на песок, и тогда нужно будет вызывать нового Создателя.

Когда он выдержит это испытание, думал Пол, он сможет совершить двадцатитамперную поездку в южную часть планеты, где живут спрятанные от погромов женщины и дети Свободных и где он сможет отдохнуть и восстановить силы.

Он поднял голову и посмотрел в сторону юга, напомнив себе о том, что вызов Создателя из территории, находящейся в непосредственной близости к эргу, чреват неожиданностями: еще неизвестно, как поведет себя в этих условиях Создатель.

«Ты должен точно рассчитать размеры Создателя, — объяснил ему Стилгар. — Ты должен стоять достаточно близко к нему — чтобы суметь взобраться на него на ходу, но и не так близко, чтобы он мог тебя проглотить».

Внезапно решившись, Пол освободил запор тампера. Клапан задвигался, и звук, похожий на барабанный бой, разнесся по пескам: «Ламп... ламп... ламп...»

Он выпрямился и, глядя на горизонт, вспомнил слова Стилгара: «Внимательно следи за знаками приближения червя. Помни, что приближение его к тамперу редко бывает незаметным. В то же время держи ухо востро: его обычно раньше слышишь, чем видишь».

И предостерегающие слова Чани, которые она шептала ночью, когда ее переполнял страх за него, тоже всплыли в его памяти: «Когда встанешь на пути Создателя, схоронись под своим плащом и весь, до последней своей жилки, уподобься песку, неподвижной застывшей дюне».

Оно пришло с юго-востока — отдаленное шипение, шелест песка. Потом он увидел далекий след приближающегося чудовища и понял, что никогда не видел Создателя столь огромного, никогда даже не слышал о том, что бывают такие черви. Полу показалось, что его длина достигает полмили, а в том месте, где была его голова, песок вздымался, подобно высокой горе.

«Ничего подобного я не видел ни в сновидениях, ни в жизни», — сказал себе Пол. Он поспешил занять место на пути червя, думая теперь лишь о том, чего требовала от него эта минута.

Глава 4

В сознании Джессики таилась непрошенная мысль: «Пол может в любую минуту начать испытание наездника песка. От меня захотят скрыть этот факт, но он очевиден. Вот и Чани уехала по какому-то тайственному поручению».

Джессика сидела в своей комнате, пользуясь минутами отдыха между часами ночных бдений. Комната была уютная, хотя и поменьше той, которая у нее была в съезде Табр до их побега от погрома.

В комнату проник слабый отголосок ритмичных звуков. Джессика догадалась, что это празднуются роды. Возможно, Сабийи — ее время было близко. И еще знала Джессика, что скоро она увидит и самого ребенка — синеглазого младенца принесут к Преподобной матери для благословения. Она знала также, что ее дочь Алиа будет присутствовать на празднестве и даст матери о нем отчет.

Время ночной Молитвы о расставании еще не подошло, а начинать празднование рождения до того, как будет проведена церемония скорби по рабам Поритрина, Бела Тегузы, Россана и Хармонтепа, было нельзя.

Джессика вздохнула. Она поняла, что пытается уйти от мыслей о своем сыне и тех опасностях, в лицо которым он смотрит, — о замаскированных ловушках, полных отравленных колючек. О набегах Харконненов (хотя они и сделали более редкими после того, как Свободные преподнесли им славный урок с помощью нового оружия, что дал им Пол); о естественных опасностях пустыни в лице Создателей, безводья и песчаных штормов.

Темная рука высунулась из-за занавеса, поставила на столик чашку кофе и исчезла. От чашки исходил густой аромат спайсового кофе.

«Дар от празднующих родины», — подумала Джессика.

Она взяла кофе и, улыбнувшись про себя, сделала глоток. В каком еще другом обществе в нашей Вселенной женщина моего положения согласилась бы принять неведомый напиток и могла бы без опаски его попробовать? Теперь я могла бы, конечно, изменить яд, прежде чем он причинил бы мне вред, но ведь дающий не знает этого.

Она выпила кофе, чувствуя, как горячий и восхитительный на вкус напиток возвращает ей энергию и силу.

Какое другое общество могло бы с такой естественностью заботиться о ее уединении и комфорте: ее не хотели побеспокоить даже на минуту.

И еще одна деталь привлекла ее внимание: только она успела подумать о кофе, как тот немедленно появился. Никакой телепатии за этим не было, она знала, что это было тау, единство съезда, понимание, вызванное той порцией спайса, которую получали все его члены. Подавляющее большинство людей не могло и надеяться на возникновение в себе той ясности, которую вызывал спайс в ней: их не учили, не готовили к этому.

«Закончил ли Пол испытание на песке? — спросила себя Джессика. — Он очень способный, но неудача может постигнуть и более способного».

Ожидание...

«Мы пробыли здесь более двух лет, — подумала она. — И пройдет по крайней мере в два раза больше времени, прежде чем мы сможем надеяться на избавление Арраки от правителя Харконниенов, скотины Раббана».

— Преподобная мать?

Голос, доносившийся из-за занавесей, принадлежал Харе, другой женщине Пола.

— Да, Хара?

Занавеси раздвинулись, и вошла Хара. На ней были обычные в сьетче сандалии и красно-желтое одеяние, оставляющее открытыми руки почти до плеч

За Харой стояла Алия, двухлетняя дочь Джессики.

Джессика всегда поражалась ее сходству с Полом, когда он был в том же возрасте: те же широко раскрытые вопрошающие глаза, темные волосы, твердая линия рта. Но была и некоторая разница, и касалась она того, что так смущало в ней взрослых. Ребенок, совсем еще младенец, держался с удивительным для ее возраста спокойствием и уверенностью.

— Алия, — позвала ее Джессика.

Девочка подбежала к лежавшей возле матери подушке, опустилась на нее и схватила руку матери. Физический контакт сразу же восстановил ту духовную близость, которая установилась у них еще до рождения Алии. Дело было не в общих мыслях, хотя они и возникали, если контакт происходил в те минуты, когда Джессика изменяла для церемонии спайсовый яд. Это было мгновенное познание другой живой особи, нечто более глубокое и острое, чем просто телепатия.

Памятуя о том, что Хара — другая женщина Пола, хранительница его домашнего очага, Джессика приветствовала ее в подобающей случаю, хотя и сдержанной манере:

— Что ты сегодня делала, Алия? — спросила Джессика.

Хара ответила:

— Сегодня она не только отказалась играть с другими детьми, но и без разрешения вторглась туда, где...

— Я спряталась за занавесями и смотрела, как рождается ребенок. Сабийи, — перебила Алия. — Это — мальчик. Он все кричал и кричал. Ну и легкие! Когда он накричался так, что...

— Она подошла и дотронулась до него, — докончила за нее Хара. — И он перестал кричать. Каждый знает, что дитя Свободного, если он родится в сьетче, должен накричаться при рождении, потому что он больше никогда кричать не сможет, иначе он выдаст нас во время хайры.

— Он уже накричался, — объяснила Алия. — Я просто хотела послушать его искру, его жизнь, вот и все. А когда она ощутила меня, он больше не захотел кричать.

— Это вызвало среди людей много толков,— сказала Хара.

— Мальчик Сабийи здоров? — спросила Джессика.

— Здоров так, как этого может желать мать,— ответила Хара.— Они знают, что Алия не причинила ему вреда. Они не обратили особого внимания на то, что она его трогала. Он сразу успокоился, и вид у него был довольный. Дело в том...— Хара запнулась.

— Дело в странностях моей дочери, не так ли? — спросила Джессика.— Дело в том, что она знает много такого, чего не положено знать в ее возрасте. Она знает даже о прошлой жизни.

— Как она может знать о том, что ребенок похож на Митху с Бела Тегузы? — с горячностью в голосе спросила Хара.

— Но он действительно похож! — стояла на своем Алия.— Мальчик Сабийи выглядит точно так же, как выглядел сын Митхи.

— Алия! — прикрикнула на нее Джессика.— Я тебя предупреждала...

— Но, мама, я это видела, и это правда, и...

Джессика покачала головой, видя на лице Хары выражение беспокойства.

«Кого я родила? — спросила она себя.— Дочь, которая с рождения знает все, что знаю я сама и даже больше, все, что влилось в нее из проходов, открытых мне Преподобной матерью на церемонии Семени».

— Дело не только в том, что она говорит,— продолжала Хара,— но и в том, как она сидит, как она смотрит на скалы, не двигая ни одним мускулом на лице, или на пальце, или...

— Всему этому учат в школе Бене Гессерит,— сказала Джессика.— Тебе об этом известно, Хара. Неужели ты хочешь отказать дочери в праве на наследственность?

— Преподобная мать! Ты знаешь, что сама я не придаю этому никакого значения,— сказала Хара.— Но люди в сьетче шушукуются, и я вижу в этом опасность. Они говорят, что твоя дочь — ведьма, что другие дети не хотят с ней играть, что...

— Разве у нее так мало общего с другими детьми? — удивилась Джессика.— Она не ведьма, просто она...

— Я знаю это!

Джессике поразила страстность, прозвучавшая в голосе Хары. Она посмотрела на Алию. Ребенок казался погруженным в свои мысли, всем своим видом выражая... ожидание.

— Я чту тебя как члена семьи моего сына,— сказала Джессика. Алия потерлась о ее руку.— Ты можешь открыто говорить обо всем, что тебя беспокоит.

— Скоро я перестану быть членом семьи твоего сына,— сказала Хара.— Я долго ждала этого дня — ради моих сыновей, ради специального обучения, которое они получали как сыновья Узула. Я мало что могу им дать: всем известно, что я не делю ложе с твоим сыном.

— И все же ты была доброй спутницей для моего сына,— сказала Джессика. И поскольку эта мысль была в ней всегда, она повто-

рила про себя сказанные вслух слова: «Спутницей, не женой...» Потом Джессика обратилась мыслями к главному, к тому, о чем говорили сейчас в съезде: связь ее сына и Чани превратилась в нечто постоянное, в брак.

«Я люблю Чани», — подумала Джессика и тут же напомнила себе о том, что нужды знатных домов могут расходиться с любовью. Браки у них преследуют другие цели, нежели удовлетворение чувств.

— Думаешь, я не знаю, какие планы ты строишь для своего сына? — спросила вдруг Хара.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты хочешь объединить под ним все племена, — сказала Хара.

— Разве это плохо?

— Я вижу в этом опасность для Пола... и Алия — часть этой опасности.

Алия еще ближе придвинулась к матери. Теперь глаза ее были широко раскрыты: она внимательно изучала Хару.

— Я наблюдала за вами обеими, когда вы вместе, — сказала Хара, — я видела, как вы касаетесь друг друга. Алия подобна моей собственной плоти, потому что она сестра того, кто для меня все равно что брат. Я наблюдала за ней и охраняла ее со времени разни, когда мы перебрались сюда, с того времени, когда она была совсем младенцем. И я многое за ней замечала.

Джессика почувствовала, как в сидящей рядом Алии начинает расти беспокойство.

— Ты знаешь, о чем я говорю, — сказала Хара. — О том, что ей известно все наперед, о чем мы собираемся с ней говорить. Когда здесь был младенец, в таком возрасте понимающий водную дисциплину? И у какого ребенка первыми словами, обращенными к няне, были: «Я люблю тебя, Хара?»

Алия подняла голову и посмотрела на мать.

— Я обладаю силой разума. Преподобная мать, — проговорила Хара. — Я могла бы быть сайадиной. Я видела то, что видела.

— Хара... — Джессика пожала плечами. — Я не знаю, что тебе сказать. — И она поняла, что эти, такие затертые, слова точно передают ее чувства.

Алия выпрямилась и расправила плечи. Джессика почувствовала, что время ожидания истекло, пришло время для решения.

— Мы совершили ошибку, — заявила Алия. — Теперь нам нужна Хара.

— Это случилось на обряде Семени, когда ты изменяла Воду Жизни, и Алия была внутри тебя, в твоём чреве, — напомнила Хара.

«Нужна Хара?» — спросила себя Джессика.

— Кто, кроме тебя, может говорить с людьми и заставить их понимать меня? — настаивала Алия.

— Чего же ты от нее хочешь? — спросила Джессика.

— Она сама знает, что делать, — возразила Алия.

— Я расскажу им правду, — подхватила Хара. Ее лицо внезапно

стало старым и печальным, на оливковой коже резче обозначились морщины. — Я расскажу им, что Алия только кажется маленькой девочкой, на самом же деле она никогда не была ребенком.

Алия покачала головой. Слезы бежали по ее щекам, а Джессика чувствовала такую печаль, как будто скорбь дочери заставила забыть обо всем на свете.

— Я знаю, что я урод, — прошептала Алия.

Слышать подобные слова из уст ребенка было нестерпимо.

— Ты не урод! — воскликнула Хара. — Кто осмелился назвать тебя уродом?

— Кто сказал тебе это? — повторила этот вопрос Хара.

— Никто.

— Тогда не смей так говорить! — воскликнула Хара.

— Я не буду.

— А теперь, — сказала Хара, — расскажи мне, что с тобой произошло, чтобы я могла рассказать об этом всем остальным.

Алия посмотрела на мать. Джессика кивнула.

— Однажды я проснулась, — начала Алия. — Это было похоже на пробуждение ото сна, если не считать того, что я не помнила, когда заснула. Это было в теплом и темном месте. И я испугалась. Я попыталась бежать, но бежать было некуда. Потом я увидела искру — не то чтобы настоящую... Просто искра была там, со мной, и я чувствовала то, что она хотела мне передать... успокаивала меня, сообщала мне, что все будет хорошо... Это была моя мать.

Хара вытерла глаза и ободряюще кивнула Алии.

— Как раз тогда, когда я почувствовала себя уверенно и в безопасности, — сказала Алия, — появилась еще одна искра... Тут-то все и случилось. Другой искрой была старая Преподобная мать. Они с моей мамой... обменивались жизнями, и я была там, с ними, и видела это. Потом все кончилось, и я стала ими, потом еще другими — оставаясь собой... Только мне понадобилось много времени, чтобы снова себя найти: других было так много...

— Это было очень жестоко, — сказала Джессика. — Ни одно существо не должно пробуждаться к жизни подобным образом. Самое удивительное то, что ты смогла принять это.

— А что мне оставалось делать! — возразила Алия. — Я не знала, как это отбросить, как спрятать мое сознание или защитить его. Все случилось так...

— Мы не знали... — пробормотала Хара. — Когда мы давали твоей матери Воду, чтобы она ее изменила, мы не знали, что ты существуешь у нее внутри.

— Не печалься об этом, Хара, — сказала девочка. — И самой мне не стоит себя жалеть. В конце концов есть повод и для радости: я — Преподобная мать. У племени две Пре...

Она обрвала себя и подняла голову, прислушиваясь.

Хара резко повернулась и посмотрела на Джессику.

— Разве ты об этом не подозревала? — спросила Джессика.

— Тс-с!.. — шикнула на нее Алия.

Сквозь занавеси, отделяющие их от коридора, донеслись звуки ритмичного пения. Оно делалось все громче.

Поющие прошли мимо входа, и их голоса начали стихать, а потом и совсем исчезли. Когда слов пения было уже не разобрать, Джессика проговорила с печалью в голосе:

— И был Рамадан на Бела Тегузе..

— Моя семья сидела у фонтана, у себя во дворе, — подхватила Хара, — и воздух был напоен влагой. Там было дерево, покрытое плодами партигулов. В наших садах и в домах был мир, мир был на всей земле.

— Жизнь была полной счастья, пока не пришли захватчики, — вставила Алия.

— Кровь стыла от криков людей, — Джессика ощутила, как в ней закружились воспоминания полученного в дар прошлого.

— Женщины кричали: «Ла! Ла! Ла!» — вторила ей Хара.

— Нападавшие прошли через муштамал и бросились на нас с ножами, лезвия которых сделались красными от крови наших мужчин, — вторила ей Джессика.

И они втроем погрузились в тишину, и эта тишина дала им воспоминания, которые сделали свежей их скорбь.

— Не забудем и не простим, — строго сказала Хара.

В полной значения тишине, установившейся вслед за этими словами, они слышали голоса многих людей, шелест многих плащей...

— Преподобная мать? — раздался голос у входа. Джессика узнала Сарсар, одну из жен Стилгара.

— В чем дело, Сарсар? — спросила Джессика.

— Беда, Преподобная мать...

У Джессики сжалось сердце от смертельного страха за Пола.

Сарсар раздвинула занавеси и вошла в комнату. Джессика успела заметить, что снаружи стоит группа людей. Она посмотрела на вошедшую. Взгляд ее темных глаз был устремлен на Джессику.

— В чем дело? — спросила Джессика.

— Получено известие из песков, — сказал Сарсар. — Сегодня Узул проходит испытание. Молодые мужчины говорят, что он не может не справиться, что до наступления ночи он будет назван наездником песков. Молодые люди объединяются для раззии. Они отправятся на север и там встретятся с Узулом. Они говорят, что заставят его вызвать Стилгара и встать во главе племен.

«Сбор воды, засаживание дюн, медленное, но верное изменение своего мира — всего этого им уже недостаточно, — подумала Джессика. — Небольшие, неизменно заканчивающиеся удачей набег не удовлетворяют их. Они почувствовали свою силу, они хотят сражаться».

Сарсар переминалась с ноги на ногу, не решаясь говорить дальше.

«Нам понятна необходимость осторожного выживания, — ду-

мала Джессика, — но в нем есть и уязвимость. Нам известно также, какой стыд может заключаться в слишком долгом ожидании. Если оно будет длиться бесконечно, мы можем потерять ощущение цели».

— Молодые мужчины говорят, что если Узул не вызовет Стилгара, то это будет означать, что он бонтсся, — проговорила Сарсар.

— Вот оно что! — пробормотала Джессика. И она подумала: «Что ж, я знала, что этот день придет. И Стилгар знал тоже».

— Даже мой брат, Шоаб, так говорит, — сказала она. — Они не оставят Узулу выбора.

«Значит, время пришло, — подумала Джессика. — И Полу придется взять все на себя. Преподобная мать не осмелится вмешаться в вопросы преемственности».

Алия высвободила свою руку из руки матери и сказала:

— Я пойду с Сарсар и послушаю, что говорят молодые мужчины. Может быть, есть выход.

Джессика встретила взглядом с Сарсар, но обратилась к Алии:

— Иди. И сообщи мне обо всем, как только сможешь.

— Мы не хотим, чтобы это случилось, Преподобная мать, — сказала Сарсар.

— Не хотим, — согласилась Джессика. — Племени нужна вся его сила. — Она посмотрела на Хару. — Ты пойдешь с ними?

Хара поняла ее невысказанный вопрос:

— Сарсар не допустит, чтобы Алии был причинен вред. Она знает, что скоро мы обе — она и я — будем делить ложе с одним и тем же мужчиной. Мы говорили об этом с Сарсар. — Хара посмотрела на Сарсар, потом опять на Джессику. — Мы понимаем друг друга.

Сарсар взяла Алию за руку:

— Мы должны спешить: молодые мужчины уходят.

Они торопливо прошли через занавешенный выход. Рука ребенка покоилась в маленькой женской руке.

— Если Пол Муаддиб убьет Стилгара, это не пойдет на пользу племени, — сказала Хара. — Раньше это могло служить успеху, но времена меняются.

— Времена меняются и для нас, — заметила Джессика.

— Не думай, что я сомневаюсь в исходе такой битвы, — сказала Хара. — Узул не может не победить.

— Именно это я и имела в виду.

— Ты думаешь, что мое суждение пристрастно? — Хара покачала головой, и водные кольца звякнули у нее на шее. — Ты ошибаешься! Возможно, ты думаешь также, что я жалею о том, что не на меня пал выбор Узула и что я ревную его к Чани?

— Ты сделала свой собственный выбор, как только смогла, — возразила ей Джессика.

— Я жалею Чани, — сказала Хара.

Джессика на секунду потеряла дар речи.

— Что ты имеешь в виду?

— Я знаю, что ты думаешь о Чани. Ты думаешь, что она не годится в жены твоему сыну.

Джессика откинулась на подушки, борясь с собой.

— Возможно...

— Может быть, ты и права, — сказала Хара. — Если это так, то ты можешь взять в союзницы саму Чани: она хочет только того, что лучше для него самого.

Джессика проглотила ком, вставший у нее в горле.

— Чани очень дорога мне, — призналась она. — Она не могла бы...

— У тебя здесь очень грязные ковры, — прервала ее Хара. Она обвела взглядом полы. — Здесь все время топчется так много народа! Давно пора их почистить...

Глава 5

Пол стоял на песке и ждал приближения гигантского червя. «Я не должен ждать, как контрабандист, нетерпеливо и нервно, — внушал он себе. — Я должен быть частью пустыни».

Теперь червя нужно было лишь несколько минут, чтобы оказаться возле Пола: звуки его шипения наполняли воздух. Огромные зубы торчали подобно причудливым цветам.

Пол слился со стилсьютом в единое целое, слегка ощущая лишь присутствие маски у зажимов в носу. Сейчас он помнил лишь то, чему учил его Стилгар.

— На каком расстоянии от Создателя можно стоять? — спросил его Стилгар при подготовке.

И он дал верный ответ:

— На расстоянии, равном половине диаметра Создателя.

— Почему?

— Чтобы, с одной стороны, не попасть в песчаный вихрь, образующийся при его приближении, а с другой, чтобы успеть подбежать и взобраться на него.

— Ты уже ездил на маленьких Создателях за Семенем и Водой Жизни, — сказал Стилгар. — Но во время твоего испытания ты будешь иметь дело с диким Создателем, стариком пустыни.

Теперь барабанный стук тампера потонул в шипении приближающегося червя. Пол глубоко вдохнул в себя воздух, даже через фильтры ощутив его горечь. Дикий Создатель, старик пустыни, надвигался на него.

«Ближе, ты, прекрасное чудовище, — мысленно звал он. — Сюда! Ты слышишь мой зов? Ближе, еще ближе!»

Пол поднял свои крючья, прицелился и метнул их. Он почувствовал, что попал в цель, и потащил их на себя, чтобы зацепить покрепче. Потом, цепляясь за зубцы, принялся взбираться по этой стенке. Настал важнейший момент испытания: если он верно всадил зубцы — так чтобы они попали в выступающий край сегмента и

открыли сегмент, червь не сможет свернуться и раздавить его.

Движения червя замедлились. Он прополз через тампер, заставив его умолкнуть, и начал сжиматься, пытаясь переместить раздражающие его зубцы как можно выше — подальше от песка, угрожавшего нежной внутренней ткани, лишившейся своей защиты.

Пол обнаружил себя сидящим верхом на черве. Его обуял восторг. Он чувствовал себя как император, обозревающий свои владения. Ему стоило большого труда подавить в себе страстное желание испытать свою власть над этим существом.

Внезапно он понял, почему Стилгар предупреждал его, рассказывая о молодых людях, танцевавших на чудовище, делавших стойку на его спине, вынимавших оба острия и снова втыкавших их, прежде чем червь успевал сбросить наездника.

Оставив одно острие на месте, Пол вытащил другое и всадил его немного ниже. Прочно закрепив второе острие и проверив его надежность, он вытащил первое и всадил его немного дальше. Создатель сжался еще больше и, сжимаясь, развернулся и оказался против того места, на котором ждали остальные.

Он увидел, что они подходят и пускают в ход свои крючья, избегая при этом краев чувствительного кольца, пока не достигнут верха. Наконец они один за другим уселись позади него.

Стилгар прошел вдоль ряда, проверил положение крючьев Пола и посмотрел на его улыбающееся лицо.

— Ну, как? Сделал? — спросил Стилгар, возвышая голос, чтобы перекрыть шипение червя. — Что ты сам об этом думаешь? — Он выпрямился. — Теперь я могу сказать, что твоя работа была небрежной. У нас есть двенадцатилетние, которые делают это лучше: слева от того места, где ты стоял, расположены барабанные пески. Если бы червь двинулся в том направлении, ты не смог бы туда отступить.

Улыбка исчезла с лица Пола.

— Я видел барабанные пески.

— Тогда почему ты не дал нам предупреждающий сигнал? Ты должен был в любом случае сделать это.

Пол молчал.

— Ты думаешь, что с моей стороны нехорошо тебе это говорить, — продолжал Стилгар. — Но это мой долг. Я думаю о том вреде, который ты мог бы принести отряду. Если бы ты ступил на эти барабанные пески, Создатель бы устремился на тебя.

Пол, как ни был сердит, понимал, что Стилгар говорит правду. Чтобы восстановить в себе спокойствие, Полу понадобилась целая минута и полученные им от матери специальные знания.

— Извини, этого больше не случится.

— В тяжелых случаях оставляй всегда дублера, человека, который подстрахует тебя, если ты сам не сможешь справиться с Создателем, — наставлял его Стилгар. — Помни о том, что мы работаем вместе.

Он потрепал Пола по плечу.

— Мы работаем вместе,— повторил Пол.

— А теперь,— в голосе Стилгара зазвучали жесткие нотки,— покажи мне, что ты умеешь обращаться с Создателем. На какой стороне мы находимся?

Пол посмотрел вниз, на чешуйчатую поверхность кольца, на которой они стояли, отметил форму и размер чешуек: справа они были больше, а слева — меньше. Каждый червь, Пол это знал, двигался в разных направлениях по-разному. С возрастом червя строение верхней его части становилось все более специфичным.

Передвинув крючья, Пол переместился влево. Он укрепил их сбоку открытого сегмента, направив червя прямо. Повернув червя, он велел двоим ездокам выйти из ряда и занять места впереди.

— Хай-и-и-и-йох! — Пол испустил традиционный клич наездника песков. Левый ездок открыл новое кольцо-сегмент.

Величественным движением Создатель развернулся, пытаясь защитить открытый сегмент. Получился полный разворот, и когда Создатель снова направился на юг, Пол закричал:

— Гейрат!

Левый ездок высвободил свой крюк. Создатель лег на верный курс.

— Очень хорошо, Пол Муаддиб,— похвалил Стилгар.— Побольше практики, и ты сможешь стать наездником песков.

Пол нахмурился, подумав: «Разве я еще не стал им?»

С дальней поверхности червя до Пола донеслись звуки погонявших. Червь начал набирать скорость. Плащи Свободных развевались на ветру. Шум, вызываемый их рейдом, стал еще громче.

Пол оглянулся и отыскал среди членов отряда лицо Чаны. Глядя на нее, он спросил Стилгара:

— Я — наездник песков, правда, Стил?

— Хал иаум! Сегодня ты — наездник.

— Значит, я могу выбирать, в каком направлении нам двигаться?

— Выходит, что так.

— И я — Свободный, родившийся сегодня здесь, в эрге Хаббания. До этого дня у меня не было жизни, я был ребенком.

— Не совсем ребенком,— Стилгар поправил капюшон.

— Но мой мир был запечатан, а теперь эта печать снята.

— Печати больше нет.

— Я хотел бы отправиться на юг, Стилгар, на двадцать тампиров. Я хотел бы увидеть землю, которую видел лишь глазами других.

«И я увижу моего сына и мою семью,— подумал он.— Сегодня мне нужно время, чтобы обдумать будущее и определить, что является прошлым для моего сознания. Надвигается время смуты, и если я не буду там, чтобы утихомирить ее, начнется хаос».

Стилгар посмотрел на него твердым, изучающим взглядом. Пол продолжал смотреть на Чани и видел на ее лице, как и на других лицах, интерес, вызванный его словами.

— Люди полны желания совершить с тобой набег на притоны Харконненов, — сказал Стилгар.

— Фейдайкины уже совершали со мной набеги и будут совершать их до тех пор, пока хоть один Харконнен останется на Арраки, — торжественно произнес Пол.

Стилгар продолжал изучать его, и Пол понял, что этот человек мысленно видит тот момент, когда он, Пол, станет во главе съетча Табр, а теперь, когда Льет мертв, — и во главе Совета Собраний.

«Он слышал о волнении среди молодых Свободных», — подумал Пол.

— Ты хочешь созвать Совет вождей? — спросил Стилгар.

Глаза молодых Свободных заблестели. И в том, как Чани переводила взгляд со Стилгара, который был ее дядей, на него, который был ее мужчиной, Пол угадал ее беспокойство.

— Ты не представляешь, чего я хочу, — ответил Пол.

И он подумал: «Я не могу отступить. Я должен держать этих людей под контролем».

— Сегодня ты — мудир песчаного рейда, — сказал Стилгар. Теперь его голос звучал строго и холодно. — Как ты используешь эту власть?

«Нам нужно время на отдых и на спокойные размышления», — подумал Пол.

— Мы поедem на юг, — решил он.

— Даже если я скажу, что, когда день кончится, мы вернемся на север?

— Мы поедem на юг, — повторил Пол.

Стилгар плотнее закутался в плащ.

— Совет будет созван, — сказал он. — Я разошлю сообщения.

«Он думает, что я его вызову, — подумал Пол. — И он знает, что не сможет мне противостоять».

«Я не вызову его, если это будет возможно, — думал он. — Если есть другой способ предотвратить джихад...»

— Для вечерней еды и молитвы остановимся в Птичьей пещере, под скалами Хаббания, — сказал Стилгар. Опираясь на крюк, он указал вперед на низкий скалистый барьер, выступающий из песка.

Пол изучал утес, его огромные каменные складки, напоминающие волны. Ни одно растение не оживляло суровую линию горизонта.

Дорога проходила в стороне от патрулей Харконненов. Он знал, как все это будет, — он видел это в своих снах. Однажды горизонт перед ними изменит свою окраску — изменение будет настолько лабам, что его можно будет принять за обман чувства.

— Устраивает ли мое решение Муаддиба? — спросил Стилгар. Тихий слабый намек сарказма прозвучал в его голосе, но уши Свободных, улавливающие каждый оттенок птичьего крика и писка передающего сообщение силаго, уловили этот сарказм.

— Стилгар слышал, как я клялся ему в верности, когда мы жвсцали команду фейдайкинов, — сказал Пол. — Мой отряд смерти

знает, что я держу свое слово. Разве Стилгар в этом сомневается?

Голос Пола выдал его боль. Стилгар услышал ее и опустил глаза.

— Узул — друг в моем сьетче. Я никогда не стану сомневаться в нем, — проговорил Стилгар. — Но ты также и Пол Муаддиб, герцог Атридес, и еще ты — Лизан ал-Гаиб, Голос из Другого Мира. А их я никогда не узнаю до конца.

Пол отвернулся и посмотрел на выступающие перед ним скалы Хаббания. Создатель под ним был все так же полон сил. Подобное существо встречалось до сих пор лишь в сказках о Старике пустыни, что рассказывали маленьким детям. Пол создавал, что сейчас рождается еще одна легенда.

Чья-то рука легла на его плечо. Пол посмотрел на руку, а потом перевел взгляд выше — на лицо: под фильтрующей маской и капюшоном стилсьюта виднелись глаза Стилгара.

— Тот, кто управлял сьетчем Табр до меня, был моим другом, — сказал Стилгар. — Мы делили опасность. Он много раз рисковал ради меня своей жизнью, а я рисковал для него своей.

— Я твой друг, Стилгар, — сказал Пол.

— Никто не сомневается в этом, — Стилгар пожал плечами и убрал руку. — Таков путь.

Пол понимал, что Стилгар неразрывно связан с традициями Свободных. Здесь вождь принимал власть из рук умирающего предшественника.

— Нам следовало бы оставить этого Создателя в глубокой пустыне, — предложил Пол.

— Да, — согласился Стилгар. — Отсюда мы могли бы дойти до пещеры пешком.

— Мы оставим его достаточно далеко, чтобы он смог спрятаться и погрузиться в одиночество на день-другой.

— Ты — мудир песков, — сказал Стилгар. — Скажи, когда мы... — Внезапно он умолк и пристально посмотрел на небо на востоке.

Пол обернулся. Сквозь вызываемую слайсом пленку небо казалось темным, глубоко лазурным; и на фоне этого неба резким контрастом выделялась увеличивающаяся темная точка.

— Орнитоптер! — определил Стилгар. — Небольшой.

— Возможно, разведчик, — сказал Пол. — Могут ли нас заметить?

— С такого расстояния мы — только червь, движущийся по поверхности пустыни, — ответил Стилгар и указал левой рукой вниз. — Прыгайте на песок!

Один за другим люди стали сползать на бок червя и прыгать вниз, закрывшись плащами от летящего песка. Пол отметил то место, где укрылась Чани. Теперь их оставалось только двое.

— Прыгай первым! — скомандовал Пол.

Стилгар оперся на свои крючья и спрыгнул. Пол подождал, пока Создатель минует тот участок, на котором укрылись люди. Поскольку червь не был полностью укрощен, требовалась особая

осторожность. Освободившись от раздражающих его крючьев, огромный червь начал погружаться в песок. Пол легко побегал по его широкой спине к хвосту, тщательно рассчитывая момент прыжка. Замедлив бег, он, как его учили, прыгнул на скользкую дюну, завернувшись в плащ. Каскад песка взвился и поглотил его.

Теперь ожидание...

Пол осторожно повернулся, изучая сквозь прореху в плаще полосу неба. Он представил себе, как остальные, каждый в своем укрытии, делают то же самое.

Он услышал шум крыльев топтера раньше, чем увидел его. Топтер пролетел у них над головами, а потом, сделав разворот, полетел к скалам Хаббания и скрылся за ними.

«Неопознанный топтер», — подумал Пол.

Над пустыней раздался птичий крик... Еще один...

Пол освободился от песка и взобрался на вершину дюны. Остальные тоже выбрались из песка. Пол отыскал глазами Чани и Стилгара. Стилгар указал на скалы.

— Это было судно контрабандистов, — сказал Стилгар.

— Похоже, что так, — отозвался Пол. — Но для контрабандистов он слишком далеко забрался в пустыню.

— У них тоже проблемы с патрулями.

— Если они забрались так далеко, то могут забраться и еще дальше, — сказал Пол.

— Верно.

— Ни к чему им видеть то, что они могут здесь увидеть: контрабандисты торгуют и информацией.

— Они охотятся за спайсом, разве ты думаешь иначе? — спросил Стилгар.

— Всякое может быть. Давай устроим западню и захватим нескольких контрабандистов. Пусть знают, что это наша земля, а, кроме того, нашим людям надо поупражняться с новым оружием.

— Вот теперь в тебе говорит Узул, — сказал Стилгар. — Узул думает, как Свободный.

«Но Узул должен открыть путь тому решению, что сможет противостоять ужасной цели», — подумал Пол.

Глава 6

Спайсовая фабрика контрабандистов с ведущим судном впереди и строем управляемых по радио орнитоптеров по бокам, появилась из-за дюн подобно рою насекомых, ведомому маткой. Перед ними расстился один из отрогов той скалы, что возвышалась над пустыней, являя собой малую имитацию Защитной стены.

Сидящий в конусообразном отсеке фабрики Гурни Хэллек, изучал в бинокль ландшафт. За уступом виднелась темная полоса. Она вполне могла указывать на спайсовые залежи, и он дал сигнал ближайшему орнитоптеру пойти на разведку.

Топтер качнул крыльями, давая сигнал, что понял. Оторвавшись от роя, он ринулся к темному песку и принялся описывать над ним круги, изучая пески с помощью детекторов.

Почти сразу он сделал крутой вираж и описал круг — таков был сигнал, сообщавший фабрике о найденном спайсе.

Гурни убрал бинокль в футляр. Он знал, что сигнал принят всеми членами экспедиции. Место ему понравилось: скалы могли служить укрытием в пустыне и защитой. Гурни дал знак отряду снизиться и выбрать такое место для краулера, чтобы его было невозможно разглядеть на детекторах Харконненов.

Гурни проверил оружие, кляня судьбу за то, что защитные поля были здесь бесполезны. Всего того, что могло привлечь внимание червя, следовало избегать любой ценой. Он потер синеющий на подбородке шрам, изучая разворачивающийся перед ним ландшафт, и решил, что было бы неплохо совершить разведывательный рейд: осмотр местности пешими людьми все-таки был надежнее. В этой стране, где Харконнены и Свободные без конца воевали друг с другом, никакая мера предосторожности не была излишней.

Сейчас его беспокоили именно Свободные. Они не возражали против продажи любого количества спайса, которое только могли захватить контрабандисты, но если те попадались в местах запретных, они становились сущими дьяволами.

Их хитрость и ловкость в битвах раздражали Хэллека. Он не мог сравнить их умение драться ни с чьим другим, а он ведь учился у лучших бойцов Вселенной и побеждал в сражениях.

Гурни еще раз внимательно осмотрел ландшафт, удивляясь своей тревоге. Возможно, причиной ее был увиденный ими червь...

Рядом с Турни вынырнула голова командира фабрики.

— Похоже, что месторождение богатое, сэр, — сказал командир фабрики. — Будем его брать?

— Опускайтесь на вершину этой скалы, — приказал Турни. — Мне нужно выгрузить людей, чтобы осмотреть местность. Вы можете добраться до спайса и оттуда.

— Угу.

— В случае чего, — распорядился Гурни, — спасайте фабрику, а мы поднимем топтеры.

Начальник фабрики отсалютовал и снова исчез в люке.

Фабрика-краулер развернулась и начала опускаться.

Гурни открыл колпак конуса и приладил на себе предохранительные ремни: Едва фабрика приземлилась, как он выпрыгнул на песок и захлопнул за собой конусообразный колпак. К нему присоединились пять человек его личной охраны, выпрыгнувшие из носового отсека. Остальные освободили транспортные крепления фабрики. Ее крылья дрогнули, разошлись и описали первый полукруг, после чего огромная фабрика-краулер взмыла в воздух и полетела в сторону темной полосы. На то место, где она стояла, приземлился топтер, потом еще и еще. Высадив людей, они снова поднимались в воздух.

Гурни напряг мускулы под стилсьютом, пробуя их готовность. Он снял с лица фильтрующую маску, жертвуя влагой ради более важного — силы голоса, если ему придется отдавать команду, и стал взбираться на уступы, внимательно изучая место.

«Хорошее место для тайника, — подумал он. — Возможно, стоит спрятать здесь часть оборудования».

Он оглянулся и посмотрел на цепочку следующих за ним людей. Ни один из них не включил защитное поле. Здесь нет трупов, которые бы таскали за собой защитные поля в пустыню, где червь, стоит ему учуять поле, явился бы и отобрал добытый спайс.

С этого небольшого возвышения Гурни мог видеть спайсовую гряду в полукилометре отсюда и краулер, только что достигший ближнего края гряды. Он посмотрел вверх, на суда прикрития, определил высоту — не слишком высоко.

И в это мгновение скалы взорвались! Двенадцать грохочущих столбов огня устремились к топтерам и крыльям фабрики. Раздался металлический грохот, и камни вокруг Гурни оказались кишащими людьми в капюшонах.

Гурни успел подумать: «Клянусь Великой матерью! Ракеты! Они осмелились воспользоваться ракетами!»

Он оказался лицом к лицу с закутанной в плащ фигурой с крисножом наготове. Слева и справа на валунах застыли еще двое.

Гурни, не сводя глаз с ножа противника, осторожно потянулся к своему ножу. Если они посмели пустить в ход ракеты, то у них, вероятно, есть и другие, не менее эффективные орудия. По звукам он определил, что по крайней мере часть его воздушного прикрития сбита. За его спиной, судя по шуму, шла борьба.

Глаза стоящего напротив Гурни воина проследили за движением его руки, потом обратились на его лицо.

— Оставь нож в ножнах, Гурни Хэллек! — приказал воин. Гурни колебался.

— Тебе известно мое имя? — спросил он.

— Со мной тебе, Гурни, ножа не понадобится, — сказал человек. Он выпрямился и убрал свой нож в ножны, под плащ. — Вели своим людям прекратить бесполезное сопротивление.

Человек откинул капюшон и снял фильтр.

То, что он увидел, заставило Гурни окаменеть. Ему показалось, что он смотрит на дух герцога Лето Атридеса. Подлинное узнавание приходило к нему очень медленно.

— Пол, — прошептал он. Потом громче: — Это действительно Пол?

— Неужели ты не доверяешь собственным глазам?

— Все говорили, что вы мертвы, — выдохнул Гурни.

— Прикажи своим людям остановиться, — велел Пол, указывая на нижние уступы хребта. С неохотой отведя взгляд от лица Пола, Гурни посмотрел в ту сторону. Он увидел лишь маленькую группу своих людей. Люди пустыни, со скрытыми под капюшонами ли-

цами, были, казалось, повсюду. Фабрика-краулер неподвижно стояла на песке, захваченная Свободными. В небе не было видно ни одного судна.

— Прекратите борьбу! — крикнул Гурни.

И набрав в легкие воздух, он повторил:

— Говорит Гурни Хэллек. Приказываю прекратить борьбу!

Медленно и неохотно люди опустили оружие. Взгляды всех вопросительно обратились на него.

— Это друзья, — объяснил Гурни.

— Ничего себе, друзья! — выкрикнул кто-то из задних рядов. — Половина наших людей убита!

— Это была ошибка, — сказал Гурни. — Не надо ее усугублять.

Улыбка тронула губы Пола, но была в выражении его лица и твердость, напомнившая Хэллеку старого герцога, дедушку Пола. Потом Гурни увидел на его лице знаки, не виденные им раньше ни в ком из Атридесов, — они проявлялись в напряжении лицевых мускулов, в испытующих взглядах исподтишка.

— Все говорили, что вы мертвы, — повторил Гурни.

— Это было нам на руку, — сказал Пол.

Гурни понял, что эта фраза в известной мере извиняет его за то, что он оставил Пола на произвол судьбы, поверил в то, что его юный герцог... его друг мертв. А потом он подумал: осталось ли в стоящем перед ним воине хоть что-то от того мальчика, которого он знал и учил искусству борьбы?

Пол подошел вплотную к Гурни, и в глубине его глаз плеснулась нежность.

— Гурни...

Все произошло, казалось, само собой, и вот они уже стоят, обнявшись и хлопая друг друга по спине.

— Пол! Малыш! — повторял Гурни.

— Гурни, старина! Гурни...

Наконец они отпустили друг друга и изучающе посмотрели друг на друга. Гурни глубоко вздохнул.

— Я мог бы и догадаться, почему так выросло военное искусство Свободных. Им удавалось такое, что мне бы и в голову никогда не пришло. Если бы только я знал... — он покачал головой. — Если бы ты передал для меня хоть словечко, мальчуган, я бы примчался и ...

Взгляд Пола заставил его замолчать.

Гурни вздохнул:

— Конечно, нашлись бы и такие, кто бы поинтересовался: куда это Гурни Хэллек помчался? А некоторые захотели бы найти и ответ на этот вопрос.

Пол кивнул и посмотрел на стоящих в выжидательных позах Свободных. Во взглядах федайкинов читалось любопытство. Он отвернулся от членов команды смерти и снова посмотрел на Гурни. Встреча с бывшим наставником подняла его настроение: он увидел в ней доброе предзнаменование, знак того, что он на верном пути.

«Гурни рядом со мной...»

Пол посмотрел мимо федайкинов вниз, на контрабандистов, прилетевших с Хэллеком.

— Чего хотят твои люди, Гурни?

— Они контрабандисты, — ответил тот. — Они стремятся туда, где больше прибыли.

— В нашем предприятии прибыли мало, — сказал Пол и заметил, как шевельнулся палец на правой руке Гурни, подавая ему сигнал — старинный кодовый знак из их прошлого. В отряде контрабандистов были разные люди.

Пол шевельнул губами, давая знать, что он понял, и посмотрел на своих людей, стоящих на страже на высоких камнях. Он увидел Стилгара и, вспомнив, что отношения с ним надо еще выяснять, сразу погрузился.

— Стилгар, — сказал он. — Это Гурни Хэллек, о котором я много тебе рассказывал. Оружейный мастер моего отца, один из учителей фехтования, обучавших меня, мой старый друг. На него можно положиться во всем.

— Я слышал, — коротко отозвался Стилгар. — Ты — его герцог.

Пол посмотрел в темное лицо над ним, стараясь понять, почему Стилгар сказал именно это: «Его герцог!» В интонации Стилгара содержался какой-то странный оттенок, как будто ему хотелось добавить что-то еще. И это было не похоже на Стилгара, предводителя Свободных, привыкшего говорить все то, что подсказывал ему разум.

«Мой герцог!», — подумал Гурни и посмотрел на Пола. Да, теперь, когда Лето мертв, титул перешел к Полу.

Некоторые аспекты войны Свободных на Арраки повернулись к Гурни новой стороной. «Мой герцог!» Лишь часть его сознания отметила распоряжение Пола о том, что контрабандисты должны быть обезоружены и остаться таковыми, пока не будут допрошены.

Полностью смысл приказа дошел до Гурни лишь тогда, когда он услышал протестующие возгласы своих людей.

— Вы что, парни, оглохли? — рявкнул он. — Это истинный герцог Атридес. Выполняйте его приказ!

Контрабандисты, ворча, повиновались.

Пол подошел к Гурни и тихо проговорил:

— Я не ожидал, что именно ты попадешься в эту ловушку, Гурни.

— Я получил то, что заслужил, — сказал Гурни. — Держу пари, что эта полоса — пустая толща песка, приведенная в такой вид, чтобы нас обмануть.

— Это пари ты бы выиграл, — усмехнулся Пол и посмотрел на разоружаемых контрабандистов.

— Есть ли среди твоего отряда люди моего отца?

— Ни одного. Наши ряды изрядно поредели. Есть несколько человек среди свободных торговцев. Большая часть истратила свои доходы на то, чтобы покинуть это место.

— Но ты остался.

— Я остался.

— Потому что здесь Раббан, — Пол скорее утверждал, чем спрашивал.

— Я думаю, что мне не осталось ничего, кроме мщения, — отозвался Гурни.

С верхнего уступа послышался сдавленный крик. Гурни поднял голову и увидел, что один из Свободных машет платком.

— Идет Создатель, и довольно большой, — сказал Пол. Вдалеке отчетливо виднелся след червя.

Со стороны лежащей над ними фабрики послышались тревожные крики. Повернувшись на своих гусеницах, краулер пополз к скалам, подобно гигантскому неуклюжему насекомому.

— Очень плохо, что мы не можем спасти карриол, — пожалел Пол.

Гурни посмотрел на него, потом на дымящиеся участки пустыни, где лежали сбитые ракетами карриол и орнитоптеры. Внезапно он почувствовал боль за оставшихся там людей — его людей, и проговорил:

— Твой отец лучше бы позаботился о людях, которых не мог спасти.

Пол бросил на него быстрый взгляд и опустил глаза.

— Они были твоими людьми, Гурни, — сказал он, помолчав. — Для нас же они были нарушителями, которые могли увидеть то, что им не следовало видеть. Ты должен это понять.

— Я хорошо это понимаю, — пошутил Гурни. — Но меня разбивает любопытство: так хочется увидеть то, чего не следует видеть.

Пол поднял голову и увидел на лице Гурни хорошо ему известную волчью усмешку. Гурни кивком указал в сторону лежащей перед ними пустыни. Там повсюду сновали Свободные, занимающиеся своими делами. Его поразило то, что ни один из них, казалось, не был обеспокоен приближением червя.

С открытых дюн за лжеполосой спайса послышался громкий барабанный звук тампера, от которого, казалось, даже камни вибрировали под их ногами. Гурни увидел, что Свободные встали вдоль линии, где должен был проходить путь червя. Через мгновение Гурни стал свидетелем поимки червя: первый метатель загарпунил червя, заставил развернуться, и вслед затем все члены отряда взобрались на его блестящую поверхность.

— Это зрелище — из числа тех, которые тебе не следовало бы видеть, — заметил Пол.

— Мне рассказывали об этом, — признался Гурни. — Но поверить в такое, не видя своими глазами, очень трудно.

— Ты помнишь, что говорил мой отец о силе пустыни, — сказал Пол. — Теперь поверхность этой планеты — наша. Ни штормы, ни эти создания, ни безводье не могут нас остановить.

«Нас... — подумал Гурни. — Он имеет в виду Свободных. Он говорит как один из них».

— Были времена, когда в этих краях мы не смели мчаться на Создателях при свете дня, — заметил Пол. — Но у Раббана стало так мало воздушной силы, что он не может терять ее на патрулирование песков. — Он посмотрел на Гурни. — Появление твоего воздушного судна было для нас полной неожиданностью.

«Для нас...»

Прогоняя эти мысли, Гурни покачал головой.

— Однако мы явились для вас не такой большой неожиданностью, как вы для нас, — усмехнулся он.

— Что говорят насчет действий Раббана в селах и деревнях? — спросил Пол.

— Говорят, что деревни синков укреплены в такой степени, что с ними нельзя ничего поделаться. Говорят, что им остается только пережидать, пока кончатся бесполезные атаки.

— Другими словами, Харконнены лишены мобильности.

— Зато ты можешь появляться там, где пожелаешь, — сказал Гурни.

— Этой тактике я научился от тебя. Они потеряли инициативу и, значит, проиграли войну.

Гурни понимающе улыбнулся.

— Наш враг находится там, где этого желаю я, — заявил Пол и посмотрел на Хэллека. — Ну как, Гурни, поступаешь ко мне на службу — до окончания компании?

— Поступаю ли? — Гурни посмотрел на него в недоумении. — Мой господин, я никогда не оставлял службу у вас. Это вы меня... оставили, заставив считать, что вас уже нет в живых. И я, оставшись не у дел, принял то, что мне предложили, в ожидании того времени, когда я смогу продать свою жизнь ради стоящего дела — смерти Раббана.

Расстроженный Пол хранил молчание. К тому месту, где они стояли, возвратилась женщина и остановилась перед Полом. Глаза ее за капюшоном и маской обращались то на Пола, то на его собеседника.

— Чани, — сказал ей Пол. — Это Гурни Хэллек. Ты слышала о нем от меня.

Она посмотрела на Гурни, потом снова на Пола.

— Я слышала.

— Что наши люди сделали с Создателем?

— Они лишь отвлекли его, чтобы выиграть время и спасти оборудование.

— Что ж, тогда... — Пол замолчал, принохиваясь.

— Идет ветер, — подсказала Чани.

Из-за гряды донесся голос:

— Хо, там — ветер!

Гурни увидел, как убыстрились движения Свободных. Чувствовалось, что они очень спешат. Все, что червь оставил невредимым, было уже снесено. Краулер тяжело прогромыхал по сухому песку, перед ним открылся проход... а потом камни сомкнулись так плотно, что от прохода не осталось и следа.

— И много у вас таких тайников? — спросил Гурни.

— Много, помноженное на много, — ответил Пол. Он посмотрел на Чани. — Найди Корбу, скажи ему, что Гурни предупредил меня: среди них есть люди, которым нельзя доверять.

Она посмотрела на Пола, потом на Гурни, повернулась и легко побежала по камням.

— Она — твоя женщина, — сказал Гурни.

— Она — мать моего первенца. Среди Атридесов есть еще один Лето.

Пол внимательно следил за тем, что творилось вокруг. Теперь небо на юге стало совсем черным. Порывы ветра поднимали тучи песка над их головами.

— Застегни костюм, — посоветовал Пол. Сам он приладил маску и надвинул капюшон.

Гурни повиновался, благодарный за фильтры.

Голосом, приглушенным из-за фильтров, Пол спросил:

— Кому из своего отряда ты не доверяешь, Гурни?

— В отряде есть несколько новичков, пришельцев из чужих миров... — Он заколебался, сам удивляясь, как легко сорвались с его языка эти слова — «из чужих миров».

— Они не похожи на тех искателей приключений, которые к нам обычно приходят, — сказал Гурни. — Они жестче.

— Шпионы Харконненов?

— Я думаю, мой господин, что они отчитываются не перед Харконненами. Я подозреваю, что они на службе у империи. В них есть что-то от Салузы Второй.

— Сардукары? — Пол бросил на него испытующий взгляд.

Гурни пожал плечами.

— Может быть, и так; они хорошо замаскировались.

Пол кивнул, думая о том, как легко Гурни вернулся к положению слуги Атридесов. Правда, теперь это был другой Гурни — планета Арраки изменила и его.

Из-за камней под ними появились двое Свободных в капюшонах. За плечами одного из них висел большой узел.

— Где сейчас мой отряд? — спросил Гурни.

— В безопасности. В скалах под нами есть пещера... Птичья пещера. После шторма мы решим, что с ними делать.

Голос сверху позвал:

— Муаддиб!

Пол обернулся и увидел своего охранника, указывающего на пещеру. Пол знаком ответил, что понял.

Гурни посмотрел так, как будто видел его впервые.

— Ты — Муаддиб?!

— Это мое имя среди Свободных, — ответил Пол.

Гурни отвернулся, чувствуя, как растут в нем дурные предчувствия. Половина его отряда лежала мертвая, половина была захвачена в плен. О новичках, которые вызывали подозрение, он не беспокоился, но среди остальных были хорошие люди, друзья,

за которых он чувствовал ответственность. «После штурма мы решим, что с ними делать» — так сказал Муаддиб. И Гурни вспомнил, что рассказывали о Муаддибе, Лизан ал-Гаиб: как он сдирал кожу с офицеров Харконненов, чтобы обтянуть ею барабаны, как окружил себя командой смерти, члены которой бросались в бой с песней смерти на устах.

Двое Свободных взобрались на площадку у ног Пола. Темнолицый воин сказал:

— Все в безопасности, Муаддиб. Теперь нам лучше сойти вниз.

— Ты прав, Стилгар.

Гурни отметил интонацию говорившего, полуповелительную, полувопросительную. Этого человека звали Стилгар — еще одно имя из новых легенд о Свободных.

Пол посмотрел на узел за спиной второго и спросил:

— Корба, что у тебя в узле?

Стилгар ответил:

— Я нашел его в краулере. На нем инициалы твоего друга, а в нем бализет. Я много раз слышал от тебя, как искусно Гурни Хэллек играет на бализете.

Гурни внимательно изучал говорившего.

— Ваши соратники умеют думать, мой господин, — сказал Гурни. — Спасибо, Стилгар.

Стилгар знаком велел своему спутнику передать узел Гурни:

— Благодарю своего герцога. Раз он тебя поддерживает, ты можешь рассчитывать на наше уважение.

Гурни принял инструмент, удивленный жесткими нотками в голосе Стилгара. В его поведении слышался вызов, и Гурни подумал, уж не чувство ли зависти говорит в Свободном. Явился некто Гурни Хэллек, знавший Пола еще до появления его на Арраки, человек, которого связывали с Полом узы дружбы, неведомой Стилгару.

— Вы оба мои друзья, — сказал Пол. — Я хотел бы, чтобы вы подружились и между собой.

— Свободный по имени Стилгар хорошо известен, — ответил Гурни. — Я считаю за честь иметь среди своих друзей убийцу Харконненов.

— Ты подашь руку моему другу Гурни Хэллеку, Стилгар? — спросил Пол.

Стилгар медленно протянул руку и пожал тяжелую руку Гурни.

— Мало кто не слышал имя Гурни Хэллека, — сказал он и повернулся к Полу. — Буря уже близко, Муаддиб.

— Идемте, — сказал Пол.

Стилгар повернулся и повел их вниз по узкой тропинке, вьющейся среди камней, к затерянной среди скал расселине, которая привела их ко входу в пещеру. Мужчины торопливо закрыли вход в скале.

Пол в сопровождении Гурни направился к возвышению и повернул в проход. Остальные ушли по другому проходу, открывающемуся напротив главного входа. Пол провел Гурни через комнату, и они вошли во внутреннюю комнату.

— Мы сможем поговорить здесь наедине, — сказал Пол.

Из внешнего помещения донесся протяжный сигнал военной тревоги, и сразу же послышались крики и звон оружия. Пол круто повернулся и бросился через прихожую к проходу. Гурни с оружием наготове не отставал от него.

Под ними, на полу пещеры, мелькали фигуры сражающихся людей. Развитая в нем его матерью привычка наблюдать и слагать мельчайшие детали в значительные факты сказала ему, что Свободные сражаются с людьми, одетыми в костюмы контрабандистов, однако контрабандисты эти разделились на тройки и в тех местах, где битва была особенно жестокая, стояли спинами друг к другу, образуя треугольные фигуры. Такая манера вести сражение изобличала в них императорских сардукаров.

Один из дерущихся федайкинов увидел Пола, и его клич эхом отразился от стен.

— Муаддиб! Муаддиб! Муаддиб!

Еще одна пара глаз засекла Пола, и в него полетел черный нож. Пол увернулся, услышав, как тот лязгнул о камень над его головой, и обернулся посмотреть, избежал ли удара Гурни.

Когда человеческие треугольники были оттеснены назад, Гурни показал Полу нож, обращая его внимание на перевязь темного, имперского, цвета, на золотой крест со львами, на многоцветные глазки на рукоятке кинжала.

Пол шагнул к краю уступа: внизу оставалось лишь трое сардукаров. На полу возвышался кровавый холм из сардукаров и Свободных.

— Прекратить! — крикнул Пол. — Герцог Пол Атридес приказывает вам остановиться!

Движения сражающихся замедлились.

— Эй вы, сардукары! — крикнул Пол оставшейся в живых тройке. — Кто приказал вам напасть на правящего герцога? — И видя, что его люди начали окружать сардукаров, крикнул: — Прекратить, я сказал!

— Кто сказал, что мы сардукары? — крикнул один из троих.

Пол взял у Гурни нож и положил его на свою ладонь.

— Ваш нож сказал, что вы — сардукары.

— А кто докажет, что ты — правящий герцог?

Пол указал на федайкинов.

— Эти люди говорят, что я — правящий герцог. Ваш собственный император перевел сюда дом Атридесов. Я — герцог Атридес. Сардукар молчал, явно взволнованный.

Пол внимательно взгляделся в него. Это был высокий человек с плоскими чертами лица, с бледным шрамом, наискось пересекающим его левую щеку. Его вид выдавал и злобу, и смущение, но чувствовалась в нем и гордость, без которой сардукар казался будто бы не одетым.

Пол посмотрел на своего лейтенанта-федайкина:

— Корба, как получилось, что их не разоружили?

— Они спрятали оружие в хитроумно скрытых под стилсьютами карманах, — ответил тот.

Пол оглядел лежащих на полу убитых и раненых и снова посмотрел на лейтенанта. Лейтенант опустил голову.

— Где Чани? — спросил Пол.

— Стилгар ее спрятал, — Корба кивнул в сторону прохода и оглянулся на убитых и раненых. — Я должен ответить за эту ошибку, Муаддиб!

— Сколько было этих сардукаров, Гурни? — спросил Пол.

— Десять.

Пол легко прыгнул на пол пещеры, прошел к тому месту, где стоял говоривший с ним сардукар, и остановился на расстоянии нескольких шагов от него.

Не оборачиваясь, Пол бросил лейтенанту:

— Как велики наши потери?

— Четверо раненых, двое убитых, Муаддиб.

Пол уловил звуки движения за спиной сардукаров. В другом проходе стояли Чани и Стилгар. Он снова перевел взгляд на сардукаров.

— Как тебя зовут? — спросил Пол.

Человек будто онемел, лишь глаза его бегали из стороны в сторону.

— Брось это! — сказал Пол. — Мне ясно, что вам велено было пробраться сюда и уничтожить Муаддиба. Ручаюсь, это вы предложили искать спайс в глубокой пустыне.

Лицо сардукара стало багровым.

— Ты видишь перед собой семь ваших мертвых против двоих наших. Три к одному, неплохой счет, а?

Человек приподнялся на носки, но отступил под напором фedaй-кинов.

— Я спрашиваю, как тебя зовут, — повторил Пол и, используя искусство Голоса, приказал: — Назови мне свое имя!

— Капитан Арамшем, имперский сардукар! — гаркнул человек.

От его надменности человека, попавшего в пещеру к варварам, не осталось и следа.

— Что ж, капитан Арамшем, — сказал Пол. — Харконнены дорого заплатили бы за то, что теперь знаете вы. А император — чего бы он не дал за то, чтобы узнать, что Атридесы все еще живут, несмотря на его предательство.

Капитан бросил взгляд налево и направо, на двоих оставшихся в живых людей. Пол почти видел мысли человека, бьющиеся в его голове: сардукар не сдастся, но император должен узнать об этой угрозе.

Используя Голос, Пол приказал:

— Сдавайтесь, капитан!

Человек, стоящий слева от капитана, внезапно бросился на Пола, но путь ему преградил нож его же капитана. Наладающий коротко

вскрикнул и рухнул на пол с ножом в груди. Капитан посмотрел в лицо своему единственному оставшемуся в живых товарищу.

— Я думаю о том, как лучше послужить Его величеству. Понятно?

Плечи второго сардукара опустились.

— Брось оружие! — приказал капитан.

Сардукар повиновался.

Капитан посмотрел на Пола в упор.

— Ради тебя я убил своего друга, — произнес он с расстановкой, — не забывай об этом.

— Ты мой пленник, — отвечал ему Пол. — Будешь ли ты жить или умрешь, это неважно. — Он велел охране взять сардукаров и обыскать их.

Охрана увела сардукаров.

Пол повернулся к лейтенанту.

— Муаддиб, — сказал тот. — Я допустил ошибку...

— Ошибка допущена с моей стороны, Корба, — признал Пол. — Мне следовало бы предупредить тебя, что надо искать. В будущем, когда будешь обыскивать сардукаров, помни об этом. Помни также о том, что любой из них может иметь один или два фальшивых ногтя на ноге, которые в соединении с другими частями, спрятанными на теле, могут составлять эффективные передатчики. У них может быть и по несколько фальшивых зубов. Они прячут кольца шигавира в волосах, и так искусно, что найти их очень трудно, однако с помощью такого кольца можно смастерить гарроту и оторвать человеку голову. Когда имеешь дело с сардукаром, нужно с помощью всех имеющихся в наличии средств срезать каждый волосок на его теле. И только когда закончишь эту работу, можешь быть уверенным в том, что ничего не упустил.

Он посмотрел на Гурни, который подошел ближе и слушал.

— Тогда нам лучше их убить, — сказал лейтенант.

Пол покачал головой, все еще глядя на Гурни.

— Нет. Я хочу, чтобы они бежали.

Гурни в недоумении уставился на него.

— Сир... — выдохнул он.

— Да?

— Этот ваш человек прав. Убейте их, уничтожьте все, что напоминает об их присутствии здесь. Вы взяли в плен имперских сардукаров! Когда император об этом узнает, он не успокоится до тех пор, пока не поджарит вас на медленном огне.

— Вряд ли императору удастся это сделать, — Пол говорил медленно и холодно. Что-то произошло в его душе, пока он смотрел на сардукара. Сумма наблюдений вылилась в знание.

— Гурни, — сказал он. — Вокруг Раббана много людей Союза?

Гурни выпрямился, глаза его сузились.

— Ваш вопрос не имеет...

— Я тебя спрашиваю! — повысил голос Пол.

— Арраки наводнена агентами Союза. Они покупают спайс,

как будто это самая ценная вещь во всей Вселенной. И все же почему вы думаете, что нам следует слишком далеко вдаваться в...

— Это и есть самая ценная вещь во Вселенной, — перебил его Пол. — Для них. — Он посмотрел на Стилгара и на Чани, которые шли к ним через комнату. — И мы держим ее под контролем, Гурни.

— Ее держат под контролем Харконнены!

— Контролирует ценность тот, кто может ее уничтожить, — отчеканил Пол. Движением руки он предупредил дальнейшие вопросы Гурни и кивнул Стилгару, который вместе с Чани подошел и остановился перед Полом.

Пол взял в левую руку нож сардукара и протянул его Стилгару со словами:

— Ты живешь ради пользы племени. Мог бы ты взять ножом кровь моей жизни?

— Ради пользы племени, — негромко повторил Стилгар.

— Тогда пускай в ход нож, — сказал Пол.

— Ты меня вызываешь?

— Если бы это было так, — сказал Пол, — я не позволил бы взять мою жизнь, стоя без оружия.

Стилгар судорожно глотнул воздух.

— Узул! — Чани бросила взгляд на Гурни, потом снова на Пола.

Стилгар все еще осмысливал услышанное, а Пол продолжал:

— Ты воин, Стилгар. Когда сардукары затеяли сражение, ты не ринулся в битву. Первой твоей мыслью было защитить Чани.

— Она — моя племянница, — сказал Стилгар. — Если ты сомневаешься в тех федайкинах, которые занимались этими мерзавцами...

— Почему первой твоей мыслью была мысль о Чани?

— Это не так!

— А как?

— Она была о тебе, — признался Стилгар.

— Ты думаешь, что смог бы поднять на меня руку? — спросил Пол.

Стилгар вздрогнул.

— Таков закон, — прошептал он.

— Закон говорит, что надо убивать пришельцев из далеких миров, найденных в пустыне, и брать их воду, как подарок Шаи-Хулуда, — возразил ему Пол. — И все же однажды ночью ты позволил жить двоим таким пришельцам — моей матери и мне.

Стилгар продолжал молча смотреть на него, Пол продолжал:

— Пути меняются, Стил. Ты и сам их менял.

Стилгар посмотрел на желтую эмблему, укрепленную на рукоятке ножа у него в руке.

— Когда я стану герцогом в Арракине, будет ли у нас с Чани время входить в каждую мелочь управления съетчем Табр? — спросил Пол. — И разве ты сам станешь заниматься проблемами каждой отдельной семьи?

Стилгар продолжал пристально смотреть на нож.

— Неужели ты думаешь, что я жажду обрезать свою правую руку? — настойчиво спрашивал Пол.

Стилгар медленно перевел взгляд на его лицо.

— Ты! — воскликнул Пол. — Неужели ты думаешь, что я хочу лишить себя и племя твоей мудрости и силы?

Стилгар тихо ответил:

— Юношу из моего племени, чье имя мне известно, этого юношу я могу убить на поле вызова, пожелай этого Шай-Хулуд. Но Лизану ал-Гаибу я не могу причинить вреда. Ты знал это, когда давал мне нож.

— Я знал это, — согласился Пол.

— Пути меняются, — сказал Стилгар и разжал руку. Нож упал на каменный пол.

— Чани, — позвал Пол, — отправляйся к моей матери и пришли ее сюда: нам нужен ее совет.

— Но ты говорил, что поедешь на юг! — запротестовала она.

— Это решение было неверным, — объявил он. — Харконнены не там. Война не там.

Она глубоко вздохнула.

— Ты отвезешь моей матери сообщение, предназначенное лишь для ее ушей, — сказал Пол. — Скажи ей, что Стилгар признал меня герцогом Арраки, что должен быть найден путь заставить молодых воинов согласиться с этим решением.

Чани посмотрел на Стилгара.

— Делай, как он говорит, — проворчал Стилгар. — Мы оба знаем, что он мог победить меня... и что я не могу поднять на него руку ради пользы племени.

— Я вернусь вместе с твоей матерью, — проговорила Чани.

— Пришли ее сюда, — сказал Пол. — Стилгар был прав: я сильнее, когда ты в безопасности. Ты останешься в сѣтче.

Она хотела было что-то возразить, но передумала.

— Сихайя, — сказал Пол, назвав ее именем, известным лишь им двоим. Он отвернулся вправо и встретился с горящими глазами Гурни.

С тех пор как Пол упомянул о своей матери, Гурни уже ничего не понимал из разговора Пола со старым Свободным.

— Твоя мать... — начал Гурни.

— Айдахо спас нас в ночь набега, — рассеянно произнес Пол, думая о предстоящей разлуке с Чани, — теперь мы...

— Что с Дунканом Айдахо, мой господин? — спросил Гурни.

— Он мертв; ценой своей жизни он выиграл нам время на побег.

«Так, значит, ведьма жива! — подумал Гурни. — Одна из тех, кого я поклялся уничтожить, жива! И герцог Пол, конечно, не знает, какая тварь дала ему жизнь! Это сам Дьявол! Выдать Харконненам его отца!»

Пол прошел мимо него и вскочил на возвышение. Оглянувшись, он увидел, что раненые и мертвые уже унесены, и с горечью по-

думал о том, что в легенду о Муаддипе вписана еще одна глава. «Я даже не вытащил свой нож, но о сегодняшнем дне будут говорить, что я уничтожил двадцать сардукаров».

Гурни, не чувствуя под ногами земли, последовал за Стилгаром. Мысли яростно бились в его голове.

«Ведьма все еще жива, в то время как те, кого она предала, превратились в груды костей, в зыбких могилах. Я должен сделать так, чтобы Пол узнал о ней правду, прежде чем я убью ее».

Глава 7

Джессика видела, что толпа, собравшаяся в пещере, в помещении для собраний, была охвачена теми же чувствами, которые владели ею в тот день, когда Пол убил Джемиза.

Выйдя из личных покоев Пола и направляясь к возвышению, Джессика спрятала цилиндр с полученной ею запиской в складки платья. Она чувствовала себя отдохнувшей после долгого путешествия с юга, но все еще досадовала на то, что Пол никак не желал давать разрешения на пользование захваченным орнитоптером.

— Наш контроль над воздухом не полный, — сказал он. — И мы не должны полагаться на горючее чужеземцев. К тому же горючее и воздушные суда должны тщательно сберегаться и охраняться до тех пор, пока нам не понадобится максимальная сила.

Пол стоял с группой молодых воинов у возвышения. Слабый свет глоуглобов придавал всему происходящему несколько нереальный вид.

Она изучала сына, удивляясь тому, что он еще не показал ей свой сюрприз — Гурни Хэллека. Мысль о Гурни всколыхнула в ней воспоминания о прошлом, о днях, проведенных ею с отцом Пола и наполненных любовью.

Стилгар с маленькой горсткой своих людей ждал на другом краю возвышения.

«Мы не должны допустить потерю этого человека, — думала Джессика. — План Пола должен удался. Все остальные пути обернулись бы величайшей трагедией».

Она спустилась с возвышения, прошла мимо Стилгара, не взглянув на него, и вступила в толпу. Люди перед ней расступились.

Молодые воины при ее приближении отошли от Пола, и на какое-то мгновение ее встревожило их новое отношение к нему.

Но она не заметила никакой скрытности на их лицах. Их заставлял держаться в отдалении создаваемый вокруг Пола религиозный ореол. И она вспомнила поговорку Бене Гессерит: «Насильственная смерть невозможна для пророков».

Пол посмотрел на нее.

— Пора, — она передала ему цилиндр с сообщением.

Один из спутников Пола, более смелый, чем остальные, бросил взгляд на Стилгара и сказал:

— Ты думаешь его вызывать, Муаддиб? Время решать. Люди подумают, что ты трус, если...

— Кто осмелился назвать меня трусом? — сурово спросил Пол. Рука его легла на рукоятку крисножа.

Группа молодых воинов, а за ними и вся толпа погрузились в напряженное молчание.

Пол поднял руку, прося тишины.

— Сделай это! — выкрикнул кто-то в толпе.

Это восклицание вызвало ропот и перешептывание.

Тишина наступила нескоро и прерывалась шарканьем ног и покашливанием. Когда наконец все стихло, Пол опустил руку и голосом, отчетливо слышимым в самых дальних уголках пещеры, говорил:

— Вы устали от ожидания.

И снова ему пришлось ждать, когда смолкнут ответные крики.

«Они действительно устали», — подумал Пол. Он взвесил на руке цилиндр, думая о его содержимом. Передавая его, мать сказала ему, каким образом он был отобран у курьера Харконненов. Содержание послания не вызвало сомнения: Раббан отныне мог рассчитывать только на свои силы здесь, на Арраки! Он не мог требовать ни помощи, ни подкреплений!

И снова Пол возвысил голос.

— Вы думаете, что для меня пришло время вызвать Стилгара и сменить предводителя войск! — И прежде чем люди успели ответить, Пол гневно воскликнул: — Неужели вы думаете, что Лизан ал-Гаиб — глупец?

Тяжелое молчание повисло в пещере.

«Он пользуется защитой религии», — подумала Джессика. — У него должно получиться».

— Таков путь! — выкрикнул кто-то в задних рядах.

Сухо, придав своему голосу особые интонации, Пол сказал:

— Пути меняются.

Из одного угла пещеры послышался сердитый выкрик:

— Мы сами скажем, что нужно изменить!

Толпа отозвалась одобрительными криками.

— Как пожелаете, — согласился Пол.

И Джессика услышала в его ответе те интонации, которые говорили, что он прибегнул к помощи Голоса — искусству, которое он перенял у нее.

— Вы скажете свое слово, — продолжал он. — Но вначале вы выслушаете то, что скажу вам я.

Стилгар шагнул вперед. Его бородатое лицо хранило бесстрастное выражение.

— И это тоже закон, — заявил он. — Любой Свободный имеет право сказать в Совете свое слово. Муаддиб — Свободный.

— Самое главное — это то, что идет на пользу племени, ведь так? — спросил Пол.

— Каждый наш шаг должен вести к этому, — ответил Стилгар

все тем же бесстрастным, но исполненным достоинства голосом.

— Прекрасно,— согласился Пол.— Тогда скажите мне, кто управляет отрядом нашего племени и кто управляет всеми племенами и отрядами через воинов-инструкторов, обученных нами сверхъестественному способу?

Пол ждал, глядя через головы людей. Ответа не последовало.

И тогда он спросил:

— Разве не Стилгар все это делает? Сам он говорит, что нет. Тогда, может, это делаю я? Даже Стилгар выполняет мои приказания, и мудрые, умнейшие из умных, слушают меня и воздают мне почести в Совете.

Молчание толпы сделалось еще более напряженным.

— Или, может быть, всем управляет моя мать? — он указал на Джессику.

— Стилгар и вожди отрядов просят ее совета перед принятием даже самого малого решения. Но разве Преподобная мать возглавляет переходы по песку и раззии — набеги на Харконненов?

Лица тех, кого Пол мог видеть, нахмурились, однако то там, то здесь возникал сердитый шепот.

«Он избрал опасный путь», — подумала Джессика, но тут же вспомнила про цилиндр и про заключенное в нем послание. И она понимала намерения Пола: проникнуть в глубь их неуверенности, покорить ее, и тогда во всем остальном они пойдут ему навстречу.

— Без вызова и без битвы ни один человек не распознает лидера, ведь так? — спросил Пол.

— Таков закон! — крикнул один из присутствующих.

— В чем наша цель? — спросил Пол.— Сбросить скотину Раббина, ставленника Харконненов, и восстановить мир в месте, где среди изобилия воды смогут процветать наши семьи — разве не в этом наша цель?

— Жестокие цели требуют жестоких путей!

— Кто размахивает ножом перед битвой? — спросил их Пол.— Здесь нет мужчины, включая и Стилгара, который смог бы выстоять против меня в битве один на один. И сам Стилгар знает об этом, так же как и все вы.

В толпе подняли сердитый ропот.

— Многие из вас выходили против меня в тренировочных сражениях,— продолжал Пол.— Вы знаете, что мои слова — не пустая болтовня. Я говорю так потому, что это всем известный факт, и с моей стороны было бы глупо его замалчивать. Я начал изучать эти пути раньше, чем вы, и моими учителями были такие строгие люди, каких вы и не видывали. Почему, как вы думаете, мне удалось одержать победу над Джемизом в том возрасте, когда ваши мальчики еще только играют в поединки?

«Он хорошо пользуется Голосом», — подумала Джессика.— Но с этими людьми одного Голоса недостаточно. Он должен убедить их и логикой».

— Итак,— сказал Пол,— мы подошли вот к этому сообщению.—

Он поднял цилиндр и вытащил из него записку. — Оно было отнято у курьера Харконненов; подлинность его не вызывает сомнений. Адресовано оно Раббану. В ней сообщается, что его просьба о военной силе отклонена, что количество добытого им спайса гораздо ниже нормы и что с людьми, имеющимися у него, можно забрать гораздо больше спайса у жителей планеты Арраки.

Стилгар подошел поближе.

— Кто из вас понимает значение полученных сведений? — спросил Пол. Стилгар понял его сразу.

— Они отрезаны! — крикнул кто-то.

Убрав цилиндр с запиской под плащ, Пол снял кольцо с шейного шнурка и поднял его над головой.

— Это кольцо было герцогской печатью моего отца. Я поклялся не носить его до тех пор, пока я не буду готов возглавить все отряды Арраки для завоевания планеты и превращения ее в мое владение. — Он надел кольцо на палец и сжал руку в кулак.

В пещере стояла гробовая тишина.

— Кто здесь правит? — спросил Пол. Он поднял сжатую в кулак руку. — Здесь правлю я! Это мое герцогское поместье, независимо от того, скажет император «да» или «нет»! Он дал его моему отцу, а от отца оно перешло ко мне!

«Почти перешло», — подумал Пол. Он пытливо вглядывался в толпу, постигая ее настроение.

— Есть люди, которые смогут занимать важное положение на Арраки, когда я провозглашу свои законные имперские права, — продолжал говорить Пол. — Стилгар — один из таких людей. И не потому, что я хочу его задобрить или отблагодарить, хотя я и обязан ему жизнью. Я говорю так потому, что он мудр и строг: он руководит отрядом благодаря уму, а не руководствуясь одними законами. Неужели вы считаете меня глупцом? Неужели вы думаете, что я отрежу свою правую руку и оставлю ее, окровавленную, на полу пещеры — потому лишь, что это доставит вам удовольствие?

Пол обвел толпу взглядом.

— Кто из вас осмелится отрицать, что я являюсь истинным правителем Арраки? Должен ли я доказать это, оставив без вождя каждое племя в эрге?

Стилгар, стоявший рядом с Полом, бросил на него вопрошающий взгляд.

— Неужели я буду растрачивать нашу силу в то время, когда мы нуждаемся в ней больше всего? — спросил Пол. — Я — ваш правитель, и я говорю вам, что пора прекратить убивать наших лучших людей и начать убивать наших истинных врагов — Харконненов!

Одним молниеносным движением Стилгар выхватил из ножен криснож и поднял его над головой.

— Долгая жизнь герцогу Полу Муаддибу!

Крик множества голосов, слившихся в единый вопль, потряс пещеру, и стены повторили его многократным эхом.

— Иа хийа чухада! Муаддиб! Муаддиб! Иа хийа чухада!

Джессика перевела про себя: «Долгая жизнь воинам Муаддиба!» Представление, сочиненное ею, Полом и Стилгаром, удалось на славу.

Шум медленно стихал. Когда восстановилась тишина, Пол посмотрел в лицо Стилгара и приказал:

— На колени!

Стилгар, стоя на возвышении, опустил на колени.

— Передай мне твой криснож.

Стилгар повиновался.

«Мы планировали этот момент не так», — подумала Джессика.

— Повторяй за мной, Стилгар, — сказал Пол и начала произносить слова клятвы посвящаемого в должность, которые он слышал от отца: «Я, Стилгар, принимаю этот нож из рук моего герцога...»

«Я, Стилгар, принимаю этот нож из рук моего герцога...» — повторил Стилгар и принял из рук Пола святающийся молочным светом нож.

«Я устремлю этот клинок туда, куда укажет мне мой герцог...» — продолжал Пол.

Стилгар повторял слова, выговаривая их медленно и торжественно.

Вспоминая того, кто ввел этот ритуал, Джессика едва удержала слезы.

«Мне же известны пружины происходящего, — подумала она. — Я не должна так волноваться».

«Я посвящаю этот клинок делам моего герцога и смерти его врагов до тех пор, пока струится кровь в моих жилах...» — закончил Пол.

Стилгар повторил за ним эти слова.

— Поцелуй лезвие, — приказал Пол.

Стилгар повиновался, потом, по обычаю Свободных, поцеловал руку Пола, державшую клинок. По знаку Пола он убрал нож в ножны и встал.

Благоговейный шепот пробежал по толпе, и Джессика услышала слова:

— Пророчество: Беге Гессерит укажет путь, а Преподобная мать его увидит. — И еще кто-то, стоящий сзади, сказал: — Она дает нам знаки через своего сына.

— Стилгар возглавит свое племя, — заключил Пол. — Пусть ни у кого не будет сомнений. Он будет править с моего голоса: то, что скажет вам он, будет то самое, что скажу я.

«Мудро, — подумала Джессика. — Предводитель своего племени не должен терять своего лица перед теми, кто должен ему повиноваться».

Пол, понизив голос, сказал:

— Стилгар, я хочу, чтобы этой ночью были отправлены наездники песка и чтобы членам Совета были посланы силаго. Когда отошлешь их, возьми Чани, Корбу, Озейма и двоих других лейтенантов по собственному выбору. Приведи их ко мне на квартиру,

будем разрабатывать план битвы. Мы должны иметь его на руках, чтобы показать Совету вождей, когда они прибудут.

Пол кивком дал знать матери, чтобы она шла за ним, и направился к центральному коридору в свои покои. Когда Пол пробирался сквозь толпу, к нему со всех сторон тянулись руки желавших дотронуться до него людей. Голоса выкрикивали его имя.

— Мой нож устремится туда, куда велит Стилгар, Пол Муаддиб! Поскорее веди нас в битву, Пол Муаддиб! Мы оросим весь мир кровью Харконненов!

Чувствуя настроение толпы, Джессика понимала, что их боевой дух вырос предельно. Более готовыми они просто не могли быть.

Во внутренних покоях Пол усадил мать и сказал:

— Подожди здесь, — с этими словами он нырнул за занавеси в боковой проход.

«Он собирается привести сюда Гурни Хэллека», — подумала она. Ее обуревали смешанные чувства. Гурни и его музыка были частью многих приятных минут, проведенных ею на Каладане, до приезда на Арраки. Ей казалось, что все это происходило с кем-то другим. За прошедшие с тех пор три года она сделалась совершенно другим человеком. Появление Гурни должно было сделать эти изменения явными.

Кофейный прибор Пола, сделанный из сплава серебра, — тот, что Пол унаследовал от Джемиза, — стоял на низеньком столике. В течение последнего месяца кофе Полу подавала Чани.

«Что может сделать для герцога женщина пустыни, кроме как подать ему кофе? — спросила она себя. — Она не принесла Полу ни власти, ни знатности. У Пола есть только одна возможность породниться с могущественными Великими домами, возможно, даже с императорской семьей. В конце концов, там есть достижения брачного возраста принцессы и каждая из них прошла обучение Бене Гессерит».

Джессика мысленно представила себе, как она покидает суровую планету Арраки ради жизни, полной могущества и безопасности, жизни, которая полагалась бы ей в качестве матери принца-консорта.

«Пока жива Чани, Пол не осознает своего долга, — подумала Джессика. — Она подарила ему сына, и этого с нее довольно».

Внезапно ею овладело страстное желание увидеть своего внука, в котором было так много черт деда, дитя, так похожее на Лето. Джессика сжала руками лицо и занялась ритуальными дыхательными упражнениями, успокаивающими чувства и просветляющими разум, потом проделала несколько наклонов — упражнение, подготавливающее тело к требованиям разума.

Из-за занавесей послышался кашель. Джессика выпрямилась и сделала вдох и выдох.

— Войдите, — сказала она.

Занавеси разошлись, и в комнату ворвался Гурни Хэллек. Она успела уловить взглядом странное выражение его лица. В мгновение ока он очутился позади нее и схватил ее за горло.

— Гурни, ты сошел с ума! Что ты делаешь? — прохрипела она.

Она почувствовала прикосновение ножа к спине и поняла. Гурни хочет убить ее. За что? Она не видела причины, ибо он был не из тех людей, кто может стать предателем. Но его намерение было достаточно ясно, и мозг ее лихорадочно заработал. Над таким человеком нелегко одержать верх. Это был человек, искусный в битвах, искушенный до мозга костей в смерти и насилии.

— Ты думаешь, тебе удалось убежать, да, ведьма?! — зарычал Гурни.

Прежде чем она успела осмыслить ситуацию и ответить, занавеси раздвинулись, и вошел Пол.

— Вот он, ма... — Пол осекся, осознавая происходящее.

— Оставайтесь на своем месте, мой господин, — приказал Гурни.

— Что здесь... — Пол на мгновение потерял дар речи.

Джессика открыла было рот, но руки крепче сомкнулись вокруг ее шеи.

— Ты будешь говорить только тогда, когда я тебе позволю, ведьма! — пригрозил Гурни. — Я хочу узнать от тебя только одно, чтобы и сын твой услышал это, и я готов вонзить вот этот нож тебе в сердце при малейшем признаке твоего противодействия. Голос твой останется монотонным, ты не посмеешь шевельнуть ни одним мускулом. Ты будешь действовать с чрезмерной осторожностью, чтобы заработать себе несколько лишних секунд жизни. И, уверяю тебя, это все, что тебе осталось.

Пол сделал шаг вперед.

— Гурни, старина, в чем...

— Стойте там, где стоите! — рявкнул Гурни. — Еще шаг, и она мертва.

Рука Пола скользнула к рукоятке ножа. С ледяным спокойствием он проговорил:

— Тебе придется объясниться, Гурни.

— Я дал клятву уничтожить предателя твоего отца, — сказал Гурни. — Неужели ты думаешь, что я могу забыть человека, который освободил меня от рабства у Харконненов, подарил мне свободу, жизнь, честь... подарил мне дружбу — то, что я ценю превыше всего. Теперь предатель в моих руках и никто не может мне помочь...

— Больше ошибиться ты не мог, Гурни, — прервал его Пол.

А Джессика подумала: «Вот оно что! Какая насмешка судьбы!»

— Ошибаюсь, я?! — взревел Гурни. — Давай лучше послушаем саму виновницу. И да будет ей известно, что ради подтверждения этих сведений я давал взятки, шпионил и шел на хитрости. Я даже дал семуту капитану охраны Харконненов, чтобы услышать от него подробности этой истории.

Джессика почувствовала, что хватка руки, сжимавшей ей горло, ослабела, но прежде чем она успела заговорить, Пол сказал:

— Предателем был Уйе. Я все расскажу тебе, Гурни. Улики очевидны, и опровергнуть их невозможно. Мне безразлично, как ты пришел к своим беспочвенным подозрениям, но если ты причинишь

вред моей матери... — Пол выхватил из-ножен криснож, — ... я возьму твою жизнь.

— Уйе был кондиционным медиком! — завопил трубадур. — Он был предназначен для имперского дома. Он не мог стать предателем!

— Я знаю способ устранить кондиционность, — сказал Пол.

— Улики? — требовал Гурни.

— Улики не здесь, они в сьете Табр, далеко на юге, но...

— Это уловка! — задохнулся от гнева Гурни.

— Нет, не уловка, — в голосе Пола прозвучала такая печаль, что сердце Джессики дрогнуло.

— Я видел сообщение, перехваченное у агента Харконненов, — заявил Гурни. — В нем прямо говорилось...

— Я тоже видел его. Мой отец показал мне его однажды ночью и объяснил, что это трюк Харконненов, чья цель — заставить его подозревать женщину, которую он любит.

— Айях! — пробормотал Гурни. — Ты не...

— Спокойно, — остановил его Пол. Монотонная холодность его слов таила в себе такую твердость, какую Джессике не приходилось слышать ни в чьем другом голосе.

«Он владеет Великим контролем», — подумала она.

Рука Гурни на ее шее дрогнула. Кончик ножа у ее спины неуверенно шевельнулся.

— Чего ты не слышал, так это рыданий моей матери в ту ночь, когда она потеряла своего герцога. — Голос Пола звучал по-прежнему ровно. — И ты не видел, как в глазах ее разгоралось пламя, когда она говорила об убийцах Харконненов. Чего ты не помнишь, так это уроков, полученных тобой в харконненских темницах. И ты еще говорил, что гордишься дружбой с моим отцом! Видно, ты не понял разницы между Харконненов и Атридесами, если не можешь отличить запах харконненской стряпни по особенной, свойственной лишь ей вони?! Неужели ты не постиг того, что верность у Атридесов покоится на любви, тогда как у Харконненов — на ненависти? Неужели тебе не ясен механизм этого предательства?

— Но ведь Уйе... — пробормотал Гурни.

— Улики, которыми мы располагаем, — говорил Пол, — это письмо, написанное его собственной рукой, в котором он сам сознается в своем предательстве. Я клянусь тебе в этом своей любовью к тебе, которая будет гореть во мне даже после того, как я увижу тебя на этом полу мертвым.

Слушая своего сына, Джессика восхищалась его мудростью, внутренней силой и самоконтролем.

— Мой отец обладал чутьем на людей. Он редко кого одаривал своей любовью, но никогда не ошибался. Слабость его заключалась лишь в неверном понимании ненависти: он думал, что тот, кто ненавидит Харконненов, не может его предать. — Пол посмотрел на мать. — Она знает об этом. Я передал ей слова отца о том, что он никогда в ней не сомневался.

Джессика почувствовала, что теряет контроль над собой, и закусил губу. Видя твердость Пола, она понимала, чего стоят ему эти слова. Ей хотелось подбежать к нему, спрятать его голову у себя на груди, чего она никогда не делала раньше. Но рука на ее горле перестала дрожать, и острый нож на ее спине снова сделалось спокойным.

— Одна из самых ужасных минут в жизни ребенка, — продолжал Пол, — это та, когда он обнаруживает, что его отец и мать — существа из плоти и крови, любящие друг друга той любовью, которую ему не дано испытать. Это — огромное потрясение в его жизни, когда он вдруг осознает свое одиночество и раздвоенность. Но мгновения эти несут в себе свою правду, и от этого не отмахнешься. Я слышал моего отца, когда он говорил с моей матерью. Она не предательница, Гарни.

Джессика обрела наконец голос:

— Гурни, отпусти же меня. — В ее словах не было особой интонации, ничего, чтобы могло бы подействовать на волю Гурни, но руки его разжались. Она подошла к Полу и остановилась перед ним, не прикасаясь к нему.

— Пол, — сказала она. — Эта Вселенная дарит нам и другие откровения. Я вдруг поняла, как пользовалась тобой, чтобы направить тебя по избранному мною пути... пути, который я вынуждена была выбирать — если это только может служить извинением — из-за полученного мною воспитания. — Она судорожно вобрала в себя воздух и посмотрела сыну прямо в глаза. — Пол... теперь я хочу, чтобы ты сам выбрал дорогу к своему счастью. Твоя женщина — женщина пустыни, женись на ней, если ты этого желаешь. Сделай это и не смотри ни на кого и ни на что. Я тебя...

Увидев, что взгляд Пола устремился мимо нее, она обернулась.

Гурни стоял на том же самом месте, но нож его был вложен в ножны, а плащ на груди распахнут, обнажая гладкую серую ткань стилсьюта того типа, какие контрабандисты выменивают близ съетчей.

— Вонзи свой нож сюда, в мою грудь, — пробормотал Гурни. — Я говорю: убей меня, и покончим с этим. Я обесчестил свое имя! Я предал своего герцога! Что ж, лучше всего...

— Замолчи!

Гурни непонимающе посмотрел на Пола.

— Застегни плащ и перестань строить из себя дурака! — оборвал его Пол. — Хватит с меня глупостей на сегодня.

— Говорю тебе, убей меня! — в гневе закричал Гурни.

— Ты знаешь меня достаточно хорошо, — сказал Пол. — Не считай меня круглым идиотом! Неужели я должен вот так, за здорово живешь, расправиться с человеком, который мне нужен?

Гурни посмотрел на Джессику и проговорил жалобно и умоляюще, что было ему совсем не свойственно:

— Тогда вы, моя госпожа, пожалуйста... убейте меня.

Джессика подошла к нему и положила руку ему на плечо.

— Гурни, почему ты считаешь, что Атридесы должны убивать тех, кого они любят? — мягким жестом она запахнула плащ у него на груди.

Гурни бессвязно бормотал:

— Но я...

— Ты думал, что защищаешь память герцога, — договорила она, — и я чту тебя за это.

— Моя госпожа, — прошептал Гурни. Он уронил голову на грудь, из-под его опущенных век катились слезы.

— Будем считать все, что случилось, минутным недоразумением, возникшим среди друзей, — в ее голосе Пол услышал успокаивающие интонации. — Все конечно, и мы должны быть рады тому, что оно никогда больше не повторится.

Гурни посмотрел на нее блестящими от слез глазами.

— Тот, прежний, Гурни Хэллек, которого я знала, с одинаковым искусством владел и ножом, и бализетом, — проговорила Джессика. — Его игра на бализете восхищала меня как ничья другая. Неужели Гурни Хэллек не помнит, как я часами с восторгом слушала его, когда он играл для меня? Бализет все еще у тебя, Гурни?

— У меня есть новый, — сказал Гурни. — Я взял его на Чузуке, ладный инструмент. Звучит, как настоящая Варота, хотя клейма на нем и нет. Я думаю, что он сделан учеником Вароты, который... — Он вдруг оборвал себя. — Что-то я разболтался не в меру, моя госпожа. Все это глупости...

— Это не глупости, Гурни, — возразил ему Пол.

Он подошел, встал рядом с матерью и посмотрел Гурни прямо в глаза.

— Не глупости, если это доставляет радость людям. Я очень хотел бы, чтобы ты сейчас сыграл для нас. С планом битвы можно и повременить. Мы все равно не начнем ее раньше завтрашнего дня.

— Я... я пойду возьму в коридоре свой бализет, — Гурни обошел их и скрылся за занавесями.

Пол положил руку на руку матери и почувствовал, что та дрожит.

— Все прошло, мама, — сказал он.

Не поворачивая головы, она взглянула на него уголком глаз:

— Прошло?

— Конечно, Гурни...

— Гурни? Ах, да... — она опустила глаза.

Занавеси разошлись, и вошел Гурни с бализетом. Избегая смотреть им в глаза, он принялся настраивать его.

Пол подвел мать к подушкам и усадил ее так, чтобы спиной она опиралась о толстые ковры на стенах. Внезапно Пола поразило то, какой постаревшей она выглядит с иссушенным пустыней лицом, с морщинами в уголках синих глаз.

«Она устала, — подумал он. — Мы должны найти способ облегчить ее бремя».

Гурни взял аккорд.

Пол посмотрел на него и сказал:

— Я... у меня срочное дело. Я скоро вернусь.

Гурни посмотрел на него отсутствующим взглядом, как будто он был сейчас вновь под открытым небом Каладана, где на горизонте громоздились тучи, обещая дождь.

Пол силой заставил себя направиться к выходу и, раздвинув тяжелые занавеси, вышел в коридор. Он слышал, как Гурни за его спиной повел мелодию, и помедлил немного, слушая музыку.

Перед Полом возник появившийся из-за угла курьер — фedaйкин, закутанный в плащ. Капюшон его бурнуса был откинут, плотно застегнутый стилсьют указывал на то, что человек только что из пустыни.

Пол знаком велел ему остановиться. Тот поклонился, сложив ладони перед собой, как если бы приветствовал, согласно ритуалу. Преподобную мать или сайадину, и сказал:

— Муаддиб, вожди начинают прибывать на Совет.

— Так скоро?

— Это те, за которыми Стилгар посылал раньше, когда он думал... — человек умолк.

— Понимаю, — Пол оглянулся на слабый звук бализета, думая о старинной песне, которую выбрала его мать, — песне, сочетающей в себе радостную мелодию и грустные слова.

— Скоро сюда вместе с другими придет Стилгар. Покажи ему, где ожидает моя мать.

— Я буду ждать здесь, Муаддиб, — сказал курьер.

— Да, жди здесь.

Пол прошел мимо человека и углубился в пещеру, направляясь к тому месту, где был бассейн для сбора воды. В таком месте должен быть маленький Шаи-Хулуд, червь не больше девяти метров длиной, надежно спрятанный на стенках водяной ловушки. Создатель избегал появления воды — она была для него ядом, и утопление Создателя было величайшей тайной Свободных, поскольку в результате возникала особая субстанция — Вода Жизни — яд, изменить который могла только Преподобная мать.

Решение пришло к Полу в тот момент, когда он смотрел в лицо опасности, угрожавшей его матери. Ни одна тропа будущего, которую он видел, не указывала на подобную опасность, исходящую от Гурни Хэллека. Будущее, серое облако будущего несло с собой чувство, будто вся Вселенная, скрученная в клубок, повисла над ним, подобно призрачному миру.

Его организм привык к спайсу, и он постепенно входил в такое состояние, когда способность предвидения становилась все слабее и слабее, когда будущее видится все более тускло. «Я должен его видеть! — решил Пол. — Я утоплю Создателя и посмотрю, действительно ли я Квизатц Хедерах, способный перенести испытание, которое переносит Преподобная мать».

Глава 8

В предрассветной тьме Чани вышла из долины Хаббания, слыша, как жужжит топтер, доставивший ее с юга. Она направлялась к тайной пещере. Позади нее, держась на расстоянии, прячась за уступами скал, продвигался эскорт, оберегавший ее от опасностей. Он подчинялся требованию женщины Муаддиба, матери его первенца, которая пожелала идти одна.

«Почему он меня вызвал? — спрашивала она себя. — Ведь он сам велел мне оставаться на юге с маленьким Лето и Алией».

Подобрав плащ, она быстро скользнула вдоль скалистого барьера и пошла вверх по крутой тропе, распознать которую в темноте мог лишь глаз, привыкший к условиям пустыни.

Обломки камней скользили у нее под ногами, но она пробиралась вперед с врожденной ловкостью.

Подъем развлек ее, несколько разогнав тревогу, вызванную молчаливым исчезновением эскорта и тем, что за ней был послан топтер. Втайне она радовалась близкому свиданию с Полом Муаддибом, ее Узлом. Его имя стало боевым кличем всей планеты: «Муаддиб! Муаддиб!» Но она знала другого человека, с другим именем, отца ее сына, нежного любовника.

Высокая человеческая фигура возникла из-за скалы сверху и сделала знак поспешить. Она ускорила шаги. На восточном горизонте показалась узкая полоска света.

Человек наверху не принадлежал к ее эскрту. «Отейм?» — подумала она, подмечая в движениях и манере держаться знакомые черты. Она подошла к нему и узнала в свете разгорающейся зари широкое, плоское лицо лейтенанта-федайкина. Голова его была непокрыта, а фильтр укреплен у рта небрежно, как делают тогда, когда выходят в пустыню на короткое время.

— Торопись, — прошептал он и через открытую трещину провел ее в пещеру-тайник. — Скоро станет светло. — Он закрыл за собой отверстие. — Патруль Харконненов летает то тут, то там. Они не должны обнаружить наше местонахождение.

Они вошли в узкий боковой проход, ведущий к Птичьей пещере. По пути их следования загорались глоуглобы. Наконец Отейм обогнал ее и сказал:

— Иди за мной, теперь уже скоро.

Они прошли коридор, еще одну дверь-клапан, еще коридор и вошли в помещение, которое предназначалось для отдыха сайадины в дневное время. Каменный пол покрывали ковры и подушки, стены прятались под узорчатыми тканями с изображенным на них красным ястребом.

Преподобная мать сидела одна, прямо против входа. Она посмотрела на вошедших отсутствующим, устремленным в себя взглядом, вызывавшим невольную дрожь.

Отейм сложил ладони у груди:

— Я привел Чани, — с этими словами он поклонился и исчез.

И Джессика подумала: «Как я скажу об этом Чани?»

— Как чувствует себя мой внук? — спросила Джессика.

«Значит, приветствие будет ритуальным, — подумала Чани, и страхи ее вернулись вновь. — Где Муаддиб? Почему его здесь нет? Почему он меня не встречает?»

— Он здоров и счастлив, матушка, — ответила Чани. — Я оставила его и Алию на попечение Хары.

«Матушка», — подумала Джессика. — Да, она имеет право называть меня так в ритуальном приветствии. Она подарила мне внука».

— Я слышала, что из съетча Коануа была прислана в подарок материя, — ровным, невыразительным голосом произнесла Джессика.

— Это прекрасная материя.

— Прислала ли мне Алиа записку?

— Нет. Но сейчас люди съетча стали привыкать к ее странностям, и стало легче.

«Почему она тянет? — подумала Чани. — Случилось нечто важное, иначе за мной не прислали бы топтер. А мы никак не можем покончить с ритуалом».

— Часть новой материи мы должны употребить на одежду для маленького Лето, — тон оставался сухим и безжизненным.

— Как пожелаете, матушка, — в тон ей сказала Чани. — Есть ли новости с поля боя? — она изо всех сил старалась сохранять бесстрастное выражение лица, опасаясь, что Джессика может понять истинный смысл вопроса — он был о Муаддибе.

— Новые победы. Раббан осторожно намекает на перемирие. Его посланные лишились воды. В некоторых деревнях синков Раббан даже пошел на снижение налогов. Люди понимают, что он делает это из страха перед нами.

— Все идет так, как предсказал Муаддиб, — сказала Чани. Она прямо посмотрела на Джессику, стараясь подавить свои страхи. «Я произнесла его имя, но она не отозвалась на это. На этом застывшем каменном лице ничего нельзя прочесть... такой я ее еще никогда не видела. Что с моим Узулом?»

— Хотелось бы мне оказаться сейчас на юге, — сказала Джессика. — Оазисы были так прекрасны, когда мы их покидали. Не так уж далек тот день, когда вся земля станет цветущей.

— Земля прекрасна, это правда, но на ней много скорби.

— Скорбь — гордость победы, — ответила Джессика.

«Не подготавливает ли она меня к скорби?» — спросила себя Чани.

— Так много женщин, оставшихся без мужчин. Мне завидовали, когда узнали, что меня вызывают на север.

— Это я тебя вызвала, — ответила Джессика на ее непрямой вопрос.

Чани чувствовала, как сильно забилося в ее груди сердце. Страхась того, что она могла услышать, она едва не зажала уши руками. И все же голос ее прозвучал ровно, когда она заметила:

— Послание подписано Муаддибом.

— Я сама подписала его так в присутствии лейтенанта. Это было необходимой уверткой, — призналась Джессика. А про себя подумала: «Она стойкая женщина. Она умеет держаться даже тогда, когда страх наполняет ее до краев. Да, она может быть той, кто нам нужен».

Лишь слабый намек на покорность мелькнул в словах Чани, когда она проговорила:

— Теперь вы можете сказать то, что должны сказать.

— Ты мне была нужна здесь для того, чтобы помочь оживить Пола, — с усилием проговорила Джессика и подумала: «Я сказала именно то, что нужно. Теперь она знает, что Пол жив и что ему грозит опасность — и все это выражено в одном слове».

Чани помедлила лишь одно мгновение, приходя в себя.

— Что именно я должна сделать? — Ей хотелось броситься к Джессике, тряхнуть ее за плечи и кричать: «Отведи меня к нему!» Но она молча ждала ответа.

— Я подозреваю, что Харконненам удалось спрятать среди нас агента, чтобы отравить Пола. Это единственное правдоподобное объяснение. В высшей степени необычный яд: я самым тщательным образом исследовала его кровь, но не обнаружила его.

— Яд?! Пол страдает! Я пойду... — Чани шагнула вперед.

— Он без сознания, — сказала Джессика. — Его жизненные процессы настолько вялы, что могут быть обнаружены лишь самым чутким прибором. Мне страшно даже подумать о том, что могло бы произойти, если бы я не нашла его лежащим в углу пещеры.

— Вы вызвали меня сюда не только из вежливости, — сказала Чани. — У вас были другие соображения. Я слишком хорошо вас знаю. Преподобная мать. Скажите же, что я могу сделать такого, чего не можете вы?

«Она храбрая, милая и такая... восприимчивая, — подумала Джессика. — Из нее получилась бы прекрасная Бене Гессерит».

— Может быть, тебе будет трудно в это поверить, но я сама толком не знаю, зачем посылала за тобой. Просто был такой импульс, неожиданная мысль: «Пошли за Чани!»

И тут Чани впервые заметила печаль на лице Джессики, неприкрытую боль в ее глазах. Руки безвольно лежали вдоль застывшего в неподвижности тела, укрытого плащом.

— Я сделала все, что было в моих силах, — добавила Джессика. — Это «все» ... оно настолько шире всего, что подразумевается обычно под этим словом, что тебе трудно это представить. И все же... я потерпела неудачу.

— Этот старый друг... Хэллек, он не может быть предателем?

— Только не Гурни! — ответила Джессика.

Эти два слова заключали в себе очень многое, и Чани увидела за ними поиски, сомнения, воспоминания о старых ошибках...

Чани выпрямилась и поправила платье цвета пустыни.

— Отведите меня к нему!

Джессика встала и сквозь занавеси на левой стене вышла из комнаты.

Чани последовала за ней и оказалась в помещении, которое служило кладовой. Пол лежал у дальней стены на походных подушках.

Чани подавила желание броситься вперед, рухнуть на колени возле него. Вместо этого она обратилась мыслями к сыну, маленькому Лето. В это мгновение она поняла, что и Джессика однажды пережила подобное: когда смерть угрожала ее мужу, она переключилась на мысли о своем юном сыне. Осознав это, Чани ощутила тесную связь между собой и старшей женщиной. Она протянула руку и вложила ее в руку Джессики.

— Он жив, — поспешила успокоить ее Джессика. — Уверю тебя, он жив. Но нить его жизни так глубоко спрятана, что ее можно не распознать. Кое-кто из вождей уже шепчется по углам, что во мне говорит только мать, а не Преподобная мать, что мой сын давно мертв, а я не хочу отдавать племени его воду.

— Сколько времени он находится в таком состоянии? — спросила Чани.

— Три недели. Всю первую неделю я прилагала отчаянные усилия, чтобы оживить его. Были собрания... споры... расследования... Потом я послала за тобой. Федайкины повинуются мне, и все же не следует закрывать глаза на то, что... — Она провела языком по губам, наблюдая, как Чани приближается к Полу.

Чани стояла теперь над ним, глядя на мягкую юношескую бородку, обрамлявшую его лицо. Она проследила глазами высокую линию бровей, крупно очерченный нос, закрытые глаза — черты, кажущиеся такими мирными в своей неподвижности.

— Как его кормят? — спросила Чани.

— Требования его плоти настолько ничтожны, что он еще не нуждается в еде.

— Многие ли знают о том, что с ним случилось?

— Лишь ближайшие его советники, некоторые вожди, федайкины и, естественно, тот, кто дал ему яд.

— Кого вы подозреваете?

— Расследование нежелательно.

— Что говорят федайкины?

— Они верят в то, что Пол находится в священном трансе, собирая свои святые силы перед решающей битвой. Я сама предложила такое объяснение.

Чани опустила на колени возле подушек и наклонилась к самому лицу Пола. Она мгновенно почувствовала разницу в составе воздуха возле его лица... Это было всего лишь спайс, чей запах сопровождал каждый шаг Свободных. И все же...

— Вы не были рождены для спайса, подобно нам, — сказала Чани. — Вы исследовали возможность того, что его тело воспротивилось повышенной дозе спайса?

— Все реакции на аллергию отрицательные, — сказала Джессика. Она закрыла глаза, внезапно ощутив неимоверную усталость.

«Сколько ночей я провела без сна? — спросила она себя. — Не помню, когда я спала последний раз».

— Когда вы изменяли Воду Жизни внутри себя, — напомнила ей Чани, — вы опирались на знание своего внутреннего мира. Использовали ли вы это знание, когда проверяли его кровь?

— Нормальная кровь Свободного, полностью приспособленная к местному рациону и условиям жизни.

Чани села на корточки и, преодолевая страх, начала изучать лицо Пола. Она научилась этому, наблюдая за Преподобной матерью.

— Здесь есть Создатель? — спросила Чани.

— Есть, — ответила Джессика. — В такие дни мы не можем обходиться без них: каждая победа требует благословления; каждая церемония перед рейдом...

— Но ведь Пол Муаддиб не любит церемоний.

Джессика устало кивнула, вспомнив, как чувства сына восставали против спайсового одурманивания и того состояния, которое оно за собой влекло.

— Как ты об этом узнала? — спросила Джессика.

— Из разговоров.

— Слишком много болтовни, — недовольно проворчала Преподобная мать.

— Достаньте мне сырой воды Создателя!!

Джессика оцепенела, уловив в голосе Чани повелительные интонации; потом она заметила предельную собранность молодой женщины и распорядилась послать за водой.

Чани сидела, не сводя глаз с Пола.

«А что, если он попытался сделать это, — подумала она. — Он мог попытаться...»

Джессика опустилась на колени подле Чани и протянула ей кувшин. В ноздри Чани ударил сильный запах спайса. Она окунула в жидкость палец и поднесла его к носу Пола. Ноздри юноши затрепетали.

Джессика затаила дыхание.

— Что ты делаешь? — шепотом спросила она.

— Тише!.. — сказала Чани. — Вы должны преобразовать небольшое количество Воды. Быстрее!

В тоне голоса Чани слышалось знание, не спрашивая больше ни о чем, Джессика поднесла кувшин ко рту и сделала небольшой глоток.

Глаза Пола открылись. Он смотрел прямо на Чани.

— Ей совсем необязательно изменять Воду Жизни, — голос его был слабым, но твердым.

Джессика, держа жидкость во рту, почувствовала, как ее тело напрягается, почти автоматически преобразуя наркотик. В том состоянии озарения, что всегда влекла за собой эта процедура, она ощутила, что от Пола исходит свечение Жизни.

И в это мгновение она поняла:

— Ты пил Священную воду!

— Совсем немного, — сказал Пол. — Одну каплю...

— Как ты мог сделать такую глупость? — сурово спросила мать.

— Он — ваш сын, — ответила за него Чани.

Джессика метнула на нее уничтожающий взгляд.

Теплая, всепонимающая улыбка тронула его губы.

— Слушай, что говорит моя любимая, — сказал он. — Слушай ее, мама. Она знает...

— То, что могут другие, может и он, — сказала Чани.

— Когда капля была у меня во рту, когда я ощутил ее вкус и запах, я понял, что она со мной делает, и я понял, что могу сделать то, что сделала ты, — сказал он. — Ваши проекты Бене Гессерит говорят о Квизатце Хедерахе, но они никогда не отгадают, во скольких местах я побывал. За несколько минут я... — он резко оборвал себя и озадаченно посмотрел на Чани. — Как ты здесь очутилась? Ты должна быть... Почему ты здесь?

Он попытался приподняться на локтях. Чани мягким движением остановила его:

— Прошу тебя, Узул!

— Я чувствую ужасную слабость, — сказал он и обвел взглядом комнату. — Сколько времени я здесь?

— Три недели ты находился в состоянии глубокого беспамятства, жизнь едва теплилась в тебе.

— Но ведь... я выпил ее одно мгновение назад и...

— Одно мгновение для тебя — три недели страха для меня, — с укором произнесла Джессика.

— Это была одна лишь капля, но я преобразовал ее, — сказал Пол. — Я изменил Воду Жизни.

И прежде чем его успели остановить, он окунул палец в стоящий на полу кувшин, поднес руку ко рту и слизнул жидкость.

— Пол! — вскричала в испуге Джессика.

Глядя на нее с застывшей улыбкой, он схватил ее за руку, и она почувствовала, как его знание вливается в нее. Воссоединение не было таким мягким, полным и последовательным, как с Алией или со старой Преподобной матерью, тогда, в пещере... но это было воссоединение, чувство слияния с другим существом.

А он сказал:

— Ты говорила о месте, куда не можешь войти, которое не смогла увидеть Преподобная мать, — укажи мне его.

Она покачала головой, придя в ужас при одной только мысли об этом.

Он повторил приказание, и она не смогла ему противостоять. Подстегиваемая его сверхъестественной силой, она закрыла глаза и сосредоточилась на своем внутреннем «Я» — там, где была темнота.

Сознание Пола хлынуло в нее, через нее и устремилось в темный участок ее сознания. Место это смутно мелькнуло перед ней, прежде чем она с ужасом отпрянула прочь. Не сознавая почему, все ее существо испугалось того, что она увидела: место, где дует ветер и мерцают искорки, где замыкаются и размыкаются круги света.

Потом она открыла глаза и увидела, что Пол пристально смотрит ей в лицо. Он все еще держал ее за руку, но таинственная связь исчезла. Пол отпустил ее руку, и ей показалось, что у нее вышибли опору из-под ног. Она покачнулась и непременно бы упала, не подоспей Чани ей на помощь.

— Преподобная мать! — встревожилась Чани. — Что с вами!

— Так... — прошептала она. — Просто я устала.

— Садитесь сюда. — Чани помогла Джессике опуститься на подушки у стены.

Прикосновение сильных молодых рук подействовало на Джессика успокаивающе. Она прильнула к Чани.

— Он действительно видел Воду Жизни? — спросила Чани, освобождаясь из ее объятий.

— Он видел... — прошептала Джессика. Разум ее все еще находился в смятении после испытанного его слияния.

Она чувствовала себя как человек, очутившийся на берегу после долгого плавания по бурному морю. Она ощущала внутри себя старую Преподобную мать, все в ней проснулось и вопрошало: «Что это было? Где находится это место?»

И над всем этим ширилось понимание того, что ее сын — Квизати Хедерах, тот, что может быть во многих местах одновременно. И мысль эта не давала ей покоя.

— Что случилось? — с тревогой допытывалась Чани.

Но Джессика лишь покачала головой.

Пол сказал:

— В каждом из нас есть древняя сила, которая дает, и древняя сила, которая берет. Человеку нетрудно заглянуть туда, где в нем сосредоточена берущая сила, но для него почти невозможно заглянуть в силу дающую, не изменив себя на что-либо другое, нежели мужчину. У женщин есть ограничения.

Джессика подняла голову и увидела, что Чани, слушая Пола, не спускает с нее глаз.

— Ты поняла меня, мама? — спросил Пол.

Она лишь слабо кивнула в ответ.

— Эти заключенные в нас свойства настолько древние, что внедрены в каждую клетку нашего тела. Мы сформированы этими силами. Вы можете сказать себе: «Да, я понимаю, что может означать подобное». Но заглянув в себя и оказавшись перед лицом ничем не прикрытой жизненной силы, вы увидите опасность. Вы увидите, что она может возобладать над вами. Величайшая опасность для Дающего — сила, которая берет. Величайшая опасность для Берущего — сила, которая дает. И дающее и берущее легко может перевесить противоположное начало.

— А ты, мой сын, — спросила Джессика, — тот ли ты, кто дает, или тот, кто берет?

— Я — точка опоры, — ответил он. — Я не могу дать без того, чтобы не взять, и я не могу взять без того... — Он осекся, глядя на стену справа, — ...здесь был Отейм. Он слушал.

Чани щекой ощутила сквозняк и повернулась, чтобы взглянуть на занавеси.

Внимая его словам, Чани ощутила в себе озаренность, которая так часто посещала Пола, и она увидела то, что будет, как будто оно уже было когда-то. Отейм сейчас пойдет и расскажет о том, что видел и слышал. Остальные станут разносить его слова по всей планете, пока они не запылают над ней огнем. Пол Муаддиб не похож на других людей, скажут они. В этом нет больше никаких сомнений. Он — мужчина, и все же он видит сквозь Воду Жизни так, как это делает Преподобная мать. Он — истинный Лизан ал-Гаиб.

— Ты видел будущее, Пол, — сказала Джессика. — Ты не расскажешь нам о том, что видел?

— Не будущее, — ответил он. — Я видел настоящее. — Он заставил себя сесть и жестом остановил Чани, пытавшуюся ему помочь. — Пространство над Арраки заполнено кораблями Союза.

Уверенность в его голосе заставила Джессику вздрогнуть.

— Здесь сам падишах-император, — продолжал Пол, глядя на каменный потолок комнаты, — со своей любимой Предсказательницей правды и пятью легионами сардукаров. Здесь старый барон Владимир Харконнен с Зуфиром Хаватом и семью кораблями, набитыми всеми рекрутами, каких только он мог набрать. Над нами представители всех Великих домов, и все они ждут.

Чани покачала головой, не будучи в состоянии отвести взор от Пола. Его непривычно монотонный голос, его взгляд, направленный как бы сквозь нее, — все наполняло ее благоговением.

Джессика судорожно глотнула воздух:

— Чего же они ждут?

Пол посмотрел на нее.

— Разрешения Союза на приземление. Союз выбросит с Арраки любую силу, которая приземлится без его разрешения.

— Значит, Союз нас защищает? — не поняла Джессика.

— Защищает?! Союз сам и затеял все это. Именно он разрезвонил везде о том, что мы здесь делаем. И это он снизил цену за перевозку настолько, что даже бедные Дома примчались сюда, чтобы нас ограбить.

Джессика отметила отсутствие горечи в его тоне и удивилась этому. Его слова не вызвали в ней сомнений — они несли в себе силу, которую она увидела в нем в ту ночь, когда он открыл тропу в будущее, что привела их к Свободным.

Пол глубоко вздохнул:

— Ты должна изменить для нас некоторое количество Воды — она нужна как катализатор. А ты, Чани, вели выслать разведчиков на поиски приспайсовых масс. Вы знаете, что произойдет, если мы расположим над приспайсовыми массами некоторое количество Воды Жизни?

Джессика взвесила его слова и внезапно проникла в их смысл.

— Пол?! — Она задохнулась.

— Получится Вода смерти. Произойдет цепная реакция. Будет

уничтожен весь спайсовый жизненный цикл, включая детенышей Создателей. — Пол указал вниз, под ноги. — Арраки станет пустынной планетой, без спайса и без червей.

Чани, сраженная этим богохульством, зажала себе рот рукой.

— Тот, кто может уничтожить нечто, обладает истинным контролем над этим нечто, — твердо проговорил Пол. — Мы можем уничтожить спайс.

— Что останавливает руку Союза? — шепотом спросила Джессика.

— Они ищут меня, — сказал Пол. — Задумайся над этим. Великолепные навигаторы Союза, люди, которые могут видеть — сквозь Время — самые безопасные пути для своих скоростных хайлайнеров, — все они ищут меня... и не могут найти. Они боятся: они знают, что их тайна у меня вот здесь! — Пол вытянул сжатый кулак. — Без спайса они слепые!

— Ты сказал, что видишь настоящее! — подала голос Чани.

Пол снова лег, исследуя растянувшееся во времени настоящее, его границы, уходящие в прошлое и будущее. Ему с трудом удавалось удерживать ясность видения, ибо спайсовое озарение покидало его.

— Иди и делай, как я велел, — сказал он Чани. — Будущее становится запутанным, как для Союза, так и для меня. Границы видения сужаются. Все сосредоточивается здесь, где есть спайс и куда они раньше не осмеливались вторгаться — это означало бы потерю того, без чего они не могут обойтись. Теперь они в отчаянии: все дороги ведут в темноту.

Глава 9

— Посмотрите-ка на это чудо техники! — прошептал Стилгар.

Пол лежал подле него на горном отроге, на верхней кромке Защитной стены, глядя в окуляр телескопа. Маслянистые линзы были нацелены на звездный лихтер, вырисовывающийся в предрассветных сумерках в долине под ними. Неяркие солнечные лучи играли на металлической обшивке той части корабля, что смотрела на восток, хотя на противоположном его борту иллюминаторы все еще желтели светом глоуглобов. За кораблем лежал холодный, будто застывший под северным солнцем Арракин.

Пол знал, что не сам лихтер привлек внимание Стилгара. Его удивило причудливое многоэтажное сооружение, имеющее форму шара, центром которого был лихтер, а радиус составлял не менее тысячи метров. На нем прибыли сардукары во главе с Его императорским величеством падишахом-императором Шаддамом Четвертым.

Распластавшийся слева от Пола Гурни удивленно проговорил:

— Я насчитал девять этажей. Сколько же там сардукаров?

— Пять легионов, — отозвался Пол.

— Светает, — прошептал Стилгар. — Нам не нравится, что ты так

выставляешь себя напоказ, Муаддиб. Давайте вернемся в скалы.

— Я здесь в полной безопасности.

— Корабль снабжен огнеметным оружием, — заметил Гурни.

— Они верят в то, что мы защищены защитными полями, — сказал Пол. — Они не стали бы расходовать энергию на три неопознанные фигуры, даже если бы и заметили нас.

Пол направил телескоп на дальний берег впадины, разглядывая хребты, покрытые воронками, наклонные платформы, отмечавшие места, которые стали могилами для многих солдат его отца. На мгновение ему вдруг почудилось, будто тени этих людей смотрят сейчас на происходящее. Форты и города Харконненов по ту сторону защищенных земель находились в руках Свободных или были отрезаны от источников продовольствия, как растения от корней, обреченные на высыхание. Лишь эта впадина и этот город оставались в руках врага.

— Если они увидят нас, то могут попытаться достать нас с топора, — сказал Стилгар.

— Пусть попробуют. Мы умеем поджигать топтеры. И мы знаем, что надвигается штурм.

Пол направил телескоп на дальний край арракинского посадочного поля, где стояли в ряд фрегаты Харконнена, а над ними, на флагштоке, трепетало на ветру знамя компании СНОАМ. И он подумал об отчаянной акции Союза, позволившего этим двум группам приземлиться, в то время как остальные были в резерве. Союз уподобляется человеку пустыни, пробующему пальцем температуру песка, прежде чем раскинуть палатку.

— Есть ли там что-нибудь интересное, чего мы не знаем? — спросил Гурни. — Нам лучше бы забраться в укрытие. Надвигается буря.

Пол снова перенес внимание на гигантское сооружение.

— Они захватили с собой даже своих женщин, слуг и лакеев, — сказал он. — Ай-яй-яй, дорогой мой император! До чего же вы самоуверенны!

— По тайному ходу кто-то идет, — сказал Стилгар. — Это могут быть Отейм и Корба.

— Хорошо, Стил, — уступил наконец Пол. — Мы возвращаемся.

Однако он еще раз посмотрел в телескоп, изучая равнину, заполненную кораблями, многоярусное сооружение, молчаливый город, фрегаты харконненских наемников. Затем он скользнул за обломок скалы. Его место у телескопа занял часовой-федайкин.

Пол спустился в узкую впадину, находящуюся на поверхности Защитной стены. Углубление это было тридцать метров в диаметре и около трех метров глубиной — естественная впадина, которую Свободные скрывали от врагов. В отверстии на правой стене впадины громоздились коммуникационные приборы. Часовые федайкины склонились над впадиной, ожидая распоряжений Муаддиба.

Из отсека с коммуникационным оборудованием вышли двое и заговорили о чем-то с часовыми. Заметив это, Пол кивнул Стилгару.

— Прими у них отчет, Стил.

Стилгар отправился выполнять приказ. Пол прислонился спиной к камню и замер в ожидании. Он увидел, что Стилгар отослал людей обратно в узкий темный проход, и подумал о том, как длинен этот тайный ход, сделанный руками человека. Стилгар подошел к Полу.

— Что же произошло столь важное, что нельзя было прислать силago с запиской? — спросил его Пол.

— Птиц берегут для битвы, — ответил Стилгар. Он посмотрел на коммуникационное оборудование, потом снова на Пола.

— Не стоит им пользоваться пусть даже с направленным лучом, Муаддиб: тебя могут найти по эмиссионному полю.

— Скоро они будут слишком заняты для того, чтобы заниматься моими поисками, — усмехнулся Пол. — Что сообщили эти люди?

— Наш любимец сардукар был отпущен близ Старой щели и находится теперь на пути к своему хозяину. Ракетный гранатомет и другие метательные установки на месте. Люди расположились так, как ты приказал.

Пол посмотрел на своих людей поверх изогнутого края впадины сквозь фильтрованный свет, пропускаемый камуфляжным покрытием. Ему показалось, что время ползет слишком медленно.

— Еще немного, и сардукары «просигналят» нашим дозорным отрядам. За ними наблюдают?

— Наблюдают, — сказал Стилгар.

Гурни Хэллек, стоящий рядом с Полом, откашлялся:

— Не лучше ли нам отправиться в безопасное место, мой господин?

— Такого места нет, — ответил Пол. — По-прежнему ли благоприятен прогноз погоды?

— Идет Великая прародительница бурь, — сказал Стилгар. — Разве ты не чувствуешь ее приближение, Муаддиб?

— Да, что-то такое есть в воздухе, — согласился Пол. — Но я люблю знать наверняка.

— Буря будет здесь через час, — сказал Стилгар. Он кивнул в сторону бреши, что смотрела в сторону имперского сооружения и фрегатов Харконнена. — Они тоже об этом знают. Ни одного топтера в небе, все привязано и прикреплено. Они получили прогноз погоды от своих друзей из космического пространства.

— Никаких вылазок не наблюдалось? — спросил Пол.

— Ничего со времени посадки прошлой ночью, — ответил Стилгар. — Им известно о том, что мы здесь. Я думаю, они выжидают, выбирая время.

— Время выбираем мы, — возразил Пол.

Гурни посмотрел вверх и проворчал:

— Если те нам позволят...

— Та флотилия останется в космосе, — сказал Пол.

Гурни с сомнением покачал головой.

— У них нет выбора, — стоял на своем Пол. — Мы можем уничтожить спайс. Союз не пойдет на такой риск.

— Отчаявшиеся люди наиболее опасны, — заметил Гурни.

— А разве мы не отчаявшиеся? — возразил Стилгар.

Гурни бросил на него хмурый взгляд.

— Ты не жил с мечтой Свободных, — сказал Пол. — Стил думает о том, сколько воды мы потратили на подкупы, сколько долгих лет провели в ожидании того времени, когда Арраки вновь станет цветущей планетой. Он не...

— Уф-ф! — не выдержал Гурни.

— Почему он так ироничен? — спросил Стилгар.

— Он всегда ироничен перед битвой, — сказал Пол. — Это единственная форма добродушного юмора, которую он может себе позволить.

Злая усмешка медленно поползла по лицу Гурни, и зубы его сверкнули над подбородковыми зажимами стилсьюта.

— Меня очень печалит мысль обо всех бедных Харконненах, которых мы отправим на небо без покаяния.

Стилгар усмехнулся.

— Он говорит как федайкин...

— Гурни был рожден для отряда смерти, — сказал Пол. И он подумал: «Пусть они занимают себя разговорами, пока не настала решающая минута». Он взглянул на отверстие в скале, потом перевел взгляд на Гурни и увидел, что к воину-трубадуру вернулся его мрачный вид.

— Беспокойство иссушает силу, — напомнил ему Пол его же слова, сказанные некогда на Каладане.

— Мой герцог, основная моя забота — это атомное оружие. Если использовать его, чтобы проделать дыру в Защитной стене...

— Союз не станет применять против нас атомное оружие, — сказал Пол. — Они не осмелятся: мы можем уничтожить источник спайса, они не будут этим рисковать.

— Но есть и Закон, запрещающий...

— Закон! — фыркнул Пол. — Страх, а не Закон мешает Великим домам использовать друг против друга атомное оружие. Язык Великой конвенции достаточно ясен: «Использование атомного оружия против человечества приведет к уничтожению планеты». Мы же собираемся разрушить Защитную стену, а не уничтожать людей.

— Звучит слишком хорошо, чтобы быть убедительным аргументом, — проворчал Гурни.

— Те канительщики будут рады любому аргументу, — сказал Пол. — И давай окончим этот разговор!

Пол сердился, спрашивая себя, действительно ли он так уверен в том, что говорит. Он снова повернулся к Стилгару:

— А как насчет горожан? Они решились?

— Да, — неуверенно пробормотал Стилгар.

— Что тебя смущает?

— Я никогда не считал, что горожанам можно доверять полностью, — признался Стилгар.

— Я сам когда-то был горожанином, — напомнил Пол.

Стилгар замер. Краска смущения залила его лицо.

— Муаддиб знает, что я имею в виду.

— Я знаю, что ты имел в виду, Стил. Но человек проверяется не тем, что ты о нем думаешь, а тем, как он поступает на самом деле. Правда, они еще не знают, как сбросить с себя путы, но мы их научим.

Стилгар печально проговорил:

— Привычки сильны, Муаддиб. В Долине скорби мы научились презирать поселян.

Пол бросил взгляд на Гурни и увидел, что тот тоже изучает Стилгара.

— Скажи нам, Гурни, почему сардукары выгнали горожан из их домов?

— Старый фокус, мой господин: они хотят обременить нас беженцами.

— Партизанская война так давно не практиковалась, что сильные мира сего забыли, как с ней бороться, — сказал Пол. — Сардукары сыграли нам на руку: они увели для своих развлечений городских женщин и украсили свои боевые штандарты головами сопротивлявшихся мужчин. Они посеяли ненависть среди людей, которые в противном случае смотрели бы на грядущую битву как на крупный спор, не более... или же как на возможность поменять одного ставленника на другого. Сардукары вербовали воинов для нас и вместо нас, Стилгар.

— Горожане, видать, действительно доведены до отчаяния, — согласился Стилгар.

— Их ненависть свежа и чиста, — сказал Пол. — Вот почему мы используем их в ударных отрядах.

— Они устроят чудовищную резню, — согласился Стилгар.

— Они будут бороться за каждый шанс, — продолжал Пол. — Они знают, что каждый убитый ими сардукар — на одного меньше для нас. У них теперь есть за что умирать. Они открыли в себе людей. Они пробудились.

Наблюдатель у телескопа выкрикнул что-то неразборчивое. Пол повернулся к отверстию в стене:

— Что там такое?

— Какая-то непонятная суматоха у этого чудовищного шатра, — пробормотал наблюдатель. — Приехала из Римвол Вест наземная машина, и началось такое, будто паук попал в гнездо куропатки.

— Это прибыл наш пленный сардукар, — подсказал Пол.

— Теперь они установили защитные поля вокруг лагеря, — доложил наблюдатель. — Я вижу, как пляшет воздух у силового поля вокруг склада, где они держат свой спайс.

— Теперь им известно, с кем они имеют дело, — сказал Пол.

Пусть же харконненские твари трепещут при мысли о том, что Атридесы еще живы!

Пол заговорил с федайкином у телескопа.

— Следи за флагштоком на императорском корабле. Если на нем поднимется мой флаг...

— Не поднимется,— вставил Гурни.

Заметив хмурый и озадаченный вид Стилгара, Пол сказал:

— Если император признает мои права на Арраки, он даст мне знать об этом, подняв мой флаг. Тогда мы будем действовать по второму, направленному только против Харконненов, плану. Сардукары не станут вмешиваться и предоставят нам самим решать свой спор.

— Я не искушен в этих чужеземных фокусах,— сказал Стилгар.— Я слышал о них, но мне кажется невозможным, чтобы...

— Здесь не требуется быть искушенным,— прервал его Гурни.

— На мачте большого корабля поднимается новый флаг,— доложил наблюдатель.— Желтый... с черным и красным кругами посередине.

— Тонкая работа! — сказал Пол.— Это флаг компании СНОАМ.

— На остальных кораблях подняты такие же флаги,— добавил часовой-федайкин.

— Я чего-то не понимаю,— недоуменно произнес Стилгар.

— И правда, тонкая работа,— подтвердил Гурни.— Подними он флаг Харконненов, ему пришлось бы изворачиваться, объяснять, что это значит. Слишком много кругом наблюдателей. Но нет — он поднимает знамя СНОАМ. Этим он хочет сказать... — Гурни показав вверх, в пространство, — что ему все равно, есть ли здесь Атридесы или нет.

— Когда на Защитную стену налетит буря? — уточнил Пол.

Стилгар посоветовался с одним из своих людей и сказал:

— Очень скоро, Муаддиб. Скорее, чем мы думали. Эта прапра-пра-бабушка бурь, похоже, сильнее, чем можно было ожидать.

— Это моя буря! — заявил Пол, видя, как по лицам слушающих его федайкинов разливается благоговейный трепет. — Хотя она потрясет весь мир, она не будет сильнее, чем я того желаю. Она полностью разрушит Защитную стену?

— Очень похоже на то,— подтвердил Стилгар.

Из дыры, что вела к тайному ходу, появился вестовой.

— Сардукары и харконненский патруль отступают, Муаддиб,— сообщил он.

— Они боятся, что в низину нанесет слишком много песка и видимость ухудшится,— сказал Стилгар.— Они считают, что и мы окажемся в таком же положении.

— Скажи канонирам, чтобы они установили прицелы до того, как снизится видимость. Они должны отбить носы у каждого из этих кораблей, как только буря разрушит защитное поле. — Он подошел к стене, поправил складку камуфляжного покрытия и посмотрел

вверх. На фоне темного неба были уже видны клубы коричневого песка. Пол сказал:

— Начинай высылку наших людей вниз, Стил.

— А вы разве не пойдете с нами?— спросил Стилгар.

— Я немного побуду здесь, с федайкинами.

Стилгар кивнул Гурни, подошел к отверстию в каменной стене и исчез во тьме.

— Взрыв, который должен уничтожить Защитную стену, я оставляю на тебя, Гурни. Ты это сделаешь?

— Сделаю.

Знаком подожвав к себе лейтенанта-федайкина, Пол сказал:

— А ты, Отейм, займись переброской патрулей с территории действия огня. Их нужно убрать оттуда, пока не разразился шторм.

Лейтенант кивнул и последовал за Стилгаром. Гурни высунулся в щель в каменной стене и заговорил с человеком у телескопа:

— Не выпускай из виду южную стену. Она не будет защищена до тех пор, пока мы не нанесем по ней удар.

— Отправь силога с сигналом о начале атаки,— приказал Пол.

— По направлению к южной стене движется несколько зеленых машин,— сказал человек у телескопа.— Некоторые используют лучевое оружие, испытывают его. Наши люди пользуются защитными полями, как ты приказал. Наземные машины остановились.

В наступившем молчании Пол услышал звук, похожий на хлопанье дьявольских крыльев,— это заявила о себе надвигающаяся буря. Песок начал сыпаться в их каменную чашу сквозь отверстия в покрытии. Порыв ветра подхватил покрытие и унес его.

Пол знаком велел федайкину влезть в укрытие и подошел к людям у коммуникационного оборудования рядом с ведущим в туннель отверстием. Гурни держался поблизости от него.

Пол наклонился к связистам.

— Идет пра-пра-прабабушка бурь, Муаддиб,— сказал один из них.

Пол посмотрел на темнеющее небо:

— Гурни, сними с постов наблюдателей за южной стеной.

Ему пришлось повторить свой приказ, перекрывая нарастающий шум бури. Гурни отправился выполнять распоряжение.

Пол приладил лицевой фильтр и затянул капюшон стилсьюта.

Гурни вернулся. Пол тронул его за плечо, указывая на триггер взрывателя, вделанного в туннель как раз над связистами. Гурни вошел в туннель и положил руку на триггер, не сводя глаз с Пола.

— Мы не передаем сообщений,— сказал связист рядом с Полем.— Слишком много помех.

Пол кивнул, глядя на стрелки часов. Потом он взглянул на Гурни, поднял руку и снова обратился к часам. Стрелки закончили круг.

— Давай!— крикнул Пол и опустил руку.

Гурни повернул триггер взрывателя.

Казалось, что целая секунда прошла до тех пор, пока они ощутили, как дрогнула под ними земля. К реву бури добавился грохочущий звук взрыва.

Наблюдатель федайкин, держа под мышкой телескоп, появился рядом с Полом.

— Защитная стена разрушена, Муаддиб! — закричал он. — Буря обрушилась на них, и наша артиллерия начала обстрел.

Пол подумал о том, как буря пролетает над долиной и стены песка, несущие в себе электрические заряды, разрушают силовые поля противника.

— Буря! — закричал кто-то. — Надо уходить в укрытие, Муаддиб!

Пол очнулся и почувствовал уколы песка на своих щеках. «Свершилось!» — подумал он. Положив руку на плечо связиста, он крикнул:

— Оставь оборудование здесь — в туннеле есть все, что нужно! — Он почувствовал, что его оттаскивают федайкины, сгрудившиеся вокруг него. В молчании они втиснулись в устье туннеля, завернули за угол, в маленькое, освещенное глоуглобом помещение, за которым открывался проход в другой туннель.

Там у аппарата связи сидел другой связист.

— Очень много помех, — сказал он.

Порыв ветра наполнил воздух вокруг них песком.

— Закройте вход в туннель! — крикнул Пол. Наступившая внезапно тишина показала, что его приказ выполнен.

— Открыт ли еще проход в долину? — спросил Пол.

Федайкин пошел посмотреть и, вернувшись, доложил:

— Взрыв разрушил небольшую скалу, но инженеры говорят, что проход открыт. Его расчищают лазерными лучами.

— Пусть пользуются своими руками, — сердито крикнул Пол. — Там, внизу, еще есть действующие поля.

— Они очень осторожны, Муаддиб, — сказал человек, отправляясь, однако, выполнять приказ.

Мимо них, таща оборудование, прошли связисты.

— Я велел им оставить аппараты, Муаддиб, — недовольно проворчал федайкин.

— Сейчас люди дороже всего остального, — сказал Пол. — У нас больше оборудования, чем нам может понадобиться в ближайшее время, а может быть, оно нам и вообще не понадобится.

Гурни Хэллек подошел к нему и сказал:

— Я слышал, что здесь говорили об открытом пути. Мы сейчас находимся близко от поверхности, мой господин. Не вздумали бы Харконнены отомстить.

— Им сейчас не до мести, — возразил Пол. — Они только что обнаружили, что у них нет полей и что они не могут покинуть Арраки.

— Я принимаю сообщение, Муаддиб, — связист у приемника плотнее прижал к ушам наушники. — Сколько помех! — Он начал

записывать в лежащем перед ним блокноте, то и дело прерывая запись.

Пол подошел к связисту, фedaйкины отступили в стороны, давая ему место. Он посмотрел на написанное и прочел:

— «Налет... на съетч Табр... схвачены... Алия /пропуск/ ... семьи /пропуск/ ... мертвы... они /пропуск/ сына Муаддиба...»

Связист растерянно мотнул головой.

Пол поднял голову и встретил взгляд Гурни.

— Сообщение искажено, — сказал Хэллек. — Помехи... Ты знаешь, что...

— Мой сын умер, — сказал Пол и, говоря так, знал, что это правда. — Мой сын умер, а Алию взяли заложницей. — Он ощущал внутри себя страшную пустоту, лишённую всяких чувств. Все, к чему он прикасался, несло в себе смерть и скорбь. И это походило на болезнь, заразить которой он мог всю Вселенную.

Он был способен ощущать мудрость старика, бесчисленные жизни влились в него, наполняя знанием и опытом. И кто-то будто посмеивался внутри него, потирая руки.

И Пол подумал: «Как же мало знает Вселенная о природе истинной жестокости!»

Глава 10

Барон Владимир Харконнен стоял, опустив глаза, в приемной падишаха-императора. Он исподтишка изучал комнату со стальными стенами, охрану, членов домашнего отряда сардукаров, застывших у стены под запятнанными кровью и порванными в битве знаменами, которые были единственным украшением помещения.

Голоса, доносившиеся справа, эхом отдавались в высоком проходе:

— Дорогу! Дорогу Его императорскому величеству!

Император Шаддам IV в сопровождении свиты вошел в приемную. Он ждал, пока подвезут трон, не обращая внимания ни на барона, ни на кого-либо другого из присутствующих.

Барон обнаружил, что не может отвести взгляда от лица Его величества, ища в нем объяснение столь необычной холодности. Император продолжал стоять в ожидании — стройный, элегантный, одетый в серую форму сардукара с серебряными и золотыми галунами. Его тонкое лицо и холодные глаза напомнили барону давно умершего герцога Лето — тот же вид дикой птицы. Только волосы у императора были не черными, а рыжими.

Наконец трон внесли. Это было массивное кресло, вырезанное из единого куска хагальского кварца, сиявшее голубоватым светом с мелькавшими в нем желтыми искрами. Пажы подняли его на возвышение, где стоял император.

Старая женщина в черном плаще-аба, в надвинутом на лоб капюшоне медленно вышла из коридора и заняла место за тронном,

положив одну из сморщенных рук на спинку трона. Ее лицо, выступающее из-под черного капюшона, походило на карикатурную ведьму — запавшие щеки и глаза, удивительно тонкий нос.

При виде ее барон едва сдержал дрожь: присутствие Преподобной матери Гайус Хэлен Моахим, Предсказательницы правды, указывало на важность этой аудиенции. Барон отвел от нее глаза и начал изучать свиту, пытаясь по ней определить, в чем же дело. В нее входили два агента Союза — один высокий и толстый, другой низенький и толстый, оба с неживыми серыми глазами. Окруженная слугами стояла одна из дочерей Императора, Ирулэн, о которой говорили, что она обучена приемам Бене Гессерит и предназначена в Преподобные матери. Это была высокая белокурая девушка, с прекрасным, будто точеным лицом и зелеными глазами, глядевшими мимо него и сквозь него.

— Дорогой мой барон!

Император соизволил наконец его заметить. У него был глубокий баритон, всеми оттенками которого он владел в совершенстве — он мог высказать свое недовольство кем-то даже в приветствии.

Барон низко поклонился, приблизился к трону и стал шагах в десяти от него.

— Я явился по вашему вызову, Ваше величество!

— Но вызову! — хихикнула ведьма.

— Прошу вас, Преподобная мать, — остановил ее император, однако улыбнулся замешательству барона.

— Прежде всего вы должны мне сказать, куда вы отослали своего любимца Зуфира Хавата.

Барон метнул взгляд налево, потом направо, кляня себя за то, что явился сюда без охраны. Не то, чтобы его люди были полезны в драке с сардукарами, но все же...

— Итак? — спросил император.

— Все эти пять дней он отсутствовал, Ваше величество, — барон бросил взгляд на агентов Союза, потом перевел его на императора. — Он должен был высадиться в стане этого божества Свободных, Муаддиба.

— Невероятно! — сказал император.

Одна из похожих на клешню рук колдуньи легла на плечо императора. Нагнувшись вперед, она что-то шепнула ему на ухо.

Император кивнул.

— Так вы говорите, пять дней, барон? И вас не беспокоит его отсутствие?

— Оно меня беспокоит, Ваше величество!

Император продолжал внимательно вглядываться в его лицо. Преподобная мать снова хихикнула.

— Я имел в виду, Ваше величество, — сказал барон, — что Хават должен умереть в течение нескольких ближайших часов. — И он рассказал о смертельном яде и о необходимости противоядия.

— Как это умно с вашей стороны! — одобрил император. — А где же ваши племянники — Раббан и юный Фейд-Раус?

— Надвигается буря, Ваше величество, и я послал их проверить наши укрепления, поскольку Свободные могут пойти на штурм под прикрытием песка.

— Укрепления,— повторил император. Слово получилось таким, как будто он с отвращением выплюнул его.— Буря не придет сюда, в долину. И этот сброд, Свободные, не пойдут на штурм, пока я здесь с пятью легионами сардукаров.

— Конечно нет, Ваше величество,— согласился барон,— но не судите строго ошибки, допущенные из-за излишней осторожности.

— Вот как!— сказал император.— Не судите! Так, значит, я не должен спрашивать, почему все это арракинское безобразие так долго от меня скрывалось? И почему прибыли компании СНОАМ утекают через эту крысиную дыру? И почему я был пешкой в этой дурацкой игре?

Барон опустил глаза, напуганный гневом императора. Деликатность его положения, при котором он становился в полную зависимость от конвенции и от диктата Великих домов, смущала его. «Намерен ли он убить меня?— спросил себя барон.— Невозможно! Только не теперь, когда здесь собрались все Великие дома и ждут лишь предлога, зацепившись за который, они смогут извлечь выгоду из беспорядков на Арраки».

— Вы взяли заложников?— спросил император.

— Это бесполезно, Ваше величество,— сказал барон.— Эти сумасшедшие Свободные служат панихиду по каждому, попавшему в плен, и ведут себя так, как будто его уже нет в живых.

— И что же?

Барон медлил, бросая взгляды по сторонам и думая об окружающих его со всех сторон металлических конструкциях. Все это несло на себе печать такого умопомрачительного богатства, что даже бырон испытывал чувство благоговения. «Он привез пажей и несчетное количество слуг, женщин и обслуживающий персонал: парикмахеров, дизайнеров — целый рой дворцовых паразитов. Подлизывающиеся, заискивающие, «терпящие лишения» вместе с императором... все они здесь затем, чтобы наблюдать, как он ведет это дело к концу, иронизируя над дерущимися и делая кумиров из раненых».

— Возможно, вам не удавалось находить нужных пленных,— сказал император.

«Ему что-то известно»,— подумал барон. Страх так сильно сжал его желудок, что невыносимой стала даже сама мысль о еде. Но чувство страха походило на голод, и он уже несколько раз балансировал на суспензорах, готовый к тому, чтобы отдать нужные распоряжения о еде. Однако здесь не было никого, кто повиновался бы его приказаниям.

— У вас есть какие-нибудь соображения насчет личности Муаддиба?— спросил император.

— Это, наверняка, один из умма,— сказал барон.— Свободный фанатик, религиозный авантюрист, какие регулярно возникают на гребнях цивилизации, как это известно Вашему величеству.

Император бросил взгляд на свою Предсказательницу правды и снова повернулся к барону.

— И больше об этом Муаддибе вы ничего не знаете?

— Он — сумасшедший, — сказал барон. — Все Свободные — слегка помешанные.

— Сумасшедший?

— Его люди идут в битву с его именем на устах; женщины бросают в нас своих детей и сами бросаются на ножи, открывая мужчинам путь. Они не знают никаких... никаких приличий!

— Ах, как это скверно! — пробормотал император, и от барона не ускользнула ирония в его голосе. — Скажи мне, мой дорогой барон, обследовали ли вы районы Арраки, лежащие у южного полюса?

Барон вскинул глаза на императора, пораженный внезапным изменением темы.

— Но... вы же знаете, Ваше величество, что вся эта территория необитаема. Там хозяйничают ветер и черви. На тех широтах нет даже спайса.

— Вы не получали сообщений о том, что со спайсовых лихтеров замечали полосы залежей?

— Подобные отчеты поступали всегда. Некоторые из них расследовались. Много топтеров пропало без вести. Это обходится слишком дорого, Ваше величество. На юге Арраки люди долго жить не могут.

— Вот как! — сказал император. Он щелкнул пальцами, и дверь, находящаяся за тронем, открылась. Вошли два сардукара, которые вели за руки девочку лет четырех. На ней была черная аба с откинутым капюшоном. Застежки стилсьюта свободно болтались у горла. Синие, как у Свободных, глаза твердо смотрели с нежного округлого личика. Она вовсе не казалась испуганной, и в ее взгляде было что-то такое, от чего барон почувствовал беспричинную тревогу.

Даже старая Предсказательница правды отпрянула, когда ребенок проходил мимо нее. Старая колдунья была потрясена ее присутствием.

Император откашлялся, намереваясь заговорить, однако ребенок опередил его. Голосок у девочки был тонкий, по-детски шепелявый, но очень отчетливый.

— Так, значит, это — он? — проговорила она. — Не очень-то хорошо он выглядит, правда? Просто старый испуганный толстяк, слишком слабый, чтобы удержать свое тело на ногах без помощи суспензоров.

Подобное заявление из уст младенца прозвучало настолько неожиданно, что барон молча воззрился на нее, потеряв от ярости дар речи. «Что это за карлица?» — спросил он себя.

— Дорогой мой барон, — сказал император, — познакомьтесь с сестрой Муаддиба.

— С сестрой?! — барон повернулся к императору. — Я вас не понимаю.

— Я тоже иногда ошибаюсь «из-за излишней осторожности», — буркнул император. — Мне сообщили, что ваши необитаемые районы хранят следы человеческой деятельности.

— Но это невозможно! — запротестовал барон. — Там черви... такие пески...

— Похоже на то, что эти люди умеют избегать червей, — сказал император.

А девочка, усевшись на край помоста у подножия трона, свесила ноги и начала болтать ими, совершенно не обращая внимания на окружающих. Она казалась очень уверенной в себе.

Барон, не отрываясь, смотрел на эти болтающиеся ножки, на колышущийся край плаща, на сандалии, мелькающие под ним.

— К сожалению, — сказал император, — я послал лишь пять транспортных самолетов с небольшим количеством людей, чтобы взять пленных, пригодных для допроса. Им едва удалось уйти на одном самолете, захватив троих пленных. Уверяю вас, барон, мои сардукары были просто ошеломлены сопротивлением, которое им оказали силы, состоящие из детей, стариков и женщин. Этот ребенок сражался в одном из атакующих отрядов.

— Вот видите, Ваше величество! — воскликнул барон. — Теперь вы видите, каковы они!

— Я нарочно сдалась в плен, — проговорила девочка. — Я не хотела, глядя в лицо моему брату, сообщить ему о том, что его сын убит.

— Лишь сотне наших людей удалось уйти, — сказал император. — О боже! Вы слышали это?

— Мы бы и их забрали, — сказал ребенок. — Если бы не огонь.

— Мои сардукары использовали реакторы самолетов как огнеметы, — сказал император. — Они решились на это с отчаяния и только поэтому смогли уйти. Отметьте, мой дорогой барон, сардукары были вынуждены бежать в панике от стариков, женщин и детей!

— Мы должны бросить против них все наши силы, — выдохнул барон. — Мы должны уничтожить даже след...

— Молчать! — прогремел император, подавшись вперед на своем троне. — Хватит злоупотреблять нашей добротой! Вы стоите здесь и клянетесь в своей невиновности...

— Ваше величество, — перебила его Предсказательница правды. Он отмахнулся от нее.

— Вы говорите, что вам неизвестно ни о жизни, которую мы там обнаружили, ни об умении этих суперлюдей сражаться! — Император привстал на троне. — За кого вы меня принимаете, барон?

Барон отступил на два шага, повторяя про себя: «Это Раббан! Это он во всем виноват...»

— И эта мнимая ссора с герцогом Лето, — промурлыкал император, опускаясь на трон. — Как тонко вы все это состряпали.

— Ваше величество, — умоляюще проговорил барон. — Вы...

— Молчать!

Старая Бене Гессерит положила руку на плечо императора и начала ему что-то шептать. Ребенок, сидевший на возвышении, перестал качать ногой и сказал:

— Припугни его еще немножко, Шаддам. Мне не следовало бы радоваться, но уж слишком большое это удовольствие.

— Спокойно, дитя, — сказал император. Он подался вперед, положил руку на голову ребенка и посмотрел на барона. — Возможно ли это, барон? Можете ли вы быть таким простаком, каким полагает вас моя Предсказательница правды? Неужели вы не узнаете этого ребенка, дочь вашего союзника, герцога Лето!

— Мой отец никогда не был его союзником, — сказал ребенок. — Мой отец мертв, а эта старая скотина Харконнен никогда раньше меня не видел.

Пораженный барон лишь молча таращил на нее глаза. Когда он обрел дар речи, он смог выдать из себя лишь два слова:

— Ты кто?

— Я — Алия, дочь герцога Лето и леди Джессики, сестра герцога Пола Муаддиба, — сказал ребенок. Помогая себе руками, девочка соскочила в зал. — Мой брат обещал насадить твою голову на древко своего знамени, и я думаю, ему это удастся.

— Потихе, дитя, — сказал император и откинулся на спинку трона. Подперев голову руками, он внимательно изучал выражение лица барона.

— Я не повинуюсь императорским приказам, — сказала Алия. Она обернулась и посмотрела на Преподобную мать. — Она знает. Император взглянул на свою Предсказательницу правды.

— Что она имеет в виду?

— Отвратительный ребенок! — сказала старуха. — Ее мать заслуживает такого наказания, какого еще никто не придумал. Самая мучительная смерть слишком большое благо для этого ребенка и для той, что произвела ее на свет. — Старуха ткнула пальцем в Алию. — Убирайся из моего разума!

— Т — П! — прошептал император.

— Вы не понимаете этого, Ваше величество, — сказала старуха. — Не телепатия. Эта тварь у меня в мозгу. Она одна из тех, кто дает мне воспоминания. Они в моем сознании, во мне! Это невозможно, но это так!

— А кто остальные? — требовательно спросил император. — Что за чепуха?

Старуха выпрямилась и опустила руку.

— Я слишком много сказала. Но самое главное заключается в том, что это вовсе не ребенок и что она должна быть уничтожена. Нас давно предупреждали о возможности рождения подобного существа и учили, как этого избежать, но одна из нас оказалась отступницей.

— Ты — болтуня! — сказала Алия. — Ничего ты не знаешь, а болтаешь, как глупая трещотка. — Алия глубоко вздохнула и закрыла глаза.

Преподобная мать застонала и пошатнулась.

Алия открыла глаза:

— Космический несчастный случай — вот что это было. И ты тоже сыграла в этом свою роль.

Преподобная мать вытянула вперед руку, как бы отталкивая Алию.

— Что здесь происходит? — властно спросил император. — Дитя, ты действительно можешь передавать свои мысли в сознание других людей?

— Не совсем... — сказала Алия. — Поскольку я рождена не так, как вы, я и думаю не так, как вы.

— Убейте ее! — прошептала старуха и вцепилась руками в спинку трона, чтобы не упасть. — Убейте ее!!! — запавшие старые глаза метали молнии на Алию.

— Тише! — прикрикнул на нее император, продолжая изучать Алию. — Скажи мне, дитя, ты можешь связаться со своим братом?

— Мой брат знает, что я здесь, — заявила Алия.

— Можешь ли ты сказать ему, что если он капитулирует, то ты останешься в живых?

Алия улыбнулась ему с видом полнейшей невинности:

— Я этого не сделаю!

Барон шагнул вперед и встал рядом с Алией.

— Ваше величество, — взмолился он. — Я ничего не знаю о...

— Только посмей еще раз прервать меня, и ты навсегда потеряешь возможность прерывать кого-либо и когда-либо. — Он вновь сосредоточил внимание на Алии, изучая ее сквозь полуопущенные веки. — Не сделаешь? А ты можешь прочитать в моих мыслях, что я сделаю с тобой, если ты меня не слушаешь?

— Я уже сказала, что не могу читать мысли, но для того чтобы понять твои намерения, телепатия не нужна.

Император нахмурился.

— Дитя, твоя болтовня бессмысленна. У меня нет другого выхода, как собрать все силы и привести эту планету в состояние...

— Это не так-то просто, — сказала Алия. Она посмотрела на двух людей Союза. — Спроси лучше у них.

— Идти против моих желаний — не самый лучший путь, — сказал император. — Тебе не следовало бы отказывать в моей просьбе.

— Мой брат идет, — сказала Алия. — Даже император не устоит перед Муаддибом, ибо на его стороне правда и небеса улыбаются ему.

Император вскочил на ноги.

— Эта игра зашла слишком далеко! Я захвачу твоего брата и сровню эту планету...

Комната внезапно качнулась, и стены ее содрогнулись. Из-за трона, из того места, откуда вел проход к императорскому кораблю, внезапно ударил каскад песка. Внезапно возникшее покалывание кожи показало, что заработали генераторы поля на открытом месте.

— Я же сказала: мой брат идет!

Император встал перед троном и приложил к уху правую руку. Находящийся в нем сервоприемник забормотал отчет о ситуации.

Барон встал за спиной Алии. Сардукары заняли посты у выходов.

— Мы возвращаемся в космическое пространство за подкреплением, — сказал император. — Барон, примите мои извинения. Эти сумасшедшие нападают под прикрытием бури. Что ж, — он показал на Алию, — отдайте ее тело буре.

Едва он это проговорил, как Алия отпрянула в притворном ужасе.

— Пусть буря возьмет то, что она может взять, — воскликнула она и оказалась в руках барона.

— Я поймал ее, Ваше величество, — завопил барон. — Я могу ее уничтожить... А-а-а! Он выпустил ее и вцепился в свою правую руку.

— Извини, дед, — сказала Алия. — Ты встретился с Гомом Джаббаром Атридесов. — Она выпрямилась, и из ее руки выпала темная игла.

Барон упал на спину. Выпученными глазами он смотрел на царапину на правой руке.

— Ты... ты... — он перекатился на бок — вздрагивающая бесформенная масса, поддерживаемая суспензорами в нескольких дюймах от пола, с болтающейся головой и широко открытым ртом.

— Эти люди — душевнобольные! — рявкнул император. — Быстро на корабль! Мы очистим эту планету...

Что-то вспыхнуло слева от него. От стены в этом месте отлетел светящийся шар, и помещение заполнилось запахом горячей изоляции.

— Поле! — закричал один из офицеров-сардукаров. — Они уничтожили внешнее поле!

Его слова потонули в грохоте взрыва. Корабль императора задрожал и закачался.

— Нашему кораблю отбили нос! — закричал кто-то.

В комнате за клубилось облако пыли. Под ее прикрытием Алия вскочила и бросилась к наружной двери.

Император круто обернулся и жестами приказал своим людям идти через запасной выход, открывшийся в боковой части стоящего за троном корабля.

— Наша позиция будет здесь! — крикнул он возникшему из пыли сардукару.

Еще один удар потряс здание. Двойные двери распахнулись, и в комнату — вместе с песком и громкими криками — ворвался ветер. На мгновение в луче света мелькнула маленькая фигурка в черном плаще — рука Алии метнулась за ножом, чтобы, как учили ее Свободные, убивать Харконненов. Сардукары из домашней охраны с оружием наготове бросились сквозь темно-зеленую завесу к проему и встали там полукругом, защищая императора.

— Спасайтесь, сир! — закричал командир сардукаров. — Быстрее на корабль!

Император стоял на помосте один, указывая на двери. Сорокаметровая секция металлического сооружения была в этом месте снесена, и дверь открывалась теперь прямо на кучи песка. По облаку пробегали яркие вспышки электрических разрядов, вызванные столкновением защитных полей с электрическими разрядами бури. Долина была заполнена дерущимися людьми — сардукарами и пригнувшимися, мечущимися фигурками в плащах, которые возникали будто прямо из бури.

И все это походило на оправленную в раму картину, на которую указывала рука императора.

Из клубов песка возникли огромные чудовищные существа — сверкающие туловища, молочно-белые кристаллические зубы в разинутой пасти... Это были песчаные черви, и на каждом из них — готовый к нападению отряд Свободных. Вонзая крючья в яростно шипящие существа, Свободные спрыгивали на равнину, вступали в рукопашный бой, и плащи их развевались на ветру, как знамена.

Впервые в истории Дом сардукаров испытал благоговейный страх перед нападением, в очевидность которого им было трудно поверить. Однако фигурки, спрыгивающие со спин червей, были реальными мужчинами, и их кинжалы, лезвия которых вспыхивали в свете молний, были знакомы сардукарам. Когда воины императора поняли это, они кинулись в бой, и арракинская долина огласилась воинственными кличами с той и другой стороны. Это продолжалось до тех пор, пока лучшие из сардукаров не втиснули императора в корабль, запечатав за собой дверь и приготовившись умереть возле него, будто они были частью его защитного силового поля.

В изумленной тишине корабля император внимательно оглядел лица своих приближенных. Глаза у всех были широко раскрыты — люди все еще не могли поверить в то, что произошло. Раскрасневшаяся от волнения старая Предсказательница правды стояла, как черная тень, с надвинутым на лоб островерхим капюшоном. В поле зрения императора попали выжидательные лица обоих представителей Союза — они были единственные из всех, кому хоть как-то удалось сохранить присутствие духа. Тем не менее один из них, тот, что был повыше ростом, держал руку у правого глаза, прикрывая его. Кто-то толкнул его под руку, и глаз стал виден. Человек этот потерял одну из маскировочных контактных линз, и его широко раскрытый глаз оказался совершенно синим, даже иссиня-черным.

Более низкий протиснулся поближе к императору и сказал:

— Мы не могли знать как обернется дело.

А его высокий спутник, снова закрыв глаз рукой, холодно присовокупил:

— Но и этот Муаддиб тоже ведь не мог знать!

Эти слова вывели императора из состояния шока. Он с видимым усилием удерживал рвущиеся с языка бранные слова, поскольку

они все равно не достигли бы цели: единственное, на что был нацелен разум навигаторов Союза,— это невозможность увидеть ближайшее будущее на этой равнине. Неужели эти двое так зависят от своего дара, что потеряли надобность и в своих глазах, и в своем разуме? — дивился император.

— Преподобная мать, — сказал он, — мы должны составить план. Она отбросила на спину капюшон и немигающим взглядом посмотрела ему прямо в лицо.

Взгляд, которым они обменялись, таил в себе полное взаимопонимание. У них осталось одно оружие, и они знали какое: предательство.

— Вызовите графа Фенринга из его покоев, — сказала Преподобная мать.

Падишах-император кивнул одному из своих приближенных, и тот поспешно вышел, чтобы исполнить приказ императора.

Глава 11

В вечер его победы Пола Муаддиба с почетом проводили в резиденцию правителя Арраки, некогда занимаемую Атридесами. Здание оставалось в том виде, в каком его оставил Раббан, не пострадало почти ничего, хотя грабители из города и побывали здесь. Часть мебели в главном холле была перевернута и разбита.

Пол вошел через центральный вход, сопровождаемый Гурни Хэллеком и Стилгаром. Эскорт прошел вперед, в большой холл, навел там порядок и приготовил место для Муаддиба. Одна из групп приступила к тщательному обследованию дома, чтобы удостовериться в отсутствии ловушек.

— Я вспоминаю день, когда мы с твоим отцом впервые вошли в этот дом, — сказал Гурни. — Мне тогда не понравилось это место, а сейчас оно нравится мне еще меньше. Любая из наших пещер была бы безопаснее.

— Он говорит, как настоящий Свободный, — сказал Стилгар и, заметив, что его слова вызвали на губах Муаддиба холодную усмешку, добавил: — Ты будешь переделывать этот дом, Муаддиб?

— Это место — символично, — сказал Пол. — Здесь жил Раббан. Заняв его место, я показал, кто победитель. Осмотрите дом, ничего не трогайте, только убедитесь в том, что Харконнены не оставили здесь ни своих людей, ни своих игрушек.

— Как прикажешь, — сказал Стилгар и с явной неохотой отправился выполнять приказание.

В холл, таща за собой оборудование, торопливо вошли связисты и принялись устраиваться возле массивного камина. Охрана Свободных, усиленная оставшимися в живых федайкинами, занимала места вдоль стен холла. Люди перешептывались, бросая вокруг подозрительные взгляды. Это место слишком долго было для них враждебным, чтобы они так сразу к нему привыкли.

— Гурни, пусть пошлют за моей матерью и за Чани,— сказал Пол.— Чани уже знает о смерти сына?

— Ей было послано сообщение, мой господин.

— Создатели отведены из долины?

— Да, мой господин. Буря почти улеглась.

— Каков урон, причиненный бурей?

— На посадочном поле и в хранилищах спайса — очень значительный. Как от битвы, так и от бури.

— Я думаю, нет ничего, что не могло бы быть восстановлено с помощью денег.

— Кроме жизней, мой господин,— сказал Гурни, и в голосе его послышался упрек, как будто он хотел сказать: «Давно ли Атридесы стали беспокоиться о вещах, когда в опасности люди?»

Но Пол сосредоточил внимание на внутреннем видении и тех видимых ему дырах в стене времени, что все еще лежали на его пути. Сквозь каждую из таких дыр уносился вдаль по дорогам будущего джихад.

Он вздохнул и прошел к замеченному у стены креслу. Когда-то оно стояло в столовой и, могло стать, служило его отцу. Но сейчас оно было лишь предметом, который мог помочь ему одержать победу над усталостью и скрыть ее от окружающих. Он сел, поправив плащ и ослабив застежку стилсьюта у шеи.

— Император все еще скрывается в останках своего корабля,— сказал Гурни.

— Теперь его можно перевести сюда. Харконненов еще не нашли?

— Все еще ищут среди мертвых.

— Каков ответ с кораблей наверху? — он указал кивком головы на потолок.

— Ответа еще нет, мой господин.

Вздыхнув и поудобнее устроившись в кресле, Пол сказал Хэл-леку:

— Приведи ко мне пленных сардукаров. Мы должны послать сообщение нашему императору. Пришло время обсудить условия.

— Да, мой господин.

Гурни повернулся и сделал знак одному из федайкинов, который тотчас же занял его место возле Пола.

— Гурни,— прошептал Пол,— с тех пор как мы снова вместе, ты еще ни разу не вставил приличествующую случаю цитату.— Он посмотрел на Гурни и увидел, что губы у того дрогнули в усмешке.

— Как пожелаете, мой господин,— сказал Гурни. Откашлявшись, он на едином дыхании проговорил:

— «И победа в тот день обернулась трауром для всех людей, ибо слышали все люди, как король оплакивал своего сына».

Пол закрыл глаза, вытесняя из памяти скорбь, заставляя ее притихнуть и ждать своего часа — так отложил он когда-то оплакивание своего отца. Сейчас он сосредоточился на открытиях того

дня — смешанные пути будущего, скрытое присутствие Алии внутри его «Я».

Из всего, что дало ему временное видение, это было самым странным. «Я восстала против будущего, чтобы поместить мои слова туда, где только ты можешь их услышать», — сказала Алиа. — Даже ты не можешь этого сделать, брат мой. Я открыла интересную игру. И... ах, да! Знаешь, я убила нашего деда, сумасшедшего старого барона. Ему было совсем не больно».

Тишина. Его чувство Времени показало, как она исчезла.

— Муаддиб!

Пол открыл глаза и увидел обрамленное черной бородой лицо Стилгара, темные глаза, в которых еще сверкали отсветы битвы.

— Вы нашли тело старого барона? — сказал им Пол.

Все, кто находился рядом, умолкли, пораженные услышанным.

— Как ты узнал? — прошептал Стилгар. — Мы нашли его тело в этом странном металлическом сооружении императора.

Пол им не ответил — он глядел на Гурни, вернувшегося в сопровождении двух Свободных, которые вели пленного сардукара.

— Вот один из них, мой господин, — сказал Гурни. Он знаком велел охране поставить пленного в пяти шагах от Пола.

В глазах сардукара, отметил Пол, читалось изумление. Синий кровоподтек тянулся от ноздри к уголку рта. Он был темноволос, с правильными чертами лица — внешне типичный сардукар, но на его порванной форме не было знаков различия, если не считать золотых пуговиц с имперским крестом и полуоторванного галуна на брюках.

— Я думаю, что это офицер, мой господин, — сказал Гурни.

Пол обратился к пленному:

— Я — герцог Пол Атридес. Тебе это понятно, старина?

Сардукар смотрел на него, не двигаясь.

— Говори! — приказал Пол. — А не то твой император может отправиться к праотцам.

Человек тупо моргнул и проглотил слюну.

— Кто я такой? — возвысил свой голос Пол.

— Ты — герцог Пол Атридес, — хрипло ответил человек.

Он показался Полу уж слишком покорным, но ведь сардукары были совершенно не подготовлены к тому, что произошло в этот день. Они никогда не знали поражений, а это, считал Пол, могло нести в себе момент слабости. Он оставил эту мысль для дальнейшего развития во время своих тренировочных размышлений.

— Я хочу, чтобы ты передал сообщение императору. — И он заговорил, облекая слова в старинную форму: — Я, Герцог Великого дома и родственник императора, приношу клятву перед Конвенцией: «Если император и его люди сложат оружие и придут сюда, я стану охранять их жизнь, как свою собственную! — Пол поднял левую руку так, чтобы сардукар мог видеть на ней кольцо с герцогской печатью. — Клянусь этим кольцом!»

Сардукар облизнул губы и посмотрел на Гурни.

— Да,— сказал Пол,— кто, кроме Атридесов, может полагаться на преданность Гурни Хэллека?

— Я передам сообщение,— сказал сардукар.

— Отведи его на передовой командный пост и отправь,— сказал Пол.

— Да, мой господин,— Гурни кивнул охране, и они вышли.

Пол снова повернулся к Стилгару.

— Прибыли Чани и твоя мать,— сказал Стилгар.— Чани просила дать ей время, чтобы побыть одной со своим горем. Преподобная мать поднялась ненадолго в тайную комнату, не знаю зачем.

— Моя мать испытывает страшную тоску по планете, которую никогда, возможно, не увидит,— сказал Пол.— Вода там падает с неба, а растительность такая плотная, что сквозь нее трудно пробраться.

— Вода с неба...— прошептал Стилгар.

В это мгновение Пол увидел, как изменился Стилгар, превратившись из паиба-Свободного в слугу Лизана ил-Гаиба, вместилище благоговения и послушания. Это было умаление человеческой личности, и Пол почувствовал в нем холодное дыхание джихада.

«Я видел, как друг превращается в почитателя»,— подумал он.

Ощущая свое одиночество, Пол оглядел комнату, отметив, какими точными и торжественными стали в его присутствии стражи. Он чувствовал, что между ними идет молчаливое, но очень важное соревнование — каждый надеялся на знак внимания со стороны Муаддиба.

«Муаддиб, от которого исходит всяческая благодать...— подумал он, и эта мысль была самой горькой за всю его жизнь.— Они чувствуют, что я должен захватить трон. Но они не могут знать, что я делаю это для того, чтобы избежать джихада».

Стилгар кашлянул и сказал:

— Раббан тоже мертв.

Пол кивнул головой.

Охрана справа внезапно раздвинулась в стороны, открыв проход для Джессики. На ней была черная аба, и шла она так, как ходила по пескам, но Пол отметил, как этот дом воскресил в ней воспоминания о тех днях, когда она была наложницей правящего герцога. В ней чувствовалось нечто от прежней уверенности.

Джессика остановилась перед Полом и посмотрела на него. Она ощутила его усталость и то, как он ее прятал, но не нашла в себе сочувствия к нему. Она, казалось, утратила материнские чувства к своему сыну.

Джессика вошла в большой холл, удивляясь тому, что место это не связывается в ее воспоминаниях с чем-то своим. Оно оставалось чужим, как будто она никогда не проходила здесь с возлюбленным. Лето, никогда не спорила с пьяным Дунканом Айдахо — никогда, никогда...

«Должно бы быть словесное выражение для понятия, противостоящего «адабу», требованию памяти,— подумала она.— Должно

быть слово для обозначения тех воспоминаний, которые сами себя отрицают».

— Где Алия? — спросила она.

— Делает то, что в такое время должен делать каждый ребенок Свободных, — добывает раненых врагов и готовит их тела для отряда, освобождающего воду.

— Пол!

— Ты должна понять, что она делает это вне зависимости от своей доброты, — сказал он. — Разве не странно, что мы совсем не понимаем связи скрытой внутри нас доброты и жестокости?

Джессика не отводила глаз от сына, пораженная глубиной произошедших в нем перемен. «Может быть, причиной тому смерть его ребенка?» — размышляла она.

— Люди рассказывают о тебе много странного, Пол. Говорят, будто ты наделен сверхъестественной силой и ничто не может укрыться от тебя; будто ты видишь то, что скрыто от взора других, — проговорила Джессика.

— Следует ли мне спрашивать о легенде Бене Гессерит? — спросил он.

— Я замешана во всем, к чему ты имеешь отношение, — согласилась она, — но ты не должен ожидать от меня...

— Как бы ты отнеслась к тому, чтобы прожить миллионы жизней? — спросил Пол. — Вот целое полотно, сотканное из легенд! Подумай о всеобъемлющем познании, о мудрости, которую оно с собой несет. Мудрость ведь сдерживает любовь, не так ли? И она же несет в себе новую форму ненависти. Как можешь ты определить, что такое безжалостность, пока не измеришь глубину как жестокости, так и доброты? Тебе следует бояться меня, мама. Я — Квизатц Хедерах.

У Джессики сперло дыхание.

— Однажды, стоя передо мной, ты отрицал, что ты Квизатц Хедерах, — с трудом произнесла она.

Пол покачал головой.

— Теперь я не могу этого отрицать. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — С минуту на минуту сюда прибудет император со своими людьми. Встань подле меня. Я хочу их ясно видеть — среди них моя будущая невеста.

— Пол!... — выдохнула Джессика. — Не повторяй ошибки, которую допустил твой отец...

— Она — принцесса, — сказал Пол. — Она — мой путь к трону, и это все, чем она для меня будет когда бы то ни было. По-моему, это — ошибка? Ты думаешь, что раз я являюсь тем, чем ты меня сделала, я не могу чувствовать жажды мщения?

— Даже невинным? — спросила она и подумала: «Он не должен сделать ту же ошибку, которую сделала я».

— Невинных больше нет!

— Скажи это Чани!... — Джессика указала на коридор, ведущий к жилым покоям.

Чани шла по нему, направляясь к большому холлу. По обе стороны от нее шли двое охранников, но она, казалось, не замечала их присутствия. Капюшон ее плаща и колпак стилсьюта были откинuty назад, лицевая маска отстегнута. Неуверенно ступая, она прошла через комнату и стала рядом с Джессикой.

Пол заметил следы слез на ее щеках. «Она дает воду мертвому». Он ощутил, как скорбь сдавила ему грудь, однако у него было такое чувство, будто он может испытывать ее только в присутствии Чани.

— Он умер, любимый, — сказала Чани. — Наш сын умер...

Держа свои чувства под строгим контролем, Пол встал. Протянул руку, он коснулся лица Чани и ощутил влагу на ее щеках.

— Его нельзя вернуть, — сказал Пол. — Но у тебя будут другие сыновья. Это обещает тебе Узул. — Осторожно отстранив ее, он позвал знаком Стилгара: — Император и его люди вышли из корабля. Я буду ждать их здесь. Собери пленных в центре холла, на видном месте. Пусть стоят на расстоянии десяти метров от меня, если только я не отдам другое приказание.

— Как прикажешь, Муаддиб!

Стилгар отправился выполнять поручение, а Пол уловил шепот охранников:

— Слышали?! Он знает! Никто ему не докладывал, но он знает!

Снаружи послышался шум, сопровождающий приближение императорской свиты. Сардукары, поддерживая свой боевой дух, напевали в такт шагам маршевые мелодии. Мимо охраны прошел Гурни Хэллек. На несколько секунд он задержался возле Стилгара и что-то сказал ему, потом подошел к Полу. Глаза его хранили странное выражение.

«Потеряю ли я и Гурни? — подумал Пол. — Так же, как потерял в Стилгаре друга, получив взамен почитателя».

— Метательного оружия у них нет, — сказал Гурни. — Я убедился в этом лично. — Он оглядел Пола. — С ними Фейд-Раус. Может, отделить его от остальных?

— Оставь так.

— Среди них есть несколько людей Союза. Они требуют особых привилегий, угрожая наложить на Арраки эмбарго. Я обещал передать тебе их слова.

— Пусть угрожают.

— Пол! — прошептала за спиной Джессика. — Он ведь говорит о Союзе!

— Я вырву у них клыки, — сказал Пол.

И он подумал о Союзе — сила, настолько ограничившая свои усилия, что стала паразитом, неспособным существовать независимо от жизни, которая их питала. Никогда они не осмеливались взяться за меч и теперь не осмелятся. Они ограничили своих навигаторов спектральным предвидением и поставили их в зависимость от меланжа. Они могли бы захватить Арраки, когда обнару-

жили свою ошибку. Но они не сделали этого. Они предпочли жить сегодняшним днем, надеясь на то, что море спайса, в котором они купались, произведет нового хозяина, когда умрет старый.

Навигаторы Союза, наделенные ограниченным предвидением, приняли фатальное решение: они всегда выбирали ясный, безопасный курс, который непременно веде вниз, к застою.

«Пусть поближе посмотрят на своего нового хозяина», — подумал Пол.

— Среди них Преподобная мать, Бене Гессерит, которая говорит, что она друг твоей матери.

— У моей матери нет друзей среди Бене Гессерит.

Оглядевшись по сторонам, Гурни наклонился к самому уху Пола:

— С ними Зуфир Хават, мой господин. У меня не было возможности увидеться с ним насидне, но пользуясь нашим старым ходом, он сказал мне, что работал с Харконненами только потому, что считал вас погибшим. Говорит, чтобы его оставили с ними.

— Ты оставил Зуфира с этими!..

— Он сам этого хотел, и я подумал, что так будет лучше: так нам легче его контролировать. И кроме того, у нас будет ухо в стане врагов.

Пол вспомнил, что образы предвидения говорили ему о возможности этой минуты. Но была также одна временная линия, согласно которой Зуфир прятал отравленную иглу, ту, что император приказал использовать против выскочки-герцога.

Охрана у входа расступилась, образовав узкий коридор из пик. Шелест одежд и шум шагов сделались явственнее.

Император Шаддам IV ввел в холл своих людей. Его шлембурсег был потерян, рыжие волосы спутаны. Левый рукав формы лопнул по шву. Он был без пояса и без оружия, но ореол величия окружал его, точно защитное поле, заставляя всех расступаться перед ним.

Пики Свободных сомкнулись перед ним в том месте, на котором велел остановить его Пол. Остальные сгрудились вокруг — разномастная шушукующая толпа, напряженные лица.

Пол obeжал ее взглядом, увидел женщин со следами слез на щеках, лакеев, привыкших радоваться победам сардукаров, а теперь раздавленных поражением. Пол увидел по-птичьи яркие глаза Преподобной матери Гайус Хэлен Моахим, пристально глядевшие из-под черного капюшона, а рядом узкие и пронзительные глаза Фейд-Рауса Харконнена.

Потом он посмотрел мимо Фейд-Рауса, привлеченный каким-то движением, и увидел узкое василискообразное лицо, никогда раньше им не виденное — ни в предвидениях, ни наяву. Он чувствовал, что ему следовало бы знать это лицо, и чувство это заключало в себе укол страха.

«Почему я должен бояться этого человека?» — недоумевал он.

Он наклонился к матери и прошептал:

— Тот человек дьявольского вида, что стоит слева от Преподобной матери, — кто он?

Джессика посмотрела в указанном направлении и узнала лицо из досье герцога.

— Граф Фенринг. Генетический евнух и убийца.

«Императорский мальчик на побегушках», — подумал Пол. И мысль эта сковала его сознание своей неожиданностью, потому что императора он видел в бесчисленных вариантах, цепью протянувшихся через возможное будущее, но никогда, ни разу, предвидение не показывало ему графа Фенринга.

И тогда Полу пришла в голову мысль о том, что он видел себя мертвым в бесчисленных нитях временной паутины, но никогда не видел мгновения своей смерти.

«Может быть, образ этого человека не посетил меня именно потому, что он — тот, кто меня убивает?» — подумал Пол.

У него зародились дурные предчувствия. Он отвел взгляд от Фенринга, разглядывая теперь оставшихся в живых сардукаров, солдат и офицеров, подмечая в них боль поражения и отчаяние. И все же, отметил Пол, были среди них и другие лица, внимательные, придирчиво вглядывающиеся в каждую деталь обстановки холла — лица людей, строивших планы, как превратить свое поражение в победу.

Внимание Пола привлекла высокая белокурая женщина, зеленоглазая, с патрицианским лицом, классическим в своем совершенстве, не тронутое слезами, совершенно не задетое горечью поражения. Пол, хотя ему и не говорили об этом, уже знал, кто она такая: принцесса по рождению, Бене Гессерит по образованию, та, чье лицо являлось ему во многих видениях, дочь императора — Ирулэн.

«Вот мой путь», — подумал он.

Потом он увидел Зуфира Хавата: все те же, отмеченные временем черты, губы в черных пятнах, согбенные плечи.

— Там Зуфир Хават, — сказал Пол Гурни. — Пусть он встанет отдельно.

— Но, сир... — начал было Хэллек.

— Пусть он встанет отдельно, — повторил Пол.

Гурни кивнул.

Едва пики Свободных разомкнулись, Хават неуклюже двинулся вперед, не отрывая от Пола изучающего взгляда.

Пол тоже сделал шаг вперед и почувствовал, как императора и его людей охватило напряженное ожидание.

Хават отвел глаза от Пола и сказал:

— Леди Джессика, сегодня я понял, как несправедлив был к вам в своих мыслях. Я не заслуживаю прощения.

Пол ждал, но его мать хранила молчание.

— Зуфир, старый друг! — сказал Пол. — Как видишь, я не сижу спиной к двери.

— У Вселенной много дверей, — возразил Хават.

— Похож я на своего отца?

— Больше смахиваешь на деда, — буркнул Хават. — У тебя его манеры и тот же взгляд.

— И все же я сын своего отца. Ибо я говорю тебе, Зуфир, что в уплату за годы твоей службы моей семье ты можешь теперь просить у меня все, что пожелаешь. Абсолютно все. Если тебе нужна моя жизнь, Зуфир, она — твоя! — Пол сделал еще шаг вперед, держа руки по швам и следя за тем, как в глазах Хавата разгорается огонек понимания.

«Он понимает, что я знаю о заговоре», — подумал Пол.

Понизив голос до полусшепота, так, чтобы только Хават мог его слышать, Пол сказал:

— Я говорю серьезно, Хават. Если ты намерен сразить меня, сделай это сейчас.

— Я бы ничего не хотел, кроме как снова встать рядом с вами, мой герцог, — проговорил Хават. И Пол только теперь заметил, что старик делает над собой невероятные усилия, чтобы не упасть. Пол взял его за плечи, поддерживая.

— Больно, старый друг? — спросил Пол.

— Больно, мой герцог, — подтвердил Хават, — но радость сильнее боли. — Он повернулся в руках Пола и вытянул левую руку ладонью кверху — по направлению к императору. Между его пальцами блеснула крошечная игла. — Видите, Ваше величество? — спросил он. — Видите вашу предательскую иглу? И вы думаете, что я, отдавший всю жизнь служению Атридесам, причину им сейчас зло?

Старик задохнулся, и Пол вздрогнул, почувствовав смерть, излучаемую обмякшим телом. Очень осторожно Пол опустил Хавата на пол, выпрямился и знаком велел охране унести его.

Пока его приказ выполняли, в холле стояла ничем не нарушаемая тишина.

На лице императора застыло выражение ожидания с оттенком страха, никогда неведомого императору.

— Ваше величество, — сказал Пол и отметил удивленное внимание, промелькнувшее на лице высокой принцессы. Произнесенное им слово было подвергнуто тщательному анализу по методу Бене Гессерит, и от нее не ускользнула ни одна мельчайшая деталь презрительной и мрачной интонации голоса Пола.

«Истая Бене Гессерит», — отметил Пол.

Император откашлялся:

— Возможно, мой уважаемый родственник полагает, что может действовать сейчас, как ему заблагорассудится. Но это совершенно не отвечает действительному положению вещей. Вы нарушили Великую конвенцию, использовав атомное оружие против...

— Я использовал атомное оружие против естественной преграды в пустыне, — сказал Пол. — Она находилась на моем пути, а я спешил на свидание с вами, Ваше величество, чтобы попросить объяснения некоторых странных аспектов вашей деятельности.

— Сейчас в космическом пространстве над планетой находится огромная армия представителей Великих домов. Стоит мне сказать лишь слово...

— Ах, да!— сказал Пол.— Я почти совсем забыл об этом.— Он принялся оглядывать свиту императора, и когда в поле его зрения попали двое людей Союза, он громко спросил у Гурни:— Это и есть агенты Союза, Гурни, вон те два толстяка?

— Да, мой господин.

— Вы двое!— сказал Пол, указывая на них.— Немедленно уберите отсюда и передайте мое распоряжение о том, чтобы весь этот флот отправлялся по домам. Впредь вы будете просить моего разрешения, прежде чем...

— Союз не повинуется вашим приказам,— завопил более высокий из них. Он и его спутник ринулись мимо пик, поднятых по приказу Пола. Они вышли вперед, и высокий сказал, глядя на Пола в упор.

— Вы можете оказаться под эмбарго за ваш...

— Если я услышу от вас еще какую-нибудь чепуху вроде этой, то прикажу уничтожить весь спайс на Арраки — навсегда.

Высокий агент опешил:

— Вы сумасшедший?— спросил он, отступая назад.

— Вы признаете, что сделать это в моей власти?

Агент Союза одно мгновение тупо смотрел в пространство, потом сказал:

— Да, вы могли бы это сделать, однако не сделаете.

— Поня-а-тно...— протянул Пол.— Вы оба навигаторы Союза?

— Да.

Другой агент сказал:

— Вы лишитесь дара предвидения, и все мы будем обречены на медленную смерть. Вы представляете, что значит оказаться лишенным спайсовой жидкости, когда она становится необходимой?

— Глаз, что смотрит вперед, выбирая безопасный путь, закрывается навсегда,— сказал Пол.— Союз больше ни на что не будет годен без спайса. Люди превратились бы в небольшие изолированные группы на изолированных планетах. Вы знаете, что я мог бы сделать это — от злобы или от скуки.

— Давайте обсудим этот вопрос в частной беседе,— сказал высокий.— Я уверен, что мы сможем прийти к компромиссному решению, которое...

— Пошлите распоряжения вашим людям! Я устал от этого бесполезного спора. Если тот флот, который кружит сейчас над нашими головами, не будет отведен в самое ближайшее время, тогда отпадет необходимость в каких бы то ни было переговорах вообще.— Он посмотрел на своего связиста.— Можете воспользоваться нашей аппаратурой.

— Вначале мы должны обсудить,— сказал высокий.— Мы не можем просто...

— Делайте то, что вам сказано!— загремел Пол.— Тот, кто мо-

жет уничтожить нечто, сохраняет над этим нечто абсолютный контроль. Вы должны согласиться, что хозяин положения я. Мы здесь не для того, чтобы торговаться, обсуждать или искать компромиссы. Или вы подчиняетесь моим приказаниям, или последуют немедленные меры!

— Он говорит серьезно,— сказал более низкий агент, и Пол услышал страх в его голосе.

Они медленно направились к аппаратам связи Свободных.

— Они подчинятся? — спросил Гурни.

— У них узкое видение времени. Они смотрят вперед и видят пустую стенку, как наказание за свое непослушание. Каждый навигатор Союза на каждом из кораблей, что висят над нами, видит все ту же стенку. Они подчинятся.

Пол обернулся к императору:

— Когда они позволили вам взойти на императорский трон, они были уверены в том, что спайс будет поступать бесперебойно. Вы обманули их ожидания, Ваше величество. Вы знаете, каково будет наказание?

— Никто мне не позволял...

— Прекратите валять дурака! — повысил голос Пол. — Союз подобен деревне у реки. Ему нужна вода, но он может лишь черпать сколько ему требуется. Он не может перекрыть реку и взять ее под свой контроль, потому что это привлекло бы внимание к его действиям и в конечном итоге привело бы к уничтожению реки. Спайсовый поток — его река, и я построил на нем дамбу. Но моя дамба такова, что вы не можете уничтожить ее, не уничтожив реку.

Император провел рукой по рыжим волосам и посмотрел вслед агентам Союза.

— Этого боится даже ваша Предсказательница правды Бене Гессерит, — сказал Пол. — Преподобная мать может использовать для своих трюков и другие яды, но как только начинаешь прибегать к помощи спайсового напитка, остальные яды перестают действовать.

Старая женщина плотнее запахнула черный плащ, пробилась сквозь толпу и остановилась перед самым барьером из пик.

— Преподобная мать Гайус Хэлен Моахим, — сказал Пол. — Мы не виделись очень давно, со времен Каладана, не так ли?

Она посмотрела на его мать и сказала:

— Да, Джессника, твой сын действительно нечто, я это вижу. Даже твоя мерзостная дочь — недостаточное наказание за твое послушание.

Сдерживая холодную ярость, переполняющую все его существо, Пол сказал:

— Вы никогда не имели ни права, ни повода наказывать мою мать.

Глаза старой женщины скрестились с его глазами.

— Не пробуй на мне свои фокусы, ведьма! — сказал Пол. —

Где же твой Гом Джаббар? Попытайся заглянуть в тот участок сознания, куда ты еще ни разу не осмелилась заглянуть! Ты найдешь там квизатца хедераха, взирающего на тебя!

Старая женщина опустила глаза.

— Тебе нечего сказать?

— Я приветствую тебя среди людей — только не запачкай их!

Пол возвысил голос:

— Посмотрите на нее, мои соратники! Это Преподобная мать Бене Гессерит, терпеливейшая из терпеливых. Она может ждать со своими сестрами девяносто поколений, пока нужная комбинация генов не произведет на свет того, кто им нужен для их планов. Посмотрите на нее! Теперь она знает, что девяносто поколений произвели наконец это лицо. Вот я стою перед нею, но я... никогда... не буду подчиняться... ее приказаниям!

— Джессика! — взвыла старуха. — Утихомирь его!

— Утихомирьте его сами! — отрезала Джессика.

Пол пристально посмотрел на старуху:

— За твою роль во всей этой истории я с радостью велел бы тебя удушить, — сказал он. — И ты не смогла бы избежать наказания! — Она окаменела от гнева, слушая эти слова. — Но я думаю, что наказанием для тебя будут годы жизни, в продолжение которых ты не сможешь ни прикоснуться ко мне, ни заставить меня сделать самой простой вещи, предписанной вашими планами.

— Что ты наделала, Джессика! — завопила старуха.

— Я дам вам только одно, — продолжал Пол. — Вы видели лишь часть того, что нужно расе, но как плохо вы это видели! Вы надеетесь держать под контролем браки и зачатия, чтобы производить генетический отбор для вашего великого плана! Как же мало вы смыслите в том, что...

— Ты не должен об этом говорить! — шикнула на него Преподобная мать.

— Молчать! — рявкнул Пол. Казалось, что это слово соткано из ткани: повинувшись воле Пола, оно будто повисло между ними в воздухе.

Старая женщина отшатнулась. Лицо ее отражало замешательство, вызванное необычайной силой его внушения.

— Джессика!... — прошептала она. — Джессика...

— Я помню твой Гом Джаббар, — сказал Пол. — Запомни же и ты мой: я могу убить тебя словом!

Свободные, стоящие вдоль стен холла, понимающе переглянулись. Разве не говорит легенда: «И слово его приносит смерть тем, кто будет противостоять истине».

Пол перевел взгляд на рослую принцессу, стоящую рядом с отцом-императором. Не сводя с нее пристального взгляда, он проговорил:

— Ваше высочество, мы оба знаем путь, который может избавить нас от затруднений.

Император посмотрел на свою дочь, потом снова на Пола.

— И ты смеешь? Ты! Авантюрист без роду, без племени...

— Вы сами определили, кто я такой,— прервал его Пол.— «Мой уважаемый родственник» — вот что вы сказали. Давайте прекратим эту бессмысленную ссору.

— Я — твой император! — вскричал Шаддам.

Пол посмотрел на людей Союза, стоящих у аппарата связи, повернувшись лицом к Полу. Один из них ответил на его взгляд кивком головы.

— Я мог бы взять у вас власть силой.

— Ты не посмеешь!.. — прошипел император.

Пол выразительно посмотрел на него.

Принцесса положила руку на плечо отца.

— Отец, — сказала она, и голос ее был мягким и нежным, как шелк.

— Не пробуй на мне свои фокусы, — сказал император и посмотрел на нее в упор. — Ты не должна этого делать, дочь. У нас есть другие возможности, которые...

— Но здесь есть человек, вполне достойный стать вашим сыном, — сказала она.

Преподобная мать вновь обрела хладнокровие, пробилась к императору и что-то зашептала ему в самое ухо.

— Она на твоей стороне, — сказала Джессика.

Пол продолжал изучать златокудрую принцессу.

— Это — Ирулэн, старшая дочь императора? — уточнил он у матери.

Та утвердительно кивнула. Чани подошла к Полу и спросила:

— Ты хочешь оставить меня, Муаддиб?

Он посмотрел на нее непонимающе:

— Оставить?! Ты теперь всегда будешь рядом со мной.

— Нас ничто не связывает, — с трудом проговорила Чани.

Несколько мгновений Пол молча смотрел на нее, потом сказал:

— Всегда говори мне только правду, моя сихайя.

Она хотела что-то ответить, но он приложил палец к ее губам:

— То, что нас связывает, нерушимо. А теперь обдумай это повнимательней, так как я хочу видеть все происходящее в этой комнате сквозь призму твоей мудрости.

Император и Предсказательница правды продолжали свой тихий, но жаркий спор.

Пол сказал матери:

— Она напоминает ему, что возведение на трон Бене Гессерит является частью их соглашения, а Ирулэн — одна из тех, кого они для этого взрастили.

— Это входило в их планы?

— А разве это не очевидно?

— Признаки этого я вижу! — вскипела Джессика. — Целью моего вопроса было напомнить тебе, что ты не должен учить меня тому, что я сама тебе когда-то внушала.

Гурни Хэллек, наклонившись к ним, сказал:

— Напоминаю вам, мой господин, что среди этой банды есть Харконнен.— Он кивнул в сторону Фейд-Раусса, прижатого к барьеру из пик.— Вон тот, слева, с колючими глазами. Самое дьявольское лицо, какое я когда-либо видел. Вы обещали мне однажды, что...

— Благодарю тебя, Гурни,— сказал Пол.

— Правда, это не барон... Но теперь, когда старик мертв, мне сгодится и этот.

— Ты можешь победить его в поединке, Гурни?

— Мой господин сомневается?!

— Тебе не кажется, мама, что спор между императором и его колдуньей слишком затянулся?

— Несомненно.

Возвысив голос, Пол обратился к императору:

— Ваше величество, есть ли среди ваших людей Харконнены?

В том, как император обернулся и посмотрел на Пола, снова проявилась надменность монарха.

— Я верю в то, что все, кто меня окружает, находится под защитой вашего герцогского слова.

— Я лишь хотел узнать,— сказал Пол,— входит ли Харконнен в вашу свиту или прячется там из трусости.

— Любой, приглашенный в имперское собрание, является членом моей свиты,— уклончиво ответил император.

— Я сдержу слово герцога — сказал Пол.— Но Муаддиб — другое дело. Он может и не разобраться в таких тонкостях. Мой друг Гурни Хэллек горит желанием убить Харконнена. Если он...

— Я требую канли!— вскричал Фейд-Раус.— Ты называешь меня трусом, Атридес, а сам прячешься за женщинами и предлагаешь выставить против меня своего лакея!

Старая Предсказательница правды что-то прошептала на ухо императору, но он оттолкнул ее:

— Канли?! Для канли существуют строгие правила.

— Пол, немедленно прекрати!— строго сказала Джессика.

— Мой господин,— сказал Гурни,— вы обещали мне, что пробьете и мой час.

— Твой час уже пробил,— сказал Пол и почувствовал в себе непринужденность арлекина. Он сбросил с плеч плащ и капюшон и передал их матери. Он чувствовал, что вся Вселенная сосредоточила свое внимание на этом мгновении.

— В этом нет нужды, Пол,— пробовала остановить его Джессика.— Есть другие пути.

Пол освободился от стилсьюта, взял у матери ножны и вынул из них криснож.

— Я это знаю,— сказал он.— Яд, заговор — испытанные семейные способы...

— Вы обещали Харконнена мне!— прошипел Гурни, и Пол по выражению его лица и по тому, как напрягся и сделался багровым его шрам, понял, что Гурни охвачен яростью.— Вы должны его мне, мой господин.

— Ты пострадал от них больше, чем я?

— Моя сестра... — выдохнул Гурни. — Годы, проведенные в под-земелье...

— Мой отец... — ответил Пол. — Мои хорошие друзья и товарищи, Зуфир Хават и Дункан Айдахо, годы, проведенные в изгнании без привилегий и помощи... и еще одно, самое главное: это — канли, а ты не хуже моего знаешь правила.

Плечи Хэллека поникли.

— Мой господин, но если эта свинья... он ведь только тварь, которую вам бы следовало топтать и пинать ногами — до тех пор, пока она не издохнет. Назовите меня палачом, если хотите, но не рискуйте собой!..

— Муаддibu нет нужды это делать, — сказала Чани.

Он посмотрел на нее и увидел одни глаза, полные безумного страха.

— Но герцогу Атридесу — есть! — возразил Пол.

— Это же харконненское отродье! — отчаянно выдохнул Гурни.

Пол едва не сказал о своей принадлежности к роду Харконненов, но сдержался, остановленный предостерегающим взглядом матери.

— Но оно облечено в человеческий образ, Гурни, и должно платить по-человечески.

— Если только он... — не сдавался Гурни.

— Отойди, пожалуйста, — попросил его Пол. Он поднял криснож и легким движением руки отстранил Хэллека.

— Не отвлекай его, Гурни! — Джессика тронула трубадура за руку. — Это единственное, что ты сейчас можешь для него сделать. — И она подумала: «Великие Боги! Что за ирония судьбы!»

Император изучил Фейд-Рауса, отметив его атлетическое сложение, и перевел взгляд на Пола — худощавый юнец, хотя и не такой высохший, как уроженец Арраки: ребра его можно пересчитать, и каждый мускул виден под кожей.

Джессика наклонилась к Полу и, понизив голос так, что только он один мог ее слышать, сказала:

— Хочу кое-что подсказать тебе, сын. Иногда опасных людей готовят по методу Бене Гессерит: в глубочайшие уголки сознания закладывается слово с помощью старого приема боли или удовольствия урошнор, особое кодовое слово. Если этот субъект, как я предполагаю, был подготовлен, это слово, будучи напечатано ему в ухо, должно расслабить его мускулы и...

— Я не хочу никаких преимуществ, — сказал Пол. — Дай мне пройти!

Гурни сказал ей:

— Зачем он это делает? Не собирается же он дать себя убить и заслужить тем самым мученический венец? Может, религиозная болтовня Свободных затуманила ему мозги?

Джессика закрыла лицо руками, сознавая, что не знает истинных причин, побудивших Пола принять этот вызов. Она ощутила

присутствие смерти в этой комнате и знала, что этот, изменившийся, Пол был способен на то, что предполагал Гурни. Она лишь сфокусировала сознание на одной цели — защитить сына, но сделать ничего не могла.

— Так, значит, дело в религиозных бреднях?— допытывался Гурни.

— Молчи,— прошептала Джессика,— и молись...

По лицу императора промелькнула мимолетная улыбка.

— Фейд-Раус Харконнен — член моей свиты. Если он хочет биться, пожалуйста. Я освобождаю его от всех его обязанностей и предоставляю ему свободу выбора.— Император указал на охранников-фейдайкинов.— Кто-то из этой черни отобрал у меня пояс и короткий кинжал. Если Фейд-Раус пожелает, он может биться моим кинжалом.

— Я желаю этого,— сказал Фейд-Раус, и Пол отметил на лице соперника выражение радости.

«Он слишком уверен в себе — в этом его слабость. Но это мое естественное преимущество, и я могу его принять»,— решил про себя Пол.

— Принесите кинжал императора,— сказал Пол и проследил за тем, как выполняется его приказ.— Положите его вот здесь,— он указал на пол у своих ног.— Разместите людей императора вдоль стены и пропустите Харконнена.

Шелест одежды, топот ног, тихие голоса команд, протесты фейдайкинов, вынужденных им повиноваться, последовали за словами Пола. Люди Союза остались стоять возле коммуникационного оборудования, глядя на Пола в явной нерешительности.

«Они привыкли видеть будущее,— подумал Пол.— В этом месте и в данный момент они слепы, и даже я сам...» Он опробовал временные потоки, чувствуя их беспорядочность и то, как яростно они закружились здесь, нацеленные на это место-мгновение. Даже слабые бреши были закрыты. Здесь было средоточие будущего джихада, он это знал. Здесь было расовое сознание, познанное им однажды, как его собственная ужасная цель. Здесь была причина, достаточная для Квизатца Хедераха, или Лизана ал-Гаиба, или даже для хромающего плана Бене Гессерит. Раса людей почувствовала собственную спячку, свою заплесневелость и понимала только одно: ей необходим тот опыт беспорядка, в котором гены могут смешаться, чтобы дать новые сильные соединения. Все люди существовали сейчас как единый бессознательный организм, излучая нечто вроде сексуального жара такой силы, что он мог преодолеть любой барьер.

И понял Пол, насколько бесполезны все его усилия по изменению даже мельчайших деталей происходящего. Он надеялся воспрепятствовать джихаду внутри себя, но джихад неизбежен. Его легионы двинутся с Арраки даже и без него. Им нужна лишь легенда, а он уже стал ею. Он указал им путь, дал им преимущество над самим Союзом, который не мог существовать без спайса.

Предчувствие неудачи охватило его, и сквозь него, как сквозь туман, он увидел, что Фейд-Раус Харконнен выскользнул из порванной формы и остался в гимнастическом костюме.

«Это — перелом, — подумал Пол. — Отсюда открывается путь в будущее, и облака сойдутся в нечто похожее на венец славы. И если я умру здесь, они станут говорить, что я пожертвовал собой ради того, чтобы мой дух мог повести их за собой. А если я выживу, они скажут, что никто не может противостоять Муаддибу».

— Готов ли Атридес? — выкрикнул Фейд-Раус, следуя древнему ритуалу канли...

Пол ответил ему по обычаю Свободных:

— Пусть твой нож притупится и расколется! — Он указал на лежащий на полу кинжал императора, давая понять, что Фейд-Раус может его взять.

Внимательно наблюдая за Полом, Фейд-Раус поднял кинжал и какое-то мгновение взвешивал его в руке, привыкая к нему. Его обуял восторг. Вот драка, о которой он мечтал, — мужчина против мужчины, мастерство против мастерства, и никакие защитные поля не будут мешать бою. Он понимал, что перед ним открывается путь к власти, что император наверняка наградит того, кто убьет этого, причиняющего столько беспокойства герцога. Наградой может быть даже рука надменной принцессы и часть трона. А этот деревенщина-герцог, этот неотесанный авантюрист вряд ли будет опасен для Харконнена, который провел многие сотни боев на арене и познал все хитрые уловки и вероломство. К тому же этот увалень не знает, что ему придется иметь дело не только с ножом.

«Поглядим, насколько ты непроницаем для яда», — подумал Фейд-Раус. Он отсалютовал Полу кинжалом императора и сказал:

— Встречай свою смерть, болван!

— Начнем, братец? — кротко спросил Пол. Он сделал скользящий шаг вперед, не сводя глаз с направленного на него кинжала, низко пригнувшись над молочно-белым лезвием собственного крисножа и держа его так, как будто он был продолжением руки.

Они кружили друг против друга, неслышно ступая по полу босыми ногами, напряженно ожидая, не раскроется ли противник хоть чуть-чуть, чтобы можно было нанести удар.

— До чего же ты красиво танцуешь! — засмеялся Фейд-Раус.

«Он — болтун, — подумал Пол. — Это еще одна его слабость. Мое молчание вызывает в нем тревогу».

— Ты что, уже исповедуешься перед смертью? — спросил Фейд-Раус.

Пол продолжал молча кружить вокруг него.

Старая Преподобная мать, наблюдая за борьбой из толпы, окружавшей императора, почувствовала, что ее бросило в дрожь. Когда этот юнец Атридес назвал Харконнена братцем, это могло означать только одно: он знал, что у них общие предки, легко поняв это потому, что был квизатцем хедерахом. Но слова эти заставили ее сосредоточиться на том единственном, что привело ее сюда.

Для плана Бене Гессерит это может стать ужасной катастрофой.

Она видела кое-что из того, что видел Пол: Фейд-Раус может убить, однако победителем он стать не может. Но ошеломила ее другая мысль: два конечных продукта долговременной и дорогостоящей программы встретились друг с другом в смертельной схватке, которая могла унести их обоих. А если они оба умрут, то у ордена останется только незаконнорожденная дочь Фейд-Рауса, младенец, еще безвестный и непроверенный, и эта мерзавка Алия.

— Возможно, у вас здесь языческие обычаи, — куражился Фейд-Раус, — и ты не хочешь, чтобы Предсказательница правды императора приготовила твой дух к путешествию на небо.

Пол улыбнулся и сделал выпад вправо. Его мрачные мысли усилились, подстегиваемые напряженностью минуты.

Фейд-Раус подался вперед и сделал обманное движение правой рукой, после чего молниеносно перекинул нож в левую.

Пол без труда уклонился, заметив в движении Фейд-Рауса чуть легкую замедленность, вызванную привычкой драться под защитой силового поля. И все же эта привычка не была такой сильной, как у других, с кем Полу приходилось иметь дело. И он понял, что Фейд-Раусу приходилось встречаться и с незащищенными противниками.

— Атридес, ты побежишь или будешь сражаться? — насмехался Фейд-Раус.

Пол продолжал молча кружить возле него. В его памяти всплыли слова Айдахо, сказанные им когда-то давно, еще на учебной площадке Каладана: «Используй первые минуты для изучения. Возможно, ты упустишь шансы на скорую победу, но зато внимательное изучение — гарантия конечного успеха. Пользуйся временем и готовь себя к решающему удару».

— Ты, наверно, думаешь, что этот твой танец продлит твою жизнь на несколько мгновений, — иронизировал Фейд-Раус. — Как это умно с твоей стороны! — Он перестал кружить и выпрямился.

На первое время Пол узнал достаточно. Фейд-Раус предпочитал двигаться влево, слегка выставив правое бедро вперед, как если бы легкий чешуйчатый щит мог защитить всю правую часть его тела. Это была манера человека, привыкшего действовать с ножом в каждой руке под защитой поля.

«А может, щит на самом деле шире, чем кажется?» — подумал Пол. Очень уж уверенно держится Харконнен в поединке с вождем, который сумел привести своих людей к победе над сардукарами.

От Фейд-Рауса не укрылись его колебания.

— Зачем оттягивать неизбежное? — глумился он. — Ты напрасно хочешь лишить меня удовольствия разделаться с этим комом глины.

«Если это метательное оружие, — размышлял Пол, — то оно очень хитроумное. Непохоже, чтобы эту рукоятку можно было разъединить».

— Почему ты не отвечаешь? — злился Фейд-Раус.

Пол возобновил свои зондирующие круги, позволив себе холодную усмешку при виде запальчивости противника, выдававшей его тревогу.

— Смеешься? — взъярился Фейд-Раус и сделал полувыпад.

Сделав поправку на замедленность движения, Пол едва избежал прикосновения лезвия, почувствовав лишь легкий укол в левую руку. Он успокоил возникшую в этом месте боль. Теперь он понимал, что прежнее поведение Фейд-Рауса было лишь трюком, сверхпритворством: Фейд-Раус был более сильным противником, чем думал Пол. От него можно было ожидать трюков внутри трюков.

— Кое-чему из того, что я умею, меня научил твой любимый Зуфир Хават, — сказал Фейд-Раус. — Он научил меня хладнокровию. Очень жаль, что старый дурак не дожил до этой минуты.

И Пол вспомнил, как Айдахо когда-то сказал: «Ожидай только того, что случается в поединке. Тогда ничему не придется удивляться».

И снова они пригнулись и настороженно закружили друг возле друга.

Пол увидел, что к его противнику вернулось приподнятое настроение, и удивился этому. Неужели его так вдохновила эта царалина? А что, если на лезвии был яд? Но как он мог там очутиться? Его люди проверяли оружие и исследовали его снупером, прежде чем разрешить им пользоваться. Они были слишком хорошо обучены, чтобы пропустить такую очевидную вещь, как яд.

— Женщина, с которой ты болтал, — не унимался Фейд-Раус. — Та, маленькая... Она что, твоя любовница? Она стоит моего особого внимания?

Пол ничего не ответил. Он исследовал свое тело, изучая кровь, выступившую из раны, ища следы наркотика с императорского кинжала. Он перестроил собственный метаболизм, противопоставляя его угрозе и изменяя молекулы наркотика. И все же он сомневался. Они нанесли на лезвие кинжала наркотик! Не такой, что мог бы встревожить снупер, но достаточно сильный, чтобы вызвать заледенение мускулов. Его враги имели свои планы внутри планов, собственные пути предательства.

И снова Фейд-Раус устремился вперед, сделав выпад.

Пол с застывшей улыбкой на лице притворился, что его движения замедлились под действием наркотика, но в последнее мгновение увернулся и встретил вражескую руку с кинжалом острием крисножа.

Фейд-Раус отскочил в сторону, перекинув клинок в левую руку, и лишь легкая бледность щек выдала, что он испытывает боль в месте укола.

«Пусть познает момент сомнения, — подумал Пол. — Пусть заподозрит яд».

— Предательство! — закричал Фейд-Раус. — Он отравил меня! Я чувствую яд в моей руке!

Пол сбросил броню молчания:

— Лишь немного кислоты, чтобы посчитаться за наркотик на императорском кинжале!

Фейд-Раус наградил Пола холодной усмешкой и поднял кинжал в насмешливом салюте. Его глаза горели огнем.

Пол переложил нож в левую руку, следуя за противником. И снова они закружили, выбирая момент для удара.

Фейд-Раус, постепенно уменьшая расстояние между ними, описывая все меньшие и меньшие круги, держал нож в поднятой руке. В прищуренных глазах и выдвинутой вперед челюсти таилась злоба. Он сделал ложный выпад, подавшись вперед и вправо, и они оказались прижатыми друг к другу, с напряженно сжимающими ножи руками.

Пол, настороженно следивший за правым бедром Фейд-Рауса, где, как он подозревал, был спрятан дротик с ядом, вынужден был податься вправо. В своем стремлении разглядеть блеск отравленной иглы за поясом Фейд-Рауса Пол едва избежал смертельной опасности.

Крошечное острие едва не коснулось его тела.

«На левом бедре!»

Предательство внутри предательства, напомнил себе Пол. Пользуясь способностью тренированных по системе Бене Гессерит мускулов, он расслабился, надеясь на автоматизм движений Фейд-Рауса, но необходимость уйти от крошечного острия, выступающего на бедре противника, заставила его резко отшатнуться. Он оступился и оказался на полу, под Фейд-Раусом, навалившимся сверху.

— Ты видел его на моем бедре? — прошипел Фейд-Раус. — Это твоя смерть, дурак. — Он принялся изгибать свое тело, все больше приближая иглу. — Я парализую твои мускулы, а мой нож прикончит тебя. И не останется никаких следов!

Пол напрягся, слыша молчаливый вопль в своем мозгу: разум всех поколений его предков, заключенных в клетках мозга, требовал, чтобы он использовал секретное слово для замедления движений Фейд-Рауса, спасая тем самым самого себя.

— Я не произнесу его! — выдохнул Пол.

Фейд-Раус воззрился на него, и изумление заставило его заколебаться на какое-то мгновение. Но для Пола этого было достаточно. Он успел обнаружить слабость равновесия в одном из мускулов ноги противника, и вот они уже поменялись местами. Фейд-Раус оказался на полу, лежа правым бедром кверху, неспособный повернуться из-за крошечной острой иглы, вонзившейся в пол.

Пол изогнулся, высвободил левую руку — выступившая на ней кровь уменьшила трение, и это помогло ему, — и ударил Фейд-Рауса в челюсть. Острие крисножа впилося тому в голову. Фейд-Раус дернулся и откинулся назад.

Глубоко вздохнув, чтобы восстановить дыхание, Пол вскочил на ноги. С ножом в руке он стоял над телом и медленно поднимал голову, пока не встретился взглядом с стоящим напротив него императором.

— Ваше величество, — сказал Пол, — вы опять понесли урон. Может быть, откинем теперь притворство и амбиции? Может быть, обсудим, как быть дальше? Ваша дочь выйдет за меня замуж, и это откроет Атридесам путь на трон.

Император обернулся и посмотрел на графа Фенринга. Граф устремил на него свои серые с зеленым глаза. Они так давно знали друг друга, что им было довольно и одного взгляда, чтобы понять один другого.

«Убей для меня этого выскочку, — требовал взгляд императора. — Атридес юн и силен — это так, но он устал после утомительной борьбы и не сможет тебе противостоять. Вызови его сейчас... ты знаешь, как это делается. Убей его!»

Фенринг отыскал Пола взглядом.

— Давай же! — прошипел император.

Граф смотрел на Пола глазами своей жены, леди Марго, обученной способу Бене Гессерит, и постигал тайну и скрытое величие юного Атридеса.

«Я мог бы его убить», — подумал Фенринг, и он знал, что это — правда.

Граф прикинул свои преимущества перед Полом: опыт, не свойственный юности, непроницаемость и мотивы, проникнуть в которые не дано ничьему взгляду. Его остановило тайное нечто, скрытое в его душе.

Пол, увидевший кое-что из этого сгушения временных связей, понял, почему он никогда не видел Фенринга в паутине своих видений: евнух и сам был таким, как он, почти квизатцем хадерахом, искалеченным генетическим моделированием. Глубокая жалость к графу охватила душу Пола, и он испытал новое для себя чувство братства.

Фенринг, прочтя чувства Пола, сказал:

— Ваше величество, я вынужден отказаться.

Гнев охватил Шаддама IV. Сделав два коротких шага, он с силой ударил Фенринга в подбородок.

Лицо Фенринга потемнело. Он посмотрел прямо в глаза императору и намеренно будничным тоном проговорил:

— Мы были друзьями, Ваше величество, мой отказ противостоит узам дружбы. Я забуду о том, что вы меня ударили.

Кашлянув, Пол напомнил о себе:

— Мы говорили о троне, Ваше величество...

Император круто обернулся и бросил на Пола злобный взгляд.

— На троне сижу я! — отрезал он.

— У вас будет трон на Салузе Второй.

— Я прихожу сюда без оружия, полагаясь на ваше слово! — крикнул император вне себя от ярости. — А вы осмеливаетесь...

— В моем присутствии вам ничто не угрожает. Это обещал вам герцог Атридес, а Муаддиб приговорил вас к ссылке на вашей планете-тюрьме. Но не бойтесь, Ваше величество. Я скрашу суровость тех мест с помощью всех имеющихся у меня средств. Пла-

нета станет цветущей, полной радости и света.

Когда смысл этих слов дошел до сознания императора, он бросил на Пола мрачный взгляд.

— Теперь истинные ваши мотивы мне понятны! — бросил он.

— Я очень рад.

— А что будет с планетой Арраки? Еще один цветущий мир, полный радости и света?

— Свободные получили то, что обещал им Муаддиб. Здесь будет много воды, которая падает с неба, и зеленые оазисы, изобилующие красивыми растениями. Но мы должны подумать и о спайсе. Поэтому на Арраки сохраняются и участки пустыни с их свирепыми ветрами и испытаниями, способные закалить дух человека. У нас, Свободных, есть поговорка: «Бог создал Арраки, чтобы воспитать преданность». Нельзя идти против созданного Богом.

Старая Предсказательница правды по-своему расшифровала скрытый смысл слов Пола — она угадала за ними джихад.

— Ты не должен выпускать этих людей во Вселенную!

— Подумай лучше о радостях правления сардукаров! — съязвил Пол.

— Ты не смеешь!.. — прошипела она.

Он посмотрел на Ирулэн, потом на императора.

— Вам лучше поторопиться, Ваше величество.

Император устало взглянул на дочь. Она коснулась его руки и ласково проговорила:

— Для этого меня и готовили, отец.

Он тяжело вздохнул.

— Вы не можете этому помешать, — прошептала старуха.

Император выпрямился, возвращая своему взгляду утраченное достоинство.

— Кто будет вести ваши торговые дела, родственник? — спросил он.

Пол обернулся и увидел, что его мать стоит рядом с Чани в окружении федайкинов. Он подошел к ним и остановился.

— Я знаю причину, — прошептала Чани. — Раз это так нужно, Узул...

Пол услышал в ее голосе скрытые слезы и дотронулся до ее щеки.

— Моей сихайе ничего не нужно бояться, — прошептал он и посмотрел на мать. — Ты будешь заниматься торговлей, мама, а Чани будет помогать тебе. У нее светлая голова и острый глаз. Как гласит мудрость пустыни, нет сделки прочнее, нежели сделки, заключенной Свободными. Она будет смотреть сквозь призму своей любви ко мне и думать о том, что нужно ее будущим сыновьям. Слушайся ее.

Джессика, почувствовавшая твердую решимость сына, с трудом уняла дрожь.

— Каковы будут инструкции?

— Вся императорская компания СНОАМ переходит ко мне — в качестве приданого.

— Вся? — она на минуту лишилась дара речи.

— Правление будет лишено полномочий. Директором я назначаю Гурни Хэллека; кроме того он получит дворянский титул и планету Каладан в личное владение. Каждый из оставшихся в живых людей Атридесов, не исключая простых солдат, получит дворянский титул и почетную должность.

— А что будет со Свободными?

— Предоставь это мне. Все, что получают Свободные, даст им Муаддиб. Со временем Стилгар станет правителем Арраки, но с этим можно и подождать.

— А я? — спросила Джессика.

— Чего бы ты сама пожелала?

— Возможно, я переселюсь на Каладан, — ответила она и посмотрела на Гурни. — Впрочем, я не уверена, слишком много во мне теперь от Свободной... и от Преподобной матери. Мне нужно время и спокойствие, чтобы все обдумать.

— Это у тебя будет. И все остальное, что только можем дать я или Гурни.

Джессика кивнула, почувствовав себя внезапно постаревшей и усталой. Пришло время вспомнить о Чани.

— А для императорской наложницы?

— Мне не нужно никаких титулов, — прошептала Чани. — И вообще ничего, что я могла бы попросить у тебя.

Пол заглянул в ее глаза и вспомнил, как она стояла с маленьким Лето на руках, с их умершим в этом жестоком мире ребенком.

— Я клянусь, — прошептал он, — что тебе никогда не понадобится титул. Та женщина будет моей женой, а ты — только наложницей, потому что это политический шаг и потому что мы должны установить мир между Великими домами ландсраата. Мы должны повиноваться внешним обстоятельствам. Но принцесса никогда не получит от меня ничего, кроме имени, — ни ребенка, ни ласкового слова или прикосновения, ни мгновения желания.

— Ты говоришь это сейчас, — сказала Чани и посмотрела на красавицу-принцессу, стоящую на противоположном конце помещения.

— Неужели ты так плохо знаешь моего сына? — прошептала Джессика. — Посмотри на эту принцессу, такую самоуверенную и надменную. Говорят, что у нее есть писательский талант. Будем надеяться, что он станет для нее утешением, всего остального у нее будет очень мало. — Джессика горько усмехнулась. — Подумай об этом, Чани. Эта принцесса получит его имя, но будет жить гораздо хуже, чем наложница, никогда не зная минуты нежности с мужчиной, с которым она связана узами брака. А нас, Чани, нас, которых называют любовницами, история назовет женами.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Дюна	3
2. Проба оружия	165
3 Пророк	309

ФРЭНК ХЕРБЕРТ

"Первые войны пустыни". /"Библиотека зарубежного крим. и прикл.
романа" Выпуск 1*/.

Художественный редактор А.САЯПИН
Технический редактор Л.ЗАИЧКИНА, И.ТЫРВА

"МЕЛОР". ЕЕ0601. Эстония, г.Таллинн, а/я 3515.

ЛР N06693 от 7 июня 1993г. Сдано в набор 7.06.94г. Подписано в печать 21.07.94 г.
Формат бумаги 60×90 1/16. Бумага офс. № 2. Гарнитура «Таймс». Печать оф-
сетная. Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 27,1. Заказ № 3494. Тираж 25 000 экз. За-
казное.

Качество печати соответствует качеству диапозитивов, представленных издательст-
вом.

Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате Комитета Рос-
сийской Федерации по печати. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

1*